

А. Бугаев

**Очерки истории
гражданской войны на Дону**

(февраль – апрель 1918 г.)

**Ростов-на-Дону
2014**

УДК 94(47)
ББК 63.3
Б90

Б 90 **Бугаев А.**
Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль – апрель 1918 г.). – Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2014. – 384 с.

ISBN 978-5-87259-754-4

Третий том «Очерков...» посвящён первому советскому территориальному образованию, оформленному на берегах Дона весной 1918 г. Об условиях его возникновения и развития, о противоречиях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться с первых дней, о заявленных целях и попытках их достижения, о непрекращающейся борьбе и предопределённом падении и о людях, как связавших себя с Советами, так и не принявших их, рассказывает эта книга.

Но также и о том, что во многом предопределило создание Донской Советской республики. О перипетиях, растянувшихся на месяцы, мирных переговоров в Брест-Литовске.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-87259-754-4

© А. Бугаев, 2014

*Сергею Леонидовичу Маркову и всем,
погибшим на «внутреннем фронте»,
посвящается*

Ой, ты, горе-горюшко,
Ой, ты, злая долюшка,
Стон, да плач, да волчий вой,
Да стылый ветер над землёй.
Едва лишь только рассвело,
Всё без остатка полегло
На взгорке, на пригорочьи
Рязанское узорочье.
Все мужи бывалые,
Ратники удалые
Постреляны, покрошены,
Пургою запорошены.
Где посад – развалины,
А вместо стен – прогалины.
Всё уголья, да зола,
Да только мёртвые тела.
Молодцы порубаны,
Девицы поруганы,
Растрачены, разлучены,
Верёвкой ручки скручены.
– Где ты, милый, дорогой,
Что же не летишь за мной,
Не примчишься, не придёшь,
Не выручишь, не отобьёшь?
– На конях, на кониках
Налетели вороги.
Посекли в бою лихом
Полк Евпатыев за холмом.
Во заснеженной степи,
В чистом поле у реки,
Знать, судьба меня нашла,
А в сердце чёрная стрела.
Ты же ненаглядная,
Любая, желанная,
Ты прости, навек прощай,
И меня не ожидай.
Забывай про волюшку,
Забывай про солнышко.
Забывай про отчий край,
Да про милого забывай...

Содержание

От автора.....	5
Вступление	7
8. Донская Советская республика. Брестский мир.....	8
8.1. Первые дни. Структура власти. Репрессии	8
8.2. Организация преследования Добровольческой армии.....	35
8.3. Брестский мир.....	41
8.3.1. Перемирие	41
8.3.2. Первый этап переговоров.....	48
8.3.3. Второй этап переговоров.....	58
8.3.4. В Украине.....	67
8.3.4.1. Разрыв с Радой. Выступление 2-го Гвардейского корпуса.....	67
8.3.4.2. Харьков.....	72
8.3.4.3. I съезд Советов Украины. Образование Советского правительства. Червонное казачество.....	75
8.3.4.4. Выступление советских войск. Полтава. Екатеринослав. Круты.....	86
8.3.4.5. Январское восстание.....	102
8.3.4.6. Падение Киева	112
8.3.4.7. Донецко-Криворожская республика	121
8.3.5. «Украинский» Брестский мир. Ультиматум.....	132
8.3.6. Псковско-Нарвские бои.....	155
8.3.7. Подписание договора	181
8.4. Трения с казачеством. Гибель Голубова. Гибель М.П. Богаевского	189
8.5. В Украине.....	222
8.5.1. Эвакуация Киева	222
8.5.2. Полтава. Екатеринослав. II съезд Советов Украины.....	232
8.6. Украинцы в Таганроге. Донская Советская республика. Анархисты. Агитаторы	238
8.7. I съезд Советов Донской области.....	263
8.8. Таганрогское совещание украинских большевиков. Падение Донецко-Криворожской республики. Чертково	287
8.9. Ростово-Нахичеванская трудовая коммуна.....	305
8.10. Выступление. Последние дни	317
8.11. Гибель экспедиции Подтёлкова	335
Эпилог.....	368
Приложение	377
Список карт.....	380
Список использованной литературы	381

ОТ АВТОРА

Иному может показаться, что заключение Брестского мира связано с Донской Советской республикой весьма опосредованно. И слишком много внимания уделено автором событиям, происходящим на огромном удалении от донских границ.

Признаю. В значительной мере это справедливо. Но не упомянуть о Брест-Литовске невозможно. Иначе невозможно и понять, отчего немцы оказались вдруг в апреле под Таганрогом и Чертково. А упомянув, начинаешь тянуть ниточку из огромного запутанного клубка сошедшихся факторов и противоречий. И вдруг выясняется, что упомянуть недостаточно. Что для понимания всего последующего надо понять реалии настоящего. И требуется детально разбираться в хитросплетениях Брест-Литовской эпопеи. А вместе с ней неизбежно и в украинских делах.

Остановиться прежде времени невозможно. И где та грань, за которой идут события, уж никак не связанные с Доном, каждый определяет самостоятельно. Повторяю, если кто-то посчитает, что «сторонней» теме уделено слишком много внимания, это его право.

И ещё. Любое соприкосновение с историей всегда индивидуально, любое её восприятие и переосмысление – субъективно. Вне зависимости от воли автора степень объективности определяется не столько желанием оставаться неподвзятым, сколько сформировавшейся системой ценностей, жизненным опытом, если хотите, самим пониманием объективности.

Задача данного издания вовсе не расставить все точки над і. Напротив, задать, и, прежде всего, самому себе накопившиеся вопросы и обозначить давно назревшие противоречия. В условиях, когда по понятным причинам целые исторические пласты, относящиеся к периоду гражданской войны, были демонтированы, когда вместе с ними были вычеркнуты из истории и стёрты из памяти имена ключевых участников событий, когда причинно-следственная связь была упрощена до предела и столь же безжалостно искажена, на первый план выходит не самоуверенная категоричность, а только лишь восстановление исторической канвы.

Я не ставил себе целью навязать кому-либо свою точку зрения, безусловно, существующую. Всего лишь напомнить о событиях, которые вовсе не были второстепенными и мало-значимыми, о людях, чьи чаяния и устремления заслуживают упоминания, восстановить по возможности хронологию...

В своих работах я сознательно использовал лишь открытые источники, отдавая предпочтение тем из них, которые при сопоставлении представлялись наиболее достоверными. Не спору, проверку временем может выдержать лишь то историческое исследование, которое готово выдержать подготовленную критику. Не беру под сомнение значимость архивов. Только они могут подтвердить или опровергнуть изложенный материал. Но это уже другой уровень, принципиально иная оснащённость и подготовка. Должен честно признаться, к столь глубокому исследованию я не готов. В силу ряда причин, не последняя из которых – временной фактор.

Необходимо быть честным прежде всего с самим собой и относиться к истории бережно и иногда даже педантично. Если факт признан установленным, а событие состоявшимся, они не могут не быть упомянуты. Пускай тот или иной значимый эпизод представляется случайным, выбивающимся из выстроенного ряда и не вписывающимся в принятую концепцию. Если он установлен, значит, нужно не отмахиваться от него, как от досадного неудобства, а корректировать концепцию.

Но в любом случае, для начала необходимо обозначить факты. После этого – определять их значимость и достоверность. И лишь потом – устанавливая причинно-следственные связи...

Но что удивительно и захватывающе интересно. История недеформированная, непредвзятая и не сторонящаяся фактов, вдруг, становится чем-то иным. Это уже не унылый и закоснелый чёрно-белый официоз. История расцветает всеми красками радуги, завораживает, влечёт. И наполняется новым содержанием, и заставляет взглянуть на себя по-другому...

Но, повторяю, делать выводы позволено только лишь читателю. Моя же задача – донести до него всё то, что, на мой взгляд, заслуживает его пытливого внимания...

ВСТУПЛЕНИЕ

Брест и Новочеркасск.

Казалось бы, бесконечно удалённые друг от друга понятия. Территориально, климатически, этнографически... И связывало эти города в начале века лишь принадлежность к огромной державе, родственный язык и вековая общность людей, в них проживающих. Традиции же, культура, быт и природа имели больше различий, чем сходства. Казалось, их судьбы мало зависели друг от друга. Слишком большое расстояние, слишком разное отношение к собственности и свободе разделяло их.

Но грянула война. И чем дольше продолжалась она, тем положение населявших страну народов разнилось всё меньше. Никого не миновало военное лихолетье. Невосполнимые потери и горькие утраты сравнивали людей. Не только достаток, но даже мысли их стали похожими – сколько ещё терпеть?

И удивительным образом Брест и Новочеркасск, Дон и Западный Буг, вдруг оказались связаны неразрывной нитью. Никто ещё не предполагал, но от того, как сложатся переговоры в Брест-Литовске, напрямую зависело, что произойдёт спустя пару месяцев на Дону. Куда повернёт развитие событий, какие формы и масштабы они примут, и какая страшная, неодолимая, казалось, сила, выступив от Карпат, приблизится к донским границам.

Брест и Новочеркасск... А между ними – бескрайние просторы уже затронутой гражданским противостоянием Украины.

8. ДОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. БРЕСТСКИЙ МИР

8.1. ПЕРВЫЕ ДНИ. СТРУКТУРА ВЛАСТИ. РЕПРЕССИИ

А.Р. Колли

поряжении Атамана Назарова, в разы².

Поэтому, когда утром 12(25) февраля на переговоры в Ростов прибыла делегация Малого круга, возвратившийся из Батайска Антонов-Овсеенко не стал уклоняться от встречи. Делегаты заявили, что готовы удалить из Области добровольцев, членов Временного правительства «и других контрре-

С утра 11(24) февраля¹ части Сиверса стали продвигаться от окраин к центру оставленного Добровольческой армией Ростова. Сопrotивления им никто не оказывал. «К вечеру 24-го, – пишет Антонов-Овсеенко, – Ростов был прочно занят». Между тем Саблин о продвижении к Новочеркасску не сообщал. Оценка советским командованием сил противника превышала действительное количество штыков и сабель, оставшихся ещё в распоряжении Атамана Назарова, в разы².

А.М. Назаров

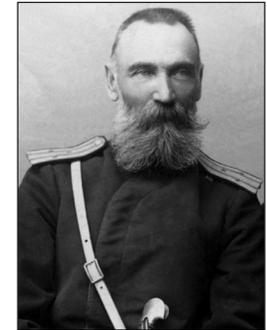
¹ В 1918 г. декретом СНК в России был введён Григорианский календарь, согласно которому вслед за 31 января наступало сразу 14 февраля. Здесь и далее, начиная с 1 февраля 1918 г., указаны даты, как по старому, так и по новому (в скобках) стилю, до 1 февраля – по старому стилю.

² «Походным движением отряд Сиверса так переутомлён, что ещё на сутки нуждается в отдыхе, – телеграфировал Антонов-Овсеенко Саблину. – Собразуйте с этим ваше движение. Сведения от вас не приходят и это крайне скверно, ибо согласованность совершенно необходима...»

В Новочеркасске – до семи, если не до 12 тысяч, способных к борьбе...»

волюционеров» на следующих условиях:

- прекращение боевых действий и невступление советских войск в Новочеркасск;
- беспрепятственный созыв Краевого съезда из представителей всего населения Дона, выбранных на основе всеобщего и равного избирательного права;
- возможность формирования казаками дружин самообороны;
- участие Донского ВРК в работе Круга путём посылки своих представителей.

К.Я. Усачёв

Столь серьёзные требования, выдвигаемые людьми, уже, как представлялось, проигравшими своё дело, весьма встревожили Антонова-Овсеенко. Он решил немедленно выехать через Таганрог и Никитовку к Саблину и на месте выяснить обстановку. В Смольный Командующим была отправлена следующая телеграмма:

«Из Таганрога № 920, 26/II – 1918 г. Вчера прибыла в Ростов делегация

Исаев

Малого Войскового Круга Войска Донского в составе Кодорова, Планшена, Аресьева, Иванова и Карасёва³. Эта делегация предложила советским войскам прекратить военные действия и не входить в Новочеркасск, допустить беспрепятственно созыв Краевого съезда из казачества и остального населения Области. Со своей стороны, Малый Круг обязывается потребовать немедленного ухода из Донской Области добровольческой

П.М. Груднев

³ Антонов-Овсеенко допустил неточность. Кругом в Ростов были посланы полковник И.Ф. Быкадоров, Планидан, Харсеев, Иванов и М. Карасёв.

Н.А. Ромм

армии и её Штаба, обязуется выслать из Области всех членов б. Временного Правительства, но оговаривает возможность беспрепятственно оставаться на Дону казакам из казачьих дружин. Приглашает нас послать делегацию в Новочеркасск. На мои вопросы о политической платформе Малого Круга – ответили, что она ещё лишь определяется, что Круг *лишь по недоразумению вынес резолюцию о борьбе с советскими войсками, так как полагал, что эти войска посягают на самостоятельность Дона.* Лишь

Краевый съезд определит отношение казачества. Центральным вопросом является вопрос об автономии Дона с правом самостоятельности разрешения земельного вопроса. Я не дал окончательных обещаний, заявив, что военные действия в районе Ростова прекратить не могу, так как Корниловские войска сосредоточены в его окрестностях, об остальном дам ответ после совещания с вами⁴. Прошу немедленно дать указания, лучше всего будет снести с казачьим отделом Ц.И.К., послать от него представителей надо...

И. Тарарин

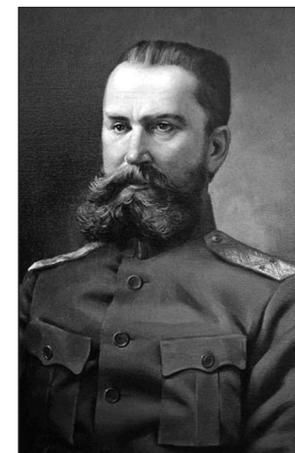
Я должен дать им ответ в течение двух суток. Поспешите с указаниями... 12.00. Нарком Антонов».

⁴ Несколько иначе трактует достигнутые договорённости один из членов делегации М. Карасёв. Вот что он пишет: «...Антонов обещал по прямому проводу переговорить с комиссарами, как ему быть в виду наших переговоров и не согласятся ли комиссары вести с нами переговоры об очищении Донского края от красной армии? Переговоры должны были вестись в Петрограде, куда нашей делегации должен быть предоставлен свободный пропуск.

Ответ Антонов обещал сообщить через день, для чего мы должны были оставить одного из нас в Ростове или прислать за ответом отдельное лицо.

Желая уведомить круг о результатах наших переговоров, мы решили поспешить в Новочеркасск. Утром... мы пришли в штаб за пропусками и здесь нам объявили, что Голубов со своей армией занял Новочеркасск...» (Донская волна № 7 от 22.07.18.).

В Сулине Командующий узнал, что Саблин со штабом направился к Новочеркасску, из чего заключил, что столица Дона уже занята. Вечером 14(27) февраля его эшелон прибыл в Новочеркасск. Антонов-Овсеенко проследовал в Атаманский дворец, где комендант города Медведев ознакомил его с подробностями занятия города и с положением дел. Оно представлялось весьма устойчивым. Город затих. Обыватели без нужды на улицы старались не выходить. Не слышно было и стрельбы.

Е.А. Волошинов

Саблина в Новочеркасске уже не оказалась. Он убыл на бронелетучке в Ростов. Не задерживаясь, направился вслед за ним и Антонов-Овсеенко. За два дня его отсутствия ситуация в городе успела накалиться. Выезжая к Саблину, Антонов-Овсеенко утвердил военным комиссаром Войцеховского⁵. Но к этому времени в

⁵ Ему была оставлены следующие директивы:

«Тов. Войцеховскому. Вам надлежит, прежде всего, опубликовать сообщение об объявлении Ростова и Нахичевани на военном положении от моего имени. Объявление Ростова и Нахичевани на военном положении утверждаю. Военным комиссаром назначается тов. Войцеховский, Нарком и.т.д. Затем, с разработанной программой обратитесь в В.Р.К. и предложите совместную работу на основе этой программы. *Если не захотят, то ищите других, кто захочет*, из представителей партии большевиков и левых эс-эров. А эта программа должна быть примерно такова:

- 1) Оружие отбирается у всех, кто не является красногвардейцем, не подчинённым В.Р.К. или нашим отрядным начальникам или солдатам нашей армии.
- 2) Все остальные должны оружие сдать под угрозой ареста и Ревсуда.
- 3) На оружие выдаётся В.Р.К. специальное разрешение.
- 4) Обыски и реквизиции только по разрешению военного комиссариата, отрядные начальники действуют также только с разрешения В.Р.К.
- 5) Грабители объявляются вне закона и *убиваются на месте*.
- 6) У спекулянтов имущество конфискуется и суд – низшее наказание (наименьшее) городские работы по очистке улиц и.т.д.
- 7) Все грязные увеселительные заведения обыскиваются, закрываются и их помещения конфискуются для детских школ, под клубы и.т.д.
- 8) Все винные склады, кроме технических и врачебных, каковые передаются под надлежащую охрану и в заведывание ответственных органов, уничтожаются.

Ростове уже существовал вновь созданный 12(25) февраля городской Военно-революционный комитет⁶. И Антонов-Овсеен-

9) Тот, кто спаивает, объявляется вне закона и, как провокатор, истребляется на месте. Торговцы водкой идут под суд, имущество их конфискуется, как и их заведения.

10) Городская дума распускается, вместо неё – продовольственная, жилищная, лечебно-санитарная, культурно-просветительная Комиссии из представителей сведущих лиц под контролем членов В.Р.К.

11) Все товары берутся на учёт, все крупные торговые фирмы – под контроль служащих, цены – без прибыли только покрывающие издержки; фабрично-заводские предприятия под рабочий контроль; проводится прекращение квартирной платы мало имущими жильцами – нормы устанавливаются по соглашению, порожняки и просторные жилые помещения конфискуются и проводится уравнильное пользование квартирами; муниципализация аптек и медицинских магазинов, бесплатная врачебная помощь.

Банки национализуются. Золото и серебро – в Государственный Банк, который – под строгий контроль, выдача только через Комиссара.

Особая комиссия содействует Совету для составления маршрутных поездов и т.д.

При просветкомиссии совета создаётся группа лекторов для занятия в клубах, руководителей для занятий с детьми и т.д.

Особо – Издательская Комиссия для издания революционной газеты и вообще революционной литературы.

12) Особая судебная комиссия, под председательством назначенного В.Р.К. лица, ведёт список *заведомых контрреволюционеров*, конфискует их имущество, их обезвреживает.

13) Все газеты, кроме органа В.Р.К., – закрываются.

14) *Совет распускается* и назначаются новые выборы.

15) Вводится обложение городским налогом всех имущих, возрастающее до полной конфискации у контрреволюционеров.

16) Все городские служащие удовлетворяются содержанием на основании норм, выработанных их союзом и согласно требованиям большевистской муниципальной программы.

17) Комитет общественной безопасности арестовывается, созданная им армия разоружается, как и домовые комитеты.

18) В музей все исторические редкости, в Государственный банк все драгоценности – конфискации в пользу государства, – *предлагается всё сдать добровольно*.

Далее вы содействуете организации Ростовского революционного полка, взяв офицеров от 3-го Латышского полка и солдат по преимуществу из бывших на фронте. Это, конечно, далеко не всё – организация, вместо милиции, красной гвардии для охраны революционного порядка, организация Революционного Суда и т.д.

Антонов. 25/II – 1918 г.»

⁶ Председатель П.П. Жук, секретарь М.И. Равикович. Комендантом дома Военно-революционного комитета был назначен Ф.М. Зявкин, комиссаром по

ко не только не разграничил полномочия между двумя органами едва лишь устанавливающейся власти, но и заявил о приоритете военных.

В итоге занятые позиции и интересы городского ВРК, представлявшего Ростово-Нахичеванский Совет и создаваемую Красную гвардию⁷, и аппарата военного комиссара, действовавшего от имени армии, не просто не совпадали, но и противоречили друг другу. Взаимодействия не получилось. Напротив, с первых же шагов возникли трения, грозившие перерасти в серьёзный конфликт⁸.

В пространной «предварительной программе» весьма расплывчатыми оказались детали. Так предлагалось обезвредить и конфисковать имущество «заведомых контрреволюционеров», но кто подпадал под это определение, не уточнялось. Не приходилось говорить и о каком-либо контроле проводившихся обысков и реквизиций. Милиции поначалу не существовало. Малочисленная Красная гвардия, пытавшаяся взять на себя её

охране города – Винберг. В числе прочих была образована и комиссия по налогам в составе С.А. Дунаевского, М.Е. Власова и Орлова. Уже 14(27) вышел № 1 газеты «Известия Ростово-Нахичеванского ВРК».

Не пожелал переизбираться и Совет. 14(27) февраля экстренное объединённое собрание Ростово-Нахичеванского Совета и фабричных комитетов приняло резолюцию, в которой в частности говорилось: «Всёцело признавая власть Совета Народных Комиссаров и стоя на платформе Советской власти, Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет, что отныне *вся полнота власти в Ростове и Нахичевани принадлежит только ему*».

⁷ Вскоре численность Ростовской Красной гвардии возросла до 1500 человек. Это была внушительная сила, с которой приходилось считаться.

⁸ «Работавшие в подполье большевики, – пишет И.П. Борисенко, – организовали Военно-Революционный Комитет, как только белые ушли из города.

Военно-Революционный Комитет гор. Ростова для управления жизнью города организовал комиссии: охраны, комендантскую, связи, санитарную, налоговую.

Развернуть работу ВРК не удалось. Начались недоразумения с появившейся новой властью в лице Войцеховского, присланного в качестве военного комиссара Донской области штабом Главкома Антонова-Овсеенко. Войцеховский прибыл в Ростов с программой работ, полученной в штабе Армии, и с директивой жестокого проведения программы в жизнь, а *также роспуска Ревкома, если он будет возражать против программы...*

Войцеховский повёл работу через голову Ревкома. Начались скандалы. Одна власть угрожала другой...»

функции, поддерживать правопорядок даже в минимальном объёме была не в состоянии.

Всё это способствовало как активизации уголовных элементов, использующих создавшуюся ситуацию в целях личного обогащения⁹, так и многочисленным, ничем не обоснованным убийствам и проявлениям самосуда. «...начались произвольные обыски и аресты, – говорится в материалах дел созданной впоследствии Деникиным Особой комиссии, – первоначально в поисках офицеров и партизан, а затем под предлогом розыска оружия. Красноармейцы и неизвестные личности обходили квартиры и обыскивали живущих без соблюдения каких-либо формальных гарантий и предъявляя лишь в отдельных случаях мандаты за подписью комиссара, кратко гласившие, что «товарищу такому-то разрешается производить обыски и аресты».

Расстреливали прямо на улице офицеров и юнкеров. Расстреливали всех, кто находился в Добровольческой армии и не ушёл с Корниловым¹⁰. Находили и расстреливали, невзирая

⁹ Борьба с бандитизмом не могла быть действенной, так как налётчиков невозможно было отличить от комендантских команд. Все имели на руках мандаты и были отлично вооружены. По свидетельству И.А. Полякова в Новочеркасске власти вынуждены были хоть как-то упорядочить систему проведения обысков. Домовладельцам и квартальным старостам стали выдавать на руки квитанции, подтверждающие, что обыск у них уже произведён и от последующих они освобождаются.

Дело дошло до того, что 18 февраля (3 марта) комиссар г. Таганрога вынужден был издать приказ о борьбе против самочинных арестов и обысков.

¹⁰ 14(27) февраля до 50 матросов и солдат-красногвардейцев прибыли на подводах к лазарету № 1 в Новочеркасске, где находились 100 раненых и больных добровольцев и партизан. Более сорока человек вынесли на носилках на мороз, вывезли за город и казнили. Остальные либо были спрятаны персоналом, либо откупались.

«Уже с раннего утра, – пишет И.А. Поляков, – на улицах появились отдельные кучки вооруженных солдат и рабочих. Предводительствуемые прислугой (кухарки, горничные) или уличной детворой, за награду 1–2 рубля, указывавших дома, где проживали офицеры и партизаны, красные палачи врываются в эти квартиры, грубо переворачивали всё, ища скрывавшихся. Несколько раз я лично видел, как несчастных людей, в одном белье, вытаскивали на улицу и пристреливали здесь же... Сотнями расстреливали детей, гимназистов и кадет, убивали стариков, издевались над пастырями церкви, беспощадно избивали офицеров...»

По данным С.В. Денисова с 13(26) февраля по 1(14) апреля 1918 г. на Дону

на возраст, учащихся и семинаристов, бывших у Чернецова¹¹. Но известны случаи, когда убивали «за буржуйский вид», за интеллигентную речь, за выраженное недовольство, за принадлежность к партии конституционных демократов. Чаще всего расстреливали не активных противников Советской власти, а первых подвернувшихся под руку¹². И в этом смысле

было убито до 500 офицеров (из них 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера).

Возможно, эти цифры несколько преувеличены. Возможно, впрочем, и нет.

Следует отметить, что подобная весьма недалёковидная политика проводилась, пусть в меньших масштабах, практически на всей территории контролируемой Советской властью. «На местах, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – происходили частые, сплошь и рядом ненужные сборы и «регистрации» бывших офицеров, практиковались нередко ничем не вызванные аресты и обыски у людей, единственная вина которых перед революцией заключалась в том, что, находясь в царской армии и имея соответствующее образование, они носили офицерские погоны».

Эта неприятная тема требует особого разговора и весьма осторожного к себе отношения. В то же время, не затронув её, невозможно и понять, отчего в феврале 1918 г. донские казаки в подавляющем большинстве сохраняли нейтралитет, а уже в марте-апреле выступили против Советов.

¹¹ В конце февраля (середине марта) в Персиановке расстреляли прямо на улице шестерых подростков-партизан. Всем им было от 14 до 18 лет. Подобные случаи имели место и в Ростове, и в Новочеркасске.

¹² В изданном в 1929 г. сборнике «Памяти погибших» можно найти следующие строки: «Во всякой большой политической партии активные политические борцы составляют меньшинство. Партия Народной Свободы в этом отношении не составляла, конечно, исключения. Большинство её членов, в особенности провинциальных, принадлежало к людям другого склада. Это были научные работники, судебные деятели, деятели земских и городских самоуправлений. Политика не была их профессией. Оказавшись под властью большевиков, они продолжали по мере сил работать каждый в своей области, спасая культурное достояние России... Если они боролись с большевиками, то не столько на политическом, сколько на культурном фронте. По самому характеру своей деятельности они не должны были и не могли скрываться. А многим и в голову не приходило, что жизни их угрожала опасность».

...среди жертв... такие люди – видные или скромные культурные работники – составляют подавляющее большинство. Особенно много погибло их в первый, анархический, период большевистской власти, когда... пачками расстреливали людей только за то, что они «буржуи», «кадеты», или «контрреволюционеры», – клички, часто не имеющие никакого внутреннего содержания. Название «кадеты», ассоциировавшееся... с представлением о военных, участниках гражданской войны, сыграло роковую роль в трагической судьбе многих наших товарищей по партии...»

показательным является бессмысленное и вызвавшее заметный резонанс убийство профессора Донского университета А.Р. Колли.

В 1915 г. в Ростов был эвакуирован Варшавский университет, одним из профессоров которого и являлся Колли. Уже тогда он был известен в научных кругах как крупный учёный-физик¹³. В 1917 г. прошёл в Городскую думу по списку партии кадетов. Будучи администратором Университета, не допускал «революционных» нововведений, за что, в конечном счёте, и полатился.

Едва Ростов был занят, один из служителей Физического кабинета, не поладивший в своё время с Колли, подошёл к группе солдат и предложил пойти и расправиться с «царским профессором». Собралась толпа и тут же проследовала к домику на Пушкинской улице, в котором проживал Колли с женой и двумя детьми. Профессора вывели на улицу, но когда он назвал себя, солдаты несколько смутились и заявили, что пришли лишь произвести обыск. Колли не был по складу характера борцом. Скорее по привычке, не осознав ещё, что о самом понятии «правопорядок» на время приходится забыть, профессор потребовал предъявить соответствующий документ.

Это и решило его судьбу. Выбегавшую жену оттащили в сторону, Колли подвели к стене его же дома и расстреляли. Лишь через несколько дней близким было разрешено похоронить покойного. По свидетельству В.Ф. Зеелера профессора в городе знали и любили. Проводить его в последний путь пришли десятки, если не сотни, людей. Власти не препятствовали...

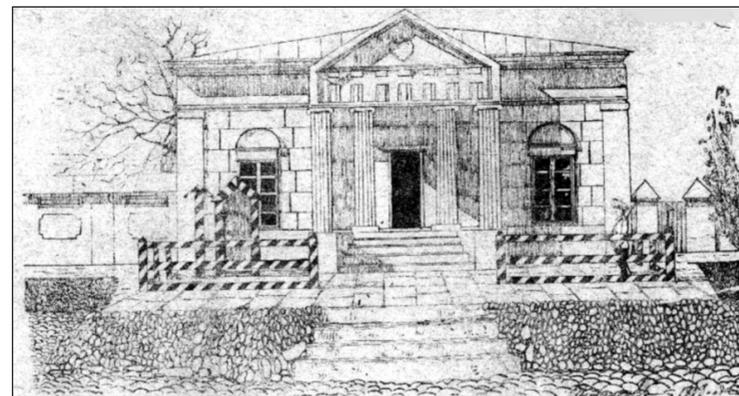
С первых же дней раскрутился и маховик «узаконенных» репрессий. Войцеховский оказался целеустремлённым, убеждённым в своей правоте, но, в то же время, абсолютно нетерпимым и весьма амбициозным человеком. Главным в своей деятельности на должности военного комиссара он считал борьбу «с контрреволюционерами». Проводилась она энергично и целена-

¹³ При защите в Московском университете одной из первых своих работ Колли получил сразу докторскую степень, минуя степень магистра.

правленно, на снисхождение и правовую защиту рассчитывать никому не приходилось. И даже после того, как части Саблина и Сиверса ушли с Дона в Украину, и власть более-менее окрепла и устроилась, карательные органы без труда находили себе работу. Количество расстрелов сократилось, но из повседневной практики они так и не исчезли.

Апофеозом же явилась гибель Атамана А.М. Назарова. Арестованный Голубовым, он вместе с Е.А. Волошиновым был прямо с заседания Круга препровождён на Новочеркасскую гауптвахту¹⁴. Назаров был помещён в комнату № 10. Первые несколько дней её делил с ним Донской Архиерей, но вскоре священника выпустили и Атаман остался в камере один.

Двери не запирались, заключённые офицеры, которых было несколько десятков, могли в любое время выходить в коридор и переговариваться друг с другом. Не упускал возможности пообщаться с товарищами по несчастью и Назаров. Караульную службу несли попеременно казаки 10-го и 27-го Донских полков. «В обращении с арестованными, – пишет Бугураев, – они были всегда внимательны и вежливы, и, по-видимому, чувство-

Новочеркасская гауптвахта (рисунок)

¹⁴ О пребывании Атамана Назарова на Новочеркасской гауптвахте рассказывает М.К. Бугураев (Родимый край, № № 33, 78–79), который был задержан и препровождён туда же 13(26) февраля.

вали какую-то неловкость, что были принуждены своих же боевых офицеров, с которыми на фронте делили и горе и радость, которых никогда не бросали ранеными на поле боя, вынося их, рискуя своей жизнью. Охрану арестованных солдатам-большевикам казаки передавать не соглашались¹⁵. Караулы сменялись каждый день в 12 ч. дня и Атаман Назаров всегда имел новых слушателей...»

Как видно, условия содержания были вполне терпимыми. И то, что казаки караула не просто заговаривали с арестованными, а обступали в коридоре того же Назарова и весьма благосклонно выслушивали его призывы беречь донских офицеров, которые «ещё пригодятся», говорит о многом.

«Облегчённый»¹⁶ режим послужил поводом к следующему инциденту. На гауптвахту, как на экскурсию, пропускали в первые дни желающих посмотреть на арестованных, олицетворявших собой старую власть. Один из таких посетителей, матрос-красногвардеец, позволил себе выругаться. Немедленно Назаров потребовал к себе начальника караула. Подошёл урядник. Взяв под козырёк, стал по стойке «смирно».

– Как вам, казакам, не стыдно! – обратился к нему Назаров таким тоном, будто отчитывал подчинённого и отдавал приказ. – Пускаете сюда большевиков, а они здесь ругаются. Ругают и вашего выборного Атамана. Не им судить меня. Если надо – судите вы, казаки... Убрать этого мерзавца отсюда и больше... сюда не пускать...»

Пристыженный матрос поспешил ретироваться ещё до того, как Атаман закончил говорить. Урядник же выслушал всё совершенно спокойно, сказал лишь: «Слушаюсь...» Повернулся кругом и удалился.

14(27) февраля гауптвахту посетили Голубов с Медведевым. Назаров, находившийся в коридоре, заметив их, круто развер-

¹⁵ Видимо, не соглашались сменить выставленный ими казачий караул всё же Голубов и Смирнов.

¹⁶ Казачий караул допускал, конечно, определённые послабления. Но вместе с тем арестованных власти питанием не обеспечивали. Еду им передавали родственники. С теми, кто в городе родных и знакомых не имел, делились все остальные.

нулся, проследовал в камеру и закрыл за собой дверь. Медведев поинтересовался, кто это? Голубов ответил. Видимо, его задело, что Атаман демонстративно общаться с ним не пожелал. Тут же он вызвал и отчитал начальника караула.

– Комнату закрыть и всё время держать его под замком, – приказал он¹⁷. К Назарову новое начальство так и не зашло. Лишь Медведев приблизился к двери, заглянул в незастеклённую щель и тут же отошёл. Они продолжили обход. Голубов опрашивал задержанных офицеров: «Чин? За что и при каких обстоятельствах арестован?» Медведев больше молчал.

В тот день в городе задержали отца Бугураева, полковника в отставке. Его препроводили на гауптвахту и поместили вместе с сыном. Голубов подошёл к старику, спросил, кто он? Услышав ответ, повернулся к младшему Бугураеву¹⁸, которого знал с 1915 г., и уточнил:

– Ваш отец?

– Да...

– Сволочи! Таких стариков арестовывают! – рассердился Голубов и, покосившись на Медведева, приказал. – Выпустить немедленно!

Полковника тут же вывели и отпустили. Медведев при этом не сказал ни слова. Больше Голубов никого не освободил¹⁹. Закончив опрос, осмотрев подвальное помещение, где среди многочисленных арестованных находились и несколько женщин, оба они покинули гауптвахту.

Поздним вечером 18 февраля (3 марта)²⁰ арестованным было приказано разойтись по камерам и в коридор не выхо-

¹⁷ Комнату заперли, но едва Голубов покинул гауптвахту, начальник караула тут же открыл дверь, оставив висеть на кольце разомкнутый замок.

¹⁸ Они знали друг друга с 1915 г., но не близко, так как вместе не служили.

¹⁹ На следующий день на гауптвахту был доставлен ещё один офицер, есаул в отставке, фамилию которого Бугураев не называет. Пропуска для свиданий с арестованными выдавал лично Смирнов, штаб которого располагался в Атаманском дворце. Когда жена задержанного офицера обратилась к нему с просьбой выдать разрешительный документ, Смирнов тут же прибыл на гауптвахту и распорядился выпустить есаула. Это был командир сотни 12-го Донского полка, в которой Смирнов служил в своё время под его командой.

²⁰ Эта дата определена Особой комиссией при Главнокомандующем ВСЮР. Бугураев и Поляков называет другую дату – 17 февраля (2 марта).

дуть. На гауптвахту прибыл отряд красногвардейцев. Командир предъявил письменное предписание передать двух выборных Атаманов генерала А.М. Назарова и войскового старшину Е.А. Волошинова, а также генералов К.Я. Усачёва²¹, Исаева, П.М. Груднева, подполковника Н.А. Ротта и войскового старшину И. Тарарина для перемещения их в городскую тюрьму²².

Получив прямой приказ, начальник казачьего караула после некоторых колебаний подчинился. Перед тем, как передать означенных арестованных красногвардейцам, он лишь ознакомил Назарова и Волошинова с предписанием²³. В полночь всех семерых передали новому караулу. Сразу же двинулись к окраине. Тюремное здание находилось в то время за городом. Едва последние дома остались за спиной, сошли с тропинки, ведущей к тюрьме, и повернули в сторону Ростовского тракта.

– Куда вы нас ведёте? – спросил кто-то.

– Вестимо куда... – последовал ответ.

Не доходя до Краснокутской рощи, остановились. У первого оврага арестованных выстроили в ряд. Расстрельная команда, состоявшая из не имевших опыта шахтёров-красногвардейцев, всё никак не могла организовать. Суетился без толку и командир.

– Я сам буду командовать! – обратился к ним Назаров. – Вы и убить толком не умеете...

Ему предложили повернуться спиной, но Атаман предпочёл встретить смерть лицом к лицу.

– Раз, два, три... – скомандовал он. – Пли!

²¹ Бывший начальник 5-й Донской дивизии.

²² Обстоятельства казни описаны во многих источниках, и в частности, в статье В. Севского («Донская волна» № 1 от 10.06.18). Заметно различаясь в деталях, все они сходятся в сути. Стоит лишь заметить, что В. Севский был, куда в большей степени журналистом, нежели исследователем-историком. Статьи его отличаются пафосом, максимальным количеством деталей и подробностей, но далеко не всегда автор ссылается при этом на источники информации.

Следует также отметить, что Виктор Севский – это псевдоним, под которым публиковал свои работы донской журналист В.А. Краснушкин, расстрелянный большевиками летом 1920 г.

²³ Позже распространились слухи, что Волошинов по тому, как был расположен текст на документе, заключил, что все они будут расстреляны.

Грянул недружный залп, все попадали. Убитых раздели, оставив на телах лишь бельё. «Караул» поспешил удалиться.

Но не все были мертвы. Волошинову пуля попала в бедро, он лишь потерял сознание. Кто-то из красногвардейцев проколол ему руку штыком, но Волошинов не подавал признаков жизни и его, как и остальных, посчитали убитым. Лишь через час с небольшим Волошинов пришёл в себя. Вокруг лежали бездыханные тела, и он пополз к ближайшему дому. Город был рядом. Вскоре Волошинов нащупал калитку, которая, к счастью, оказалась не заперта. Ему удалось добраться до крыльца и взобраться по ступенькам к двери.

Волошинов постучал. Через некоторое время дверь отворилась. Хозяйка дома, женщина средних лет, спросила, кто он. Волошинов назвал себя и попросил воды. Его не впустили в дом, дали лишь напиток. Волошинов понял, что здесь его не укроют. Он пояснил, что тяжело ранен, показал расплывшееся пятно крови на боку и обратился к хозяйке с просьбой позвать родных.

– Не буду я звать никого, – ответила женщина. Отказалась она и накрыть чем-нибудь замерзающего на её крыльце человека.

Дверь захлопнулась. Волошинов стонал некоторое время, потом, вновь впал в забытие.

Поведение хозяйки дома²⁴ вряд ли может быть оправданным, но оно вполне объяснимо. Помоги женщина Волошинову, она, без сомнения, рисковала поставить под угрозу своё благополучие, а возможно, и жизнь. Как и всегда, одни предпочитали оставаться несмотря ни на что людьми, другие же, отбросив показную респектабельность, заботились исключительно о собственной шкуре.

В целом обыватель, шокированный происходящим, в эти первые дни склонен был винить во всех своих бедах исключительно проигравших. Открыто возмущаться творившимся произволом, было себе дороже. Вскоре всё изменилось с точностью до наоборот, но Волошинов этого уже не увидел.

²⁴ Фамилия женщины – Парапонова.

Под утро он пришёл в себя и вновь постучал в дверь. Попросил карандаш и бумагу, написать семье последнюю записку. Ему и в этом было отказано. На улице собирался между тем народ. Все смотрели на распростёртое в одном белье тело, переговаривались между собой, но ни один и не подумал помочь. Хозяйка, решив, что теперь уже наверняка кто-нибудь да донесёт, поспешила сделать это сама. Обойдя Волошинова, она вышла со двора.

Вскоре прискакали три казака-красногвардейца, успевших уже привести во исполнение не один расстрельный приговор.

– Где он? – крикнул один.

– На крыльце... – указала хозяйка.

Волошинов закрыл руками лицо.

– Прими руки! – Волошинов подчинился. Один из казаков снял винтовку, выстрелил в упор, пробив пулей правое лёгкое. Его за ноги потащили с крыльца к месту казни. Голова Волошинова билась вначале о ступени крыльца, затем, о покрытие мостовой. На лицо налипла грязь и кровь. Чуть поодаль шли любопытные.

Бросив тело рядом с остальными, казаки ушли. Но толпа завак продолжала рассматривать трупы. Волошинов вдруг поднялся и сел. Он был ещё жив, но вряд ли способен говорить или двигаться. От толпы отделился кто-то и побежал в милицию. Через час пришли три вооружённых рабочих завода Фаслера. Один поднял револьвер и выстрелил Волошинову в лицо. Пуля попала в глаз, раскроив череп. Первый выборный Атаман войска Донского, председатель разогнанного Круга, скромный артиллерийский офицер и автор романсов Евгений Андреевич Волошинов свои расчёты с земной жизнью произвёл.

Позже расстрелянных на дрожках отвезли в морг, откуда тела были выданы родным и близким. Лишь Атамана Назарова доставили на кладбище и похоронили дочь генерала И.П. Астахова Анна и сестра его жены.

Жена Волошинова приходила потом к Парапоновой и спрашивала об обстоятельствах гибели мужа. Та запинаясь вначале, но судя по всему считала, что поступила весьма здраво.

– Ваш муж мне кровью провонял крыльцо... – сказала она напоследок²⁵.

На следующий день власти заявили, что все семеро были убиты при попытке к бегству. Все, конечно, понимали, насколько это заявление было далёким от действительности. «Вздорность и нелепость подобного заверения, – пишет И.А. Поляков, – усугубляется тем, что среди многочисленного конвоя²⁶, сопровождавшего арестованных, было много вооружённых конных, каковым не составляло бы никакого труда догнать бегущих».

Приказ расстрелять этапиремых, не доводя их до тюрьмы, если таковой и существовал, был отдан красногвардейцам в устной форме. Выявить отдавшего его человека по прошествии стольких лет, по-видимому, невозможно. Вместе с тем, со слов Полякова известно, что распоряжение о переводе арестованных с гауптвахты было выдано Донским ВРК. Остаётся предположить, что решение расстрелять их при конвоировании, также созрело в недрах именно этого учреждения. И всё, что мы знаем о людях, его возглавлявших, и о развитии последующих событий, это предположение отнюдь не опровергает²⁷.

²⁵ Когда Новочеркасск был занят восставшими казаками, Парапонову по приговору военно-полевого суда расстреляли.

²⁶ Конвой состоял из 22-х красногвардейцев, рабочих и шахтёров, и 3-х казаков. К тому же, если Назаров, Волошинов, Груднев и Ротт только лишь достигли среднего возраста и были людьми крепкими, то об остальных этого не скажешь. Даже и внешне Исаев и в ещё большей степени Усачёв и Тарарин выглядели почтенными старцами. Бежать они не могли физически.

²⁷ С определённой долей вероятности можно обозначить и конкретных лиц. Сырцов, Подтёлков, Медведев (который, как комендант, обязан был подобрать и проинструктировать конвой) – вот те люди, которые *вернее всего* стоят за гибелью Назарова, Волошинова и пятерых их товарищей.

Знал ли обо всём этом Голубов? Бугураев считал, что – да, знал. Вот его слова: «Может быть, *да и вероятно*, об этом знали Голубов и Смирнов, но они не хотели, *да и не могли бы* этому помешать...» Всё же думается, Голубова о задуманном не уведомили. Уже хотя бы, исходя из того, чтобы лишний раз подчеркнуть: новая власть вынуждена мириться с его существованием, но, как официальное лицо, он для неё не существует.

В. Севский пишет о разговоре, *якобы* состоявшемся после расстрела А.М. Назарова и других генералов и офицеров у Голубова с Подтёлковым:

«Когда об этом узнал Голубов, он опять зарыдал и побежал к Подтёлкову.

– Ты мне город залил кровью, палач!

Подтёлков только усмехнулся:

– Чудак, ваше благородие... А тебе жалко?»

Днём на гауптвахте казаки караула говорили арестованным офицерам, что, если бы знали, что ждёт Назарова и остальных, не выдали бы их красногвардейцам. Они даже не догадывались, как скоро придётся доказывать свои слова на деле.

19 февраля (4 марта) в полдень, как и всегда, на площади перед гауптвахтой происходила смена караула. На службу заступали казаки 10-го Донского полка, менявшие казаков 27-го. В это время, повернув от Московской улицы, к площади двинулась внушительная толпа, состоявшая в основном из солдат. Раздававшиеся угрожающие выкрики и призывы не оставляли сомнений: идут за оставшимися офицерами.

Команду над всеми находившимися перед гауптвахтой казаками принял начальник старого караула – урядник 27-го Донского полка. Толпа приблизилась, заполнив собой Платовский проспект. Все понимали, попади арестованные офицеры в руки солдат, их растерзали бы на клочки.

Казаки рассыпались в цепь, расстёгивая подсумки с патронами. Трубач протрубил тревогу. Начальник нового караула – урядник 10-го полка развернул в сторону солдат пулемёт. Три его казака пересекли проспект и выдвинулись на угол Соборной площади. Стало вдруг тихо, лишь слышно было, как отрывисто и громко, чтобы слышали все, отдавал команды урядник 27-го полка: «Без моей команды огня не открывать... Патрон боевой. Всем зарядить винтовки... Пулемётчикам – вставить ленты...»

Видя приготовления и самые серьёзные намерения казаков, толпа остановилась. Но задние ряды продолжали напирать, и солдаты в голове её волей-неволей стали вновь подаваться вперёд. До гауптвахты оставалось не более 130–150 шагов²⁸.

– Трубач – тревогу! – снова командовал урядник и добавил значительно. – Винтовки – на руку!

– Движение вперёд – огонь открою сразу! – выкрикнул он последнее предупреждение.

²⁸ В этот момент несколько арестованных офицеров-пулемётчиков предложили внутреннему караулу разрешить им стать за наводчиков у казачьих пулемётов, на что кто-то из унтер-офицеров ответил:

– Не беспокойтесь. У нас хорошие, опытные пулемётчики, и мы вас не выдадим...

Толпа наконец стала и дальше не продвигалась. Народ зашумел, но с места никто не сдвинулся. Урядник предложил, чтобы выслали парламентёров. Вновь слышались угрозы, однако несколько выборных подошли. Требование было понятным: выдать «контрреволюционных офицеров». Урядник в ответ заявил, что подобные лица среди арестованных не значатся, и что с гауптвахты он не выдаст ни одного человека. И, указывая на изготовившихся к стрельбе казаков, посоветовал расходиться. В ответ раздалась площадная брань, но порыв уже угас. Далеко не все были готовы ради расправы с арестованными подставлять себя под пулю. Немало, конечно, нашлось среди солдат и таких, в ком действия казаков, готовых защитить своих боевых командиров, пробудили совесть.

По одному, по двое люди уходили из задних рядов по боковым улицам. Прошло некоторое время, и толпа рассеялась.

– Вынь патрон... Трубач – труби отбой, – командовал урядник. Тем не менее старый караул 27-го Донского полка оставался на гауптвахте и покинул её только лишь с наступлением темноты.

Казаки, вне всякого сомнения, спасли в этот день многие жизни. Удивительно, но уцелели как раз те, кто находился под арестом и ожидал для себя самого сурового исхода. И наоборот, избежавшие заключения могли убедиться в том, что собственный дом не может служить им надёжной защитой²⁹.

Своего отношения к тому, что «инициатива снизу» встретила со стороны казаков открытый и решительный отпор, власти не обозначили. Вероятно, в Донском ВРК посчитали, что расклад сил не таков, чтобы пойти на открытую конфронтацию³⁰

²⁹ В частности, 20 февраля (7 марта) были арестованы и в тот же день расстреляны полковники Князев и Поляков и капитан Лемешев. Все они были боевыми офицерами, лишь незадолго до этого вернувшимися с фронта к семьям.

Вскоре число производимых арестов и расстрелов начало постепенно сокращаться. В первых числах (в середине) марта Бугураев, как и большинство арестованных офицеров, по решению Военно-революционного трибунала, был освобождён.

³⁰ В Голубовской «дивизии» поначалу насчитывалось до 500 сабель. К тому же боевые части большевиков покидали Дон. В городах оставались лишь гарнизоны.

и сделали вид, что ничего особенного не случилось. Ту же позицию занял и Голубов. Он всё ещё надеялся удержать свою долю власти. К тому же и Дон ещё не поднялся, что исключало для войскового старшины иные варианты действий.

Неизбежно возникает вопрос: отчего и с какой целью проводились на Дону столь жестокие, во многом бессмысленные и явно не пошедшие на пользу Советской власти репрессии?

Ключевую роль сыграла, без сомнения, сама, оказавшаяся на беду эффективной, идея взорвать всё изнутри, натравив многочисленные обездоленные войной слои населения на меньшинство относительно благополучных, сохранивших законопослушность граждан. Практическое её применение не могло не вызвать ужасающих прямых и побочных, сиюминутных и долговременных последствий.

Но ответ не может быть однозначным. Слилось воедино всё. Идеологическая нацеленность центра на ущемление, зачастую и избиение имущих классов и всех тех, кто мог стать на их защиту. Опора исключительно на беднейшие, нередко люмпенизированные слои, целенаправленное разжигание классового антагонизма среди различных групп населения. Весьма низкий уровень социальной грамотности и культурного уровня масс, вовлечённых в гражданское противостояние. Ожесточённость предшествующих боёв и накопившаяся ненависть к противнику, пусть даже и поверженному. Не в последнюю очередь – отсутствие каких-либо органов правопорядка и обстановка полнейшего произвола³¹. Убеждённость властей и большинства советских начальников, не говоря уже о солдатах, в том, что офицеры, взявшие в руки оружие, а зачастую и не бравшие, остаются врагами новой власти. Будущее их выступление оста-

³¹ «Яркую вспышку негодования, – пишет Поляков, – вызвало безобразное убийство среди белого дня трёх офицеров – мужей трёх сестёр – дочерей известного Новочеркасского старожила ген. Пименова. Произошло это уже тогда, когда всем казалось, что бессмысленный террор прошёл и расстрелы прекратились.

Под каким-то предлогом офицеров вызвали в комиссариат (участия в гражданской войне, как мне было известно, они не принимали), а через час после этого в дом явился комиссар и цинично заявил, что произошла небольшая ошибка и их мужья расстреляны по недоразумению».

ётся лишь вопросом времени, и пресечь его лучше всего в зародыше³².

И главное, отчётливое понимание того факта, что все эти люди вольно или невольно оставались носителями прежних идеологических и нравственных ценностей, которые с новой властью конечно же были несовместимы.

Массовый характер репрессий косвенно подтверждают и следующие слова Антонова-Овсеенко: «В Ростове чувствовалась ещё разладица. В городе кое-где раздавались провокаторские выстрелы, ночью доходило до беспорядочной ураганной стрельбы. В Штабе Сиверса открылся импровизированный Ревтрибунал, который жестоко расправлялся с белогвардейцами, захваченными с оружием. Обывательская молва в тысячу раз преувеличивала *эту расправу*. Рупором этих сплетен явились меньшевики в совете депутатов во главе с тов. Васильевым. Этот господин истерически вопиял о том, что большевики-де расстреливают гимназистов, кадет и других «неповинных детей», творят грабёж и всяческие насилия. Военно-Революционный Комитет, *составленный из неособенно твёрдых товарищей*, не находил смелости резко порвать с меньшевиками и проявлял склонность поддержать их протест против наших «зверств». Такое настроение Ревкома воздействовало на кой-кого из наших боевых товарищей. Товарищ Е. Трифонов, комиссар первого Петроградского красногвардейского отряда, подзуженный этим обывательским нытьём, выступил в Совдепе с обличительной речью против бесчинства и бессудных расстрелов, творимых отрядом Сиверса. Это выступление было восторженно встречено меньшевистско-соглашательской частью совдепа. Васильев облобызал Трифонову, но общее собрание Петроградского отряда резко осуди-

³² Перебравший вслед за войсками из Каменской в Новочеркасск Областной ВРК уже 13(26) февраля выпустил программный манифест, в котором, в частности, говорилось: «...первой и очередной задачей нашей в настоящий момент является борьба с контрреволюцией». Второй по важности задачей была «экономическая». 16 февраля (1 марта) Донской ВРК обложил капиталистов Ростова и Новочеркаска «налогом» в размере 10 млн руб.

ло поведение своего комиссара и постановило о предании его товарищескому суду...»³³

Этот случай наглядно продемонстрировал, что вступаться за кого бы то ни было – себе дороже. Неудивительно, что о других попытках заступничества, источники умалчивают.

Все эти неприглядные проявления разворачивающейся классовой войны сконцентрированы были в основном в крупных городах и населённых пунктах. В отличие от Кубани на Дону крестьяне и казаки традиционно селились отдельно друг от друга. Не в последнюю очередь из-за этого и конфликты между разными социальными группами здесь случались куда реже и не носили столь ожесточённого характера. К тому же новая власть, утвердившаяся в городах, столкнулась со столькими проблемами, что развернуть какую-либо значимую работу в сёлах и станицах просто не успела.

Отсутствовал и главный катализатор массового развёртывания Красной гвардии вне городов – оседания крупных солдатских формирований на Дону не случилось.

Поэтому казаки и крестьяне и после падения Новочеркаска поддерживали давно сложившееся равновесие и без крайней нужды старались не задевать друг друга. Известны, конечно, случаи передачи оружия крестьянам и расстрелов казачьих офицеров в станицах, но все они *в этот период* обусловлены были скорее субъективными факторами и носили единичный характер.

Не следует также думать, что всё свелось исключительно к репрессиям. Находились, конечно, и подвижники, самоотверженно пытавшиеся и в первые дни, и позднее хоть как-то восстановить разрушенный жизненный уклад. Но в условиях,

³³ Этим делом не ограничилось. 16 февраля (1 марта) приказом военного комиссара Войцеховского «за натравливание одной части населения на другую и за контрреволюционное направление» была закрыта газета меньшевиков «Рабочее дело» (справедливости ради следует отметить, что меньшевики переименовали свою газету в «Рабочее слово» и ещё какое-то время продолжали её издавать). На следующий день Ростовский ВРК распустил городские думы Ростова и Нахичевани. Но на прошедших выборах в Ростово-Нахичеванский Совет меньшевикам по традиции всё же удалось собрать значительное количество голосов.

когда стимулы торгово-закупочной деятельности были уничтожены, а о безопасности не приходилось и говорить, трудно было насытить товарами прилавки открытых в приказном порядке магазинов. Развернувшаяся борьба со спекулянтами приводила лишь к росту цен на мгновенно возникшем «чёрном» рынке.

Активно проводилась агитационная и культурно-просветительная работа. Но на катастрофическое падение уровня жизни и она никоим образом повлиять не могла.

15 (28) февраля Антонов-Овсеенко вернулся в Ростов, и в тот же день пришла из центра безнадежно запоздавшая телеграмма, содержащая директивы для переговоров с представителями Круга:

«Ростов/Дон. Антонову из Петрограда № 1220, 28/II – 1918 г. 14 ч. 40 м.

Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству. В ответ на вашу телеграмму из Новочеркаска, сообщаем, – пусть уполномоченный съезд городских и сельских советов всей Донской Области вырабатывает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской Области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого бассейна. Послать к вам делегата не можем, здесь все заняты по горло. Просим вас представлять Совнарком или назначить кого-либо по вашему выбору.

Ленин. Сталин»

Как видно, даже и речи не шло ни о «невхождении» советских войск в Новочеркасск, ни о сохранении каких-либо атрибутов атаманской власти. Само понятие «Войсковой Круг» выводилось из употребления и заменялось термином «Советы». Впрочем, к этому времени пришедшие директивы уже не играли существенной роли, так как падение Войскового правительства стало свершившимся фактом. И Круг, при всём желании,

не мог теперь решать какие бы то ни было вопросы, так как его уже не существовало.

Однако и Антонову-Овсеенко не удалось принять участие в разворачивающемся социалистическом строительстве. 19 февраля (4 марта) он получил из Смольного телеграмму³⁴ и в тот же день выехал в Харьков. Вскоре им даны были предписания: Саблину сосредоточиться в районе Харьков – Полтава, Сиверсу проследовать к Курску, 4-й кавалерийской дивизии, Сибирской артиллерийской бригаде и тяжёлому артдивизиону оставаться в Харькове и ждать дальнейших указаний.

Войска спешно оставляли Ростов³⁵.

³⁴ «Мне предлагалось, – пишет Антонов-Овсеенко, – *вспомнив свою подлинную фамилию*, поступить в распоряжение Нарсекретариата Украины для командования всеми войсками против германо-австрийского нашествия».

³⁵ Боевая судьба отрядов и советских командиров, воевавших на Дону, сложилась по-разному.

Саблину предписано было сосредоточить части в районе Харьков – Полтава. 5(18) марта он был назначен командующим 4-й армией. С самого начала силы его были ничтожны, и по мере отхода на восток, таяли с каждым днём. 16(29) марта остатки армии сдали Полтаву и отошли на левый берег Ворсклы. Вскоре армия была расформирована. Оставшийся без войск Саблин в апреле был назначен военкомом Московского района Западного участка отрядов завесы. Участвовал в левозерновском выступлении (возглавил так называемый «Штаб обороны партии»). После его разгрома был приговорён трибуналом к 1 году тюрьмы, но амнистирован ВЦИК. В декабре 1918 г. командовал партизанскими отрядами в районе Харькова.

Войска Сиверса были направлены к Курску. Сам он со штабом прибыл в город 25 февраля (10 марта) и вступил в командование вновь создаваемой 5-й армией. В конце марта (середине апреля) между Путивлем и Ворожбой немцы нанесли Сиверсу чувствительное поражение. Отряды охватила паника. Бросая эшелоны и артиллерию, они откатились к Курску. «На линии Коренево – Курск, – извещал Сиверс Антонова-Овсеенко, – имею *боевых* 50 ч. пехоты и 40 ч. кавалерии, *больше ничего*, ответственности за боевой участок нести не в состоянии». Боевые действия на этом направлении вскоре прекратились, и Сиверс со штабом был переброшен под Харьков. Окончание боевых действий застало его в должности командующего 2-й (особой) армии, прикрывавшей Валуйки. Немцы, продвигавшиеся от Харькова на восток, активности на направлении, прикрываемом 2-й (особой), не проявляли. Лишь в середине (конце) мая, не согласившись с предложенной Воронежским совдепом демаркационной линией, они вытеснили части Сиверса к северу и востоку от Валук. С лета Сиверс командовал Особой бригадой, развёрнутой впоследствии в 1-ю Украинскую особую бригаду 9-й армии Южного фронта.

Этими же днями в город прибыл из Новочеркасска Донской Областной Военно-Революционный Комитет, который и взял вскоре значительную часть властных полномочий в свои руки³⁶. На состоявшемся 23 февраля (8 марта) закрытом заседании был сформирован президиум ВРК³⁷ в следующем составе:

- председатель Ф.Г. Подтёлков;
- заместитель председателя С.И. Сырцов;
- товарищи председателя И.А. Ермилов, М.Е. Власов, И.Д. Ченцов;
- секретари М.В. Кривошлыков, И.А. Дорошев.

4-й кавдивизии предписано было выдвинуться к Харькову и ждать дальнейших указаний. Указания были – проследовать в Курск и оттуда на фронт. Однако дивизия приказа не выполнила. Остатки её полков обошли город стороной и двинулись «для переформирования» в глубь России. На требование Курского Ревштаба выступить на фронт, конники заявили, что если их попросят задержать, дивизионная артиллерия обстреляет город.

4-я Сибирская артбригада демобилизовалась сразу же. От двух её батарей осталась лишь материальная часть и до 10 человек прислуги.

4-й латышский стрелковый полк идти в Харьков отказался и самовольно проследовал из Ростова в Воронеж.

Красногвардейцы Гатчинского отряда Левинсона заявили, что выступать на Украинский фронт отказываются наотрез и потребовали немедленного возвращения в Петроград.

13-й артдивизион в составе группы Г.И. Чудновского был окружён немцами у ст. Огульцы и после ожесточённого сопротивления 25 марта (7 апреля) уничтожен...

Время случайно набранных красногвардейских отрядов уходило безвозвратно. И если бы большевистские лидеры уже весной этого не осознали, их ждал неминуемый крах.

³⁶ 22 февраля (7 марта) на объединённом заседании Совета рабочих депутатов, фабрично-заводских комитетов и правления профсоюзов Подтёлков говорил: «...мы оставили Новочеркасск, который пришёлся нам не по духу, и пришли в Ростов, где у нас больше сочувствующих... Я, товарищи, никогда не имел дела с политикой. Но я теперь большевик потому, что большевики это те, кто защищает трудовой народ и кто стоит за братство и равенство. У нас много полков, на которые мы опираемся, сколько их, не могу сказать потому, что я человек с военными способностями, по службе был отличен и стратегию знаю. Нас хватит на всё...»

³⁷ Вновь созданный Областной Военно-революционный комитет размещался в Ростове, в «Палас-Отеле», расположенном на углу Таганрогского (ныне Будённого) проспекта и Скобелевской (ныне Красноармейской) улицы. В настоящее время здание занимает Городская больница № 8.

Создавались также и отделы³⁸.

По сути, образовывалось правительство несуществующей ещё Донской автономии. Аналогичным образом предполагалось организовать власть и на местах. Приказом № 4 ВРК регламентировал структуру и организацию Советской власти на местах³⁹.

³⁸ «Начались *попытка* творческой работы по организации нового строительства, по ликвидации анархии и по очищению области от остатков календины, – пишет Борисенко. – Для управления областью Военно-Революционным Комитетом были организованы следующие отделы: Управления, Военный, Совет Народного Хозяйства, Финансов, Земельный, Путей сообщения, Народного образования, Юстиции, Врачебно-санитарный, Труда, Почт и телеграфа, Общественных недвижимых имуществ, Продовольствия».

³⁹ «С упразднением старой отжившей власти, не отвечающей интересам трудящихся, – говорилось в приказе, – Донской Казачий Военно-Революционный Комитет предписывает всем округам, станицам, волостям, хуторам, сёлам и посёлкам немедленно приступить к организации Советов на местах согласно нижеприведённой инструкции.

1. Хуторской атаман, сельский староста или Комитеты, если таковые имеются, созывают хуторской, сельский сбор с участием всех лиц обоёго пола, достигших двадцатилетнего возраста.

Сбор выбирает из своей среды местный хуторской сельский Совет Казачьих, Крестьянских и Рабочих депутатов, по расчёту одного представителя на каждые двадцать пять человек...

В Советы не могут быть избираемы и избирателями лица, не стоящие на защите прав трудового народа, например: попы, купцы, старые полицейские, жандармские чины и офицеры, не стоящие в рядах революционной армии.

Советы выделяют из себя Исполнительный Комитет в составе 7–9 человек и более...

Исполнительный Комитет выделяет из себя президиум, т.е. председателя, товарища председателя, секретаря и казначея, на который возлагается исполнение всех постановлений Исполнительного Комитета и Совета...

Исполнительный Комитет о всех своих действиях даёт отчёт общему собранию Совета...

2. Хуторские и сельские советы посылают своих представителей на станичные и волостные съезды Советов по расчёту одного представителя на 300 человек населения...

3. Станичные и волостные съезды Советов посылают своих представителей на окружные съезды Советов по расчёту одного представителя от каждого трёх тысяч населения избирателей...

4. По создании на местах Советов, все существующие доселе Управления упраздняются.

5. Все отделы Советов независимо от выборов имеют право приглашать в отделы опытных лиц, которые работают под контролем отдела.

6. Впредь до созыва Областного Съезда Советов все Советы избираются на неопределённый срок с правом отзыва депутатов их избирателями во всякое время.

Как и любая власть, Областной ВРК старался упрочить своё положение, для чего спешил решить следующие задачи:

– слом старого административно-хозяйственного аппарата

Председатель Подтёлков.

Секретарь Кривошлыков.

Прилагается приблизительная рассмотренная схема отделов.

1) *Юридический отдел*. В основу организации этого отдела можно взять технический аппарат упразднённых судов со всеми средствами, имуществом и служебным персоналом...

При юридическом отделе и под его контролем и руководством организуются суды, трибуналы и т.п. в городе и уезде...

2) *Финансовый налоговой отдел*...

3) *Продовольственный отдел*...

4) *Отдел промышленности (Рабочая секция)*. Все учреждения, какие до сих пор имели отношение к промышленности, инспекции и т.п., подчиняются этому отделу...

5) *Военный отдел (Казачья и солдатская секция)*. Военному отделу подчиняются все войсковые части, расположенные в районе той области, которой управляет Совет. Военным отделом утверждаются командные должности...

6) *Народное образование*...

7) *Культурно-просветительный отдел*... Средства культ. просвет. отдела образуются из обложений, сборов и конфискаций.

8) *Отдел охраны*. Весь аппарат милиции и все средства передаются в распоряжение этого отдела. Охрана уезда или губернии относится за счёт отдела по крестьянским делам (прежнего земства). Охрана города – за счёт отдела по городским делам (прежняя город. дума и управа). Отдел охраны делится на 2 коренных подотдела: 1) городской и 2) уездный. Каждый подотдел выделяет специальные столы: 1) борьба с самогоном и пьянством; 2) борьба с контрреволюцией; 3) с воровством и мародёрством; 4) с спекуляцией и т.д.

а) Все протоколы отдел охраны направляет в следственный подотдел юридического отдела, куда и передаётся арестованный.

б) Все комиссары городские и уездные, а также и губернские, должны быть переименованы в заведующих подотделов отдела охраны и подчинены Совету. *При нежелании их подчиниться Советской власти, они смещаются и заменяются другими...*

В порядке внутреннего управления Совета Р. С. и Кр. Депутатов организуются следующие общие отделы: 1) экспедиция; 2) управление делами Совета (при президиуме); 3) секретариат; 4) бухгалтерия и казначейство; 5) хозяйственный отдел.

Такова может быть и должна быть схема организации аппарата Советской власти на местах, в меньшем или большем размере, с той или другой разницей, за исключением или прибавлением тех или иных отделов, в зависимости от положения данной местности; *всё равно, схема должна быть одна...*»

- (при этом планировалось подчинить и по возможности использовать отдельные его структуры);
- подчинение вновь образуемым Советам оформившихся в ходе гражданского противоборства «революционных» властных структур (комиссары, комитеты);
 - отстранение от выборов и участия в политической жизни слоёв и отдельных лиц, которые могли быть враждебны новой власти;
 - концентрация в руках Советов всей полноты власти⁴⁰;
 - наведение элементарного порядка, борьба с бандитизмом и анархистскими проявлениями;
 - подготовка созыва Областного съезда Советов, большинство депутатов которого симпатизировали бы новой власти.

Другое дело, что из задуманного удалось воплотить в жизнь далеко не всё, но многое в свете скорейшего становления новой власти выглядело весьма здравым, а начинания ВРК энергичными и целеустремлёнными.

«Этот приказ, подробно освещающий замысел областной власти о системе организации средних и низовых звеньев Советского аппарата, конечно, не был проведён в жизнь на местах, – пишет Борисенко, – он интересен как документ, характеризующий подход к советскому строительству первых органов власти – Военно-Революционных Комитетов...»

С его словами трудно не согласиться. Но при этом не стоит забывать, что в своей деятельности Донской ВРК, претендующий на всю полноту власти в Области, именно принятыми программными документами и руководствовался.

⁴⁰ Следует отметить, что с самого начала отбрасывался принцип разделения властей. Советы, как представлялось, должны были объединить в своём лице три ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную.

Даже и воинские части, находящиеся на территории Области, предполагалось в той или иной мере подчинить Донскому ВРК.

8.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

15(28) февраля в «Известиях Революционных войск», печатном органе штаба Народного комиссара по борьбе с контрреволюцией за подписью самого Антонова-Овсеенко было опубликовано следующее сообщение: «...из Раздорской остатка добровольческой армии бежали к ст. Аксайской, где соединившись с остатками, отступавшими из Ростова и Нахичевани, отрядов пытаются по шоссе через станицу Ольгинскую перебраться на Кубань к Екатеринодару, занятому дикой дивизией. *Преследование корниловцев организуется*».

Даже и мобилизация необходимых для этой задачи сил и средств натолкнулась на определённые трудности. Само же преследование отошедших на левый берег добровольцев продолжалось несколько дней, оказалось делом непростым и к чему-либо значимому не привело.

Добровольческая армия ушла из Ростова и, никем не преследуемая, переправилась через Дон в станицу Ольгинскую. Несмотря на победные реляции, советское командование особых иллюзий не питало: добровольцы не разбиты, сохранили боеспособность и высокий боевой дух. А главное, вряд ли будут оставаться пассивными. Понимание того, что покончить с Корниловым необходимо как можно скорее, имело место. Но сделать это теперь было не так-то просто.

Подтягивать резервы по железным дорогам и создавать значительные группировки на направлении главного удара и Саблин, и Сиверс, надо отдать им должное, научились. Когда же противник ушёл в сторону от основной магистрали, сразу же возникли проблемы. Однако не только и не столько это обстоятельство затрудняло возобновление активных боевых действий. Как представлялось, с занятием Ростова и Новочеркаска с противниками Советской власти на Дону будет покончено раз и навсегда. То, что этого не произошло, для пошедших с большевиками фронтовиков явилось неожиданным и неприятным сюрпризом. И в условиях объявленной демобилизации Старой

армии, вновь двинуть в огонь солдатские массы, которые и составляли большую и наиболее боеспособную часть советских войск, было весьма затруднительно.

Тем не менее, всё, что возможно, по-видимому, было сделано.

Вот что пишет об организации преследования Антонов-Овсеенко: «К вечеру 24-го⁴¹ Ростов был прочно занят. Но части Сиверса, в том числе и 4-я дивизия, были так утомлены, что оказались неспособными преследовать противника. Я спешно вызвал в Ростов из Таганрога отряд Шарова⁴².

Ещё более неприятным было известие о неисполнении группой Автономова приказа о занятии ст. Ольгинской. Было совершенно ясно, что, если мы не займём этой станицы, то корниловцы, используя переправу у Акса, уйдут в Сальский округ или на Кубань. Я немедленно лично отправился в Батайск, чтобы добиться исполнения моего приказа.

Мост на 6 версте от Ростова к Батайску оказался взорванным корниловцами. Перебираться пришлось по льду. В штабе Батайской группы я застал полный беспорядок. Ставропольский полк, оказалось, уже ушёл самовольно в тыл. 112-й Бакинский⁴³ – митинговал. Я был на этом митинге. Слушали меня, как будто, сочувственно. И подозрительный тип, большой горлопан (впоследствии я узнал, что это бывший поручик полка, осолдавшийся после революции), упрямо подбивавший солдат не выполнять приказа о движении к Ольгинской, не встречал как будто одобрения. *Полк принял при мне решение выступить.*

...С Сиверсом я сговорился о выделении специального отряда (Шимановского) для преследования корниловцев. Эта же задача поручена и Шарову (он с 21 февраля был в Таганроге, откуда и вызван с 200 конниками и 2 орудиями в Ростов).

⁴¹ По новому стилю.

⁴² Комиссар Изюмского района Шаров принимал участие в попытке разоружения 6-го Донского полка на его пути к Новочеркаску. Именно на его отряд, пополненный эскадронами 4-й кавдивизии и артиллерией, и была возложена задача, преследовать Добровольческую армию на левом берегу Дона.

⁴³ Антонов-Овсеенко допустил неточность. Речь идёт о 112-м запасном полке, вызванном Автономовым из Ставрополя. 153-й Бакинский полк оказался более дисциплинирован.

...112-й полк так и не выполнил приказа о занятии ст. Ольгинской, что спасло остатки корниловцев от разгрома. 112-й полк самовольно отбыл из Батайска в Ставрополь демобилизоваться. Я заклеил поведение 112-го полка и предал его командира и комиссара Сухоцкого ревсуду Юго-Восточной армии.

...Из-за недисциплинированности 112-го полка и полнейшей переутомлённости отрядов Сиверса, организовать преследование корниловцев толком не удалось.

Тов. Шаров, со своим небольшим отрядом, вызванный мною из Таганрога, только 24-го въехал в Ростов (у него одна батарея – 4-я Сибирская и 2 эскадрона⁴⁴).

В ночь на 13(26-е) корниловцы переправились у Ольгинской через Дон⁴⁵. Всего их было до 5000 с 8 оруд. Шаров, установив связь с отрядом Шимановского (до 300 пехоты) и Черноморской батареей (у ст. Аксай), обстрелял Хомутовскую⁴⁶ и переправился вслед Корнилову. Шимановский должен был действовать к Хомутовской, батарея обстреливает Ольгинскую.

...13(26) февраля тов. Шаров без боя занял Старочеркасск и 14(27-го) настиг у Хомутовской колонну Корнилова. Он сообщил об этом в записке от 16 февраля (1 марта)⁴⁷:

«Со станции Аксай. Записка, Ростов, Наркому Антонову, копия Сиверсу. – Доношу, что мною станция⁴⁸ Старочеркасск взята без боя... Вёл бой под Хомутовской с *четырёхтысячным* отрядом «Белого Дьявола⁴⁹», который был под командой Корнилова. Потерь у меня нет, а за время *девятичасового* боя убита у меня лошадь, четыре пулемёта расплавились в бою. Участвовали пехота, в составе 40 человек, кавалерия и 3 орудия моего отряда. Противник переходил несколько раз в контратаку, его артиллерия с такими колоссальными пехотными и конными

⁴⁴ Эскадроны 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии.

⁴⁵ Это ошибка. Добровольческая армия переправилась на левый берег Дона у ст. Аксайской на рассвете 10(23) февраля 1918 г.

⁴⁶ Видимо, имелась в виду всё же Ольгинская.

⁴⁷ В тексте ошибочно указана «несуществующая» дата 29 февраля.

⁴⁸ Так в тексте. Имеется в виду, конечно же, *станция* Старочеркасская.

⁴⁹ Так называли сотника Грекова, в отряде которого, вскоре расформированного, было не более 150 человек.

силами побита мною здорово. Потерь у него около 600 человек; преследовать его я не мог, мои лошади двое суток были в упряжи, таская артиллерию 36 вёрст, измучились, как и пехота, и артиллеристы...»

Несмотря на некоторое расхождение с датами, в сотню раз завышенное число предполагаемых потерь противника, докладная записка Шарова позволяет судить как о нём самом, так и о состоянии советских войск, занявших Ростов. Сам тон доклада, заведомо оторванные от реалий цифры ставят под сомнение деловые качества комиссара Шарова. Но вместе с тем, нельзя забывать, что он оказался единственным командиром, который сумел сколотить отряд и в течение нескольких дней весьма настойчиво преследовал и тревожил численно превосходящего его противника.

События же в Задонье развивались следующим образом. 11(24) февраля усиленный конный дозор наткнулся на отряд сотника Грекова⁵⁰, стоявший южнее Ольгинской, и после недолгой перестрелки отошёл в степь. Сам Шаров с главными силами, проследовав утром 13(26) февраля через Аксайскую, в тот же день занял лишь незадолго до этого оставленную отрядом Походного атамана П.Х. Попова станицу Старочеркасскую. Переправившись на следующий день через Дон, Шаров к ночи выдвинулся к Хомутовской. Пехота перекрыла тракт. Составлявшие ядро его отряда кавалеристы двух-трёх эскадронов 4-й кавдивизии с одним орудием обошли станицу с юга и на рассвете 15(28) февраля, выдвигаясь на её окраину, наткнулись на выстраивавшийся в колонну обоз добровольцев. Обоз был обстрелян, но паника на строевые части «корниловцев» не распространилась. Вышедшие из Хомутовской офицерские роты и действенный огонь 1-й батареи Миончинского заставили советскую конницу отступить.

В дальнейшем эскадроны 4-й кавдивизии шли по пятам отходившей Добровольческой армии, занимая станицы сразу же по оставлению их добровольцами. Но, увлечшись преследованием, восточнее Кагальницкой 17 февраля (2 марта) они попали в

⁵⁰ Отсюда, по всей видимости, и упоминание в записке об отряде «Белого Дьявола».

устроенную полковником Глазенапом засаду. Заманив противника в лощину, кавалеристы Конного дивизиона встретили его огнём в упор. Понеся серьёзные потери⁵¹, советский отряд тут же повернул назад. К этому времени сам Шаров находился уже в Аксайской и успел доложить Антонову-Овсеенко, что преследование прекращает.

Надо отдать ему должное. То, что серьёзное боестолкновение с Корниловым повлечёт за собой уничтожение его незначительного отряда, Шаров понял ещё до получения известий о разгроме под Кагальницкой. Удивляет то, как описал этот эпизод в своих воспоминаниях Антонов-Овсеенко. Обычно не скупившийся на беспощадную критику допустивших излишнее бахвальство и недостаточную распорядительность командиров, в этот раз весьма сомнительную записку Шарова Глазковерх оставил без внимания и от оценки результатов его недолгого рейда уклонился⁵². Вероятно, ему импонировал энергичный, как казалось, деятельный, уверенный в себе человек⁵³.

⁵¹ Я. Александров утверждает, что только убитыми и оставленными на поле боя красногвардейцы потеряли до 200 человек.

⁵² Впрочем, после того как Добровольческая армия переправилась на левый берег Дона и заняла Ольгинскую, особых иллюзий не питал и сам Антонов-Овсеенко. 13(26) февраля он телеграфировал в Смольный: «...Корнилов и корниловцы стараются прорваться к Екатеринодару... Из-за порчи железных дорог и некоторой расхлябанности не сможем помешать...»

⁵³ Когда войска ушли на Украинский фронт, Шарову было приказано выдвинуться в район Курска. По пути следования отряд его был серьёзно усилен как боевыми частями всех родов оружия, так и вспомогательными подразделениями. До подхода Сиверса ему надлежало принять командование на этом направлении. К вечеру 21 февраля (6 марта) три эшелона Шарова (в том числе, и 4-я батарея Сибирской артбригады) прибыли в Ворожбу. Там ему был подчинён Примаков.

По складу характера и деловым качествам Шаров, которому вряд ли можно было отказать в личной храбрости, был в то же время скорее военкомом или комендантом, но никак не боевым командиром самостоятельного направления. Видимо, понимая это лучше других, Шаров всю свою энергию направил на укрепление тыла. При этом действовал он инициативно и решительно, но весьма специфически. 27 февраля (12 марта) комендант Конотопа Коробченко издал согласованный с Шаровым приказ о расстреле каждого, кто выйдет на улицу после 18.00. Сам Шаров в этот же день приказал Коробченко уничтожить в городе всё обнаруженное спиртное, так как «алкоголь – зло для революции». «Злые языки, – писал Антонов-Овсеенко, – утверждали, что сей приказ издан Шаровым в пьяном раскаянии...»

К тому же, поставив Шарова на командную должность ещё в Харькове, Антонов-Овсеенко не хотел разочаровываться в нём и тем признать ошибочность своего выбора.

Так или иначе, но добровольцев оставили в покое. Некоторые принятые Антоновым-Овсеенко меры решительностью не отличались и носили чисто вспомогательный характер. Сиверсу было дано указание силами подошедшего Макеевского отряда⁵⁴ (250 штыков при 5-ти орудиях и 25-ти пулемётах), вновь организованного Таганрогского сводного отряда (200 штыков, 4 пулемёта) и 3-го Латышского стрелкового полка занять и взять под охрану участок железной дороги от Ростова до Тихорецкой, имея в виду в том числе и противодействие прорыву добровольцев на Кубань с этого направления. Туда же направлялись переподчинённые Сиверсу два батальона 153-го Бакинского полка, выразившие желание продолжить службу, а также одна из батарей 39-й пехотной дивизии.

Автономову же Антонов-Овсеенко 15(28) февраля приказывал: «Тов. Автономову. Командующему Юго-Восточной армией. Командование над революционными частями, действующими в районе Сосыка-Ейская, мною передано тов. Сиверсу. Вы отправьтесь в Тихорецкую и далее, где нужно, для организации района Великокняжеская – Тихорецкая – Ставрополь, для подготовки наступления на Екатеринодар».

Сам же Антонов-Овсеенко к этому времени всё своё вни-

Конотопский совет создал комиссию, пытавшуюся бороться «с безобразиями его отрядов», но Шаровым она была разогнана. Дело дошло до того, что Е. Бош предложила Шарову «заниматься не советами, а белой гвардией».

Боевая деятельность сводилась, в основном, к передаче подчинённым ему командирам по их просьбе тех или иных частей. Когда Антонов-Овсеенко прибыл в Путивль и встретил там Шарова, тот доложил, что в его распоряжении остаются два шестидюймовых орудия без лошадей и 45 штыков прикрытия, «остальные рассеялись». Шаров не был ни демагогом, ни алкоголиком. Просто возложенные полномочия и ответственность оказались ему не по плечу.

Пока на фронт ни прибыл Сиверс, из Курска непрерывным потоком шли жалобы на самоуправство Шарова и даже заявления о грабежах. В конце концов, Антонов-Овсеенко посчитал нужным расстаться с этим пользовавшимся поначалу его доверием человеком. 12(25) марта Шаров был отстранён от командования и отправлен для дальнейшей работы в Крым.

⁵⁴ Командовал отрядом Д.П. Жлоба.

мание вынужден был уделять совершенно иному противнику и иному театру военных действий, на который вскоре и убыл. Вот что он пишет: «В основном мы считали свою боевую задачу выполненной, оставалось закрепиться в жизненных районах Дона, Кубани, Северного Кавказа и добить отброшенного из них, деморализованного и лишённого источников снабжения и пополнения врага».

Эта задача представлялась уже второстепенной перед лицом тех событий, которые развёртывались по ожившему германо-австрийскому фронту».

8.3. БРЕСТСКИЙ МИР

8.3.1. Перемирие

Большевики⁵⁵, захватив в течение нескольких недель центральные районы страны и получив в распоряжение большую часть её материальных и людских ресурсов, казалось, не должны были испытывать проблем с упрочением своей власти. Активно – всё, и даже время, было за них и на них работало.

Но люди всегда остаются людьми. И свершения их, пресловутый субъективный фактор на переломе истории могут при определённых обстоятельствах повлиять на её ход. Брест-Литовск явился первой серьёзной ошибкой советской дипломатии, которая в одночасье поставила под сомнение само существование с таким трудом завоёванного и только лишь создаваемого Советского государства. Подписание мира с немцами, которое должно было укрепить лидирующее положение большевистской партии, едва не обернулось для неё катастрофой.

Между тем, ничто, казалось, этого не предвещало. Сам приход «ленинцев» к власти обусловлен был, прежде всего, обещанием немедленного мира. Отказаться от его выполнения было равносильным политическому самоубийству. Симпатии многих миллионов людей в серых шинелях и с винтовками в руках, благодаря которым только и возможен был Октябрь, в одночасье сменились бы жесточайшим разочарованием. Все те

⁵⁵ До определённого времени – в союзе с левыми эсерами.

*Представители Центральных держав
(слева направо: М. Гофман, О. Чернин, М. Талаат-паша, Р. Кюльман)*

социальные группы, которые, рассчитывая на мир, пошли за большевиками, не получив его, немедленно бы от них отвернулись, а весьма вероятно, и смели.

Всё это предельно чётко осознавал Ленин. Гений этого человека заключался и в том, что в критические моменты он без раздумий отметал сомнительные постулаты и революционную фразу, умел смотреть на вещи трезво и действовал решительно и предельно прагматично. Краеугольным камнем его политики оставалась борьба за завоевание и расширение социальной базы. Массы в окопах, в деревнях, на заводах требовали мира. И Владимир Ильич куда лучше других понимал, что эти требования не могут быть проигнорированы. К тому же воевать в любом случае было уже невозможно. Армия находилась в завершающей стадии разложения. О масштабах его можно было лишь догадываться, но последующие события вскоре показали, что действительность превзошла самые худшие ожидания.

Но и немцы желали скорейшего мира⁵⁶. Если Германия и

⁵⁶ В Германии вместе с тем существовала и весьма влиятельная «военная» партия, возглавляемая самим Вильгельмом II. Её представители требовали уже летом 1917 г. коротким сокрушительным ударом разгромить Россию и

Турция ещё держались, то Австро-Венгрия находилась у последней черты. Терзаемая обострившимися противоречиями страна напрягала последние силы и стояла на пороге голода. Не многим лучше дела обстояли и в Болгарии.

Приход большевиков к власти в германском Генеральном штабе ожидали с нетерпением и надеждой. Ленин не был «немецким шпионом», просто интересы его и созданной им, рвущейся к власти партии совпали на определённом этапе мировой войны с тактическими задачами германского генералитета. Расчёт был прост. Заключить сепаратный мир с большевиками, перебросить на запад освободившиеся войска и последним отчаянным ударом решить исход войны в свою пользу. Другого шанса после вступления в войну Северо-Американских Соединённых Штатов у Центральных держав уже не было. И немцы это осознавали.

Вторым по счёту законодательным актом, принятым Советским правительством был «Декрет о мире», опубликованный 28 октября 1917 г.⁵⁷ В нём, в частности, декларировалось следующее:

«Рабочее и Крестьянское Правительство, созданное революцией 24–25 октября... предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром... правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира *полномочными собраниями народных представителей* всех стран и всех наций...

вывести её из войны. Всё же было очевидно, что подобные действия с неизбежным глубоким проникновением на территории Российской метрополии требовали привлечения огромного количества войск и чреватые были самыми непредсказуемыми последствиями.

⁵⁷ Первым был закон об учреждении Совета Народных Комиссаров.

Дом в Брест-Литовске, в котором проходили переговоры

...Правительство... торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира...

Тайную Дипломатию Правительство отменяет...

Правительство предлагает... немедленно заключить перемирие...

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, *Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России* обращается также в особенности к сознательным рабочим трёх самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии.

...образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой в том, что рабочие названных стран...

всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения...»

Ответа на обращение Советского правительства не последовало. Положение большевиков, особенно в первые дни, не представлялось прочным. К тому же и Ставка подтверждала верность союзническим обязательствам. Однако в ночь на 9 ноября генерал Духонин был смещён с поста Верховного главнокомандующего Русской армии, и немцы посчитали, что ждать дальше нельзя.

Вновь назначенный на должность канцлера Гертлинг в своей речи в Рейхстаге высказался в том смысле, что предложения Советского правительства, как основа для начала общих переговоров о мире приемлемы. «Военная» партия вынуждена была уступить⁵⁸, и 14 ноября Германия заявила о своей готовности вести мирные переговоры. В этот же день Ленин от имени Совнаркома обратился с нотой к правительствам стран Согласия. В ней предлагалось присоединиться к Советскому правительству и приступить к мирным переговорам с Германией. При этом подчёркивалось, что если союзники не примкнут к переговорам, Советское правительство это не остановит.

Переговоры с Германией о перемирии начались 20 ноября 1917 г. в оккупированном немцами Брест-Литовске. Именно в этот день Ставка была занята, и большевики почувствовали себя куда увереннее. На первом заседании советская делегация предложила взять за основу соглашения «Декрет о мире». Представитель Германии генерал Гофман в ответ заявил, что не уполномочен вести переговоры о целях войны, и потребовал ограничиться лишь военной стороной перемирия. При этом он отметил, что поскольку русская делегация не имеет полномочий от Англии и Франции, то речь может идти только о сепаратном перемирии.

⁵⁸ «Нечего и говорить, – вспоминал Гинденбург, – что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властями Восточной России. Впрочем, тогда там всё так волновалось, что я лично не верил в длительное господство террора».

На следующем заседании 21 ноября советская делегация изложила свои условия:

- перемирие заключается сроком на 6 месяцев, при этом военные действия приостанавливаются на всех фронтах;
- немцы очищают Моонзундские острова и Ригу;
- запрещаются переброски немецких войск на Западный фронт⁵⁹.

При этом подчёркивалось, что речь идёт вовсе не о сепаратных соглашениях, а о прекращении войны в целом.

На это Гофман заявил, что такие условия могут предлагать только победители⁶⁰ и в свою очередь предложил перемирие, закрепляющее сложившееся на фронте положение.

Получив в ночь на 22 ноября приказ Совнаркома не подписывать перемирия, советская делегация на следующем заседании потребовала «ввиду выявившихся разногласий» перерыва переговоров. После недолгих колебаний немцы согласились на некоторые уступки. Создана была военная комиссия, которая предложила следующее:

- перемирие заключается сроком на 10 дней, с 24 ноября по 4 декабря;
- войска сохраняют занятые позиции, всяческие переброски войск, кроме *начатых*, прекращаются.

Соглашение было подписано, и советская делегация выехала в Петербург. 24 ноября Наркоминдел обратился к послам стран согласия с очередной нотой. В ней предлагалось незамедлительно присоединиться к мирным переговорам с Германией. Ответа не последовало.

2 декабря⁶¹ второй раунд переговоров завершился заключе-

⁵⁹ Как видно, Ленин вовсе не спешил рвать отношения с Антантой, и Совнарком, по крайней мере на словах, старался демонстрировать свою лояльность по отношению к бывшим союзникам. Если бы большевикам действительно удалось инициировать прекращение военных действий и возврат к границам 1914 г., они автоматически добились бы признания Советской власти и неизмеримо подняли свой авторитет в стране и в мире.

⁶⁰ «Достаточно, однако, взглянуть на карту, – добавил Гофман, – чтобы судить, кто является побеждённой стороной».

⁶¹ 29 ноября, до открытия конференции, во время одного из заседаний советской делегации, застрелился представитель Ставки полковник гене-

нием перемирия сроком на 28 дней. В случае разрыва стороны обязались уведомить противника за 7 дней до возобновления военных действий. Договорились, что начатые немцами переброски на Западный фронт производятся, но новые не допускаются⁶².

6 декабря Совнарком выступил с обращением «К трудящимся, угнетённым и обескровленным народам Европы», в котором сообщал, что в Брест-Литовске подписано перемирие, и этим

рального штаба В.Е. Скалон. «...работал он в разведывательном управлении, – писал о Скалоне назначивший его в группу военных советников М.Д. Бонч-Бруевич, – был серьёзным и отлично знающим военное дело офицером и с этой точки зрения имел безупречную репутацию... Причины его самоубийства остались неизвестными. Но, судя по рассказам очевидцев, на Скалона произвели удручающее впечатление заносчивые требования, да и само поведение германского командования. Конечно, этот ещё недавно блестящий гвардеец не мог видеть за начавшимися переговорами того, ради чего Ленин пошёл на этот шаг. Ему... казалось невыносимым оказаться в зависимости от опытных лёгкой победой прусских милитаристов, и без того грубых и высокомерных. Как и многие, он считал, что Россия повержена в прах...

Самоубийство Скалона, разумеется, ничего не изменило...»

Следует отметить, что существовало и иное объяснение происшедшего. Вот что пишет о самоубийстве Скалона заменивший его А.А. Самойло: «...в Брест руководить комиссией по перемирию приехал Скалон. Через два-три дня по приезде он собрал совещание с немцами о порядке перемирия. Затем, сославшись на то, что ему понадобилась какая-то карта, Скалон поднялся за ней в свою комнату и... назад не вернулся. Пришедшие за ним нашли его на полу мёртвым. Трагическое происшествие было совершенно определённым образом истолковано Гофманом, а, следовательно, и всеми немцами в Бресте. Менее ясным оно было для меня: мне представлялась необъяснимой фантазия моего Владимира Евстафьевича – выбрать такое место, время и даже момент для того, чтобы покончить счёты с «позором страны».

Найдя же среди бумаг Скалона, переданных мне вместе с комнатой, где он жил, письмо, полученное в день смерти от какого-то приятеля с сообщением о развратном поведении жены Скалона, из-за которой он столько выстрадал, я, конечно, остался при особом мнении относительно причины трагедии. Весь штаб фронта во главе с самим Леопольдом Баварским подчёркнуто торжественно похоронил бедного Скалона как павшего «жертвой позора» своей родины».

⁶² Большинство намеченных частей и соединений немцы начали перебрасывать до возобновления переговоров. «Поэтому, – писал Гофман, – я легко мог заверить русских в том, что во время перемирия никакие войска не будут вновь отправлены на запад, кроме тех частей, которые уже туда отозваны».

«Октябрьская революция в России открыла трудящимся всех стран путь к миру». Союзники вновь предупреждались, что, если они не примкнут к переговорам, Советское правительство вынуждено будет вести их самостоятельно⁶³.

8.3.2. Первый этап переговоров

В 16 часов 24 минуты 9 декабря в здании Офицерского собрания Брест-Литовска начались переговоры о мире. Принц Леопольд Баварский⁶⁴ открыл мирную конференцию, после чего покинул зал. Председательствовал на первом заседании глава германской делегации министр иностранных дел Р. фон Кюльман⁶⁵. За стол переговоров с советскими представителями⁶⁶ сели также австро-венгерская делегация во главе с министром иностранных дел графом О. Черниным, болгарская, возглавляемая министром юстиции Поповым, и турецкая с председателем Талаат-беем.

Нет возможности подробно описывать все перипетии растянувшихся на многие недели переговоров. Но для понимания всех последующих событий основные моменты отразить необходимо⁶⁷.

⁶³ Антанта и на этот раз не ответила, и на то были веские причины. Перелом на основных фронтах едва лишь начинал обозначаться. Переговоры о мире в условиях оккупации противником значительной части своей территории неизбежно вели к серьёзным уступкам. О достижении главной цели войны: устранение или решающее ослабление Германии, как политического конкурента, не могло в этих условиях идти и речи. К тому же, садясь за стол переговоров, союзники не только признавали Советское правительство, но и вынуждены были закрыть глаза на его откровенно сепаратные, предварительно не согласованные действия.

⁶⁴ Номинальный Главнокомандующий Восточным фронтом.

⁶⁵ В дальнейшем представители участвующих в переговорах стран председательствовали попеременно.

⁶⁶ Возглавлял советскую делегацию большевик А.А. Иоффе. В состав её также входили Л.Б. Каменев, М.Н. Покровский, А.А. Биценко, секретарь – Л.М. Карахан, консультант – М.П. Павлович, военные консультанты – В. Альфатер, А. Самойло, В. Липский, И. Цеплит.

⁶⁷ К тому же не следует забывать, что подписание Брест-Литовского договора очень скоро и самым непосредственным образом повлияло на расстановку сил и ход событий на Дону.

Сразу же советская делегация заявила, что исходя из общих положений «Декрета о мире», предлагает принять за основу программу, декларирующую в частности, следующее:

- не допускаются никакие насильственные действия присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок;
- восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены;
- национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о присоединении к тому или иному государству, либо о создании собственного; при этом гарантируются права национальных меньшинств;
- ни одна из воюющих сторон не может быть принуждена к выплате контрибуций; выплаченные ранее суммы подлежат возврату; убытки частных лиц возмещаются из образуемого сторонами специального фонда;
- колониальные вопросы решаются на основании изложенных принципов.

По оглашении предложений советской делегации Кюльман попросил представить их в письменном виде и предложил объявить перерыв в работе конференции.

Выявились разногласия как между делегациями стран Четверного союза, так и между Кюльманом и Черниным с одной стороны, и Гофманом – с другой. С огромным трудом генерала удалось убедить в том, что принятие советских предложений не будет означать для немцев отказ от оккупированных Польши, Литвы и Курляндии, поскольку эти страны «уже отделились от России и вопрос о своём политическом статусе будут решать с Германией».

Только лишь вечером 12 декабря переговоры возобновились. Кюльман заявил следующее: «Делегации союзных держав исходят из ясно выраженной воли своих правительств и наро-

дов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира.

Делегации союзников, в полном согласии с неоднократно высказанной точкой зрения своих правительств, считают, что основные пункты русской декларации *могут быть положены в основу переговоров о таком мире.*

Делегации Четверного союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей...»

Согласие германского блока присоединиться к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций» вызвало такой ажиотаж, что мало кто обратил внимание на следующую оговорку в речи министра: «Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы *все причастные к войне державы*, без исключения и без оговорок, в определённый срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия⁶⁸».

Поскольку ясно было, что остальные страны Антанты не присоединятся к мирным переговорам, согласие Центральных держав с предложениями советской делегации превращалось теперь лишь в ни к чему не обязывающую декларацию. Однако и сам факт заявленного принципиального согласия с советской формулой мира «без аннексий и контрибуций» представлялся большевикам огромным достижением. Поэтому советская делегация лишь отметила намечающиеся разногласия и предложила объявить десятидневный перерыв, во время которого обсудить непосредственно между государствами конкретные пункты договора.

На следующий день 13 декабря приступила к работе вновь

⁶⁸ Немцы потребовали, чтобы вопрос о национальном существовании групп, *не пользовавшихся политической самостоятельностью до войны*, решался бы «в каждом отдельном случае самим государством вместе с народом». Также Германское правительство заявило, что от колоний отказаться не может.

созданная смешанная политическая комиссия. Начались переговоры между советской и германской делегациями⁶⁹, и поначалу продвигались они вполне успешно. В самом начале советская делегация предложила рассмотреть территориальные вопросы, но понимания это требование не нашло. Экономический же блок каких-либо нареканий у обеих сторон не вызывал. «В 9 часов утра, – вспоминал Чернин, – начались переговоры по специальным вопросам. Приготовленная Кюльманом программа, касающаяся экономических вопросов и вопросов представительства, была так скоро и гладко принята, что уже в 11 часов заседание должно было быть прервано за отсутствием материала...» Перед окончанием заседания советская делегация вновь предложила приступить к рассмотрению территориальных вопросов. Кюльман ответил в том смысле, что поднимать этот вопрос пока что не следует, так как стороны к этому не готовы.

Желание немецких и австрийских дипломатов решить вначале второстепенные вопросы и оттянуть как можно дальше рассмотрение основополагающих привело к прямо противоположному результату. Из перехваченной радиограммы немцы узнали, что советская делегация уже проинформировала Петроград «о присоединении Германии к демократической формуле мира», что вполне можно было трактовать, как согласие немцев и на предложенные большевиками условия. Более того, один из офицеров германской делегации сообщил генералу Гофману о том, как в приватной беседе прикомандированный к советской делегации русский офицер выразил надежду, что по подписанию мирного договора германские войска очистят оккупированные территории⁷⁰ и отойдут на старую границу 1914 г.

Всё это германским командованием воспринято было весь

⁶⁹ Присоединились к переговорам и австрийцы, так как по заявлению Кюльмана у них с немцами имелось «много точек соприкосновения».

⁷⁰ Следует отметить, что этот эпизод М.Н. Покровский трактует несколько иначе. «...когда один из членов нашей военной миссии, – пишет он, – спросил его (Гофмана), за обедом, как скоро немцы очистят первую зону (занятой ими территории), и какое пространство они намерены очистить в качестве такой зоны, – обычный военный вопрос, – то на вопрос, какое пространство они очистят, Гофман ответил: «Ни одного миллиметра».

ма болезненно. Из ставки в Крейнцнахе поступила, адресованная Кюльману и Гофману, телеграмма Гинденбурга. В ней генерал требовал немедленно «внести ясность в положение». Вечером 13 декабря «за чашкой чаю» Гофман сообщил советскому представителю, что Германия термин «мир без аннексий и контрибуций» понимает несколько иначе и не может эвакуировать занятые Польшу, Литву и Курляндию⁷¹.

Советская делегация потребовала встречи с Гофманом, Кюльманом и Черниным, которая и состоялась на следующий день⁷². Совещание длилось несколько часов и неоднократно прерывалось, так как немцы и австрийцы не сразу могли договориться и между собой. Чернин предлагал компромиссное решение, заключавшееся в том, что до подписания мирного договора оккупация занятых территорий будет продолжаться, а по его заключению в Польше, Литве и Курляндии будет проведён *под наблюдением нейтральной страны* плебисцит, который и определит дальнейшую судьбу этих стран. Однако это предложение было отвергнуто не только советской стороной, но и немцами.

Советская делегация заявила о намерении покинуть Брест-Литовск и прекратить переговоры, что произвело серьёзное впечатление. Чернин проинформировал Кюльмана, что «если Германия слишком далеко зайдёт в своих требованиях, Австро-Венгрия поведёт с Россией сепаратные переговоры». В ответ Кюльман выразил пожелание, чтобы для давления на германское командование заявление австрийцев было передано ему в письменном виде. Чернин его просьбу удовлетворил. Как видно, дипломаты стран Четверного союза в принципе готовы были идти на уступки, и обстановка советской делегации бла-

⁷¹ Обосновывая этот постулат, Гофман ссылаясь на расположение на указанных территориях военных мастерских, а также и на позицию самого Советского правительства, которое продекларировало право наций на самоопределение. По словам Гофмана, Польша, Литва и Курляндия уже выразили желание отделиться от России, и если теперь вступят в переговоры с Германией о своём новом статусе, это не станет их аннексией.

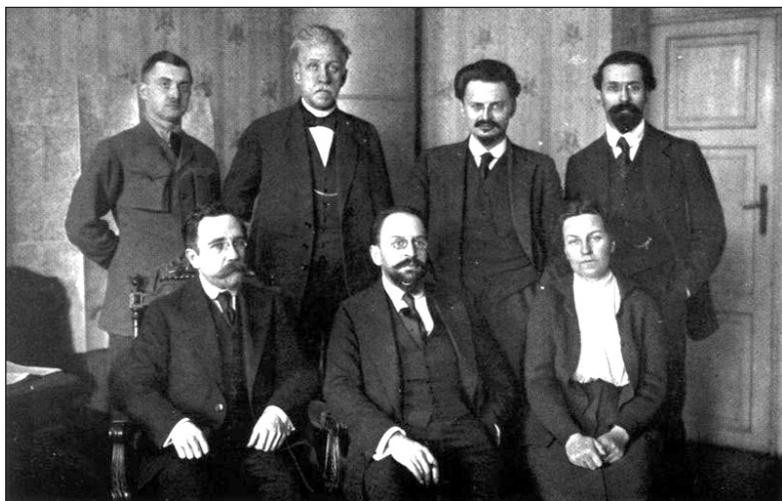
⁷² «Русские в отчаянии: часть их хочет уезжать, – писал Кюльман. – Они думали, что германцы просто откажутся от оккупированных областей и отдадут их большевикам...»

гоприятствовала. Однако воспользоваться этим большевикам не удалось.

Совещание длилось уже несколько часов. В итоге было принято решение перенести дальнейшее обсуждение «условий эвакуации» в комиссию, работа которой возобновилась тем же вечером 14 декабря. Советская делегация предложила вывести с оккупированных территорий все войска одновременно. Россия при этом очищала бы занятые во время войны части Австро-Венгрии, Турции и Персии, державы Четверного союза уходили из Польши, Литвы и Курляндии. При этом Россия обещала предоставить населению указанных областей возможность самому решить вопрос о своём дальнейшем государственном существовании. Так или иначе, дело сводилось всё к тому же – возвращению к довоенным границам.

Согласованно с немцами Кюльман предлагал следующее: как только мир будет заключён и русская армия завершит демобилизацию, Германия очистит занятые русские области «поскольку это не будет противоречить статье 2-й». Статья же 2-я сводила всё на нет, поскольку в ней было прописано: «Так как российское правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и часть Эстляндии и Лифляндии, о их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской федерации...⁷³» Тут же Кюльман поинтересовался, не согласится ли Советское правительство вывести войска из неоккупированной части Эстляндии и Лифляндии, «чтобы дать местному населению возможность соединиться со своими единоплеменниками, живущими в занятых немцами областях».

⁷³ Любопытно, что немцы и австрийцы вели себя так, будто имели на руках соответствующие документы, подтверждающие желание населения оккупированных областей выйти из состава России и присоединиться к Германии. Впрочем, понятно было, что опираясь на штыки оккупационной армии, оформить подобное «волеизъявление» было нетрудно.

*Советская делегация второго состава
(стоит второй справа Л.Д. Троцкий)*

Советским дипломатам давали ясно понять, что ссылками на мир «без аннексий и контрибуций» они своего не добьются и их оружие легко может быть обращено против их самих. Российская империя, даже куда в большей степени, чем её соседи, прирастала территориями, занятыми в ходе победоносных войн, а понятие «справедливости» могло иметь самое широкое толкование.

Более того, Гофман вдруг спросил, в каком состоянии находится пассажирское сообщение с Украиной. На встречный вопрос, какое это имеет отношение к вопросу о мире, генерал пояснил, что УНР сообщила о высылке в Брест-Литовск своей делегации, и ему интересно было бы узнать, каким путём и в какие сроки она прибудет в город.

Упоминание Рады в контексте мирных переговоров весьма насторожило советскую делегацию. Несмотря на все старания, большевики так и не сумели прибрать к рукам *целиком* ни Румынский, ни даже Юго-Западный фронты, и формально они подчинялись как Ставке, так в той или иной степени, и украинцам. Перспектива противопоставления российской и

украинской делегаций не сулила ничего хорошего. Вероятнее всего следовало немедленно подписать договор о мире, оговорив при этом, что оккупация немцами территорий в Польше и Прибалтике продлится лишь до окончания войны⁷⁴. Но пойти на такой серьёзный шаг без консультаций с СНК Иоффе не решился.

15 декабря собралось очередное заседание политической комиссии, на которой был зачитан проект мирного договора. Спорные пункты о территориальных разногласиях в документе отсутствовали. Вечером состоялся пленум мирной конференции, который проходил в такой тональности, будто основные вопросы согласованы, и подписание мира предreshено.

Сразу после этого советская делегация выехала в Петроград.

Вскоре выяснилось, что и в рядах большевиков по поводу заключения сепаратного мира с Германией единства не наблюдалось. Но поначалу преобладало мнение, что немцы нуждаются в мире куда в большей степени и рано или поздно на уступки пойдут. По словам Троцкого за немедленное подписание мира высказывался один Зиновьев. Он полагал, что затягивание лишь ухудшит условия мирного договора, который рано или поздно подписать всё же придётся. Оформившаяся группа так называемых «левых коммунистов»⁷⁵ выступила с резкой критикой его доводов и выдвигала следующие, на первый взгляд, не лишённые смысла тезисы:

⁷⁴ Во всяком случае, подобный вариант развития событий представляется для большевиков явно не самым худшим.

⁷⁵ В их числе многие видные деятели большевистской партии: Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, М.С. Урицкий, А.С. Бубнов, К.Б. Радек, А.А. Иоффе, Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский, Г.Л. Пятаков, С.В. Косиор и др. Идеи «левых коммунистов» нашли поддержку в партии. При этом их лидеры возглавляли Московский окружной и городской комитеты и ряд крупнейших партийных комитетов Урала, Украины и Сибири, имели в своём распоряжении печатные издания и, соответственно, располагали широкими возможностями для пропаганды своих взглядов.

Московское областное бюро РСДРП(б) уже 28 декабря приняло резолюцию, требующую немедленного разрыва мирных переговоров с Германией и «разрыва дипломатических сношений со всеми империалистическими государствами». В тот же день против принятия германских условий высказалось и большинство членов Петербургского комитета РСДРП(б).

- российская *пролетарская* революция является частью революции мировой, без победы которой в одной или нескольких более развитых странах Европы, поражение российской революции неизбежно;
- заключение мира со странами Четверного союза подорвёт престиж немецких социал-демократов и отсрочит революцию в Германии, а, следовательно, и революцию мировую;
- напротив, война с Германией мировую революцию неизбежно ускорит, что предопределяет и окончательную победу российской революции⁷⁶.

Что касается Ленина, то он и сам поначалу склонялся к тому, что военные действия с Россией страны Четверного союза не возобновят ни при каких обстоятельствах, а революция в Германии не исключена. Во всяком случае, в этот период он не был столь категоричен, как месяц спустя. Догматическое утверждение марксовской теории о том, что победа пролетарской революции возможна лишь при одновременном её развитии сразу в нескольких передовых капиталистических странах, довлело над всеми без исключения. В результате было принято компромиссное решение: затягивать переговоры как можно

⁷⁶ Вряд ли это выступление можно было назвать фракционной борьбой в полном смысле этого слова. Никто из этих людей не претендовал на то, чтобы заменить собой Ленина. Сыграла свою роль митинговая биография и желание напомнить о себе, как о ярких полемистах и крупных партийных теоретиках.

При этом Троцкий занял отстранённую позицию, заявив некую «промежуточную» платформу: мира не подписываем, военных действий не возобновляем. Сам он характеризовал свою позицию следующим образом: «Было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистской силы и вырвать тем самым почву из-под ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки».

Как видно с Лениным они расходились в одном. Владимир Ильич при решении судьбоносных вопросов старался исключить всякий риск. Троцкий же готов был, если надо, идти до конца и на кон поставить *всё*.

Любопытно, что левые эсеры поначалу высказывались за мир. Аграрная партия не могла позволить себе действия, шедшие вразрез с чаяниями многомиллионной крестьянской армии.

дольше. Возглавить советскую делегацию на втором, как представлялось, решающем этапе переговоров Ленин предложил Л.Д. Троцкому⁷⁷.

Во время перерыва в работе конференции Наркомат иностранных дел обратился к правительствам Антанты с очередным предложением присоединиться к мирным переговорам, которое вновь было проигнорировано.

20 декабря председателям делегаций стран Четверного союза была послана телеграмма, в которой Советское правительство предлагало перенести переговоры в Стокгольм. Видимо, большевики хотели подчеркнуть этим, что ведут переговоры на нейтральной территории на равных. К тому же решалась и чисто тактическая задача. В оккупированном Бресте немцы без труда могли контролировать связь советской делегации с Петроградом, в Стокгольме же возможность этого исключалась. В ответной телеграмме идея перенесения переговоров решительно отклонялась. При этом подчёркивалось, что советская делегация ожидается в Брест-Литовске не позднее 23 декабря⁷⁸.

А днём ранее 22 декабря германский канцлер Гертлинг, выступая на заседании бюджетной комиссии Рейхстага, сообщил, что в Брест прибыла делегация Центральной Рады. Предварительные переговоры украинцев с генералом Гофманом шли уже полным ходом, но продвигались не столь гладко, как можно было ожидать. Представители УНР заявили о своих претензиях на присоединение к Украине Холмщины, Буковины и Вос-

⁷⁷ В первом составе Советского правительства Л.Д. Троцкий занимал пост наркома Иностранных дел. Позже он вспоминал: «...сама по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но чтобы затягивать переговоры, нужен «затягиватель», как выразился Ленин». В состав советской делегации на втором этапе переговоров помимо Троцкого (председателя) входили также А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев, М.Н. Покровский, А.А. Биценко, В.А. Карелин, Л.М. Карахан, военные консультанты – В.М. Альтфатер, В.В. Липский, А.А. Самойло, консультанты по национальным вопросам – К.Б. Радек, П.И. Стучка, С. Бобинский, В. Мицкевич-Капсукас.

⁷⁸ 22 декабря Советское правительство сообщило, что продолжает настаивать на перенесении места переговоров в нейтральную страну, «но так как все делегации уже прибыли в Брест-Литовск, то и советская делегация выезжает туда же...»

точной Галиции⁷⁹. Переговоры затянулись, но в итоге Гофман сумел убедить украинцев снизить свои требования и ограничиться одной лишь Холмщиной. При этом предполагалось, что Буковина и Восточная Галиция образуют коронную автономную территорию под юрисдикцией Австро-Венгрии⁸⁰.

8.3.3. Второй этап переговоров

В результате мирная конференция возобновила работу лишь 27 декабря 1917 г. Сразу после открытия с пространной речью, предвосхищающей все возможные вопросы и контрвыпады советской стороны, выступил Кюльман. Он напомнил, что по предложению советской делегации для привлечения к мирным переговорам *других стран* был сделан 10-дневный перерыв. Срок этот истёк ещё 22 декабря в 12 часов ночи. Страны Антанты предложение проигнорировали. И поскольку Центральные державы готовы были присоединиться к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций» лишь при условии участия в переговорах всех основных воюющих государств⁸¹, то теперь они от этого отказывались.

Кюльман отвергал желание советской делегации перенести переговоры в нейтральную страну и заявил о том, что они будут продолжаться в Брест-Литовске⁸².

Затем слово взял Чернин. Он также высказался против перенесения переговоров, мотивируя это тем, что в Бресте все делегации связаны со своими правительствами прямым проводом телеграфной связи. Затем было сказано главное.

«...Вы, милостивые государи, – заявил австрийский дипломат, – в своё время пригласили нас на всеобщие мирные пере-

⁷⁹ Если Холмщина входила до войны в состав Царства Польского, то Буковина и Галиция являлись австро-венгерскими территориями.

⁸⁰ В дальнейшем этих договорённостей украинская делегация и придерживалась.

⁸¹ Что было подчеркнуто в провозглашённой 12 декабря 1917 г. декларации стран Четверного союза.

⁸² Германский дипломат оговорил при этом, что «ради международной вежливости» он не возражает, чтобы само подписание достигнутых договорённостей происходило в нейтральной стране.

говоры. Мы приняли приглашение, и пришли к соглашению относительно основ всеобщего мира.

Оставаясь верным принятым основам, вы поставили союзникам десятидневный ультиматум. Ваши союзники вам не ответили, и сегодня речь идёт не о всеобщем мире, но о мире *сепаратном* между Россией и державами Четверного союза».

Главы делегаций Турции и Болгарии заявили о своём полном согласии с заявленной позицией.

Вслед за этим выступали военные представители. Генерал Гофман заявил протест против провокационных воззваний Советского правительства, обращённых к германским войскам⁸³. Австро-венгерский, турецкий и болгарский военные делегаты с ним солидаризировались.

Чувствовалось, что ситуация меняется, и дипломаты стран Четверного союза готовы перейти к решительным действиям.

На следующий день 28 декабря председатель делегации УНР В.А. Голубович огласил декларацию Центральной Рады. В ней было заявлено, что власть Совета Народных Комиссаров на территорию Украины не распространяется, и, следовательно, мир, заключённый советской делегацией, не может быть обязательным для Украины, которая будет вести переговоры самостоятельно.

Тут же Кюльман спросил у Троцкого: «Намерен ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?» Ответ был весьма уклончив, но Кюльман продолжал задавать новые вопросы, настаивая на разъяснении: следует ли считать украинскую делегацию частью русской (советской) или же она является представительством суверенного государства?

⁸³ Ещё 13 декабря Совнарком выделил 2 миллиона рублей на агитационную работу и демонстративно опубликовал отчёт об этом в открытой печати. При содействии К.Б. Радека была создана агитационная газета «Die Fackel». По прибытии в Брест-Литовск развил бурную деятельность и Троцкий. Он пытался вести агитацию среди германских солдат, охранявших территорию вокзала и железнодорожные пути. При этом призывы были отнюдь не безобидными. Троцкий убеждал «рабочих в военной форме» последовать примеру русских пролетариев, поднять восстание и повернуть штыки внутрь своей страны. Сам он комментировал свои действия, как попытку «прощупать», будут и способны ли немцы наступать.

В конце концов, Троцкий вынужден был уступить и публично признал украинскую делегацию самостоятельной⁸⁴.

⁸⁴ Много позже, когда Троцкого обвиняли уже во всех смертных грехах, этот его шаг был квалифицирован, как предательство. В изданном в 1945 г. 2-м томе «Истории дипломатии» есть такие строки: «Дипломатическое наступление немцев достигло своей цели только вследствие предательства Троцкого, который... знал, что против Центральной рады поднялось восстание, что Рада фактически находится в состоянии войны с Советской Россией. Ясно было, что дни Рады уже сочтены. Тем не менее, Троцкий признал украинскую делегацию самостоятельной. Тем самым он изменнически пошёл навстречу германским империалистам».

При непредвзятом рассмотрении всё это не выдерживает никакой критики. Отнюдь не Троцкий признал суверенитет Украины. Это сделало само Советское правительство. В ультиматуме от 4 декабря 1917 г., предъявленном Раде в связи с её отказом пропустить красногвардейцев через Донбасс к Ростову было прописано: «...социалистическое Правительство России, Совет Народных Комиссаров, ещё раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России».

Поэтому, мы, Совет Народных Комиссаров, признаём украинскую народную республику, её право отделиться от России или вступить в *переговор(ы)* с Российской Республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними.

Всё, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признаётся нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно...»

Вторым документом, определяющим отношения СНК с Радой, можно считать так называемый «Приказ по армиям» Верховного Главнокомандующего от 16 декабря 1917 г. В нём Крыленко запрещал ранее санкционированную украинизацию воинских частей, но в то же время вновь подтверждал признание суверенитета Украины.

И, наконец, 20 декабря 1917 г. Совнарком, явно обеспокоенный перспективой появления украинцев в Брест-Литовске, вынес постановление, предписывающее предложить Раде начать переговоры о прекращении военных действий и нормализации отношений.

В этих условиях уклониться от признания самостоятельности украинских представителей было невозможно. Откажись Троцкий следовать линии СНК, его полномочия главы советской делегации сами ставились бы под сомнение.

Он, как и многие в Смольном, в этот период всерьёз рассчитывал на изменение состава Украинского правительства и, как следствие, на изменение внутренней и внешней политики Рады. К тому же, Троцкий руководствовался, в том числе и тем, чтобы на переговорах *в любом случае* выступить с украинцами «единым фронтом». Не признав суверенитета Украины, осуществить это было бы весьма проблематично.

Следует также подчеркнуть, когда политика Советского правительства в отношении Рады изменилась, соответствующим образом повёл себя и Троц-

Вечером после заседания комиссии Чернин, Кюльман и Гофман провели совещание, обсудив дальнейшую линию поведения. Гофман настаивал на продолжении ультимативного нажима на советскую делегацию⁸⁵. В то же время дипломаты, уверенные, что поставленная перед ними задача заключения на приемлемых условиях мира с Россией со дня на день будет выполнена, склонялись к более спокойному продолжению переговоров. Предлагалось планомерно обсудить «параграф за параграфом», отбросив в сторону всё неясное, а само обсуждение перенести в политическую комиссию⁸⁶.

На первом же заседании этой комиссии советская делегация потребовала немедленно приступить к обсуждению территориальных споров. Было прямо указано, что разногласия касаются исключительно вопроса о будущем Польши, Литвы и Курляндии. Также Троцкий заявил, что с делегацией прибыли в Брест-Литовск представители трудящихся этих стран⁸⁷, которые ждут, «что скажет им конференция». Кюльман ответил в том смысле, что пусть приехавшие «представители трудящихся» займутся пока экономическими и правовыми вопросами.

Дальнейшая работа конференции протекала в нервной обстановке и продуктивностью не отличалась. Тон, выбранный Троцким, никоим образом продвижению переговоров не содействовал, и конференция топталась на месте. Глава советской делегации всем своим видом давал понять, что если бы решение вопроса зависело от него одного, мир никогда не был подписан⁸⁸. Вероятно, выбранная линия поведения была продик-

кий. Уже 2 января он направил украинской делегации письмо, в котором заявил, что снимает с себя всякую ответственность за её переговоры. Одновременно Троцкий обратился к ЦИК Ук с предложением «принять меры к защите интересов Украинской Республики».

⁸⁵ «Нужно ещё раз хорошенько ударить по голове!» – требовал генерал.

⁸⁶ Чернин с Кюльманом не торопились, так как не могли договориться между собой по украинскому вопросу. В результате, затягивалось подписание мира и с Радой.

⁸⁷ Речь шла о консультантах по национальным вопросам. Троцким подразумевалось, что Радек и Бобинский «представляли» Польшу, Мицкевич-Капсукас – Литву, а Стучка – Латвию.

⁸⁸ Один из членов советской делегации бывший царский генерал А.А. Са-

тована не столько идейными убеждениями, сколько попыткой оказать на немцев психологическое воздействие. За неимением на руках каких-либо козырей приходилось блефовать, но блефовал Лев Давидович мастерски.

При этом, как и было условлено в Петрограде, Троцкий «замедлял». Каждый пункт, каждая формулировка и даже отдельные фразы подвергались сомнению. Всё это выливалось в многочасовые споры по существу ни о чём. И если дипломаты стран Четверного союза воспринимали всё это более-менее сдержанно, то среди германских военных нарастало раздражение⁸⁹.

Вечером 30 декабря советской делегацией были оглашены требования по спорным вопросам. Предлагалось, чтобы правительства Германии и Австро-Венгрии официально подтвердили отсутствие у них намерений присоединить к своей территории *какие бы то ни было области бывшей Российской империи*. При

мойло позже вспоминал: «На заседаниях Троцкий выступал всегда с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала очень острый характер. Гофман обычно вскакивал с места и со злобой физиономией принимался за свои возражения, начиная их выкриком: «Ich protestiere!...» (я протестую!), часто даже ударяя рукой по столу. Сначала такие нападки на немцев мне, естественно, приходились по сердцу, но Покровский мне разъяснил, насколько они были опасны для переговоров о мире. Отдавая себе отчёт о степени разложения русской армии и невозможности с её стороны какого-либо отпора в случае наступления немцев, я ясно сознавал опасность потерять колоссальное военное имущество на огромнейшем русском фронте, не говоря уже о потере громадных территорий. Несколько раз я говорил об этом на наших домашних совещаниях членов делегации, но каждый раз выслушивался Троцким с явной снисходительностью к моим непрощенным опасениям. Его собственное поведение на общих заседаниях с немцами явно клонилось к разрыву с ними... переговоры продолжались, выливаясь главным образом в ораторские поединки между Троцким и Гофманом».

При этом Троцкого, как переговорщика и полемиста, его противники оценивали чрезвычайно высоко. «Троцкий, несомненно, интересный и ловкий человек и очень опасный противник, – говорил о руководителе советской делегации Чернин. – У него совершенно исключительный ораторский талант, быстрота и находчивость реплик, которые мне редко приходилось наблюдать и при этом редкая наглость...»

⁸⁹ Генерал Людендорф писал: «Переговоры не двигались с места. Таким способом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира, а возможно было лишь ещё больше подорвать наши моральные силы... Я сидел в Крейцнахе, как на углях, и нажимал на генерала Гофмана, чтобы он ускорил переговоры».

этом решение вопроса о будущем указанных областей должно было разрешиться в условиях полной политической свободы, без воздействия извне, путём всенародного референдума. Голосование при этом могло быть проведено лишь после вывода оккупационных войск и возвращения беженцев и выселенцев.

Ответное слово взял Гофман. «Я должен, – заявил он, – прежде всего протестовать против тона этих заявлений. Русская делегация заговорила так, будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории...» Далее в пространной речи, которую генерал готовил не один день, он вначале изложил свою версию истории соглашения между Германией, с одной стороны, Литвой и Курляндией – с другой, а затем попытался обосновать невозможность выхода германских войск из оккупированных территорий. Доводы генерала сводились к тому, что Литва и Курляндия не обладали, якобы, органами управления и судами, не имели также железных дорог, телеграфа и почты. «Равным образом в ближайшем будущем, – заявил Гофман, – эти народы не будут в состоянии иметь свои собственные войска или милицию из-за отсутствия соответствующих органов, которые могли бы создать всё это».

Речь генерала произвела удручающее впечатление, прежде всего на Кюльмана и Чернина. Российская империя в состоянии был поддерживать надлежащий порядок и создавать необходимую инфраструктуру на своих территориях не хуже Германии. Очевидно было также и то, что подписать на оккупированной территории любое «соглашение» было не труднее, чем привезти с собой «представителей трудящихся». Дипломаты стремились к скорейшему миру, речь генерала ни на шаг к этой цели не приближала.

Советская делегация выступление Гофмана едва ли не проигнорировала. Троцкий изо дня в день продолжал оспаривать любой предлагаемый текст, несмотря на протесты не оставлял попыток агитации среди немецких солдат, и главное, продолжал «замедлять». Переговоры с украинцами также за-

тягивались⁹⁰. Между тем, ситуация в тылу стран Четверного союза начинала обостряться. В Вене нехватка продовольствия достигла критического уровня, и Австрия вынуждена была обратиться к союзнику с просьбой о помощи. Но и по самой Германии прокатилась волна масштабных забастовок, в том числе и антивоенных. Моральный дух германской армии оставался высок, но понятно было, что и он не беспределен. Могло показаться, что позиция Троцкого не так уж и неверна, ещё немного и произойдёт социальный взрыв, чреватый новыми революционными выступлениями в Центральной Европе.

⁹⁰ В этот же период наметился разлад между советской и украинской делегациями. 2 января Кюльман проинформировал Троцкого о том, что будущее оккупированных украинских территорий обсуждается «радовцами» отдельно от советской делегации. Троцкий счёл это нарушением достигнутых ранее договорённостей и направил Голубовичу письмо с резким протестом. «Если мы не протестовали против вашего участия в переговорах, – писал нарком, – то исключительно в надежде, что... поведение ваше будет построено на элементарных демократических принципах и не создаст почвы для конфликтов между вами, с одной стороны, харьковским ЦИК и нами – с другой». Тут же сообщалось о приглашении в Брест-Литовск делегации ЦИК Ук.

6 января, уже после отъезда советской делегации в Петроград, Голубович направил Троцкому полный ответных упрёков ответ: «Грубо демагогический тон Вашего обращения к нам заставляет думать, что единственно достойным ответом... было бы полное его игнорирование... Но мы узнали, что это обращение дано в газеты. И наш ответ Вам адресуется обществу. Соглашение между нашей и Вашей делегацией не состоялось по вине Вашей, так как Вы первый связали Ваше поведение по отношению к нам с поведением Ваших соратников в Петрограде в отношении Генерального секретаря... Будучи самостоятельной делегацией, вести заседания непременно с Вами вместе мы не считаем для себя нужным... никто Вам не мешает присутствовать на наших заседаниях – они открытые. Что касается жизненных интересов трудящихся масс Украины, мы... защищаем их более чем Вы, и мы поражены Вашей претензией – брать на себя публичную ответственность за наши переговоры...

Нелепое и смешное обвинение нас в предательстве с полным правом должно быть возвращено Вам, ибо острая по форме полемика с немцами насколько не может скрыть фактического положения, то есть сдачи Вами одной позиции за другой».

Последнее замечание било не в бровь, а в глаз. Сам факт переговоров, не говоря уже об их характере, позволил немцам перебросить на Западный фронт десятки дивизий, что объективно усиливало позиции столь критикуемого Троцким «германского империализма».

Немцы чётко осознали, что затягивать переговоры далее уже не только не выгодно, но и небезопасно. Не добившись признания на дипломатическом поприще, Гофман более свои доводы никак не аргументировал. 5 января 1918 г. на заседании политической комиссии генерал расстелил перед советской делегацией карту и заявил: «Я оставляю карту на столе и прошу господ присутствующих с ней ознакомиться, – на требование пояснить, что означает линия, начертанная на карте, Гофман ответил. – Начертанная линия продиктована военными соображениями; она обеспечит народам, живущим по ту сторону линии, спокойное государственное строительство и осуществление права на самоопределение».

Линия на карте совпадала с расположением вторгшихся в Россию германских войск и отрезала от страны Польшу, Литву, часть Эстонии и Латвии, незначительные области в Белоруссии и на Украине, Рижский залив и Моонзундские острова, всего территорию размером свыше 150 тысяч квадратных километров.

Троцкий потребовал нового перерыва в работе конференции сроком на 10 дней⁹¹. Формально перерыва объявлено не было, но ввиду предстоящего III съезда Советов⁹² Троцкий с Каменевым отбыли в Петроград, и пленарные заседания прекратились сами собой. Кюльман и Чернин на удивление легко согласились закрыть на это глаза. Германии и Австро-

⁹¹ «Предъявленные в сегодняшнем утреннем заседании территориальные притязания германской и австро-венгерской делегаций, – заявил в прениях Троцкий, – завершают в известном смысле основные политические переговоры. Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений б. Российской империи территорию размером свыше 170000 км²... Державы отказываются вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока вывода войск из оккупированных областей, но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск... Мы считаем своим политическим долгом открыто установить этот факт... Я предлагаю устроить перерыв в работах делегации, дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести своё окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира».

⁹² Проводил работу с 10 по 18 января 1918 г. в Петрограде, в здании Таврического дворца.

Венгрии необходимо было как можно скорее завершить переговоры с украинцами. В Вене не прекращались забастовки, вызванные нехваткой продовольствия и вынужденно урезанной властями нормой выдачи населению муки. Появились и лозунги, выражавшие недовольство затягиванием переговоров.

8 января Чернин выезжал в Вену⁹³, где на следующий день принял участие в правительственном совещании. Решался вопрос о подписании мира с Украиной. Чернин дошёл до сведения присутствующих, что одним из условий договора станет создание украинской автономии на территории Восточной Галиции и Буковины. По его мнению, это, помимо прочего, могло осложнить будущие австрийско-польские отношения. С другой стороны, в самом договоре предусматривались соглашения о поставке Украиной продовольствия, что всё компенсировало.

Выступавший вслед за ним министр-президент доктор Зейдлер заявил, что Германия и Венгрия дать больше ничего не могут и без подвоза украинского продовольствия «катастрофа в ближайшее время неминуема, через несколько недель начнётся повальный мор».

В итоге правительство склонилось к тому, что ради продовольственной безопасности мир с украинцами, даже и ценой изменений, касающихся имперской территории, следует подписать.

Вечером 15 января Чернин вернулся в Брест-Литовск. Днём позже туда же прибыл и Троцкий.

К этому времени Рада, представители которой, прекрасно осведомлённые о катастрофическом положении Австро-Венгрии и поначалу пытавшиеся диктовать свои условия, уже начала терять почву под ногами.

⁹³ «Впечатление от венских беспорядков большее, чем я предполагал, – писал он в дневнике, – и действует подавляюще...»

8.3.4. В Украине

8.3.4.1. Разрыв с Радой.

Выступление 2-го Гвардейского корпуса

К началу декабря после разоружения советских частей в Киеве⁹⁴ отношения с УНР у Советского правительства резко обострились, но в то же время, оставались весьма расплывчатыми⁹⁵. На предъявленный 4 декабря ультиматум⁹⁶ Рада в тот же день ответила пространным, весьма уклончивым заявлением, в котором, однако, давала понять, что неподконтрольные ей части, снятые с фронта, и отряды Красной гвардии через свою территорию не пропустит и навязываемые извне нарушающие суверенитет требования проигнорирует⁹⁷.

⁹⁴ В ночь на 30 ноября Радой были разоружены солдаты 3-го авиапарка, понтонного батальона и других просоветски настроенных частей гарнизона.

⁹⁵ «Взаимоотношения с советской властью, – пишет Деникин, – оставались совершенно неопределёнными, и в половине декабря украинский секретариат предъявил Петрограду «ультимативный» запрос:

«Воюем мы, или нет?»

Действительно, в этом хаосе трудно было определить сущность взаимоотношений двух столкнувшихся «высоких сторон», у которых к тому же ни у одной не было настоящей армии...»

⁹⁶ В нём Совнарком, безоговорочно признавая суверенитет УНР, выдвигал определённые претензии. В частности, в документе было прописано:

«...Совет Народных Комиссаров ставит Раде перед лицом народов Украинской и Российских Республик следующие вопросы:

1. Обязуется ли Рада от попыток дезорганизации общего фронта.
2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия Верховного Главнокомандующего никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места.
3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединским восстанием.
4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения Советских полков и рабочей красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято.

В случае неполучения *удовлетворительного* ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине...»

⁹⁷ «...Нельзя одновременно признавать право на самоопределение, вплоть до отделения, – говорилось в документе, подписанным Винниченко, Петлюрой и Мирным, – в то же время грубо покушаться на это право навязыванием своих форм политического устройства самоопределившемуся го-

сударству... Генеральный Секретариат решительно отвергает всякие попытки вмешательства Народных Комиссаров в дело устройства государственной и политической жизни в народной Украинской Республике. Претензии... на руководство украинской демократией тем не менее могут иметь какое-либо оправдание, что навязываемые Украине формы политического правления дали на территории самих Народных Комиссаров результаты, отнюдь не вызывающие зависти. Пока в Великороссии развиваются анархия, экономический, политический и хозяйственный развал, пока там царят грубый произвол и попрание всех свобод, завоёванных у царизма революцией, Генеральный Секретариат не находит нужным повторять этот печальный опыт на территории украинского народа...

...украинскими солдатами были разоружены анархически настроенные великорусские солдаты, составлявшие заговор против власти Украинского народа и угрожавшие внести в жизнь Украины кровавую братоубийственную войну, анархию и всю ту разнузданность, которая царит на территории Народных Комиссаров; солдаты эти получили возможность беспрепятственного проезда в пределы собственного государства...

Единство фронта признаёт и Генеральный Секретариат Украинской Народной Республики, но после того, как Совет Народных Комиссаров Великороссии разрушил этот фронт внесением в него полной дезорганизации, после того, как большевистские части оставляют позиции и оголяют фронт, Генеральный Секретариат не находит возможным единственно силами украинских частей охранять всю громадную линию фронта, поэтому он уводит с северного и северо-западного фронтов украинские войска на украинский фронт, объединивший в настоящее время юго-западный и румынский фронты...

Что касается... вопроса – о пропуске частей через территорию Украинской Народной Республики, то Генеральный Секретариат занимает вполне определённую позицию, – он признаёт право на самоопределение каждой национальности или области, поэтому навязывать Великороссии, Дону, Уралу, Сибири, Бессарабии, либо кому другому своё понимание политического управления Генеральный Секретариат не находит логичным и возможным...

...относительно... вопроса, будет ли Рада разоружать неукраинские полки, Генеральный Секретариат заявляет, что на территории Украинской Народной Республики власть принадлежит демократии, всякие покушения вооружённой силой на эту власть, будут подавляться той же силой, поэтому Генеральный Секретариат, во избежание братоубийственной войны, предлагает Совету Народных Комиссаров отозвать большевистские полки из Украины, Генеральный Секретариат никаких препятствий к выходу их чинить не будет...

Состояние войны между двумя государствами Российской Республики Генеральный Секретариат считает убийственным для дела революции и для торжества интересов рабочих и крестьян. Генеральный Секретариат всячески избегает кровавых способов разрешения политических и государственных вопросов. *Но если Народные Комиссары Великороссии, принимая на себя все последствия грядущих бедствий братоубийственной войны, принудят Генеральный Секретариат принять их вызов, то Генеральный Секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ...»*

Предпринятые Ревштабом⁹⁸ попытки продвижения к Киеву с севера не удалась. И не только от того, что против снятых с фронта частей стояли точно такие же окопники, но прежде всего по нежеланию солдат воевать с каким угодно противником. Не удалось решить вопрос и, используя неразложившиеся ещё до конца русские фронтовые армейские части. Попытка эта, почти в точности повторившая своим ходом и масштабами Корниловское выступление, заслуживает быть упомянутой особо.

Комитет 2-го гвардейского корпуса VII армии Юго-Западного фронта⁹⁹ сразу же признал Советскую власть и выразил готовность выполнять приказы занятой большевиками Ставки. Вначале планировалось двинуть корпус в Донбасс для борьбы с Калединым, но когда Рада и штаб фронта отказались выделить эшелоны для отправки корпуса на Дон¹⁰⁰, решено было переадресовать его для операций на ином театре военных действий. Из Ставки в корпус был направлен уполномоченный представитель Фейерабенд, оказавшийся человеком энергичным и целеустремлённым. Совместно с комитетом 2-го корпуса был разработан план движения непосредственно к Киеву. Район Жмеринки объявлялся находящимся на военном положении. В городе были назначены начальник гарнизона и образован военный трибунал. На станцию Жмеринка, в депо и при начальнике движения железнодорожного узла направлены комиссары. Также на станцию был выдвинут железнодорожный батальон.

Однако у Винницы и Вапнярки гайдамаки подорвали и разрушили пути, отрезав корпус. Фейерабенд тем временем попы-

⁹⁸ Революционный штаб был организован при Ставке после её занятия отрядом Крыленко. Во главе Ревштаба стоял бывший прапорщик 180-го запасного полка М.К. Тер-Арутюнянц, комиссаром был Э.М. Склянский. Несмотря на то, что формального объявления войны Раде со стороны Совнаркома так и не последовало, Ревштаб проводил независимую политику, не оставляя попыток двинуть на Киев армейские фронтовые части.

⁹⁹ Части корпуса дислоцировались в районе Бар – Проскуров – Жмеринка.

¹⁰⁰ Ещё до начала движения корпуса комиссар VII армии распорядился направить батальон Волынского полка в Винницу, где он был разоружён гайдамаками. На совещании командиров корпуса было принято решение разоружить в ответ украинские воинские эшелоны, но им удалось ускользнуть.

тался со стороны Деражни и Винницы направить к Киеву и 7-ю Финляндскую дивизию, но солдаты отказывались выступать без санкции комитета VII армии. Армейский же комитет, равно, как и командарм-7 от какого-либо участия в проводимой операции уклонились.

Приказано было выделить в частях корпуса и отвести в тыл всех, кто не желал выступать против Рады. 10 и 14 декабря передовые полки походным порядком пошли от Жмеринки на Винницу. Далеко продвинуться им, впрочем, не удалось. Вскоре прибыла делегация от стоящих на пути трёх гайдамацких полков, мортирного дивизиона и застрявших на путях, продвигающихся с фронта на родину подразделений донских и уральских казаков. Делегаты заявили, что до кровопролития дело доводить нельзя и, если корпус откажется от выступления против Рады, «обо всём можно будет договориться». На этом наступательный порыв, если таковой и наблюдался поначалу, угас. Всё стало, и Рада сама перешла в наступление.

Ночью в Браилове гайдамаками были окружены и разоружены две роты 4-го стрелкового полка и две батареи. В ответ по Браилову был открыт артиллерийский огонь, после чего к городу двинут Кексгольмский полк. Однако, едва выступив, солдаты самовольно повернули назад. Тем временем со стороны Вапнярки и Журавлёвки выдвинувшиеся полки начали охватывать украинские части¹⁰¹, и 2-й Гвардейский корпус окончательно «перешёл к обороне». Возвратившийся в Ставку «начальник западного отряда» Фейерабенд доложил Тер-Арутюнянцу о своей неудаче¹⁰².

В свою очередь председатель комитета VII армии Разживин сообщил, что корпуса требуют отвода с Украинского фронта, а Туркестанский корпус уже начал сниматься самостоятельно. «Ставка видимо не справлялась с фронтом, – пишет Антонов-

¹⁰¹ Украинским корпусом под Винницей командовал будущий гетман П.П. Скоропадский. Но 24 декабря он оставил командование, что на боеспособности войск УНР на Правобережье отразилось самым негативным образом.

¹⁰² В эти же дни украинцами был захвачен Ревком Особой армии, его председатель Гусарский с помощниками арестованы и препровождены в Киев. Позже, по взятии города, они были освобождены войсками Муравьёва.

Овсеенко, – и, предоставленный самому себе, он распозался, почти совершенно не использованный... Рассчитывать на натиск к Киеву со стороны Юго-Западного фронта, значит, не приходилось. Всё, что можно было сделать с этой стороны – это оттягивать на запад внимание Центральной Рады...» Ревштаб вновь попытался организовать наступление с севера, и вновь неудачно. Большинство стянутых 15 декабря к Брянску и Гомелю полков сразу заявили, что «идти против Центральной рады отказываются¹⁰³». Приходилось из наиболее боеспособных подразделений формировать «ревоотряды», что уменьшало численность привлекаемых войск в разы. До начала января дело ограничивалось стычками местного значения, в которых стороны, избегая стрельбы, поочерёдно вытесняя друг друга, занимали и тут же отдавали мосты и поселения у границы. Серьёзного продвижения практически не было.

Лишь под Курском обозначился некоторый успех. В город из Москвы был направлен Замоскворецкий отряд «особого назначения». Его командир доктор Знаменский¹⁰⁴ проявил завидную инициативу. Не задерживаясь в Курске, красногвардейцы продолжили движение и заняли Ворожбу, где, по выражению Антонова-Овсеенко «усердно повели пропаганду Советской власти». Отряд Знаменского в 200 штыков, конечно же, не мог рассчитывать на большее и серьёзной угрозы для Рады не представлял¹⁰⁵.

На всех направлениях установилось временное затишье, и только лишь на юг шли и шли эшелоны Красной гвардии и согласившихся воевать с «внутренней контрреволюцией» солдат...

¹⁰³ Для наступления планировалось сосредоточить в Брянске, Калиновичах и Новозыбкове по одной дивизии, в Гомеле – две дивизии с артиллерией. Но выдвинуть удалось лишь девять полков. Из них, согласно докладу Тер-Арутюнянца, «три ненадёжны, один отправлен в Харьков и два *чистятся*».

¹⁰⁴ «Доктором» его называет Антонов-Овсеенко. Вероятнее всего, Знаменский действительно был по профессии врачом.

¹⁰⁵ Тем не менее, по словам Антонова-Овсеенко, в том числе и известия об успехе отряда Знаменского, явились для него свидетельством разложения в частях Рады и в конечном итоге склонили к наступлению на Полтаву.

8.3.4.2. Харьков

Ключевым пунктом сосредоточения советских отрядов, выдвигавшихся с северо-запада к границам Дона, изначально становился Харьков. Прибывший в город 11 декабря Антонов-Овсеенко так описывал сложившуюся обстановку: «...На вокзале – полный хаос. Бесчисленное число составов, между которыми затеряны эшелоны Сиверса и Ховрина. Связь этих эшелонов с городом крайне слаба. Отряд Ховрина – так называемый 1-й Петроградский сводный отряд, почти совершенно разложился на почве реквизиций, обысков и арестов.

Отряд Сиверса представлялся вполне стойким. Сейчас же по его прибытии в Харьков...¹⁰⁶ у него пошли нелады с местным ревкомом. К отряду на вокзал прибыли члены местного Комитета большевиков во главе с т. Артёмом, *добивавшиеся от отряда отказа от каких бы то ни было враждебных действий против Харьковских радовцев*. С последними местные большевики объединённо работали в «Ревштабе» и не находили возможным встать в конфликт с Центральной Радой, физиономия которой представлялась им ещё неопределившейся. Но, осмотревшись в городе, Сиверс сейчас же осознал необходимость решительными действиями обезвредить радовцев.

На следующую же ночь по прибытии отряда Сиверс решил захватить у радовцев бронедивизион. О решении отряда извещён Комитет большевиков. От имени Комитета, тов. Мартьянов потребовал отказа от выступления, чтобы не срывать начавшихся переговоров с радовцами о пересмотре отношения к Совнаркому. Тов. Волынский¹⁰⁷ ответил за весь отряд, что выступление состоится, *и оно состоялось*. Под угрозой орудий, взявших на прямой прицел ворота бронедивизиона, казармы броневиков были захвачены и все бронеавтомобили вывезены нашим отрядом. Одновременно были арестованы комендант города Чеботарёв и член войсковой рады Павленко. «Радовцы» не посмели и шелохнуться. Но наши соглашатели возмущённо суетились. Они в разгаре операции приехали во главе с тов. Ар-

тёмом к казармам бронедивизиона и вызвали Волынского, как представителя отряда, на заседание «демократических организаций»... Всё собрание в ответ на сообщение им, что захват бронедивизиона будет произведён и все контрреволюционные силы будут разоружены, яростно шумело, требовало вывода отряда из Харькова. Этим требованиям, сформулированным председателем Городской думы, аплодировали и некоторые большевики. Лишь немногие из последних поддерживали Волынского. Резкие объяснения с местными лидерами партии продолжались и на вокзале, после окончания операции.

Тов. Артём и другие, ссылаясь на особое положение на Украине в связи с национальным вопросом, требовали от отряда Сиверса прекращения всяких действий против радовцев и подчинения городскому ревштабу. Кончили соглашением – держать контакт с организуемым ревкомом (большевики с эсерами, без украинцев). По настоянию парткомитета Сиверс выпустил арестованных радовцев...

Отряд Сиверса пытался вести некоторую борьбу с бандитизмом, каковые попытки превратили штаб отряда в судилище. Председателем суда был Клейман, человек весьма подвижный, а членом суда входил прямолинейный матрос Трушин, который считал всякого белоручку достойным истребления.

...обывательская фантазия до чрезвычайности преувеличивала происходившие... расстрелы. По приговору Революционного отрядного суда¹⁰⁸, действительно, произведено было несколько расстрелов, но, в общем, их было крайне мало в сравнении с той разрухой, которая царилла в городе...

Гарнизон в Харькове был в самом расхлябанном состоянии. Лучшее всего сохранился 3-й запасный полк под командой поручика Руднева. Он мог выделить до 500 человек. 252-й запасный полк мог дать до 150 человек боеспособных.

Автомобильные запасные мастерские смогли выделить только 3 броневика, которые несли охрану города. Сапёрный полк совершенно расплывён. 4-й запасный артиллерийский дивизион – без людей, с попорченными орудиями.

¹⁰⁶ В ночь на 9 декабря.

¹⁰⁷ Начальник штаба в отряде Сиверса.

¹⁰⁸ Как видно, Ревтрибунал в отряде Сиверса организовался вовсе не по занятию Ростова, а куда раньше.

В городе – сильное украинское влияние. 28-й полк украинизирован. Переименован во 2-й украинский... гарнизон только что пополнен также украинизированным Чигиринским полком...

Эти полки стоят за Центральную Раду, но нерешительны... 19-й бронедивизион был также настроен весьма ненадёжно, – Рада сильно рассчитывала на его поддержку, но Сиверс... захватил этот дивизион почти тотчас по своём прибытии. В этом дивизионе – 4 вполне исправных машины.

По сообщению Муралова¹⁰⁹ в Харькове имелось до 10 тыс. красногвардейцев; на деле оказалось вооружённых рабочих не более 3-х тыс. человек...

Из этих красногвардейцев – годных к боевым действиям – не более 11/2 тыс. чел....

В городе продолжает действовать городская дума. Рядом с ней – беспомощный совет, в котором засилье соглашателей. При совете – ревком, в который входят и меньшевики и эсеры. Ревком крайне раздражительно относится к действиям наших частей и не оказывает им никакого содействия, а только преисполнен обиды на их *самоуправство*.

В штабе красной гвардии – тов. Рухимович, равнодушно относящийся к нуждам наших отрядов, но также и несколько храбрых товарищей, вроде тов. Белянковича¹¹⁰ (вскоре перешёл в мой штаб в качестве его коменданта). Местные большевики в большой нерешительности, ищут коалиции с соглашателями и не решаются ни на какие серьёзные меры...

Во главе большевистской организации член ЦК Артём (Сергеев). Сидит на проводах, разговаривая с «центром». Помаленьку соглашается с буржуазией. «Областной комитет» – с ростовскими товарищами, Васильченко и его неизменным спутником

¹⁰⁹ Н.И. Муралов, один из организаторов Московского Совета солдатских депутатов, член Московского ВРК и ревштаба, являлся одним из руководителей октябрьского вооружённого восстания в Москве. 2 ноября 1917 г. подписал приказ «о победе революции в городе» и в тот же день был назначен комиссаром Московского военного округа с правами командующего войсками. По пути следования Антонов-Овсеенко с Муравьёвым останавливались в Москве, где имели с Мураловым продолжительную беседу.

¹¹⁰ Так в тексте. Речь идёт о А.М. Беленковиче.

Жаковым – с большой претензией на руководство всем и с полным отсутствием влияния на что-либо.

А кругом всё враждебно или неопределённо...»

Эти строки неопровержимо свидетельствуют: уверенности в падении Рады, тем более, в скором начале военных действий в Совнаркоме не было, да и быть не могло. Ни в Петрограде, ни в Киеве, ни в Харькове, ни где-либо ещё не представляли даже, какими, собственно, силами стороны располагают.

Что касается «харьковских товарищей», то их негативное отношение к советским отрядам, концентрирующимся в городе, объясняется вовсе не одной лишь боязнью сорвать намечавшиеся переговоры с Радой. В руки этих людей попала пусть ограниченная, но реальная власть. И сразу же все устремления свелись к тому, чтобы предотвратить любые действия, чреватые её утратой. Направленные из Петрограда военные стремились, не считаясь ни с чем и как можно скорее, занять и обезопасить коммуникации. Харьковский Совет, Областной комитет и ревком, напротив, все усилия прилагали к тому, чтобы сохранить существующее положение и избежать любых непредсказуемых действий. Эти люди, по существу, уже подписали свой «брестский мир» краевого масштаба.

Впрочем, вскоре в город прибыли и организовались другие, ещё не получившие власти, но весьма к этому стремившиеся. Возможный вооружённый конфликт с Радой не только их не останавливал, но, напротив, открывал головокружительные перспективы.

8.3.4.3. I съезд Советов Украины. Образование Советского правительства. Червонное казачество

В день прибытия Главкома 11 декабря 1917 г. собравшийся в Харькове¹¹¹ I Всеукраинский съезд Советов в противовес УНР провозгласил Украину «Республикой Советов», заявил о феде-

¹¹¹ Большая часть делегатов прибыла из Киева, посчитав, что работа съезда под контролем Рады невозможна. Вторую значительную группу составили представители Окружного съезда Советов вновь образованной Донецко-Криворожской области.

ративных отношениях с Россией и о решительной борьбе с Центральной Радой. Был избран ВЦИК Советов Украины в составе 40 человек¹¹², а вскоре создано и Советское правительство Украины – Народный секретариат.

С первых же дней у делегатов Съезда с представителями Харьковских советских и партийных органов сложились весьма натянутые отношения¹¹³, которые после избрания Народного секретариата только ухудшились.

Вновь образованная структура по определению претендо-

¹¹² Из них большевиков – 34.

¹¹³ «Уже в день приезда из Киева делегатов 1-го Всеукр. Съезда Советов и Краевого парткомитета, – пишет Е. Бош, – харьковские товарищи встретили прибывших не скажу чтобы совсем враждебно, но в их отношении проглядывало нескрываемое недружелюбие. И если не говорили прямо, то во всём, даже в мелочах, как устройство на ночёвку, давали понять, что приехавшие для них «нежеланные гости».

Этот приём, после дружеского предложения председателя Донецко-Криворожского областного парткомитета, тов. Артёма... был полной неожиданностью... И в первый момент трудно было подыскать объяснение этому недружелюбию.

Но на ночном заседании (в день приезда) харьковского парткомитета, президиума Областного и Краевого парткомитета (во время перерыва пленума Совета), харьковчане дали понять, что они не потерпят вмешательства «приезжих» в местные дела. Это если и не было полным объяснением враждебной встречи, то всё же серьёзным предупреждением. Краевой комитет принял это предупреждение и решил быть сугубо осторожным и не допускать и избегать возможности случайных вторжений в местные дела. *Но это нелегко было провести в жизнь, оставаясь в Харькове...*

Переговоры о помещении для делегатов Всеукраинского съезда Советов показательны для характеристики отношения харьковских руководящих работников к приехавшим товарищам...

В начале переговоров товарищ (харьковчанин) в категорической форме отказал в предоставлении помещения, заявив: «Устраивайтесь, как хотите. Мы не обязаны предоставлять вам квартиры...»

...на все доводы получался один ответ: «Я сказал, что помещения у нас нет. Не мешайте мне работать».

Наконец, часа в 2 ночи, после решительного протеста члена Краевого комитета... последовал, после некоторых размышлений и совещания с присутствовавшими при этом разговоре харьковчанами, более благоприятный ответ: «Делегатов устроим в помещении, предназначенном для нашего Областного съезда Советов, а вам (Краевому парткомитету) можем отвести камеру в тюрьме». – «С запором и конвоем?» – спросил член Краевого комитета. Товарищ не ответил, суровым взглядом дал понять неуместность вопроса и углубился в разложенные перед ним бумаги».

вала на осуществление властных полномочий на всей территории Украины и, следовательно, на подчинение себе городского Совета. Однако последний и не думал подчиняться. Более того, к Съезду, к его составу и к итогам работы относился с большим недоверием, а принятые решения по существу игнорировал. Исполком Совета, Ревком и даже Областной парткомитет¹¹⁴ открыто саботировали любые начинания ЦИК Ук. При этом «харьковские товарищи»¹¹⁵ всеми способами срывали мероприятия «киевских», а вскоре уже публично ставили под сомнение полномочия и само существование Советского правительства Украины.

Во время работы Съезда совместная работа как-то наладилась. Харьковчане в ультимативной форме потребовали предоставить им четыре места в составе Народного секретариата, и это «пожелание» было выполнено, что и предотвратило конфликт. Однако вскоре отношения обострились вновь.

Характерен следующий эпизод. По завершении работы Съезда представители Народного секретариата обратились в Харьковский Совет с просьбой выделить помещение для расквартирования и работы. Исполком, не говоря прямо – нет, под разными предлогами всячески затягивал решение вопроса. Что касается Областного парткомитета, то там отказались выделить даже и комнату. «В первые дни, – пишет Е. Бош, – члены президиума Ц.И.К. и Народного Секретариата всячески изворачивались, намечали заседания по ночам, когда освобождался зал. Днём работали в каких-то тёмных комнатах, заваленных

В.М. Примаков

¹¹⁴ Прибывший из Киева комитет партии большевиков Украины именовался Краевым, Донецко-Криворожский – Областным, городской – Харьковским.

¹¹⁵ «Руководящие партработники Харькова, – уточняет Е. Бош, – входили в президиум Областного Донецко-Криворожского комитета, в Харьковский парткомитет и исполком Харьковского Совета, так что персонально это были почти одни и те же товарищи».

всяким хламом, а первый манифест писали на подоконниках в коридоре и самостоятельно никаких мер к подысканию помещения не принимали, пытаясь столкнуться с харьковчанами, чтобы избежать трений и упрёков о вторжении в местную жизнь...»

Понятно было, что так долго продолжаться не могло. К власти, не способной подыскать себе помещение, вряд ли кто-то мог относиться серьёзно. Разрешить вопрос помог комиссар харьковской Красной гвардии Беленкович. От имени отряда, сразу же подчинившегося ЦИК Ук, он предложил занять *любое* помещение, «так как на меньшевистский Исполком Совета надеяться не следует».

Тут же подыскали и «помещение». Это была типография и склады «буржуазной» газеты «Южный край»¹¹⁶ на Сумской улице. Обратились в исполком, но там передать помещение отказались категорически. Тогда президиум *поручил* Беленковичу занять указанные площади. 17 декабря отряд красногвардейцев завода «Всеобщей Компании Электричества» без какого-либо противодействия занял типографию и склады и выставил караулы.

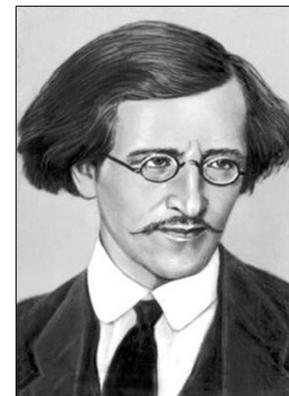
Разразился скандал. Больше даже меньшевиков из исполкома возмущались свои же местные «ленинцы». Сказалось и отсутствие в городе выехавшего в Петроград Артёма, который по уверению Е. Бош, в подобных случаях всегда сдерживал харьковчан. На экстренное заседание Областного комитета был вызван для объяснений председатель Краевого. Там ему было заявлено, что приезжие своими действиями только лишь дезорганизуют местную работу. Все попытки объясниться, ни к чему не привели. После нескольких совместных заседаний президиум Краевого комитета предложил Областному прекратить бессмысленные пререкания и апеллировать в ЦК партии.

Через несколько дней в Харьков прибыл командированный на юг Серго Орджоникидзе, который, помимо прочего, взял на

¹¹⁶ Помещение типографии газеты было выбрано не случайно. Помимо прочего его занятие давало возможность Народному секретариату наладить, наконец, выпуск своего печатного органа – «Вестника ЦИК». До этого как Исполком, так и Областной комитет свои типографии предоставить отказались.

себя сглаживание «трений с местными работниками». Петроград в этом вопросе решительно встал на сторону ЦИК Украины. «Харьковским товарищам» было предложено прекратить мелочные придирки и официально признать ЦИК Ук и Народный секретариат. Вплоть до самого переезда Советского правительства в Киев незаметный для постороннего глаза, но вполне ощутимый вялотекущий конфликт, то затухал, то вспыхивал с новой силой, но так и не прекращался. Харьковчане, подчинившись требованиям ЦК партии, перешли к тактике скрытого бойкота.

Столь же нетерпимо относились они и ко всему, связанному с возможным конфликтом с Радой, а, следовательно, и к прибывшим из центра советским отрядам. «...Несмотря на своё безволие и дряблость, – вспоминает Антонов-Овсеенко, – Ревком требовал от меня, чтобы я не осмеливался, помимо него, распоряжаться ни гарнизоном Харькова, ни красной гвардией, ни военными запасами в городе. Более того, Харьковские большевики потребовали, чтобы я вообще никаких действий без их согласия не предпринимал.

В.А. Антонов-Овсеенко

Я согласился только на своевременное извещение их о моих планах.

Так называемый «Областной Комитет», во главе с тов. Васильченко, пошёл ещё дальше. Однажды ко мне в штаб явился от имени этого Комитета неведомый мне весьма юный товарищ «для работы». Я выразил большое удовольствие, что вот, мол, получаю, наконец, реальную помощь. Но когда предложил товарищу определить, какую бы он взял работу в Штабе, то услышал: «Я, собственно, направлен для контроля над вами».

Я вынужден был от такого сотрудника отказаться.

Иначе отнеслись к моей работе товарищи из Цикуки. Они сразу вступили с нами в деловой контакт, выделив для связи

и работы в Штабе серьёзного товарища Сергея Бакинського...»

Советское командование в Харькове оказалось в затруднительном положении. С середины декабря в Совнаркоме возобладало мнение, что Раду следует признать и от попыток установить Советскую власть на Украине вооружённой силой отказаться. Во всяком случае, ещё и 30 декабря СНК официально подтверждал, что «...национальные... требования украинцев, самостоятельность их *народной республики*, её права требовать федеративных отношений, признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают».

«В виду такого положения вещей, – пишет Антонов-Овсеенко, – я, по отношению к Украине, ограничивал военные действия лишь заслоном, разоружением украинизированных частей и разрывом сообщений Украины с Донбассом и Доном.

Но и эти мои действия казались Совнаркому слишком враждебными по отношению к Раде. Сталин¹¹⁷ делал мне упреки в этом смысле – и я должен был ему объяснять стратегическую необходимость для нас захвата южной магистрали.

Положение серьёзно осложнялось созданием «Народного Секретариата Украинской Советской Республики, выделенного «Цикукой»...

«Цикука» неоднократно настаивала на моём наступлении в сторону Полтавы, но я выжидал, заявляя при этом, что, во всяком случае, не начну военных действий, пока в нашем распоряжении не будет своей чисто украинской боевой части¹¹⁸».

Как видно, Антонов-Овсеенко, в отличие от того же Мура-

¹¹⁷ В Советском правительстве И.В. Джугашвили (Сталин) занимал пост наркома по делам национальностей.

¹¹⁸ Впрочем, военные действия, хотя и необъявленные, уже велись. 13 декабря отряд Руднева попытался атаковать узловую станцию Лозовая, но успеха не добился. 16 декабря станция была взята, утром вновь отбита и к вечеру 17 декабря занята окончательно Егоровым. После этого, продвигаясь в эшелонах по железнодорожным магистралям с 18 по 22 декабря советские части почти без сопротивления заняли Павлоград, Синельниково, Змиев, Купянск, Изюм и практически всё Левобережье Юга Украины.

Однако, считалось, что это были лишь необходимые меры по обеспечению беспрепятственного прохода советских отрядов к Дону и, следовательно, ни Совнаркомом, ни Антоновым-Овсеенко как открытое объявление войны Раде, не рассматривались.

вьёва, не только разбирался в оперативном планировании, но мог оценить и политическую ситуацию. Он прекрасно понимал, что если дело и дойдёт до вооружённого конфликта, формально таковой может быть только гражданским: между Радой и вновь образованным Советским правительством Украины.

Что касается «чисто украинской части», то она вскоре была сформирована в Харькове. Чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей, было решено разоружить 2-й Украинский полк, и это обстоятельство обусловило зарождение ставшего впоследствии легендарным Червоного казачества.

План действий разработали вновь назначенный военный комендант города Войцеховский¹¹⁹ и Шаров¹²⁰. Суть его сво-

¹¹⁹ Антонов-Овсеенко характеризует обстоятельства назначения на должность будущего военного комиссара Ростова Войцеховского следующим образом: «Непрекращающиеся безобразия в городе, смелые действия уголовников и анархистов, постоянные белогвардейские покушения на штабы наших частей, полная разруха в гарнизоне, свободная торговля оружием и военным снаряжением на рынках, – весь этот беспорядок побудил меня стремиться к установлению в городе *авторитетной* военной власти. По соглашению с Ревкомом, был назначен, почти тотчас по организации моего штаба, комендантом города Харькова – матрос Канунников; но вскоре его пришлось убрать, *по подозрению в пьянстве*. Он заменён тов. Войцеховским, рабочим Путиловского завода, начальником штаба Красной Гвардии Петергофского района и членом тамошнего Совета. Человек лично безусловно порядочный, совершенно испытанный, *революционно настроенный*, Войцеховский повёл жестокую борьбу с бандитизмом всех ступеней. Ему удалось установить относительный порядок в городе. Но Ревком отнёсся весьма ревниво к его назначению, хотя это назначение состоялось с его согласия, и не только не оказывал Войцеховскому никакого содействия, а всячески раздувал его мелкие неизбежные неудачи и промахи. Сносных работников в помощь Войцеховскому я выделять не мог – не из кого было, а местные товарищи только злорадствовали, злоушничали вместе с обывателями и не оказывали коменданту поддержки».

¹²⁰ Биографию Шарова, впоследствии столь активно пытавшегося преследовать добровольцев на левом берегу Дона, Антонов-Овсеенко в своих «Записках» не приводит. Остаётся предположить, что он, как и Войцеховский был комиссаром либо командиром среднего звена одного из прибывших с севера отрядов Красной гвардии. Известно лишь, что после Харькова Шаров был назначен на должность комиссара Изюмского уезда. Именно к таким, как Шаров, могут быть отнесены следующие строчки Антонова-Овсеенко: «Местный губком не присылал ко мне работников, и приходилось ставить на посты комиссаров на станциях, посылать по реквизиции хлеба тех ребят, какие были под рукой. А были эти ребята, по большей части, приезжие питерцы или моряки brave, но малоопытные, не умевшие находить вежливых оборотов речи там,

дилась к тому, чтобы ночью подвести к казармам 2-го полка броневики, открыть огонь, и, воспользовавшись паникой, принудить гайдамаков сложить оружие. В.М. Примаков предложил предварительно сагитировать часть солдат перейти на сторону Советской власти, на что получил согласие.

«Мы с В.М. Примаковым, – вспоминает И.Ю. Кулик¹²¹, – ночевали в той комнатухе, где помещалась касса Народного Секретариата...

В тот памятный вечер, 27 декабря 1917 года по старому стилю, Виталий сказал:

- Ты лучше не раздевайся, предстоит интересное дело ночью.
- А что, уж не готовится ли нападение на кассу?
- Нет, на этот раз мы, пожалуй, сами нападать будем.

Меня это несколько удивило. На Дону в это время шла вооружённая борьба с корниловцами, в Харькове поэтому находился штаб наркома по борьбе с контрреволюцией В.А. Антонова-Овсеенко, но сам по себе Харьков был в достаточной мере уже очищен, корниловских банд поблизости не было... О возможности вооружённого столкновения с Центральной радой я не подумал...

Виталий разрешил моё недоумение:

- Будем разоружать второй Украинский полк.

Я знал, что Примаков уже ведёт работу по разложению этого полка, что есть у него там «свои ребята». Поэтому поразительно простым и легко осуществимым показался развитый им план разоружения.

где видели контрреволюционную закорючку или саботажный выверт; а иногда были это люди и недостойные – пьянчуги и тупые насильники...

Но я полагаю, что это была неизбежная ступень в гражданской войне, – подбор умелых и разумных революционных администраторов не проводится во время революционной горячки с желательной аккуратностью...»

Следует лишь добавить, что персонально комиссар Шаров при всём при том откровенным пьянчугой, тем более, «тупым насильником» не был. А был лишь человеком, чьи деловые качества и склад характера вряд ли соответствовали занимаемым должностям, а амбиции не позволяли в этом признаться.

¹²¹ В Народном Секретариате первого состава занимал должность заместителя народного секретаря по национальным и иностранным делам С. Бакинского.

– Девятая и одиннадцатая роты¹²² совсем наши. Мы, значит, пройдём в казарму, арестуем дежурного офицера, раздадим солдатам патроны. Сопrotивления можно ждать только со стороны пулемётной роты. Но мы из окон обстреляем пулемётчиков и сразу терроризируем их...

– Но ты говоришь, что только две роты наши. Справимся ли мы со всем полком, если сопротивление всё-таки будет оказано?

– В полночь приедет военный комендант города Войцеховский с бронемашинами, он и будет руководить разоружением. А до этого руководство операцией возложено на Шарова...»

Всё это на первый взгляд представлялось весьма сомнительной авантюрой. Однако не следует забывать, что в обстановке хаоса и неразберихи человек решительный и смелый мог добиться многого. Виталий Примаков¹²³ в свои двадцать с небольшим прошёл суровую школу жизни и именно такими

¹²² В частях Рады роты именовались сотнями, но, видимо, непривычное название, особенно, среди фронтовиков прижиться не успело.

¹²³ Виталий Маркович Примаков родился 18 декабря 1897 года в местечке Семёновка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии в семье учителя. Под влиянием семьи Коцюбинских вошёл в состав «революционной нелегальной организации учащихся» и в 14-м году примкнул к большевикам. Через год, будучи гимназистом, за распространение среди солдат Черниговского гарнизона антивоенных листовок и хранение оружия был арестован и сослан на поселение в Восточную Сибирь. Освобождённый после Февраля в июне 17-го года оказался в Киеве, где стал членом Краевого комитета РСДРП(б). Будучи делегатом II Съезда Советов, принимал участие во взятии Зимнего дворца, а позже, командовал одним из отрядов Красной гвардии под Пулковом и Гатчиной. Съездом Советов был избран во Всероссийский ЦИК, которым по просьбе Народного Секретариата направлен в Харьков. Организатор и бессменный командир Червоного казачества. В гражданскую – комполка, комбриг, комдив, а с октября 1920 г. командир 1-го конного корпуса Червоного казачества. С 1935 г. – заместитель командующего Ленинградским военным округом.

14 августа 1936 г. (по новому стилю) В.М. Примаков был арестован. После девяти месяцев содержания в тюрьме дал показания, в которых признал, что принимал участие в антисоветском троцкистском заговоре. Вместе с М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем и другими высшими командирами РККА 11 июня 1937 г. (по новому стилю) специальным присутствием Верховного суда СССР был приговорён к смертной казни и на следующий день расстрелян.

качествами и обладал. Характер его успел закалиться. Непостижимым образом в 17-м году в Киеве и Петрограде, в гражданскую под Фатежем и Проскуровом и даже в предрасстрельном 36-м этот человек оказывался на наиболее значимых, переломных участках. Прирождённый лидер, беспощадный суровый боец, Примаков оставался в душе отчасти и романтиком. Отсюда и конные рейды, и смелые, на грани риска решения и поступки...

Около полуночи Примаков с Куликом подошли к казармам 2-го полка. Поверх гражданской одежды на них были солдатские шинели, но и эта наспех устроенная маскировка не понадобилась. Часовой дремал и не обратил на входящих никакого внимания. Проследовали в помещение 9-й роты. Примаков разыскал знакомых солдат, обсудил с ними план действий. Затем, разбудили и собрали остальных. Раздали патроны.

Прибывшего дежурного офицера обезоружили и арестовали, после чего подняли и вооружили и 11-ю роту. К этому времени пришёл из города и Шаров. Впрочем, его участие в разоружении полка, по словам Кулика, свелось к минимуму¹²⁴. Время между тем шло, а броневики всё не прибывали. Без них ни Шаров, ни Примаков разоружать полк не решались. Солдаты начинали нервничать, в любой момент могли разоружить их самих. Все прекрасно понимали, что если выступление не состоится, подобное не сойдёт с рук.

Наконец уже в два часа ночи послышался шум моторов. Броневики въехали на территорию казарм, и тут же прибывшие с ними красногвардейцы открыли беспорядочную стрельбу.

¹²⁴ «Держался он трусливо, – вспоминает Кулик, – о чём-то шептался тайком с наименее выдержанными солдатами. Когда я обратил на это внимание Примакова, он резко ответил:

– Раз на него возложено командование, наш долг подчиняться! – Потом добавил более спокойно: – Мы с тобой не будем оставлять его ни на минуту. Если заметим подозрительное, попросту пристрелим. А я попытаюсь забрать инициативу в свои руки».

По прошествии стольких лет трудно, конечно, судить действительно ли Шаров в неясной обстановке среди незнакомых ему людей проявил растерянность или же негативное отношение к нему Кулика продиктовано будущими конфликтами.

Солдаты 9-й роты поддержали их, дав залп из окон, но тут же кто-то сообразил, что окна ротного помещения выходят в сторону, противоположную казарме пулемётчиков¹²⁵. Примаков выстроил две роты, начал выводить их во двор. Но там красногвардейцы, не знавшие расположения зданий и помещений, не представлявшие совершенно, где, собственно, противник, продолжали палить во все наблюдаемые окна и двери. Пулемёты на броневиках также строчили, не переставая.

Угроза попасть под плотный перекрёстный огонь своих была вполне реальной. Шаров стусевался совершенно. Примаков уже открыто взял командование в свои руки. Он вытянул солдат цепочкой вдоль стен, откуда вывел отряд к казарме пулемётчиков. Ответного огня никто не открывал, и стрельба вскоре стихла сама собой. Не в последнюю очередь из-за того, что многие красногвардейцы в азарте расстреляли все патроны.

Сопротивления оказано не было. Бывшие в казармах офицеры поспешили их покинуть¹²⁶. Из дверей казарм выходили группами заспанные солдаты и без возражений складывали в кучи винтовки¹²⁷. Перспектива пусть и насильственной демобилизации и скорого возвращения на родину оказалась для них куда привлекательнее ночной перестрелки неизвестно с кем и неизвестно за что.

К рассвету 2-го Украинского полка Центральной Рады более не существовало. Большинство солдат 9-й и 11-й рот выразили желание продолжить службу на стороне Советов. Из них и

¹²⁵ «Мы, – пишет Кулик, – следовательно, стреляли впустую. План выработывали Войцеховский и Шаров, а мы все были столь увлечены мыслями о предстоящем выполнении этого плана, что не подумали даже проверить заранее его осуществление». И эти его слова свидетельствуют скорее о том, что растерялся не только Шаров. План планом, но поинтересоваться перед стрельбой у солдат о том, в каком направлении будет вестись огонь, Кулик с Примаковым могли бы и сами.

¹²⁶ В их числе оказался и командир полка Е.И. Волох, которому удалось беспрепятственно покинуть Харьков.

¹²⁷ Антонов-Овсеенко утверждает, что взято было до 10000 винтовок и 65 пулемётов – целый арсенал.

был вскоре создан «перший курінь червоного козацтва¹²⁸». Это и была та самая «чисто украинская» строевая часть, на формировании которой настаивал Антонов-Овсеенко.

Теперь для открытого выступления против Рады Народному секретариату требовался лишь формальный повод¹²⁹. И искать его долго не пришлось.

8.3.4.4. Выступление советских войск. Полтава. Екатеринослав. Круты

К концу декабря 1917 г. ситуация в Полтаве мало чем отличалась от той, которая сложилась в Харькове. Разница состояла лишь в одном: город располагался в стороне от пути следования советских отрядов, продвигавшихся к Дону из Центральной России и, соответственно, пришедших частей в нём не было. В том числе и по этой причине властные органы Рады действовали куда смелее, а Совет проявлял нерешительность и избегал любой активности. Однако в его составе нашлись радикальные элементы, и когда утверждённый Радой начальник гарнизона Ревуцкий развернул агитацию среди солдат, он неожиданно для всех был арестован сам.

В городе были расквартированы украинизированный 4-й полк и Виленское военное училище. Совет же в той или иной степени мог рассчитывать на поддержку расположенного в Миргороде сапёрного батальона в 2000 штыков и на солдат

¹²⁸ По свидетельству Е.П. Журавлёва, кроме трёхсот солдат 9-й и 11-й рот разоружённого 2-го полка ядро «Першого куріня» составили также и до четырёхсот харьковских рабочих-красногвардейцев. Что касается наименования, то оно было продиктовано желанием противопоставить формируемые национальные части ориентированному на Раду так называемому «вольному казачеству».

Разоружение 2-го Украинского полка произвело такое впечатление, что и Чигиринский Украинский полк, и несший караульную службу отряд поляков «1-го Польского революционного» полка, также сложили оружие по первому требованию. Войск, на которые могла бы опереться Рада, более в Харькове не оставалось.

¹²⁹ 27 декабря Народный секретариат издал распоряжение об упразднении губернских, уездных и городских комиссаров Центральной Рады с передачей всех дел и закреплённого за ними имущества Советам. Становилось очевидным, что конфликта с Радой не избежать.

авиапарка. Как видно, силы сторон были, по меньшей мере, равны. Но в Совете и даже среди большевиков преобладали люди, настроенные весьма умеренно. Любое обострение отношений с Радой представлялось им чреватым немедленным разгоном Совета вооруженной силой. В конце концов, Ревуцкий был освобождён¹³⁰.

С 14 декабря из Киева в Полтаву начали прибывать вызванные надёжные части: батальон георгиевских кавалеров и позже полк имени Богдана Хмельницкого. Подошёл также и блиндируемый поезд. Опираясь на верные Раде штыки, Ревуцкий перешёл от слов к делу. В городе начались обыски и аресты. В ответ один из анархистов, некто Дунайский, не имевший, кстати, никого отношения к Совету, застрелил в гостинице «Европейской» командира «богдановцев» Ластовченко, после чего Совет был разгромлен, и наряду с новыми массовыми арестами пошли уже и погромы. Оказать сопротивление «полтавские товарищи» так и не рискнули, да и время было упущено безвоз-

¹³⁰ Этот эпизод Д. Эрде описывает следующим образом: «Некий полковник Ревуцкий занялся провокацией. Среди русских авиационного парка, стоявшего в Полтаве, он распространял слухи, что 4 полк, состав которого по преимуществу был украинским, собирается разоружить авиационный парк. В 4 полку он вёл агитацию против авиационного парка, якобы имеющего намерение разоружить 4 полк. Эта провокация, чуть не приведшая к кровавой схватке, своевременно была раскрыта Маркусом и Каской, председателем комитета авиационного парка. Каска пользовался неограниченным влиянием и авторитетом в парке.

Когда провокация была обнаружена, Ревуцкий был арестован и предстал перед судом солдатской секции совета... Ревуцкий, защищаясь, доказывал, что большевизм чужд украинским массам. Солдатская секция была настроена весьма недружелюбно к этому полковнику, и его судьба была бы решена, если бы не вмешательство группы большевиков, считавших пока несвоевременным применять к контрреволюционерам высшую меру наказания... Этот же полковник Ревуцкий вызвал из Киева богдановцев, очевидно, с намерением покончить с советом. Около 20 декабря (ст. стиля) в Полтаву прибыл полк имени Богдана Хмельницкого. Полтавский совет встретил его с красными знамёнами. Богдановцы освободили Ревуцкого и начали хозяйничать в городе по-своему...»

К сказанному следует добавить, что упомянутый Каска (Антонов-Овсеенко называет иную фамилию – Каск), человек смелый и решительный, погиб впоследствии в бою при отчаянной попытке остановить немцев под Таганрогом.

вратно. Однако их представитель прибыл в Харьков и обратился за помощью в ЦИК Ук.

«29 декабря, – пишет Е. Бош, – Народный Секретариат принял решение выдвинуть на поддержку революционных масс Полтавы имеющиеся в распоряжении Советского правительства военные отряды». Всем, однако, было понятно, что военных отрядов имелось явно недостаточно, и бросить в бой с только что снятыми с фронта частями 300 солдат бывшего 28-го запасного полка и несколько сот необученных красногвардейцев было невозможно. Последнее слово оставалось за Антоновым-Овсеенко, который посчитал, что время пришло.

Тер-Арутюнянцу было направлено предписание стянуть с Юго-Западного, а по возможности, и с Румынского фронтов все боеспособные и готовые подчиняться приказам Ставки части и в нужное время направить на Киев¹³¹. Подразумевалось также развернуть наконец решительное наступление от Гомеля к Бахмачу. Кудинскому, на которого возлагалось руководство войсками продвигавшимися от Ворожбы, было приказано усилить отряд Знаменского, направив к нему до тысячи красногвардейцев с батареей из Брянска и до ста из Курска.

Из Харькова под прикрытием бронепоезда выдвигалась в эшелонах Красная гвардия а также и Червонное казачество Примакова. Командование сводным отрядом возлагалось на Му-

М.А. Муравьев
(в парадной форме
Старой армии)

¹³¹ Ещё 28 декабря Антонов-Овсеенко направил в ВРК VIII армии Юго-Западного фронта следующее обращение: «Народный комиссар по борьбе с контрреволюцией просит войти в связь с корпусным комитетом 2 гвардейского корпуса и комитетом 7 армии для оказания указанному корпусу содействия при продвижении его на юг по направлению к Знаменке. Просим также немедленно прислать вашего представителя в штаб народного комиссара в Харьков для установления связей».

Аналогичное отношение, предлагающее направить делегата для установления связи и координации действий в тот же день было направлено им и в ВРК Румынского фронта.

равьева¹³². Одновременно к Полтаве от Лозовой должен был наступать и П.В. Егоров.

На подготовку столь масштабной операции Антонов-Овсеенко отводил неделю. Однако события уже набрали ход и опережали самые смелые планы. В тот день, когда Народным секретариатом принималось принципиальное решение о наступлении, в Екатеринославе Советы уже праздновали победу.

В отличие от полтавских и даже харьковских советских работников «екатеринославские товарищи» настроены были, куда решительнее. В 20-х числах декабря их представители побывали в штабе у Антонова-Овсеенко, где договорились о совместных действиях. Выступление против Рады запланировано было на 28 декабря. К этому времени к городу должен был подойти и отряд П.В. Егорова с бронепоездом. «Но, как часто бывает, – пишет Антонов-Овсеенко, – самая подготовка восстания вызвала наружу накопленную энергию, и события разыгрались значительно раньше. Провокационные действия со стороны гайдамаков вызвали рабочих Брянского завода на отважное выступление. Вечером 8-го января¹³³ они захватили и угнали на завод гайдамацкий броневик.

Гайдамаки на следующий день предъявили ультиматум рабочим, требуя выдачи броневика и всего оружия. После отказа,

¹³² Отношения, сложившиеся между Муравьевым и Антоновым-Овсеенко, последний характеризует так: «...сознание своей подчинённости мне его чрезвычайно тяготило. Ему хотелось вырваться из тех шор, в которых я его держал, – советуясь с ним во всём, но оставляя за собой последнее слово. И недовольство его характерно проявилось в ночь на 18 января (нов. ст.), когда он вдруг бросил работу, обидевшись на то, что я изменил редакцию одного из заготовленных им приказов Сиверсу. Он удалился с работы и засел в своём купе. Между нами последовала краткая, но характерная переписка, в которой сказалось всё его честолюбие и обидчивость. «Я не могу согласиться, чтобы меня превращали в простого писаря», – писал он, претендуя на самостоятельную роль.

На следующий же день я дал ему удовлетворение, послав его во главе специального отряда брать Полтаву...»

Из сказанного можно также понять, что вопрос о назначении Муравьева был решён едва ли не в последний момент и по обстоятельствам, далёким от оперативной целесообразности.

¹³³ Антонов-Овсеенко указал дату по новому стилю. По старому стилю – 26 декабря.

в 8 часов вечера, они начали артиллерийский обстрел Брянского завода...»

На территории завода был образован штаб по руководству восстанием. Против 3500 красногвардейцев и солдат, симпатизирующих Советам, Рада могла выставить не более 1500 верных ей штыков, и подавить выступление до подхода Егорова они не смогли. К вечеру 27 декабря красногвардейцам удалось блокировать в рабочем посёлке Кайдаки и принудить к сдаче часть украинских сил. В самом же городе петлюровцы¹³⁴, не прекращая обстрела Брянского завода, не оставляли попыток прорваться также и к Совету. Здание было окружено, однако взять его штурмом так и не удалось.

Едва лишь в Харькове узнали о выступлении, последовал приказ П.В. Егорову о немедленном выдвижении из Синельниково на помощь Екатеринославу. К 14 часам 28 декабря к городу подошёл советский бронепоезд. Восстанавливая под огнём разобранное местами полотно, он медленно продвигался к вокзалу. Под его прикрытием разгружалась пехота. Вскоре в тыл гайдамакам ударили московские красногвардейцы. Уличные бои, то затихая, то вспыхивая вновь, продолжались до середины дня 29 декабря. Остатки гайдамацких отрядов оставили город и с двумя орудиями заняли оборону в близлежащем лесном массиве. Не получив поддержки, они вскоре вынуждены были отойти на Киев.

30 декабря Совнарком в своей ноте УНР заявил следующее: «...прямая или косвенная поддержка Радой калединцев является для нас безусловным основанием для военных действий против Рады... и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение Гражданской войны...» Ответа из Киева не последовало. Вероятно, в Генеральном секретариате посчитали, что советские отряды, занявшие Донбасс и пробившие себе дорогу к Дону, уже добились всего оговоренного в ранее предъявленном ультиматуме и в глубь Украины не пойдут. Но в результате части, верные УНР, оказались предоставленными самим себе.

¹³⁴ Несмотря на то, что Симон Петлюра сложил с себя полномочия военного министра УНР ещё 18 декабря и более не являлся командующим Украинской армии, термин «петлюровцы» продолжал оставаться в обращении.

Их командиры не ориентировались в обстановке, не понимали даже, нужно ли оказывать сопротивление или пропускать противника без боя. Неудивительно, что организованное сопротивление на востоке страны вскоре прекратилось. Известны случаи, когда гарнизоны и отдельные части складывали оружие по одному лишь твёрдо высказанному требованию большевиков.

30 декабря Советская власть была провозглашена в Мариуполе, на следующий день – в Одессе. Впрочем, несмотря на это, двоевластие в городе сохранялось до середины января, когда на помощь Совету пришёл отряд моряков-черноморцев. Флот и Румчерод также постепенно склонялись на сторону Советов.

31 декабря 1918 г. в «Вестнике Украинской Народной Республики»¹³⁵ за подписью Е. Бош было опубликовано правительственное извещение о низложении Центральной Рады. 4 января Народный секретариат сообщил об объявлении *врагами народа* членов Генерального секретариата. Вслед за этим ЦИК Ук вынес постановление об аннулировании всех законодательных актов Рады и ликвидации её финансовых учреждений. Это было открытое объявление войны, и иначе расцениваться уже не могло.

2 января Генеральный секретариат вынужден был принять некоторые ответные меры. Было заявлено о том, что «враги УНР» будут преследоваться вплоть до применения военно-революционного суда. 5 января украинский курень сотника Шестопаля вошёл в Умань и разогнал местный ревком. При этом сам Шестопаль застрелил председателя Уманского совета Пиантковского и редактора большевистской газеты Урбаласа. В эти же дни был убит один из руководителей киевских большевиков Леонид Пятаков и при невыясненных обстоятельствах погиб на Румынском фронте Рошаль.

Весьма деятельным человеком оказался и Петлюра. Отстранённый от управления войсками, он на свой страх и риск приступил в Киеве к формированию на добровольной основе особого подразделения, так называемого «Гайдамацкого коша»

¹³⁵ Такое название получил печатный орган ЦИК Ук.

Слободской Украины». Поначалу при поддержке французской военной миссии был создан лишь Первый курень в 170–180 штыков, но когда в него записалось полторы сотни киевских юнкеров, Слободский¹³⁶ кош стал одним из наиболее боеспособных подразделений УНР.

5 января сводный отряд Муравьёва в эшелонах двинулся из Харькова на Полтаву. За два-три дня до этого по приказу военного министра УНР Порша два украинских полка¹³⁷ в количестве 1800 штыков были вызваны из Полтавы в Киев¹³⁸. С ними ушёл и бронепоезд. В городе оставалось не более 600, сохранивших верность Раде, бойцов. Однако каких-либо распоряжений по организации обороны не последовало, поэтому оказать серьёзного сопротивления они не смогли.

Почти до самой Полтавы эшелоны проследовали без единого выстрела, лишь у самого города незначительный партизанский отряд «вольных казаков» пытался разобрать пути. Вечером 6 января, разгрузившись на станциях, отряды Муравьёва вошли в город¹³⁹. После непродолжительной перестрелки окру-

¹³⁶ Наименование «Слободский» знаменовало собой стремление бойцов отбить у большевиков Харьковщину – Слободскую Украину.

¹³⁷ Включая и «богдановцев».

¹³⁸ В ночь с 4 на 5 января 1918 г. они вместе с юнкерами приняли участие в частичном разоружении Красной гвардии киевских заводов «Арсенал», «Ауто», Снарядного, Демеевского, Судостроительного и др. При этом были изъяты свыше тысячи винтовок и пулемёты, арестовано до 200 человек, захвачена типография большевистской газеты «Пролетарская мысль». Проведённая акция, вне всякого сомнения, серьёзно ослабила готовившееся восстание, которое в иных обстоятельствах могло бы увенчаться успехом и без помощи извне.

Но в то же самое время Порш отдал ряд приказов, которые в конечном итоге и решили судьбу Рады. 4 января он распорядился приступить к немедленной демобилизации украинских подразделений, роспуске части Старой армии и отмене офицерских званий в армии УНР. Всё это было сделано в угоду немцам, свидетельствовало о неизбежном разрыве с союзниками и признании того факта, что Старой армии, как управляемой военной силы, больше не существует. Предполагалось за один-два месяца создать новые вооружённые силы на добровольной и платной основе. Однако, в условиях, когда Левобережье было уже потеряно Радой, Юг готов был отпасть в любой момент, а страна фактически находилась в состоянии войны, подобные директивы оставили Раду без защиты.

¹³⁹ Накануне полтавские железнодорожники прибыли в штаб к Антонову-Овсеенко, предоставив план города и расположение частей Рады. Они же провели эшелоны к Северному и Южному вокзалам.

жённые в здании своего училища юнкера сложили оружие. О масштабе «боев» говорит тот факт, что Муравьёв убитым потерял лишь одного человека¹⁴⁰.

«Подойдя к Полтаве, – вспоминает В.М. Примаков, бронепоезд... ворвался на станцию. За ним подошёл эшелон червонных казаков, которые оставив по два человека на вагон, быстро выгрузились и цепями пошли на город, катя с собой четыре пулемёта Максима. Противник встретил редким ружейным огнём наши цепи, которые быстро подошли к городу. Начался уличный бой. Атаман куреня выделил одну сотню занять почтамт и телефонную станцию, одну сотню занять Виленское военное училище и одну сотню (в сотнях было по 250 человек) для очищения города. Залпы вдоль улиц заставляли врага сдаваться или бежать, и к ночи город был очищен. Немедленно был созван Совет, который и объявил себя властью».

Если Харьков создал подразделение «червонных казаков», то Полтава поспособствовала преобразованию его в конницу. «Полтава, – пишет Е.П. Журавлёв, – оказалась не только первым, но и, прямо сказать, поворотным пунктом в боевой истории червонного казачества. Сюда Примаков пришёл со стрелками-пехотинцами, а ушёл во главе кавалеристов. С того момента красные казаки стали умножать свою славу как украинская советская конница.

Мысль о кавдивизионе возникла сразу же, как только в числе полтавских трофеев обнаружили лошадей и сёдла...

Не минуло и недели, а Примаков, оставив свой пехотный курень в Полтаве, с конным дивизионом уже дрался за Киев. Это была небольшая, всего в сто шестьдесят сабель при нескольких пулемётах, часть...»

Следует добавить, что «Конный полк червонного казачества» был сформирован в Полтаве первоначально в составе двух сотен: конной и конно-пулемётной.

¹⁴⁰ Причины столь незначительных потерь Примаков объясняет следующим: «Борьба велась за крупные центры – меньше чем губернские города или узловые станции никто не брал – это тоже привязывало к железной дороге. Большую роль в этой первой стадии гражданской войны играли бронепоезда; их значение естественно вытекает из прикреплённости войск к железной дороге. Обе стороны, не имея в достаточном числе хорошо оборудованных бронепоездов, импровизировали их, причём эта импровизация обычно сводилась к установке на платформах орудий и пулемётов и укрытию бортов мешками с песком, рельсами, шпалами и т.д. Фактически это были не бронепоезда, а подвижные, слабо защищённые и, принимая во внимание необученность прислуги, безвредные подвижные батареи. Их главное качество заключалось в том, что тяжёлый грохот орудий, удар снаряда и трескотня пулемёта действовали психологически на красногвардейца, непривычного к войне.

Тактика боя была примерна такова: впереди шёл бронепоезд за ним – эшелоны. Бронепоезд, подходя к станции, или вступал в бой с бронепоездом противника, или с короткой дистанции обстреливал станцию. За ним подходили эшелоны, выскакивали красногвардейцы и шли в наступление, развернувшись в одну или две цепи. Резервов не было, но и противник не умел

Несмотря на это, Муравьёв, крайне обеспокоенный отсутствием Егорова, неожиданно запросил у Антонова-Овсеенко разрешения разрушить мосты через Ворсклу, на что получил немедленный категорический отказ. Он пребывал в полной уверенности, что войска Рады предпримут попытку контрнаступления на Полтаву от Киева и не прочь был закрепиться и перейти к обороне на достигнутом рубеже. Муравьёв, при всей его военной подготовке и знаниях, совершенно не представлял общую оперативную обстановку и стратегические задачи. Он видел, что оказался на острие наступления с незначительными и непроверенными, в общем-то, силами, но не понимал, что войска УНР уже находятся в стадии разложения, а Советы в городах ждут лишь сигнала. Не понимал и главного: продвижение в глубь Украины могло преследовать лишь одну цель – занятие Киева и устранение Рады с политической арены¹⁴¹.

маневрировать, действовал точно таким же образом, почему редко бывали случаи флангового удара или удара в тыл. Обыкновенно, постреляв некоторое время, одна из сторон отступала до следующей станции или сразу до узлового пункта (или города).

Первый период гражданской войны отличается: примерами героизма отдельных красногвардейцев – чаще всего личный пример увлекал в наступление; большой бестолковостью сражения и небольшим числом потерь».

¹⁴¹ Антонов-Овсеенко характеризует Муравьёва следующим образом: «Перед всеми нами он имел то преимущество, что сумел заставить работать офицеров. Он потребовал, чтобы все они вернулись к своим местам, он собирал их к себе в штаб и говорил с ними особым понятным для них тоном, и они преисполнялись доверия...»

Работник он был неутомимый, военное дело он знал со специальной его стороны, а ещё понимал нутром его авторитарный характер. Конечно, он был чересчур самолюбив и большой бахвал...

...Эта помпезность его усугублялась тем, что, будучи сам бессребреником, он не стеснялся средствами для достижения цели, и в случае чего, сорил деньгами, сея вокруг себя разврат...

Фанфаронство не покрывало в Муравьёве смелости, которая в нём бурлила, но я всегда опасался его политических вывертов...

...Весьма решительный перед лицом очевидной, осязаемой опасности, Муравьёв плохо разбирался в сложной обстановке широко задуманных компаний. Я ему не был обязан в этом отношении ни одной здоровой мыслью...

...Я знал поразительную упругость этого человека. От полного паралича воли он способен был в одну минуту взвиться до высшего энтузиазма...»

В условиях начала гражданской войны и только лишь разворачивавшегося военного строительства, когда права командира мало чем регламентировались и ограничивались, всё это имело немаловажное значение

Те же соображения задержали на сутки под Константиноградом¹⁴² и Егорова. По данным его разведки город защищал крупный отряд гайдамаков в 3000 штыков при 6-ти орудиях. Лишь получив помощь из Екатеринослава, он вошёл в город, где без боя разоружил батальон украинцев. 7 января отряд Егорова прибыл, наконец, в Полтаву. Муравьёв теперь уже не настаивал на подрыве мостов, ограничился лишь тем, что разобрал пути и выставил у полотна патрули.

Неожиданные сложности возникли уже по занятии Полтавы. Прибывший на экстренное заседание Совета Муравьёв, видимо, ощутил себя триумфатором и допустил очередной «выверт». «Придя на заседание Совета рабочих депутатов, – пишет Д. Эрдэ, – Муравьёв начал свою речь без обычного обращения «товарищи» и резким тоном отчеканил:

– Гражданская война началась. Гражданская война продолжается. От Балтийского до Чёрного моря, через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон – мы пройдем огнём и мечом, всюду устанавливая Советскую власть¹⁴³. Огнём и мечом мы будем уничтожать всё, что осмелится стать на нашем пути. Никому из врагов наших не будет пощады.

Это был обычный стиль муравьёвских речей...»

После этого Муравьёв, ничуть не озабоченный отсутствием каких-либо полномочий, вступил с исполкомом Совета в переговоры, о ходе которых докладывал Антонову-Овсеенко следующее: «...сообщу... важные местные политические известия, а вернее сказать, переговоры местного Исполнительного Комитета... со мной. Они прежде всего спросили меня, с какой целью я к ним прибыл с войском, и заявили, что они хотят сделать Полтаву нейтральной, как в отношении нас, так и к Киевской Раде. Просили меня *немедленно оставить пределы города* и с тем же самым послали делегацию кдвигающимся, якобы,

¹⁴² Ныне г. Красноград.

¹⁴³ Любопытно, что всё это говорил человек, готовый отдать приказ о взрыве мостов через Ворсклу. Лондон и Париж упоминались лишь в далёких не только от сложившейся обстановки, но и от здравого смысла, полных похвалы выступлениях. Реальное же продвижение, как видно, Муравьёвым дальше Полтавы не планировалось.

войскам Киевской Рады на нас. Я ответил им, что мы пришли сюда восстановить поправную Советскую власть на Украине, в частности в Полтаве, что Полтава, кроме того, является угрозой нашему стратегическому плану, пропуская мимо нас и посылая на нас бродячие шайки гайдамаков и украинские войска и тем способствуя контрреволюционным замыслам Каледина, чего ни в коем случае мы допустить не можем.

Когда я задал вопрос, признаёте ли вы Харьковскую Народную Раду, то они мне ответили, что не признают, так же, как и Киевскую. Тогда я им сказал, что мы не уйдём, пока вы не признаете истинной народной Харьковской Рады, и что мы не можем оставлять город, пока здесь не будет утверждена истинная народная власть, идущая в контакте с Харьковской Народной Центральной Радой...»

Как видно, Муравьёв весьма смутно представлял себе структуру Советской власти и субординацию среди отдельных её звеньев. Во всяком случае, о руководящей роли ЦИК Ук практически не упоминал и, судя по всему, считал если не естественной, то вполне допустимой едва ли не полную независимость городских Советов от Центра.

У Антонова-Овсеенко хватило такта сразу же сгладить возможный конфликт с Народным секретариатом, не уязвляя по возможности самолюбия Муравьёва. Он лишь посоветовал последнему впредь «не делать никаких политических заявлений, а предоставить выступить представителю Украинской власти или заявить себя исполняющим его волю». Также в Полтаву в помощь Муравьёву был направлен отряд харьковской Красной гвардии в 150 штыков во главе с Беленковичем¹⁴⁴, которому вскоре и удалось всё уладить.

Сложнее оказалось с Советом. 7 января им была принята резолюция, в которой пусть и весьма уклончиво, но всё же высказывалось неодобрение в адрес Центральной Рады и приветствие Харьковскому правительству¹⁴⁵. Но тут же солдатская

¹⁴⁴ По прибытии Беленкович был назначен военным комендантом Полтавы.

¹⁴⁵ В тот же день эта декларация была распечатана в № 5 «Вестника».

секция Совета вынесла другую резолюцию, ЦИК Ук не признающую. Перед самым прибытием отряда Егорова Муравьёв докладывал: «...продолжаю закреплять своё положение в Полтаве. Сегодня думаю закончить разоружение многочисленного Полтавского гарнизона. Здесь происходит пьяная вакханалия, начавшаяся с приходом нас, по-видимому, умышленно, причём некоторые наши красногвардейцы позволяли себе этот позор. Я приму жестокие меры к прекращению этого зла... Совет забаррикадировался, окружив себя артиллерией и пулемётами. Я предложу им выдать оружие, в противном случае употреблю силу, дабы разоружить, не трогая пока совета...»

До вооружённого столкновения дело, конечно, не дошло. Муравьёв, успевший приобрести у украинцев не лучшую репутацию, ушёл с частями к Киеву. Прибывшие в город представители Народного секретариата сумели убедить «полтавских товарищей», что в одиночку просуществовать не удастся и куда разумнее власть ЦИК Ук, подкреплённую куда большим количеством штыков, всё-таки признать.

Вся эта неприглядная история заслуживает быть упомянутой, прежде всего потому, что даёт наглядное представление как о состоянии дел в советских отрядах, так и о ситуации, сложившейся в городах Украины в первых числах января 1918 г.

Общее наступление на Киев, между тем, постепенно разворачивалось. 12 января колонна Васина¹⁴⁶ выдвинулась, наконец, из Брянска, но, дойдя до Кролевца, обнаружила в городе гайдамаков и остановилась. Завязли под Конотопом и Бахмачем и отряды Берзина. Антонов-Овсеенко предложил Кудинскому лично возглавить войска, действовавшие в районе Конотопа.

Не оправдал надежд отряд замоскворецких красногвардейцев. Знаменский докладывал из Ворожбы, что обещанной поддержки не получил и дальше Путивля продвинуться не может. Лишь Муравьёв сумел добиться очевидного успеха. 11 января его отряд, продвинувшись по железной дороге, занял без боя Ромодан. К чести Муравьёва, он оценил стратегическое значение занятой узловой, куда сразу же и переехал со штабом для

¹⁴⁶ Был начальником штаба у Кудинского.

оперативного руководства войсками. В тот же день начальник штаба Муравьёва Казюра сообщил о занятии Кременчуга и разоружении не оказавших сопротивления украинских частей.

По направлению к Киеву вдоль железной дороги был направлен незначительный отряд, по существу, разведка. Проследовав через Лубны и заняв Гребёнку, красногвардейцы вынуждены были остановиться¹⁴⁷. Полученные известия о неопределённых настроениях 58-го украинского полка, расквартированного в Лохвице, а также, выявленное к этому времени скопление гайдамаков в районе Конотоп – Нежин заставило Муравьёва отказаться от немедленного продвижения к Киеву и повернуть часть сил на север. Впрочем, в эти дни он был неутомим и успевал всюду и везде.

15 января Рославльский отряд при поддержке рабочих дружин занял Конотоп. На следующий день после ожесточённого боя был взят Бахмач¹⁴⁸. Из города Муравьёв докладывал о том, что установлена, наконец, связь с Берзиным, продвигавшимся от Гомеля¹⁴⁹. В тот же день Антонов-Овсеенко назначил Муравьёва главнокомандующим всеми войсками, действовавшими против Рады. Таким образом, ему официально были подчинены не только Егоров, но также и Берзин с Кудинским.

О своих дальнейших планах, которым нельзя отказать в решительности и оперативной целесообразности, Муравьёв докладывал Антонову-Овсеенко и в Совнарком: «...наконец, подошли ко мне отряды Берзина и Кудинского, с которыми сговорился, и они мне подчинились. Весь свой обширный фронт разделил на три армии; войска Берзина составляют 2-ю, войска Егорова 1-ю, войска Кудинского 3-ю. Авангарды армии Берзина под Нежином, авангарды армии Егорова около Березани, на линии Гребёнка – Киев, 3-я армия Кудинского сосредоточивается в Конотопе, она идёт на Киев через Черкассы – Бобринскую – Цветково и Фастов,

¹⁴⁷ Западнее Гребёнки вскоре завязался бой с гайдамаками, но станция в итоге осталась в руках красногвардейцев.

¹⁴⁸ В бою под Бахмачём был разбит считавшийся лучшим среди «именных» полк имени Дорошенко. Он потерял до 200 бойцов и 4 орудия.

¹⁴⁹ В отряде Берзина было до 3000 солдат и 400 матросов при 12-ти орудиях.

дабы объединиться со всеми революционными войсками на правом берегу Днепра и ударить на Киев с запада...

Теперь о наших тыловых базах: для 2-й армии – Бахмач – Конотоп; для 1-й – Гребёнка и Полтава; для 3-й – Черкассы – Конотоп. Между командующими полное установилось согласие».

Перед лицом окончательного развала и надвигающейся военной катастрофы, Рада вынуждена была пойти на экстренные меры. Киев объявлялся на осадном положении¹⁵⁰, а осуществлять общее командование войсками на левом берегу Днепра было предложено Петлюре. Считающихся украинизированными частей в гарнизонах оставалось ещё немало, но большинство солдат воевать за Раду отказывались категорически. Рассчитывать в этих условиях можно было только на себя.

Гайдамацкий кош Петлюры погрузился в эшелоны на станции Киев-товарная и проследовал на восток. На пригородной станции Дарница дислоцировался артиллерийский дивизион, разложившийся совершенно. Артиллеристы отказались выступать на фронт и заявили о самороспуске. Юнкерам не составило особого труда изъять прямо на путях 12 орудий со снарядами¹⁵¹. То же повторилось и в Яготине. Солдаты гарнизона не скрывали, что ожидают большевиков, и по их прибытии готовы немедленно разойтись по домам. Не задерживаясь, Гайдамацкий кош проследовал дальше и разгрузился на станции Кононовка. Там собрались все те, кто готов был сражаться за Левобережье до конца. Чёрные и красные гайдамаки¹⁵², киевские юнкера, сечевые стрельцы – всего до 1800 штыков при 8 орудиях. С этими силами Петлюра рассчитывал перейти в контрнаступление, отбить вначале Гребёнку, а при удачном стечении обстоятельств, и Полтаву.

Другой отряд киевских добровольцев в 450 штыков¹⁵³ при

¹⁵⁰ Власть в городе была передана особому коменданту инженеру М. Ковенко. Он же являлся и командиром киевских отрядов вольных казаков.

¹⁵¹ Часть из них юнкера взяли с собой, часть отправили в Киев.

¹⁵² Наименование – по цвету шляка, соответственно, чёрного (у юнкеров) и красного (у солдат-фронтовиков).

¹⁵³ В отряд входили студенческая сотня из учащихся Народного университета и Университета Святого Владимира, добровольцы 1-й юнкерской школы и гайдамаки так называемого «Куреня смерти».

одном орудии и шестнадцати пулемётах выдвинулся к Крутам. У этого города с 15 января и развернулись бои, решившие в конечном итоге судьбу Левобережья. Вначале на Круты наступал Егоров. Позже подошёл и Берзин. Подавляющее численное превосходство предопределило успех советских войск. К середине дня 16 января петлюровцы были смяты. Общие потери составили до 150 человек. Остатки отряда погрузились в эшелон и утром 17 января прибыли на станцию Бобрик. «Курень смерти», также понесший немалые потери, продолжал прикрывать Черниговскую железную дорогу. Гимназистов и юнкеров Петлюра вынужден был направить в Киев, где разгоралось восстание рабочих.

В эти же дни 1100 человек харьковских и донецких красногвардейцев атаковали оборонявший Кононовку отряд петлюровцев в 180 штыков. Станция была окружена, но стрельцам и гайдамакам удалось погрузиться в эшелон и, взорвав за собой железнодорожный мост, выехать в Яготин. К этому времени был получен приказ, всем боеспособным частям немедленно вернуться в Киев для борьбы с восставшими. 18 января под Яготин прибыл со штабом Муравьёв. На рубеже реки Трубеж завязалась перестрелка, после чего гайдамаки взорвали два моста, что задержало дальнейшее продвижение советских отрядов ещё на три дня. В этом районе войска Муравьёва вошли в соприкосновение с частями Чехословацкого корпуса, которые заявили о своём нейтралитете и впоследствии беспрепятственно пропустили их к Киеву.

Продвижение Советской власти по югу Украины в эти дни действительно было триумфальным. 13 января Советы перешли в наступление в Одессе. Отряды Красной гвардии при поддержке части солдат гарнизона заняли телеграф, вокзал, почту, банк, арсенал и штаб Округа. На следующий день командование частей, сохранивших верность УНР, предъявило красногвардейцам ультиматум с требованием немедленно освободить занятые объекты. Предлагалось после этого передать власть коалиционному городскому управлению, в которое вошли бы как советские работники, так и представители Рады. Ультиматум

остался без ответа, и утром 15 января началось общее наступление украинских войск, которое принесло им определённый успех. Советские части постепенно были вытеснены из большинства городских кварталов. Но тут им на помощь прибыли отряды черноморских моряков, поддержанных огнём крейсера «Ростислав» и бронепоезда. 17 января части УНР предложили заключить перемирие, которое было принято. Согласно подписанному договору петлюровцы должны были покинуть город. Часть их рассеялась, сохранившие строй и дисциплину остатки войск УНР были остановлены и разоружены одним из советских отрядов на станции Раздельная.

15 января в Елисаветград¹⁵⁴ вошёл анархистский отряд Маруси Никифорой и до трёхсот солдат. При поддержке местных красногвардейцев они разоружили подразделения вольных казаков и юнкеров и арестовали чиновников УНР. В тот же день была провозглашена Советская власть и в Николаеве. Лишь Херсон сохранял «нейтралитет» ещё несколько дней.

От Екатеринослава продвигались постепенно в глубь Центральной Украины всё новые и новые эшелоны Красной гвардии. Заняты были Верховцево, Користовка, Знаменка. У станции Бобринская гайдамаки оказали некоторое сопротивление, но изменить что-либо это уже не могло.

Вновь проявил некоторую активность и 2-й Гвардейский корпус. К 10 января им были заняты Винница и Вапнярка. Тогда же части Отдельной и XI армий, направлявшиеся с фронта из района Проскурова на восток, вошли в Шепетовку и Жмеринку. Однако развернуть дальнейшее наступление на Киев они были уже не в состоянии. Солдаты в массовом порядке расходились по домам.

К середине января Рада ещё удерживала в своих руках восточные подступы к столице Украины, район западнее Киева и обширные области Правобережья. В самом Киеве и окрестностях удалось постепенно сосредоточить до 10–15 тысяч штыков и сабель. И, несмотря на череду поражений и территориальных потерь, казалось, исход борьбы всё ещё не был предрешён.

¹⁵⁴ Ныне г. Кировоград.

Однако случилось то, чего многие ожидали ещё со дня занятия Полтавы. Все планы по обороне города разом перечеркнуло Киевское восстание.

8.3.4.5. Январское восстание

В первых числах января в Генеральном секретариате вышло постепенно понимание того факта, что с занятием советскими войсками Донбасса ситуация изменилась кардинальным образом, и никак не реагировать на это, в том числе, на законодательном уровне, далее уже невозможно. К тому же требовалось подготовить все необходимые юридические документы для подписания мирного договора с немцами.

Эти задачи и должен был решить принятый 9 января и утверждённый пленумом исполкома Рады 12 января IV Универсал. В нём, наряду со статьями экономического блока, в частности констатировалось и оглашалось следующее:

- Украина находится на пороге экономической и политической катастрофы;
- война УНР с Советской Россией стала свершившимся фактом; вся вина за развязывание военных действий возлагается Радой на Совет Народных Комиссаров¹⁵⁵;

¹⁵⁵ «...Петроградское правительство народных комиссаров, – говорилось в документе, – чтобы подчинить своей власти свободную Украинскую Республику, объявило войну Украине и направляет на наши земли свои войска красногвардейцев-большевиков, которые отбирают хлеб у наших крестьян... убивают неповинных людей и сеют вокруг неустройство, преступность и бесчинства.

Мы, Украинская Центральная рада, сделали всё возможное, чтобы не допустить этой братоубийственной войны двух соседних народов, но Петроградское правительство не пошло нам навстречу и продолжает вести кровавую борьбу с нашим народом и Республикой.

Кроме того, само Петроградское правительство народных комиссаров начинает затягивать мир и призывает к новой войне...

...Что же касается так называемых «большевиков» и иных злодеев, которые грабят и разоряют наш край, то наказываем правительству Украинской Народной Республики твёрдо и решительно повести борьбу с ними, а всех граждан нашей республики призываем: не жалея жизни, защищать благополучие и свободу нашего народа.

Народное Украинское государство неизбежно будет вычищено от посланных из Петрограда наёмных насильников, которые топчут права Украинской Республики...»

- Совнарком также затягивает мирные переговоры с немцами, что для УНР неприемлемо;
- Украинская Народная Республика объявляется независимым, свободным, суверенным государством;
- власть в стране принадлежит народу Украины; до созыва Украинского Учредительного собрания властные функции будет исполнять Рада и её верховный орган – Рада Народных Министров;
- с этого дня правительству Республики предписывается переговоры о мире с Центральными державами проводить самостоятельно и довести их до конца, не обращая внимания на любые подстрекательские действия «каких-нибудь иных частей бывшей Российской империи»;
- также правительству поручается твёрдо и решительно вести борьбу за отстаивание провозглашённого суверенитета, а все граждане призываются защищать страну.

Провозглашение Украины независимым суверенным государством, вне всякого сомнения, должно было помочь и помочь украинской делегации на завершающей стадии переговоров с немцами. Что касается остального, то время было упущено безвозвратно. Статьи Универсала возможно и сплотили всех тех, кто несмотря ни на что всё ещё готов был отстаивать Раду с оружием в руках. Но в не меньшей степени консолидировали их противников. И в этом смысле принятие IV Универсала подтолкнуло и ускорило события, которые его разработчики желали если не предотвратить, то, во всяком случае, задержать и отодвинуть на возможно более длительный срок.

Завод «Арсенал» всегда являлся предметом головной боли для киевских властей. Рабочие были распропагандированы, симпатизировали не только Советам, но и большевистской организации и с октябрьских дней во всех выступлениях шли в первых рядах. На территории завода, напоминавшей крепостное укрепление, был создан военно-революционный штаб. Здесь же формировались отряды Красной гвардии.

Ещё 4 января отряд «вольных казаков» коменданта Ковенко

прибыл на «Арсенал» и после недолгой перестрелки изъял найденные на территории завода винтовки и пулемёты. При этом несколько предполагаемых организаторов Красной гвардии были арестованы, а сам завод закрыт. Несмотря на это, многие рабочие продолжали ежедневно приходить на завод. Нетрудно было догадаться, что там они вновь организовались и готовились к выступлению.

Чтобы не провоцировать рабочих, комендант города ограничился «мягкими» мерами. Ковенко решил не останавливаться на формальном распоряжении, а свернуть производство фактически. В этих целях по его приказу с территории завода начали вывозить весь запас угля. К середине января в Киеве ударили морозы. Температура доходила до минус 20°C, и, казалось, это обстоятельство вернее всяких угроз, заставит лишённых тепла рабочих разойтись из цехов по домам. Но случилось всё с точностью до наоборот.

В городе были арестованы несколько лидеров левых эсеров, с возможным приходом которых к власти большевики связывали определённые надежды на поворот в политике Рады¹⁵⁶. А 15 января взвинченные и обозлённые рабочие «Арсенала» узнали о принятии Радой IV Универсала. Едва ли не спонтанно было принято решение: не дожидаться подхода отрядов Муравьёва, а выступить немедленно¹⁵⁷. В тот же день на улице Московской был обнаружен склад с конфискованным оружием. Охрана его

¹⁵⁶ Большинство из них были депутатами Рады, а Полозов только что вернулся из Брест-Литовска.

¹⁵⁷ Первоначально восстание было запланировано на 20–22 января. Именно к этому сроку ожидался подход советских отрядов к Киеву. «Числа 6 января, – пишет Е. Бош, – прибыл из Киева в Народный Секретариат член Киевского Комитета большевиков с сообщением, что «рабочие массы требуют вооружённого выступления против Центральной Рады. Комитет сдерживать массы больше не в силах, и восстание может вылиться в стихийный протест и неорганизованное выступление. Хотя часть войск Центральной Рады заявила, что против рабочих не выступит, но без поддержки извне трудно рассчитывать на победу, так как рабочие вооружены плохо...»

На заседании Народного Секретариата было решено: 1) предложить киевлянам не выступать, в виду громадного скопления петлюровских частей в Киеве, до того момента, пока не подойдут советские войска к границам Киева и 2) начать общее продвижение вооружённых сил на Киев...»

была организована настолько беспечно, что рабочим удалось не только захватить склад, но и беспрепятственно перевезти винтовки и пулемёты на территорию завода.

Заводская охрана была мгновенно разоружена, и уже к вечеру на «Арсенале» был создан штаб восстания. Сюда же подтягивались и отряды красногвардейцев. Вместе с примкнувшими солдатами некоторых украинских полков на одном лишь «Арсенале» их число составило до 700 бойцов. Готовясь к длительной обороне, рабочие на участках, не защищённых заводскими стенами, вырыли окопы и соорудили несколько баррикад.

Не остались в стороне и другие промышленные предприятия. В пролетарских районах Киева: на Подоле, Шулявке, Демеевке, у железнодорожных мастерских¹⁵⁸ собирались свои вооружённые отряды. Восстание стало свершившимся фактом. Общее количество принявших участие в выступлении оценивается в 2100–2200 рабочих и солдат. Восставшие, по крайней мере на начальном этапе, не испытывали недостатка в вооружении. Располагали даже двумя броневиками.

К середине января Рада стянула в Киев следующие части: конный полк «Захистя», 1-й Богдановский, Шевченковский, Богунский, Дорошенковский полки, 20 пеших сотен «вольных казаков» нерегулярного формирования, а также полк, сформированный Генеральным секретариатом из пленных чехословаков. Это были значительные силы, но готовность солдат даже и «именных» полков сражаться за Раду вызывала большие сомнения. Три полка сразу же заявили «о нейтралитете»¹⁵⁹, а часть солдат и вовсе присоединилась к восставшим. «...Действовали решительно, – пишет Антонов-Овсеенко, – лишь «красные», да «чёрные» гайдамаки, и многие сотни «вольного казачества». Полки Шевченка и Богунский большей частью действовали против Рады».

¹⁵⁸ Узнав о выступлении «арсенальцев», вечером 16 января железнодорожники разоружили патрули гайдамаков. Отдельные группы были объединены в единый отряд железнодорожного узла, насчитывающий до 300 бойцов. Ещё столько же рабочих близлежащих районов присоединились к железнодорожникам позже.

¹⁵⁹ До 50% солдат гарнизона участия в боях не принимали, наблюдая происходящее со стороны. Известны случаи продажи восставшим боеприпасов.

Перед самым началом восстания случился эпизод, наглядно продемонстрировавший состояние войск. Вечером 15 января к дому, где происходило заседание Рады, подошла группа солдат Богунского полка. Делегаты, уже получившие первые неясные известия, ожидали, что собравшаяся толпа их попросту разгонит. Однако солдаты заявили лишь свой протест против проводимых среди левых эсеров арестов, а также и против передачи функций по охране города «вольным казакам» и вскоре разошлись.

Утром 16 января к воротам «Арсенала» подошёл отряд «вольных казаков», сопровождаемый броневиком. Попытка войти на территорию завода, вновь разоружить рабочих и вывезти остатки угля не удалась. Укрывшиеся за заводскими стенами рабочие, не вступая в переговоры, открыли огонь. Этот момент и следует, видимо, считать началом восстания.

Столь масштабные столкновения оказались для военного командования полной неожиданностью. Всё же при примерном равенстве сил¹⁶⁰ инициатива с самого начала перешла к войскам Рады. Им удалось изолировать и так удалённые друг от друга районы восстания. В результате каждый район, каждый отряд действовали сами по себе, не имея общего плана, а, зачастую, и связи друг с другом, и в итоге были ликвидированы поодиночке. Сказались и куда более налаженная организация, и возможность манёвра резервами, и контроль над коммуникациями, и более-менее чёткое представление о складывающейся обстановке. Тем не менее, в первые дни все эти преимущества ещё не стали решающим фактором, и исход противостояния оставался неясным.

¹⁶⁰ Трудно оценить общее количество выступивших в защиту Рады бойцов. Представляется всё же, что не менее 3000–3500 солдат, «вольных казаков» и добровольцев при поддержке трёх броневиков приняли участие в подавлении восстания с первого же дня. Впоследствии их число только увеличивалось. Любопытно, что в Киеве, как и в Новочеркасске, и Ростове из огромного числа находившихся в городе офицеров, против большевиков выступили лишь единицы. В дни восстания был организован лишь один офицерский отряд. Бывший полковник П. Болбочан сумел собрать вокруг себя до 150 русских офицеров. Вместе с польской дружиной в 50 штыков они 20 января присоединились к войскам УНР.

Первыми вступившие в бой «арсенальцы» поначалу были блокированы силами, вдвое меньшими, чем было бойцов на территории завода. Они выдержали все атаки, но сами делать вылазки не пытались. В ревштабе считали, что против «Арсенала» Рада двинула многочисленные и лучшие свои части. В результате возможность перенести военные действия в прилегающие городские кварталы, прорваться к Подолу и соединиться с другим очагом восстания была упущена.

Подольские красногвардейцы в первый день восстания проявили куда большую активность. Их отряд в 130 штыков выдвинулся в центральную часть города и подошёл к самому зданию Центральной Рады. Красногвардейцы с расстояния в 200 шагов начали постреливать в окна из пулемёта. Делегаты и чины секретариата, способные носить оружие, пытались отстреливаться. Остальные вынуждены были спуститься в подвал.

Положение спас отряд из тридцати офицеров военного министерства УНР, здание которого находилось в двух кварталах. Во главе с заместителем военного министра полковником А. Жуковским они подоспели на помощь и штыковой атакой отбросили красногвардейцев от отеля «Прага» и Золотых ворот. Позже сюда же подошли ещё до сотни верных Раде солдат УНР. Потеряв до 80 человек убитыми, восставшие вынуждены были отойти на Подол.

Однако на следующий день 17 января ещё 120 красногвардейцев предприняли попытку прорваться с Подола на Крещатик, после чего часть центральных кварталов на время оказалась в руках восставших. Вновь обнаружилось их стремление взять штурмом здание Центральной Рады, оборона которого на этот раз была организована заранее. Долгое время вытеснить восставших не удавалось, и лишь подход 250 солдат украинизированного Гордиенковского полка, который лишь накануне прибыл в Киев с Северного фронта, обеспечил перелом. Красногвардейцы отошли, и дальнейших попыток прорваться в центр города с этого направления больше не предпринимали.

Весьма решительно действовали и рабочие отряды Демере-

евского района. Они также попытались прорваться к центру города и в какой-то момент завязали бой в районе Большой Васильковской улицы. И хотя вскоре красногвардейцы были оттеснены, их активность заставила Раду оттянуть немалые силы от главного очага восстания – «Арсенала».

Перестрелки вспыхивали то тут, то там. Группы вооруженных рабочих передвигались к городским окраинам, которые Рада за недостатком сил не сразу могла заблокировать. В городе в первый же день были отключены водопровод и электричество.

На протяжении двух дней в Киеве продолжались позиционные бои. Восставшие не имели сил прорваться в центральные кварталы. Войскам Рады также не сразу удалось сломить их сопротивление. Всё же сжимая постепенно кольцо окружения, они медленно продвигались вперед.

Во второй половине дня 18 января¹⁶¹ к расположенному на левом берегу предместьем Киева Слободке подошли с востока отряды Петлюры¹⁶². Там они были встречены ружейно-пулемётным огнём изготовившихся к бою местных красногвар-

¹⁶¹ В этот же день премьер Винниченко отправил в отставку состоявший преимущественно из социал-демократов Совет министров. Новый кабинет сформировал один из лидеров эсеров Голубович, что и предопределило его состав. Тут же был принят исполкомом Центральной Рады эсеровский «Закон о земле», отменяющий частную собственность на землю и предоставляющий земельным комитетам право уравнильного передела земли. Военным министром стал никому не известный эсер Немоловский. В своём воззвании новый Совет министров назвал восставших уголовными элементами, погромщиками и даже черносотенцами. В выходящих ещё газетах утверждалось, что до 70% восставших – мародёры и грабители. Эта неумелая и весьма далёкая от реальности пропаганда лишь навредила Раде. Всем в городе было известно, что Красная гвардия почти сплошь состояла из киевских рабочих.

¹⁶² Задержка петлюровцев объясняется следующим. На пути их следования, в Броварах, совершенно неожиданно восстал казавшийся вполне надёжным Украинский полк имени Наливайко. Солдаты арестовали своих офицеров, заявили о приверженности Советской власти, а также и о том, что не допустят «реакционера Петлюру» в Киев. Собрался митинг, но выбрать ревком и приступить к реальным действиям не успели. 150 петлюровцев незаметно окружили толпу солдат (до 1300 штыков при восьми орудиях и 75 пулемётах) и без сопротивления их разоружили. 60 «наливайковцев» присоединились к Петлюре, остальные были распущены по домам. Несмотря на столь удачные действия, петлюровские части вынуждены были задержаться в Броварах более чем на сутки.

дейцев. Далеко не сразу петлюровцам удалось выйти к Днепру. Мост через реку охранялся отрядом из шестидесяти рабочих с несколькими пулемётами и броневином. Его также пришлось штурмовать. При этом демеевские красногвардейцы, укрепившиеся с отрядом железнодорожников на Байковой горе, длительное время обстреливали эшелоны гайдамаков из орудий и пулемётов.

Лишь к вечеру 19 января до 900 петлюровцев при восьми орудиях вошли в город. Почти одновременно с ними из Житомира прибыл Черноморский матросский курень, сразу же направленный к «Арсеналу». К этому времени большинство очагов восстания были ликвидированы. Держались лишь Подол¹⁶³, вокзал, железнодорожные мастерские и «Арсенал». Петлюровцы и «черноморцы» сменили части Рады, и это сразу же решило исход боя. Узнав о том, что вместо ожидаемых советских отрядов пришли петлюровцы, красногвардейцы пали духом. Примкнувшие к защитникам «Арсенала» солдаты полка имени Богдана Хмельницкого сразу же сдались гайдамакам. Разошлись по домам и часть рабочих, посчитавших, что дальнейшее сопротивление бессмысленно.

За пять дней боёв «арсенальцы» выдержали несколько штурмов, в которых только погибшими потеряли до 250 человек. Электричество и водоснабжение было отключено. Боеприпасы, медикаменты и даже питьевая вода – на исходе. И, тем не менее, до двухсот, решивших сражаться до конца, бойцов ещё охраняли заводские стены.

21 января с утра восемь орудий повели обстрел прямой наводкой в упор и вскоре пробили в стене широкий пролом. Через него нападающие проникли, наконец, на территорию завода. При этом с крыш близлежащих домов их поддерживали огнём 15 пулемётных расчетов. Последующее продвижение велось с разных сторон по сходящимся к центру заводской территории направлениям. Колонну в 400 штыков, атаковавших Главный корпус, возглавил лично Петлюра. Вторую колонну из 250 гайдамаков, продвигавшихся от буерака, вёл бывший царский пол-

¹⁶³ Окончательно сопротивление красногвардейцев на Подоле было сломлено лишь 20 января.

ковник В. Петрив. Третья колонна в 300 штыков под командой поручика Блаватного атаковала завод с тыла.

Несмотря на подавляющее численное превосходство войск Рады, защитники «Арсенала» не были смяты сразу. Отходя в глубь территории, они продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Всё же к 6 часам вечера, уже в темноте, колонне Петлюры удалось прорваться на центральный заводской двор и решить этим исход боя. Оборона была разорвана на отдельные изолированные друг от друга участки. Большинство рабочих сложили оружие. Но несколько десятков бойцов, решивших сражаться до конца, спустились в подвальные помещения, и там продолжали отстреливаться, пока не израсходовали патроны. Там, в подвалах, все они были убиты или расстреляны на месте.

Захваченных защитников «Арсенала» вместе с ранеными собрали на заводском дворе. Гайдамаки требовали немедленной расправы. Однако, как свидетельствует В.А. Савченко, за пленных вступился Петлюра. В итоге всех их разместили в тюрьме «Косой капонири».

К утру 22 января несколько сот красногвардейцев с двумя орудиями всё ещё занимали вокзал, железнодорожные мастерские, Ботанический сад, а также район, примыкающий к Галицкой площади. Против железнодорожников был направлен Гайдамацкий кош Слободской Украины в 280 штыков, поддержанный двумя орудиями и двумя броневиками.

Часть сил Петлюры продвигалась к Галицкой площади, остальные во главе с атаманом Волохом атаковали окопы красногвардейцев в Ботаническом саду. Падение «Арсенала» безусловно, поколебало боевой дух восставших, которые уже не оказывали столь ожесточённого сопротивления, характерного для первых дней. Уже к 10 часам колонны Петлюры и Волоха на плечах отходивших рабочих отрядов прорвались к вокзалу. И тут, когда всё, казалось, уже закончилось, гайдамаки попали под огонь оборудованной железнодорожниками бронеплощадки. Первыми же выстрелами был подбит один из броневиков. Бой закипел с новой силой и продолжался вплоть до 14 часов, когда петлюровцам всё же удалось занять здание вокзала.

К вечеру большая часть восставших посчитала за лучшее разойтись по домам. Лишь в железнодорожных мастерских оставалось ещё до 40 вооружённых рабочих. Среди арестованных петлюровцами нашёлся человек, согласившийся провести их в тыл железнодорожникам. Увидев за спиной гайдамаков, последние защитники мастерских рассеялись. 17 человек были захвачены и расстреляны без какого-либо разбирательства на Бибиковском бульваре. «Этим расстрелом, – пишет В.А. Савченко, – закончилось восстание в Киеве. В ходе боёв против восставших украинские войска понесли большие потери – треть своих сил. Более 300 бойцов было убито и более 600 ранено, 2 броневика уничтожено. Около 400 убитых, 50 расстрелянных и 700 раненых было в стане восставших. Городские бои такого ожесточения никогда больше не повторятся в Украине. Взаимная ненависть, захлестнувшая улицы, грозила крахом огромному городу. Но к рассвету 23 января Киев затих, оплакивая жертвы и готовясь к новым жутким испытаниям...»

Отдельные источники утверждают, впрочем, что тут и там группы восставших продолжали оказывать вооружённое сопротивление и после 22 января¹⁶⁴. Вполне возможно, что отдельные группы рабочих продолжали удерживать свои позиции и просто не были обнаружены петлюровцами. Розыскные мероприятия последними если и проводились, то носили случайный характер. С 23 января гайдамакам уже было не до поисков и выявления принявших участие в восстании. Не подлежит, впрочем, сомнению и тот факт, что многие десятки и даже сотни восставших, рассеявшись, никуда из города не исчезли. Они разошлись по домам с оружием в руках и ждали лишь сигнала, чтобы вновь выйти на улицы.

Даже и проигранное, восстание сыграло важнейшую, ключевую роль в окончательном разгроме Рады. Оно серьёзно облег-

¹⁶⁴ «...восстание в Киеве было действительно подавлено. До 200 наших товарищей ими расстреляны, до 500 заперты в крепости. Держались только Подол и Киев I», – пишет Антонов-Овсеенко. Е. Бош в свою очередь утверждает, что «...удержались к приходу советских войск только часть железнодорожников на бронированном поезде и забаррикадировавшиеся в железнодорожных мастерских».

чило, а скорее, и предопределило, последующий захват Киева подошедшими вслед за петлюровцами советскими войсками¹⁶⁵.

8.3.4.6. Падение Киева

22 января члены Центральной Рады перед лицом неизбежного военного поражения утвердили, наконец, решение «О праве подписания сепаратного мира с германцами в Бресте¹⁶⁶». В этот же день отряды Егорова и Берзина соединились в Дарнице. Также были заняты Труханов остров и Слободка перед мостом через Днепр. План комбинированной атаки Киева одновременно с запада, юга и востока осуществить не удалось¹⁶⁷. Но основные силы уже стояли в городских предместьях и изготавились к штурму. Судя по тону отданных 22 января приказов, Муравьёв рассчитывал захватить Киев с ходу. 1-й армии предписывалось после взятия города организовать охрану «внутри его» и *рекомендовалось* занять почту, телеграф, Государственный банк, вокзалы и мосты. На 2-ю армию возлагалась внешняя охрана, для чего следовало «...завтра утром пройти весь город и занять выходы из него к западу...». Зара-

¹⁶⁵ Вот, например, что пишет по этому поводу В.А. Савченко: «...восстание породило у жителей Киева неуверенность и разочарованность во власти Центральной Рады, обескровило и обессилило части УНР, подготовило почву для штурма Киева воинством Муравьёва».

¹⁶⁶ Также Рада датой созыва Украинского Учредительного собрания определила 2(15) февраля 1918 г. Практического значения это запоздалое решение по понятным причинам уже не имело.

¹⁶⁷ Части 2-го Гвардейского корпуса остановились у Казатина и Бердичева и далее не продвигались. Из 3-й армии были изъяты отряды, с самого начала определённые для отправки на Дон. Тем не менее, Кудинский всё же попытался осуществить задуманный Муравьёвым обходной манёвр. До тысячи московских красногвардейцев продвинулись от Гребёнки к югу, переправились у Золотоноши через Днепр и заняли Черкассы. 24 января при поддержке восставших рабочих Бобринских мастерских с бою была взята и станция Смела. Однако на следующий день красногвардейцы были атакованы подошедшей украинской частью, отошли к Черкассам и, поддавшись панике, в спешке переправились обратно на левый берег. Для их поддержки был выслан бронепоезд, который и восстановил положение. Всё же дальнейшее продвижение по Правобережью обусловлено было не активностью советских войск, а общим развалом гражданских и военных структур УНР. Говорить об обходном движении 3-й армии с юга после неудачи под Смелой, конечно же, не приходилось.

нее был назначен и комендант – командир бронепоезда матрос А.В. Полупанов.

23 января Муравьёв отдал приказ об общем наступлении на Киев. 1-я армия Егорова должна была захватить железнодорожный мост и продвигаться к центру города, 2-я армия Берзина – Цепной. Однако первые атаки не принесли ожидаемого успеха. Цепной мост так и не был взят. По железнодорожному мосту бронепоезд Полупанова проскочил на правый берег, но не поддержанный залёгшей и окопавшейся пехотой, далее продвигаться не мог.

Вечером 23 января под литером «Всем! Всем! Всем!» появилась радиogramма ЦИК Ук, в которой сообщалось о занятии Киева войсками, «предводимыми Помнарсекретаря по военным делам тов. Коцюбинским»¹⁶⁸. В свою очередь, и также «всем», телеграфировал и Муравьёв:

«...после двухнедельного похода, после ряда боёв под Полтавой, Ромоданом, Гребёнкой, Бахмачем, наконец, после ожесточённого боя под Киевом, Киев занят революционными войсками, хотя местами ещё продолжается уличный бой. Заключённые в крепости Киевские рабочие числом 500 человек освобождены¹⁶⁹, снова взялись за оружие против заклятых врагов. Взятие Киева было произведено революционной армией, во главе с Егоровым и сплошь состоящей из красногвардейцев...»

Киев, между тем, ещё не был взят, и «уличные бои» только лишь разгорались. Успех всё же постепенно склонялся на сторону имеющих значительное превосходство советских отрядов.

В ночь на 24 января конный отряд Примакова в 198 сабель продвинулся вдоль берега к северу, у Межигорского монастыря переправился по льду через Днепр и к утру, не встречая сопротивления, ворвался на Подол. Здесь Рада располагала лишь ба-

¹⁶⁸ За несколько дней до штурма Киева Народный секретариат, «...чтобы смягчить впечатление от ряда Муравьёвских бестактностей», назначил Ю.М. Коцюбинского «Главнокомандующим всеми частями». На деле же военная власть оставалась целиком и полностью в руках Муравьёва.

¹⁶⁹ Имеется в виду вылазка отряда Д.П. Жлобы, о которой будет сказано ниже.

тальяном 2-й юнкерской школы. Однако 110 «чёрных» гайдамаков сумели организовать оборону и отбили несколько атак «червонцев». Вскоре к ним прибыли солдаты-парламентёры одного из нейтральных полков, которые предложили юнкерам уйти с Подола и заявили, что в противном случае полк присоединится к советским войскам и атакует здание школы. Юнкера вынуждены были отойти на Крещатик, к Купеческому собранию, где занимали оборону основные силы защитников города. А Примаков, действовавший решительно и смело, вместе с вновь вышедшими на улицы красногвардейцами, за день занял весь Подол, Куренёвку¹⁷⁰ и железнодорожную станцию Пост-Волинский.

Некоторого успеха добился 24 января Егоров. От железнодорожного моста его отряды стали медленно продвигаться в киевские предместья и к вечеру заняли станцию Киев-товарный-II.

Удача в этот день сопутствовала и Берзину. После артиллерийской подготовки красногвардейцы вновь штурмовали Цепной мост. Прикрывая собой пехоту, впереди шёл броневик. Однако, едва въехав на мост, он был подбит и остановился. Атака, казалось, захлебнулась, но тут с колокольни Печёрской лавры в спину обороняющимся ударил пулемёт¹⁷¹. В это же

¹⁷⁰ Куренёвские рабочие показали место у завода Гретера, где располагался аэродром. Отряд, состоявший из двенадцати «червонных казаков» и тринадцати красногвардейцев, пробрался к лётному полю и без выстрела снял незначительный караул. Примаков не мог быть уверен в том, что сможет удержать территорию аэродрома, и не знал, что делать с обнаруженными в палатках-ангарах двенадцатью аэропланами. Он ограничился тем, что отдал приказ, пропеллеры изрубить, а моторы повредить обнаруженными среди инструментов молотами. Вскоре после этого к лётному полю подъехали грузовик с лётчиками и легковой автомобиль начальника аэродрома полковника Нечитайло. Все они были тут же захвачены и под охраной препровождены на левый берег. В несколько часов УНР лишилась всей своей авиации.

¹⁷¹ Вечером 23 января командир отряда донбасских красногвардейцев, входившего в состав 1-й армии Егорова, Д.П. Жлоба в Дарнице получил сведения о нахождении на гарнизонной гауптвахте в Киево-Печёрской лавре 483 захваченных рабочих «Арсенала». Обратившись к командованию с предложением атаковать Лавру и освободить пленных и получив отказ, Жлоба решил действовать на свой страх и риск. С группой из 150–180 добровольцев в ночь на 24 января он переправился по льду через Днепр и, сбив караулы, занял Лавру, которую совместно с освобождёнными рабочими удерживал в течение суток до подхода основных сил отряда.

время к Цепному мосту стали подходить и отряды, высланные Егоровым на помощь Берзину. Посчитав себя окружёнными, петлюровцы предпочли отступить. Преследуя их, красногвардейцы заняли также и казармы 6-го понтонного батальона, где были освобождены до 80 солдат и несколько рабочих-арсенальцев.

Вся украинская оборона подалась от берега Днепра на запад. Части отходили постепенно к Николаевскому собору, «Арсеналу» и далее, к Политехническому институту. Среди солдат распространялись нелепые, но легко подхватываемые слухи о том, что они отходят «на отдых». В результате, в районе «Арсенала», ключевом пункте обороны, укрепились не более двухсот гайдамаков. Ближе к полуночи отряд балтийских матросов в 500 штыков пробрался по днепровским склонам в тыл гайдамакам, защищавшим «Арсенал», и штыковой атакой сбил полк имени Дорошенко с занимаемой позиции. «Дорошенковцы» отступили к Мариинскому дворцу, от которого до Крещатика оставалось не более 400 метров. После этого Совет министров УНР перебрался в здание военного министерства под охрану нескольких десятков офицеров.

И тут, когда наступление советских войск получило, наконец, развитие, случился любопытный эпизод. Муравьёв получил известие о занятии петлюровцами Кременчуга. Удивительным образом бодрость и уверенность в успехе сменилась у него едва ли не паникой. Посчитав, что Рада подготовила и наносит контрудар во фланг с целью отрезать его войска от Полтавы, Муравьёв разослал телеграммы с призывом о помощи, адресованные Антонову-Овсеенко, «харьковским товарищам», Тер-Аругтюнянцу в Ставку и даже в Екатеринослав. Но беспокойство его оказалось беспочвенным. Вскоре Беленкович, с направлен-

Следует отметить, что этот эпизод, известный из доклада и со слов самого Жлобы, по понятным причинам не находил широкого освещения в советских источниках вплоть до начала 60-х и, видимо, нуждается в подтверждении. Не упоминают о нём ни Е. Бош, ни Д. Эрдэ, ни даже Антонов-Овсеенко. Весьма скептически относится к изложенной версии событий и В.А. Савченко. По его словам в Лавре находились не более ста рабочих. Об участии в их освобождении Жлобы, как впрочем, и о самой вылазке, Савченко также умалчивает.

ным из Полтавы незначительным отрядом, оттеснил несколько десятков гайдамаков и вновь занял Кременчуг. Сил для решительных действий и серьёзных ударов вне Киева у УНР уже не оставалось.

Если 24 января отдельные члены Рады ещё сохраняли какие-то надежды, требовали «собрать все силы, ударить по Дарнице и разбить большевиков» и убеждали друг друга в том, что с юга подходят многочисленные отряды «вольных казаков», то после отступления от Днепра последние иллюзии исчезли. Всё же считалось, что Киев необходимо отстаивать ещё несколько дней. Все понимали: страна, не сумевшая защитить свою столицу, не только потеряет лицо при подписании мирного договора, но и вынуждена будет принять любые, продиктованные оппонентом, условия его заключения. Никто не мог знать наверняка, будут ли немцы в случае оставления Киева продолжать с УНР вообще какие-либо переговоры.

Утром 25 января Муравьёв издал новый приказ. 1-й армии ставилась задача занять все железнодорожные станции, улицы Фундуклеевскую¹⁷², Владимирскую, Крещатик и Купеческий сад. Также предписывалось вывести бронепоезд Полупанова на участок между станцией Киев-товарный и вокзалом и оттуда «охранять город с запада и одновременно громить западную часть города». 2-й армии предписывалось очистить от противника «Арсенал», Печёрск, крепость со всеми прилегающими к ней высотами и Лавру.

Особо Муравьёв напоминал о том, чтобы артиллерийский обстрел незанятой части Киева продолжался. Егорову он рекомендовал ввести в город Брянскую батарею, Берзину – одну или две батареи «для уличного боя». Помимо этого, Егорову предписывалось: «...Сегодня усилить канонаду, громить беспощадно город, главным образом, Лукьяновку с Киева-пассажирского. Возьмите остатки 11-го полка, горную батарею, назначьте, рекомендую, ответственным начальником Стеценко, который организовал горную батарею, чтобы он с Киева-пассажирского двинулся вверх по городу и громил его. Если же солдаты 11-го

¹⁷² Ныне улица Богдана Хмельницкого.

полка будут действовать трусливо¹⁷³, то скажите Стеценко, чтобы он подогнал их сзади шрапнелью. Не стесняйтесь, пусть артиллерия негодяев и трусов не щадит».

Обстрел города, начавшийся 23 января, уже не прекращался до самого конца. О прицельном поражении противника тяжёлой артиллерией в условиях уличных боёв говорить не приходилось, обстреливались городские кварталы. Понятно, что разрушались при этом жилые здания, а основные потери несло мирное население.

С утра 25 января войска Егорова и Берзина двинулись вперёд. В это же самое время и Рада предприняла последнюю отчаянную попытку переломить ход боёв за город в свою пользу и отбросить противника на левый берег. До 700 петлюровцев атаковали позиции вдвое превосходивших их численно красногвардейцев у «Арсенала». Встречный бой длился несколько часов и победителя не выявил. Советские отряды на этом участке продвинуться к центру города не смогли. Но и петлюровцы к вечеру вынуждены были прекратить атаки и отойти на исходные позиции.

Другие части 2-й армии Берзина пытались от Подола спуститься к Крещатику и Царскому Саду. Противостояли им гайдамаки Слободского коша, которым также удалось отбить все атаки. Но в это же самое время отряды Егорова, продвигаясь вдоль железной дороги, захватили вокзал и были остановлены лишь выдвинувшимися навстречу последними резервами – сводным офицерским полком и вольными казаками.

К вечеру части УНР удерживали лишь Крещатик и Бибиковский бульвар. Войска потеряли оба вокзала и находились в полуокружении. Лишь Брест-Литовское шоссе не было ещё перерезано советскими отрядами. К этому времени стало известно о принципиальном согласии немцев подписать договор и предоставить военную помощь. Защищать Киев далее уже не

¹⁷³ По свидетельству В.А. Савченко, солдаты Старой армии особого рвения в уличных боях не проявляли. В частности, 11-й Сибирский стрелковый полк, войдя в город, «затерялся в сложных лабиринтах киевских улиц». Солдаты разбрелись, кто куда и вперёд идти упорно не желали. Вновь собрать их удалось не сразу и далеко не всех.

требовалось. Впрочем, вне зависимости от политической целесообразности, это было уже невозможно. На заседании Рады премьер объявил о немедленной эвакуации армии и правительственных учреждений.

В ночь на 26 января растрёпанные украинские части стали сниматься с позиций и стягиваться к Брест-Литовскому шоссе. Под охраной сечевых стрелцов проследовали на автомобилях высшие чиновники Рады. За ними прошёл обоз с ранеными и больными, а замыкали колонну остатки семи республиканских полков. Последними отошли от Мариинского дворца юнкера и «дорошенковцы».

С утра в штаб советских войск прибыла делегация Городской думы, которая просила «во имя Украинской Советской власти» прекратить обстрел города. Бывшие при штабе народные секретари Ауссем, Коцюбинский и Лапчинский выдвинули условия капитуляции¹⁷⁴. Делегаты пообещали передать эти требования «на обсуждение общественных деятелей» и через два часа вернуться с ответом. Но уже не вернулись.

Отступление к пригородному селу Игнатовке продолжалось в течение всего дня 26 января. Прикрывали его со стороны Крещатика гайдамаки с Петлюрой во главе и вольные казаки, у Мариинского дворца – офицерский отряд Болбочана. Утром части Берзина заняли без боя «Арсенал» и оттеснили к Купеческому собранию упорно сопротивлявшихся офицеров. Там Болбочан соединился с петлюровцами. С 11 утра со стороны Подола и Печёрска красногвардейцы повели атаки этой последней линии обороны. Несмотря на 5–6-кратное превосходство защитники города продолжали оказывать ожесточённое сопротивление, а в 15 часов даже и контратаковали. Пользуясь наступившим вслед за этим непродолжительным затишьем, отряд через Га-

¹⁷⁴ Заявлено было следующее «...обстрел города может быть приостановлен только в том случае, когда:

1) сегодня же, 26 января, в 3 часа дня все лица, ведущие на улицах вооружённую борьбу против революционных масс, сдадут оружие и вывезут его на площадь перед вокзалом Киев-пассажирский;

2) к этому же времени выдать всех виновников контрреволюционного движения в Киеве, членов *так называемого* Генерального Секретариата, министров и военного коменданта».

лицкую площадь стал отходить к Брест-Литовскому шоссе. Севернее вокзала к Петлюре и Болбочану присоединились несколько сот солдат из «нейтральных» полков, с которыми Муравьёв умудрился начать едва ли не полномасштабные военные действия¹⁷⁵, и остатки «полуботковцев». К 8 часам вечера увеличившийся численно более чем втрое отряд вышел из города.

Киев был сдан...

Нельзя не задаться вопросом. Как произошло, что Рада, имевшая устоявшийся государственно-административный аппарат, располагавшая всеми необходимыми ресурсами и, главное, значительной военной силой, была полностью разгромлена и потеряла всё в две с половиной недели?

Вот что пишет по этому поводу Деникин: «Во всех этих событиях, в точности повторяющих повесть падения других русских городов и областей, поражает полное отсутствие национального момента в идее борьбы или, по крайней мере, совершенно ничтожное его знание. Советское правительство объявило, что оно ведёт борьбу не против Украинской республики, а против центральной рады, ввиду ее «явно контрреволюционной политики». Этому лозунгу – лживому, но, по крайней мере, определённому и популярному в массах, Украина могла противопоставить лишь полный разброд народных устремлений... Но клич – «Хай живе вильна Украина» совершенно не будил ни разума, ни чувства в сколько-нибудь широких кругах населения...

...было ясно, что большевизм советов побеждал психологически полубольшевизм Рады, петроградский централизм брал верх над киевским сепаратизмом».

Всё же думается, национальный момент сыграл определённый

¹⁷⁵ Едва войска стали занимать центр города, Муравьёв сразу же приступил к разоружению украинских полков, которые не принимали участие в боевых действиях и изначально заявили о нейтралитете. Солдат при этом возмутил не сам факт сдачи оружия, а то, как с ними при этом обращались. Со свойственной ему недальновидной бравадой Муравьёв обвинил полки в контрреволюционных настроениях и заявил, что не остановится перед применением артиллерии. В итоге, вместо того, чтобы организовать надлежащим образом преследование уходящих петлюровцев, пришлось держать части в городе наготове, впредь до сглаживания искусственно созданной неприятной ситуации. При этом, в обстановке неразберихи орудия продолжали до вечера обстреливать давно уже оставленные войсками УНР городские кварталы.

ную роль и не его недостаток обусловил падение Рады. Едва лишь созданное Украинское государство изначально подтачивали и ослабляли повсеместно возникшие одновременно с ним Советы¹⁷⁶. Пользующиеся поддержкой значительной части населения, имевшими в своём распоряжении отряды вооружённых рабочих, а зачастую и части гарнизона. Главное – получившие вполне осязаемую власть и вовсе не желавшие с ней расставаться.

Что же касается войск, то и они, даже и украинизированные, после развала армии были пронизаны влиянием солдатских комитетов, проникнуты духом «нейтралитета» и воевать не желали. Лишь добровольческие подразделения сражались до конца, но их усилий, как и на Юге России, оказалось явно недостаточно...

Тем не менее, части, верные Раде, в Киеве была разбиты, но не уничтожены полностью. Брест-Литовское шоссе во время штурма никем не охранялось. Если бы оно было своевременно перерезано советскими войсками, кольцо окружения вокруг Киева неизбежно замкнулось. Но и 26 и 27 января остатки украинских полков отходили на Житомир по узкому коридору. С севера от него, буквально в нескольких километрах стояли отряды Берзина, с юга – Егорова. Более того, части 2-го Гвардейского корпуса заняли к этому времени Фастов и также могли, казалось, нанести последний сокрушительный удар.

Однако этого не последовало¹⁷⁷. И дело тут не только и не

¹⁷⁶ И здесь действительно просматривается аналогия с ситуацией в Центральной Россией, где во многом по этой же причине в несколько дней захлебнулось Корниловское выступление и пало правительство Керенского. Любые попытки выступить в их защиту были немедленно парализованы Советами, как в центре, так и на местах. Любопытно в этом отношении донесение, направленное Раде Уполномоченным Волынской губернии Копе, характеризующем ситуацию в Дубно. «В городе ожидалось столкновение между большевиками и украинцами, – сообщал он. – Одновременно действуют – или вернее бездействуют – комиссариат, Рада, большевистский военно-революционный комитет и милиция, без всякого контакта и согласия...» И подобное положение вещей было характерным практически для всех губернских и уездных городов Украины.

¹⁷⁷ Лишь к 3(17) февраля части корпуса продвинулись к Бердичеву. Комиссар Юго-Западного фронта Н.Н. Кузьмин докладывал Подвойскому: «Бердичев взят. Один убит и 8 раненых, взято пять броневиков и батарея. По сведениям, Центральная рада из Житомира хочет бежать на Луцк, Дубно, Ровно. Сарны в наших руках. Из Бердичева и Коростеня предпринимают операции на Житомир. Городское самоуправление и гарнизон Житомира просят раду убраться...»

столько во вспыхнувшем конфликте с нейтральными полками гарнизона, потребовавшем отвлечения немалого количества войск, сколько в недооценке всех возможных последствий незавершённости проведённой операции. Красногвардейцы были уверены, что со взятием Киева победа будет обеспечена и военные действия прекратятся сами собой. Того же мнения придерживалось большинство командного состава, не исключая и Муравьёва. Во всяком случае, прежней решительности в последние дни боёв он не проявил. Окружение Киева в приказах обозначалось, но настойчивости при выполнении этих приказов явно не хватало. Что же касается «червонных казаков» Примакова, то отряду в пару сотен сабель было просто не под силу не только разгромить, но даже и задержать многотысячную колонну сохранивших боеспособность украинских войск.

Вскоре Муравьёв по прямому проводу докладывал Ленину: «Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в городе восстановлен... Разоружённый город приходит понемногу в нормальное положение до бомбардировки... Остатки войск Рады отступили на Житомир, где Петлюра и Порш вербуют из гимназистов дружину, но, конечно, *мы не придаём этому значения...*»

И вот что пишет, будто отвечая ему, Антонов-Овсеенко: «...характерно и другое – это ошибка в оценке дальнейшей роли Центральной Рады. В этом, впрочем, просчитался не один Муравьёв. Мы на Украине тогда все не были в курсе той политики, которую немцы вели по отношению к Украинской Раде...

...8 февраля Рада бежала из Киева в Житомир, и преследование её не было толком организовано. А уже 9-го¹⁷⁸ Центр. Рада подписала с немцами сепаратный мир...»

8.3.4.7. Донецко-Криворожская республика

Своими необдуманными действиями Муравьёв в короткий срок настроил против себя решительно всех. К ставшей уже привычной бесцеремонности добавилось и нечто иное. Муравьёв совершенно не учитывал того, что Киев – не один из провинциальных городов средней полосы, а столица заявлявшей о

¹⁷⁸ Соответственно, 26 и 27 января 1918 г. по старому стилю.

претензии на суверенитет огромной территории. Однако этого Муравьев в расчёт не принимал и действовал соответственно.

Вот, например, что в частности предписывалось производить в занятом городе¹⁷⁹: «...войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожать всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и *всех врагов революции*. Части, которые держали нейтралитет, должны быть немедленно расформированы, их имущество передать в военно-революционный комитет гор. Киева. Командующему 1-ой армии Егорову взять на себя организацию Киевской красной гвардии...»

«Этот приказ, – пишет Антонов-Овсеенко, – был издан, конечно, без согласования с представителями Украинского советского правительства и сразу своим тоном и распоряжением о бессудной расправе со всеми подозрительными личностями взволновал нашу партийную организацию и советские власти. Поступки Муравьева имели тем более отрицательное значение, что он был в глазах киевлян «оккупантом» – пришельцем с советского севера...»

Сложившуюся весьма неприглядную репутацию «командующего» лишь укрепила и усилила многодневная, зачастую, совершенно бессмысленная, артиллерийская бомбардировка городских кварталов, а также, и контрибуция в 10 миллионов рублей, наложенная Муравьевым на горожан¹⁸⁰.

На этой почве конфликт между ЦИК Ук и военными властями неизбежно разрастался. В «Вестнике Украинской народной ре-

¹⁷⁹ Приказ № 9 от 22 января 1918 г.

¹⁸⁰ Следует, впрочем, отметить, что Муравьев не имел личных интересов, а добивался поставленной цели теми средствами, которые казались ему наиболее целесообразными, и далеко не все оценивали его деятельность столь однозначно. Вот, например, что пишет по этому поводу Д. Эрэд: «...Киев всё ещё носил на себе следы недавнего господства контрреволюционных сил, которые только на время скрылись в подполье. В рассматриваемый период Киев был буквально наводнён офицерством, нахлынувшим сюда с фронта и из Питера. Муравьев чересчур резко и бестактно, *но в сущности правильно*, ставил вопрос об обуздании этих элементов. Другое дело, насколько Муравьев мог справиться с этой задачей. Народный Секретариат не питал к этому, безусловно, храброму, но политически невыдержанному, с оттенком хлестаковщины, солдату необходимого доверия и хотел только одного, *чтобы Муравьев поскорее убрался из Киева*».

спублики» был опубликован текст переговоров Ю.М. Коцюбинского с Харьковом, в котором прямо говорилось о том, что все политические заявления Муравьева не имеют никакой силы. Тем самым ставились под сомнения и его полномочия как главнокомандующего. В свою очередь Муравьев публично выступал с обвинениями в адрес Коцюбинского и Народного секретариата в целом «в разложении армии и узком национализме».

30 января Советское правительство Украины прибыло из Харькова в Киев¹⁸¹. В тот же день президиум ЦИК разослал телеграмму, в которой сообщал о том, что «...народная власть... в лице Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и выделенного им из себя Народного Секретариата, вступила в свои законные права и овладела всем аппаратом управления Республики...»

Ещё 28 января Киевский Совет принял резолюцию, в которой осуждал самочинные обыски и аресты и «убийства безоружных людей». Теперь же исполком, информирующий Народный секретариат о положении в Киеве, прямо поставил вопрос о немедленном удалении Муравьева со штабом из города. Муравьев тут же издал приказ по армии, запрещающий обыски и самосуды, но было очевидно, что расставленные им коменданты и комиссары ни с кем, кроме своего непосредственного начальника считаться не собираются¹⁸², и конфликт уладить вряд ли удастся.

¹⁸¹ Любопытно, что не все поддерживали переезд. «Часть народных секретарей, – пишет Е. Бош, – решительно высказалась против немедленного переезда, указывая, что Киев, в первое время, будет военным лагерем, и все силы там нужно будет отдать на охрану и оборону города и на организацию и укрепление фронта против Петлюры, находившегося всего в 20–30 верстах от Киева... Вследствие этого предлагали выждать с переездом правительства, а в Киеве пока оставить тех трёх народных секретарей, которые ранее были откомандированы политическими представителями ЦИК Сов. Украины...» Всё же большинство народных секретарей прекрасно понимали, что, если ЦИК Ук продолжает претендовать на осуществление властных полномочий во всей Украине, ему следует располагаться в столице. Не последнюю роль сыграли и весьма натянутые отношения с «харьковскими товарищами». Так или иначе, но 27 января решение большинством голосов было принято, и 29 января Советское правительство Украины выехало в Киев.

¹⁸² «Штаб Муравьева расположился в центре города, – пишет Е. Бош, – и, не считаясь совершенно с постановлениями Исполкома Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов и Ревкома, наводил порядок в городе по-своему. При-

Причина его, вне всякого сомнения, крылась в нежелании каждой из сторон поступиться властью. ЦИК Ук требовал подчинения себе военного руководства, Антонов-Овсеенко и Муравьёв резко возражали. Петроград, обычно поддерживавший все начинания Антонова-Овсеенко, склонялся на сторону ЦИК Ук. Впрочем, и так было понятно, что Муравьёв в Киеве ужиться с Народным секретариатом не сможет. К тому же, узнав о том, что из состава его войск будет изъята для перемещения на Дон армия Егорова, Муравьёв вновь впал в апатию. Он отстранился от дел и направил Антонову-Овсеенко телеграмму, заканчивающуюся словами: «...я всё пошлю вам и останусь один, никого и ничего не надо».

Взвесив все обстоятельства, Антонов-Овсеенко рекомендовал Совнаркому назначить Муравьёва главнокомандующим на неожиданно открывшемся в Бессарабии новом фронте. Народный секретариат тут же опротестовал это назначение, но Ленин в данном конкретном случае с Антоновым-Овсеенко согласился. 4(17) февраля он по телеграфу предоставил Муравьёву соответствующие полномочия. Думается, такое решение устроило всех.

казами штаба Муравьёва, сыпавшимися, как из рога изобилия, заклеивались буквально все свободные места на зданиях и телеграфных столбах. Приказы большей частью шли вразрез с постановлениями местной Советской власти. А по улицам города раскатывал на автомобиле Ремнёв – весьма сомнительный субъект, пролезший в штаб Муравьёва – с вооруженной группой и, держа винтовки наизготовку, останавливали извозчиков и автомобили, требуя от имени Советской власти предъявлять документы и сдать оружие, если таковое имеется. Этим налётам подвергались не только обыватели, но и ответственные советские работники. В первый же день приезда в Киев, возвращаясь с заседания Исполкома, мы были остановлены мчавшимся на нас автомобилем, с которого неслись грозные крики: «Стой, или будем стрелять!». Нас окружила группа человек в 5–6 вооружённых людей, направив в упор на нас оружие. На наш вопрос: «В чём дело?», последовал приказ: «Руки вверх!», а к нам подошёл сам Ремнёв. После осмотра наших документов, самочинная «охрана» быстро вскочила в автомобиль и полным ходом умчалась...»

Каждый, разумеется, вправе сам определять, что вызывало большое неудовольствие, проверка документов на улицах только что занятого города, либо «самочинность охраны» и то, что наряду с обывателями этой процедуре были подвергнуты и «ответственные советские работники».

Уже находясь в Одессе, Муравьёв продолжал перепалку с Народным секретариатом, но там власть ЦИК Ук носила лишь формальный характер. Куда большие проблемы возникли у вновь назначенного Главнокомандующего с Румчеродом. В Одессе Муравьёв, отбросивший вскоре румын за Днестр, пережил как очередной взлёт, так и последовавшее за ним горькое разочарование¹⁸³. Пути его с Антоновым-Овсеенко после этого разошлись и на этот раз уже навсегда...

Наладившиеся было отношения между Народным секретариатом и Антоновым-Овсеенко, между тем, ухудшились. Поставленные последним на станции железнодорожные и в уездные города продовольственные комиссары, так же, как и Муравьёв, действовали на свой страх и риск и при выборе средств особо не церемонились. Назначенная ещё до переезда в Киев секретарём по внутренним делам Е. Бош, не считав даже нужным уведомить о своём решении Антонова-Овсеенко, распорядилась лишить их полномочий¹⁸⁴. Справедливо

¹⁸³ «Впоследствии, когда началось немецкое наступление, – пишет Антонов-Овсеенко, – и Одесса была сдана самым подлым образом немцам (Муравьёв своей бестактностью немало этому содействовал), он совсем увял. Приглашённый мною в начальники штаба, он уклонился, по-видимому, обиженный в своём честолюбии, и уехал в Москву, где впоследствии и был арестован. Арестовали его, кажется, подозревая в сочувствии к анархистам, к которым он и на деле немного склонялся. Выпустили его под поручительство 13 видных членов партии, в том числе и моё, и под личную расписку Муралова и ещё кое-кого. Муралов предупредил Троцкого о невозможности посылать сейчас Муравьёва на фронт, предлагая дать ему передохнуть. Но, в силу моего отказа взять на себя командование против Чехо-словаков... Муравьёв был назначен на этот важный фронт... Но я весьма сомневался, уживётся ли Муравьёв с комиссарами, поставленными бок о бок с ним... Муравьёв не ужился. За пару дней до своего трагического выступления, при котором он был убит, он прислал Муралову и мне письмо, в котором ясно сквозит крайнее раздражение этой опекой, которая была назначена над ним, и чувствуется горькая обида за проявленную к нему, по его мнению, несправедливость.

Полагаю, что больше всего стремление сбросить эту опеку и играть независимую роль руководило этим авантюристом, когда он пытался бросить армии наши против немцев...»

¹⁸⁴ При этом значительная часть претензий высказывалась в адрес всё того же Шарова, который по мнению Антонова-Овсеенко, будучи назначен комиссаром Изюмского уезда, справлялся лучше многих других и поставленные задачи по изъятию продовольствия для нужд армии и Центра старался выполнять.

полагая, что без сопротивления устранить их не удастся, она доложила «о самоуправстве военных» в Петроград. Ленин предлагал улаживать все недоразумения на месте и искать компромисс¹⁸⁵, к которому в итоге и пришли. Большинство комиссаров было Антоновым-Овсеенко отозвано, их место заняли вновь созданные смешанные комиссии. В том же ключе были разрешены «недоразумения», вызванные настойчивыми попытками ЦИК Ук ограничить сложившиеся властные полномочия штаба советских войск в Харькове и военного коменданта города Войцеховского.

Последним, неожиданно громким, аккордом этих нескольких дней триумфа Советов в Украине явились действия «харьковских товарищей». В исполкоме Харьковского Совета заявление ЦИК Ук о вступлении им «в законные права», закрепляющее суверенитет власти Народного секретариата на всей территории Украины, восприняли однозначно.

Подчиняться ещё кому бы то ни было областные власти, имевшие устоявшийся аппарат управления и свои вооружённые отряды, не желали категорически. И если понимание того факта, что в одиночку и изолированно не проживёшь и, имело место, то это вовсе не означало, что, безусловно признавая властные полномочия Совнаркома, как центральной власти, и отчасти военных, Совет должен также признать своё подчинённое положение по отношению к ЦИК Ук. Не последнюю роль при этом играли сложившиеся как между этими учреждениями в целом, так и их представителями весьма негативные, почти враждебные отношения.

Пока ЦИК Ук располагался в Харькове и во многом зависел от местных властей, никому в Народном секретариате и в го-

¹⁸⁵ «..Ради бога, приложите все усилия, – говорилось в отправленной Лениным 21 января телеграмме, – чтобы все и всяческие трения с ЦИК (харьковским) устранить. Это архиважно в государственном отношении. Ради бога, помирите с ними и признайте за ними всяческий суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить.

Очень и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и абсолютного мира с Харьковским ЦИК достигнете. Тут нужен архитаткт национальный...

Жму крепко руку. Ваш Ленин».

лову не приходило отдавать Областному Совету какие-либо распоряжения. Но с переездом Советского правительства Украины в Киев ситуация изменилась, и теперь, пусть пока ещё и формально, Народный секретариат, как высший орган Советской власти в Украине, был вправе отдавать распоряжения и контролировать действия любых и всех Советов Республики. Конечно же, в первые дни далеко не все готовы были безоговорочно это принять, и иерархические отношения между Советами разных уровней только лишь начинали выстраиваться¹⁸⁶. Но то, что ЦИК Ук будет постепенно прибирать Советы к своим рукам и заявленное право на властные полномочия постарается как можно скорее воплотить в жизнь, не вызвало никаких сомнений.

Именно так, во всяком случае, расценили заявление ЦИК Ук в Харькове. Прекрасно понимая, что не признавать далее Советское правительство Украины теперь уже невозможно, «харьковские товарищи» в то же время подчиниться людям, которых едва ли не третировали, не желали категорически. Ощувив реальную угрозу ещё и до переезда ЦИК Ук в Киев, они действовали решительно и смело, и способ для выхода из создавшейся ситуации нашли наиболее радикальный.

Ещё при Керенском в условиях, когда уже невозможно было препятствовать суверенизации Украины, некоторые чиновники предлагали премьер-министру ограничить заранее её территорию и объявить восточные губернии российскими. Именно эту, казалось бы, давно сошедшую на нет идею, попытался использовать в своих целях исполком Харьковского Совета.

Во второй половине января в Харькове в гостинице «Метрополь» состоялось совещание представителей областной власти и партийных работников, на котором было принято принципиальное решение о создании Донецко-Криворожской республи-

¹⁸⁶ «Собрать, склеить, скрепить государственный аппарат, – вспоминает Д. Эрдэ, – задача, требующая не дней и недель, а месяцев. Поэтому естественно, что за короткое время пребывания в Киеве были созданы лишь отдельные, слабо работающие учреждения, хотя народные секретариаты (комиссары) пытались развернуть свою работу сейчас же после перехода власти к советам».

ки¹⁸⁷. При этом, разумеется, оно мотивировалось не властными амбициями, а желанием выделить промышленные области, которые, якобы, как в экономическом, так и в социальном плане резко отличались от прилегающих аграрных территорий Украины¹⁸⁸.

Впрочем, мало кто из современников сомневался в истинных причинах, подвигнувших «харьковских товарищей». Антонов-Овсеенко напоминал, что харьковские большевики и советские работники «были безгласны по отношению к III Универсалу Центральной Рады, которым и Харьковская, и Екатеринославская губернии объявлялись входящими в Украинскую На-

¹⁸⁷ «Собрание, – вспоминает Л. Эрдэ, – открыл тов. Артём, отметив цель и задачи организации Криворожской республики и особо подчеркнув необходимость организации пролетарской власти – власти советов, вокруг и под руководством которой объединялось бы крестьянство...»

Насколько мне помнится, предложение тов. Артёма не встретило особых возражений, и тут же был намечен состав Совнаркома: председатель – т. Артём (он же председатель областного совета народного хозяйства), втудел – т. Васильченко, просвещения – т. Жаков, юстиции – т. Филов, по военным делам – т. Рухимович, заместителем его – т. Руднев, финансов, если не ошибаюсь, – т. В. Межлаук, контроля – т. Каменский, труда – т. Магидов.

За работу все взялись немедленно...»

Не протестовали и харьковские большевики. «На партийной областн. конференции, – пишет Е. Бош, – вскоре после Всеукраинского съезда Советов, группа товарищей во главе с Эпштейном-Яковлевым предложила резолюцию за выделение Донец.-Криворож. области и настаивала на ней. После долгих споров, главным образом с краевым парткомитетом, сколько помнится, приняли компромиссное решение...»

¹⁸⁸ «Оппозиционное отношение к ЦИК Советов Украины со стороны группы товарищей, – пишет Е. Бош, – объяснялось установившимся в верхах Донецк.-Криворожск. и Харьковск. парторганизаций взглядом, что между промышленной и Донец.-Криворож. областью и крестьянской Украиной нет и не может быть никаких общих интересов. Товарищи видели экономическую связь Донецко-Криворожской области с Россией, а национальное единство Украины ими рассматривалось как пережиток старого, сохранившийся в умах националистов. И если с большой натяжкой соглашались признать Украину как автономное государство, *входящее в РСФСР*, то уж ни в коем случае не включая Донецко-Криворож. область в территорию Украины... Партийная дисциплина требовала подчинения, и товарищи не вели открытой агитации, но во всех своих действиях не скрывали своего отношения и в партийных рядах старались провести решение за образование Донецко-Криворожской Советской республики».

родную Республику¹⁸⁹», но поспешили выделиться, едва лишь Киев был занят советскими войсками. «Положение оставалось неопределённым, – писал он. – Оно вряд ли улучшилось после того, как на новом съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов... было постановлено – образовать из этих районов самостоятельную республику, со своим Советом Народных Комиссаров.

Это отделение рабочих районов от Украины как раз в момент, когда её Советское правительство в Киеве особенно нуждалось в политической и организационной поддержке (выступление против Центральной Рады на Брест-Литовских переговорах с немцами) мне представляется и до сих пор серьёзным государственным промахом. Но Харьковским и Екатеринославским товарищам, всё время враждовавшим с «Цикукой» и, по её образованию, повернувшем фронт в сторону великодержавности, – удалось на этот раз убедить Совнарком в правильности своей линии».

Каким непостижимым образом удалось скорее даже не убедить, а поставить перед свершившимся фактом Петроград, остаётся загадкой. Весьма вероятно, решающее значение играло личное участие Артёма. Помимо этого лояльное поначалу отношение к инициативе харьковчан со стороны СНК может быть объяснено и рядом других весомых факторов. Слабостью ЦИКУк, неясностью обстановки и традиционной политикой Ленина¹⁹⁰, заключавшейся в том, чтобы, при бескомпромиссной ожесточённой борьбе «на уничтожение» с явными врагами в то же время, избегать *до поры* конфликтов с разнообразными

¹⁸⁹ III Универсал определял границы УНР следующим образом: «К территории Украинской народной республики принадлежат земли, заселённые в большинстве украинцами: Киевщина, Подолия, Волянь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное установление границ Украинской народной республики, как относительно присоединения населённых в большинстве украинцами частей Курщины, Воронежчины, Холмщины, *так и других смежных губерний*, должно последовать в соглашении с организованною волею народов».

¹⁹⁰ Справедливости ради следует отметить, что с развитием наступления немцев на Украину, Ленин изменил свою точку зрения и о создании Донецко-Криворожской республики высказывался резко отрицательно.

многочисленными «попутчиками» и «временно заблуждавшимися товарищами».

С 27 по 31 января в Харькове проходил IV съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. Выступивший с докладом о предполагаемом организации власти С.Ф. Васильченко огласил своё видение будущего государственного устройства: «По мере укрепления Советской власти на местах федерации Российских Социалистических Республик будут строиться не по национальным признакам, а по особенностям экономическо-хозяйственного быта. Такой самодовлеющей в хозяйственном отношении единицей является Донецкий и Криворожский бассейн. Донецкая республика может стать образцом социалистического хозяйства для других республик...»

В конце своей речи докладчик обратился к делегатам съезда с предложением объявить о создании Донецко-Криворожской Советской республики. Его поддержал Артём, и съезд большинством голосов принял соответствующее решение. При этом в территориальный состав вновь образованной республики были включены: Екатеринославская, Харьковская и часть Херсонской губернии, а также часть территории Области войска Донского с городами Ростовом, Нахичеванью, Таганрогом и Новочеркасском¹⁹¹. 1(14) февраля в точном соответствии с намеченным ранее персональным составом был образован республиканский СНК.

В несколько дней возникла значительных размеров автономия со своими институтами управления и своим правительством. И пусть введённые в её состав земли Донского войска предстояло ещё завоевать, пусть в ряде мест и местечек население так и не узнало, к какому территориальному образованию оно было отнесено, Донецко-Криворожская республика

¹⁹¹ Если присоединение Ростовского и Таганрогского округов, входивших в XIX в. (до 1887 г.) в состав Екатеринославской губернии, ещё могло быть хоть как-то обосновано, то Новочеркасск отнесли к Донецко-Криворожской республике совершенно произвольно. Любопытно, что на момент образования новой республики добровольцы всё ещё удерживали Ростов, а Войсковое правительство – Новочеркасск.

существовала до самого прихода немцев не только формально, но и по факту.

И первым это почувствовал Антонов-Овсеенко. Вновь назначенный нарком по внутренним делам С.Ф. Васильченко¹⁹² потребовал от него ровно того же, чего до отъезда в Киев добивался Народный секретариат: убрать «назначенцев» из уездов и с железной дороги, а также распустить только лишь созданные комиссии смешанного с ЦИК Ук состава. Поскольку Петроград действия «харьковских товарищей», закреплённые съездом, не опротестовал, Антонову-Овсеенко приходилось со всем этим считаться, искать и находить новые, учитывающие создающуюся ситуацию, компромиссы.

Вскоре случился эпизод, позволяющий судить об амбициях правящей верхушки вновь образованной республики. «Тотчас же по занятии нами Ростова, – пишет Антонов-Овсеенко, – я получил от областного совета Наркомов Донбасса и Криворожья извещение о введении налога на буржуазию в размере 4.200.000 рублей, причём мне поручалось взыскать в Ростове 10 миллионов и столько же в Новочеркасске. Хотя я не сомневался в том, что Новочеркасск никаким порядком отнести к Донецкому бассейну нельзя, да и положение Ростова в этом смысле было, по меньшей мере, спорным, но эта решительность в вопросах налогового обложения мне была по нутру...»

Неудивительно, что после подобных «налоговых обложений» в Ростове, в конце концов, сочли необходимым образовать свою автономию – Донскую Советскую республику.

Но все эти, в общем-то, незначительные попытки потянуть одеяло на себя вскоре отошли на задний план перед куда более значимым фактором. По Украине медленно, но неудержимо продвигались на восток немцы. И на каком рубеже они остановятся, не знал никто.

¹⁹² Вскоре после взятия Ростова Донское бюро РСДРП(б) вернулось в город. Любопытно, что уже 22 февраля (7 марта) на заседании временного Ростово-Нахичеванского большевистского комитета С.Ф. Васильченко был избран в президиум. Позже, когда занятие немцами Донбасса стало неизбежным, он окончательно перебрался в Ростов.

8.3.5. «Украинский» Брестский мир. Ультиматум

Ещё в начале января Троцкий из Бреста отправил Ленину письмо, в котором предлагал *при ухудшении ситуации* прекратить переговоры, заявив при этом о том, что Россия аннексионного мира не подписывает, но войну прекращает. Это был один из тех тревожных звоночков, который вынудил Владимира Ильича выйти из состояния некоторой отстранённости и заявить свою позицию предельно чётко.

7 января Ленин, натолкнувшись на серьёзное сопротивление «левых коммунистов», написал тезисы, в которых обосновывал необходимость немедленного принятия мира на продиктованных немцами условиях¹⁹³.

¹⁹³ Суть их сводилась к следующему:

- успех социалистической революции в России обеспечен, «так как почти все рабочие и громадное большинство крестьян на стороне Советов»;
- вместе с тем, «передышка» необходима; лишь она позволит добиться быстрой победы в гражданской войне и приступить к «социалистическим преобразованиям»; при обилии мелкобуржуазных элементов они потребуют продолжительного времени, и, следовательно, необходимо иметь руки развязанными; «передышка» откроет начало реорганизации России, которая в итоге «сделает социализм непобедимым и в России, и во всём мире»;
- в Германии военная партия на момент переговоров победила и «по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления); и теперь из создавшейся ситуации возможны лишь два выхода: либо принятие всех условий мира, либо революционная война»;
- армия растаяла, оставшаяся её часть представляет собой «больную часть русского государственного организма», которую надо поскорее демобилизовать; в условиях развала армии, наряду с тяжёлым хозяйственным положением война с германским империализмом означала бы гибель социалистической революции;
- вследствие немецкого ультиматума оттягивать подписание мира далее уже невозможно; подписание такого мира «похабного», «архитяжкого» будет компромиссом со стороны Советской власти, явится уступкой во много раз более сильному противнику; «но именно мир, поскольку он изменяет соотношение сил и укрепляет наш союз с большинством крестьянства, облегчит подготовку революционной войны, позволит собраться с силами, организовать сплочённую и проникнутую сознанием необходимости воевать армию... обеспечит стране некоторую передышку в течение которой социалистическое строительство в России окажет более революционизирующее влияние, чем дальнейшее оттягивание дела заключения мира, ведущее к ещё более тяжкому миру, если не к полной катастрофе»;
- «международная социалистическая революция, с которой связаны «все

8 января тезисы были предложены к рассмотрению на совещании «ответственных членов партии», главным образом, делегатов III Всероссийского съезда Советов и подверглись резкой критике. Из 65-ти присутствующих за скорейшее подписание мира высказались лишь 15 человек. Промежуточная группа, поддержавшая оформившуюся ещё в начале января «линию Троцкого», собрала 16 голосов. В большинстве же (32 голоса) оказались сторонники революционной войны. Мотивировка оставалась той же: «Для дела мировой революции, – считали «левые коммунисты», – разгром Советской власти в России будет всё же лучшим исходом, чем *любое соглашение*, любая сделка с германским империализмом».

Для Ленина это явилось тягчайшим поражением. Дело всей его жизни, чудесным образом реализованное, ставилось под удар, и способствовали этому свои же, в немалой степени, выпестованные им партийные кадры. Но Владимир Ильич не сдавался. Совещание было объявлено «не решающим», а вопрос о мире перенесён на заседание ЦК, которое состоялось 11 января в куда более ограниченном составе.

На повестку дня вначале было поставлено предложение Ленина: мир с немцами подписать. Но оно было тут же забаллотировано большинством голосов. За революционную войну голосовало двое, против высказались 11 при одном воздержавшемся. В пользу предложения Троцкого: мира не подписывать, но при этом объявить войну прекращённой и армию демобилизовать¹⁹⁴ высказались 9 человек, против – 7. Такое решение не

наши надежды на окончательную победу социализма», *безусловно, наступит*, но сейчас было бы ошибкой построить всю нашу тактику на попытке определить конкретный срок наступления революции; мир, спасая Советскую Республику, как часть международной революции, тем самым спасает и всю международную революцию».

¹⁹⁴ К знаменитому «ни мира, ни войны, а армию распустить» Лев Давидович постепенно склонился, по всей видимости, чётко осознавая дипломатическую беспомощность советской делегации в Брест-Литовске, вынужденной отстаивать нелепую и вызывающую принятую изначально позицию, ухудшающуюся с каждым днём ситуацию и отсутствие перспектив.

Тем не менее, перед возвращением в Брест Троцкий был настроен весьма оптимистично. 14 января в заключительном слове к своему докладу на III съезде Советов, он говорил: «Мы едем сегодня глубокой ночью в Брест-

устраивало Ленина ни в коей мере, и он внёс новое, прошедшее в конечном итоге предложение: продолжать затягивание переговоров. 12 присутствующих были – за, 1 воздержался.

Эта же директива была позже подтверждена и III съездом Советов. При этом съезд по вопросу о заключении мира представлял Совнаркому «самые широкие полномочия». Таким образом, Троцкий не получил прямого указания подписать мир при получении немецкого ультиматума. Расплывчатое решение ЦК ни к чему руководителя советской делегации не обязывало и привело к тому, что руки у Троцкого оказались развязанными и, по существу, в зависимости от обстоятельств конкретное решение он мог и должен был принимать самостоятельно¹⁹⁵.

Ленин впрочем утверждал, что между ними было достигнуто определённое соглашение. «...между нами было условлено, – говорил Владимир Ильич, выступая с ответным словом на

Литовск в гораздо лучших условиях, чем мы оттуда уезжали. Мы получаем возможность сказать Кюльману, что его милитаристический карантин... недействителен, чему доказательством являются Вена и Будапешт. Мы не встретим также там представителей Рады, так как Центральный исполнительный комитет Советов Украины признал единственными полномочными вести переговоры о мире Совет народных комиссаров. Мы сумеем также опираться на события в Киеве...»

Под «событиями в Киеве» имелось, очевидно, в виду намерение украинских левых эсеров сформировать правительство, которое должно было прекратить военные действия с Советской Россией и, не отказываясь от Рады, признать также и властные полномочия Советов.

¹⁹⁵ Позднее, на VII съезде РКП(б) Троцкий изложил своё видение происшедшего: «...мы должны были заключить мир в ноябре, – говорил он. – Тогда мы могли бы получить от немцев самый лучший мир... Но никто из нас на этой точке зрения не стоял. Все, в том числе и тов. Ленин говорили: «Идите и требуйте от немцев ясности в их формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад»... Перед последней поездкой в Брест-Литовск мы всё время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике. И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева... Он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас. Но большинство сказал: «Нет, продолжайте ту же политику агитации, затягивания и т.д.». Однако поставив вопрос о необходимости немедленного подписания мира, Зиновьев уже опоздал. Когда мы приехали в Брест-Литовск в последний раз, нам уже не пришлось затягивать переговоры: немцы затягивали сами... Им нужно было достигнуть законченного мира с Украиной, чтобы поставить ультиматум нам...»

VII съезде РКП(б), – что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаём». Поскольку Троцкий этого не отрицал, договорённость следует считать достоверным фактом. Однако, в любом случае, это были лишь устные пожелания. Формально же Совнарком никаких директивных указаний, кроме как продолжать затягивание переговоров, руководителю советской делегации не давал.

17 января возобновилась работа мирной конференции. 18 января председательствовавший на заседании Черни, прощупывая почву, спросил у Троцкого, признаёт ли он, что украинцы могут самостоятельно вести переговоры о своей границе? На этот раз Троцкий возражал категорически¹⁹⁶. Позже он заявил, что располагает сведениями о том, что Рада уже не контролирует Киев. «Решающая часть киевского гарнизона перешла на сторону Советской украинской власти, и вопрос о существовании Рады должен исчисляться очень короткими единицами времени»¹⁹⁷. Чернин предложил обмен мнениями прекратить, дожидаться возвращения украинской делегации и созвать пленарное заседание, на котором «киевские и петербургские представители могли совместно обсудить вопрос».

Сделать это было весьма затруднительно. Вслед за развитием военных действий и продвижением Муравьёва к Киеву разрыв советской делегации с «радовцами» резко углубился и

¹⁹⁶ Ещё ранее, едва лишь обозначилось успешное продвижение советских отрядов в глубь Украины, изменилась и позиция Совнаркома. Уже 13 января в «Правде» была опубликована заметка Сталина, в которой, в частности, говорилось: «Заявляю во всеуслышание, что:

1. Никаких переговоров с Киевской Радой Совет народных комиссаров не ведёт и вести не собирается.

2. С Киевской радой, окончательно связавшей себя с Калединым и ведущей изменнические переговоры с австро-германскими империалистами за спиной народов России, с такой Радой Совет народных комиссаров считает возможным вести лишь беспощадную борьбу до полной победы советов Украины.

3. Мир и успокоение на Украине может прийти лишь в результате полной ликвидации Киевской буржуазной Рады, в результате замены её новой, социалистической Радой советов, ядро которой уже образовалось в Харькове».

¹⁹⁷ Речь шла о телеграмме Н.А. Скрыпника, направленной в Петербург и Брест во второй половине дня 18 января, и в целом отражавшей ситуацию в Киеве на этот момент.

стал необратимым. 19 января делегаты Рады, прибыли, наконец, в Брест¹⁹⁸, где были проинформированы о происходящем оставшимся в городе делегатом Н.Г. Левицким. Открывая заседание, вновь назначенный глава украинской делегации А.А. Севрюк предъявил соответствующие документы, цитаты из которых неопровержимо свидетельствовали о противоречии сделанных накануне заявлений главы советской делегации с его же позицией признания, как правомочности киевской делегации, так и суверенитета УНР. Далее Севрюк напомнил, что статус Украины определяется не киевскими событиями, а статьями IV Универсала, провозгласившего отказ Центральной Рады от федеративного объединения с Россией и обратился к конференции с просьбой окончательно определить на основании предъявленной им ноты «международное положение Украинской республики».

Слово было предоставлено Медведеву¹⁹⁹, который заявил,

¹⁹⁸ На одной из станций делегаты Центральной Рады были задержаны для проверки красногвардейским патрулем. От больших неприятностей их спасло лишь созвучие аббревиатур «Генеральный» и «Народный секретариат». Название страны было и вовсе одинаковым – Украинская Народная Республика. Вовремя сориентировавшись, «радовцы» заявили красногвардейцам, что являются частью советской делегации, после чего и были пропущены.

¹⁹⁹ Помимо «радовцев», в Брест прибыли и представители ЦИК Ук. Делегаты, народный секретарь по военным делам большевик В.М. Шахрай и председатель Всеукраинского ЦИК левый эсер Е.Г. Медведев (в Брест должен был прибыть также и народный секретарь В.П. Затонский, но он остался в Петрограде в качестве представителя ЦИК Ук при Совнарком), сумели даже огласить декларацию, в которой было заявлено следующее: «...Генеральный Секретариат Центральной Украинской Рады ни в коем случае не может быть признан как представительство всего украинского народа... Все решения, принятые Генеральным Секретариатом без соглашения с нами, не будут признаны украинским народом, не могут быть осуществлены и ни в коем случае не будут проведены в жизнь. В полном согласии с Советом Народных Комиссаров, а, следовательно, с делегацией российского рабочего и крестьянского правительства мы в дальнейшем будем вести мирные переговоры с делегациями четверного союза в составе русской мирной делегации». В ответ Чернин поспешил заявить, что принимает сказанное к сведению, но 12 января на пленарном заседании Германия и Австро-Венгрия признали делегацию Центральной Рады самостоятельной и правомочной представлять на конференции УНР. «В настоящее время, – подчеркнул он, – мы вынуждены признать Украинскую Народную Республику как свободное суверенное государство, вполне правомочное вступать в международные сношения». Этим

что Центральная Рада повела переговоры тайно, «за спиной народа» и отдельно от советской делегации. Далее Медведев сделал то, на что не решались «радовцы». Он заявил, что Народный секретариат «стремится к созданию таких условий, при которых весь народ украинский, живущий на Украине, в Галиции, Буковине и Венгрии, независимо от разделяющих его ныне на части государственных границ, мог бы жить как одно целое». Этот демонстративный выпад непосредственным образом затрагивал национальные интересы и саму территориальную целостность Австро-Венгрии.

Выступавший вслед за ним Троцкий отметил, что не в интересах стран Четверного союза становиться третейским судьёй во внутренних противоречиях в России или Украине и что лучшим образом это проявилось при отказе представителей Центральных держав от немедленного признания УНР. Свою задачу Троцкий, по его словам, видел в том, чтобы информировать присутствующих о реальном положении дел в Украине, суть которого состояла, якобы, «в незавершённости, текучести процесса государственного становления Украины». Реальная власть принадлежала, на его взгляд, уже не Раде, а Народному секретариату. Этим Троцкий и обосновал свой отход от ранее занимаемых позиций. Он высказался в том смысле, что пока народ Украины не ставил под сомнение властные полномочия Рады, соответствующей линии придерживался и Совнарком. Но ситуация изменилась, народ высказался за Советы, и он, Троцкий, вынужден настаивать на признании суверенитета того правительства, которое пользуется поддержкой населения и осуществляет реальную власть. В заключение он заявил, что предлагал и предлагает киевлянам лишь согласовывать свои действия и что «обрести силу смогут только такие соглашения

давалось ясно понять: как бы ни развивались события, никакого иного правительства Украины, кроме Центральной Рады державы Четверного союза не признают.

«Положение украинской делегации в Бресте, – пишет Д. Эрцэ, – было самое незавидное. Она была допущена к работе по настоянию российской делегации, но немцы фактически её не признавали».

киевского правительства, которые получают признание харьковской делегации».

По свидетельству очевидцев, это было одно из лучших выступлений главы советской делегации. Взвешенное, выдержанное, почти без ставшего уже привычным революционного пафоса и должным образом аргументированное. Но изменить что-либо оно уже не могло.

«Я, – вспоминал Чернин, – просил украинцев открыто, наконец, высказать свою точку зрения петербуржцам и успех был даже слишком велик. Грубости, высказанные украинскими представителями петербуржским сегодня²⁰⁰, были просто комичными и доказали, какая пропасть отделяет оба правительства, и что не наша вина, если мы не можем заключить с ними одного договора. Троцкий был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление. Совершенно бледный, с широко раскрытыми глазами, он нервно что-то рисовал на пропускной бумаге. Крупные капли пота текли с его лица. Он, по-видимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему его же согражданами в присутствии врагов...» Думается, дело тут было не только и не столько в ощущении наносимых оскорблений. Обладающий трезвым умом Троцкий отдавал себе отчёт в том, что ведёт последние арьергардные бои: самостоятельная линия поведения украинцев лишает его свободы манёвра и резко снижает шансы на благополучный исход. И раньше от советской делегации зависело далеко не всё. Теперь же дело явно приближалось к той черте, за которой от неё и вообще не будет что-либо зависеть²⁰¹.

²⁰⁰ Вспылив в какой-то момент, Троцкий бросил в ответ, что вся территория Рады в настоящий момент сводится к комнате, занимаемой украинской делегацией в Брест-Литовске.

²⁰¹ 21 января Троцкий попытался нарушить единство своих противников. На отдельном заседании с турецкой делегацией, посвящённой будущему миру на Кавказе, он стал отговаривать турок от подписания отдельного мира с Радой. «На Украине пала одна власть и возникла другая, – говорил он главе делегации. – Странно, что оттоманское правительство с этим не считается. Оно само вышло из недр революции. Разговаривать нужно именно с теми правительствами, которые существуют...» В ответ турки высказались в том смысле, что не понимают, «почему господин председатель русской делегации

Вечером того же дня Чернин в присутствии Кюльмана и Гофмана встретился с Севрюком и заявил, что «в связи с затруднительным положением украинского правительства» «радовцам» предлагается для ознакомления подготовленный проект мирного договора, который они должны подписать на следующий день. При этом Гофман добавил, что хорошо знает истинное положение вещей, и «если завтра договор не будет подписан, делегация может свободно возвращаться домой». Весь проект договора уместился на одном листке бумаги и состоял из трёх пунктов: констатации прекращения состояния войны; декларации о необходимости установления дипломатических и консульских отношений; обязательств правительства УНР поставить Центральным державам 1 млн тонн хлеба и иное продовольствие.

Севрюк заявил, что ответ будет дан на следующий день, и удалился. Связи, как с Петроградом, не исключено, по вине немцев, так и с Киевом не было. Любинский, посчитавший, что подобное отношение к украинской делегации оскорбительно, предложил выразить протест и грозить отъездом. Однако, катастрофическое развитие событий не позволяло уже становиться в позу. Все члены делегации, не откладывая дела в долгий ящик, приступили к подготовке собственного проекта договора, который и был готов к 6 утра 20 января²⁰². Чернин уже не настаивал на обязательном исполнении заявленных ранее условий и согласился рассмотреть предложения «радовцев».

Тем не менее январское восстание, быстрое продвижение к Киеву советских отрядов и неясность обстановки не могли не сказаться на ходе переговоров. Территория, контролируемая

придает такое большое значение вопросу об украинской делегации. Если верно, что она имеет своей опорой лишь Брест-Литовск, то вопрос этот разрешится сам собою... и не придется подписывать мира с этой делегацией...». Но обсуждать этот вопрос с одной турецкой делегацией, а не со всеми представителями Четверного союза недопустимо.

²⁰² «Я с удивлением наблюдал за молодыми украинцами, – писал позже Гофман. – Они прекрасно знали, что ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи, что их правительство представляет собой фиктивное понятие. И всё же... в переговорах с Черниным они твёрдо держались своих ранее выставленных условий и не уступали ему ни на йоту».

Радой, сокращалась с каждым днём, и подписание договора с правительством, ни на что не влияющим и никакими ресурсами уже не располагающим, чревато было самыми непредсказуемыми последствиями. Предоставление же военной помощи, без которой Рада не смогла бы выполнить никаких принятых на себя обязательств, почти наверняка означало новый вооружённый конфликт.

Решение необходимо было принять как можно скорее, но дипломаты не имели необходимых для этого полномочий. Лишь высшая политическая власть могла взять подобную ответственность на себя. Теперь уже немцы запросили перерыва в заседаниях мирной конференции, который и был им предоставлен. 21 января Кюльман и Чернин выехали в Берлин. Там, на совместном совещании дипломатов и высшего военного руководства обсуждался вопрос о подписании мира с УНР. Определённые сомнения в его целесообразности высказал Чернин²⁰³. По его мнению, связывать себя обязательствами с правительством, во многом существующим лишь на бумаге, чревато было самыми непредсказуемыми последствиями. К тому же подобный акт, предусматривающий создание украинской автономии из Восточной Галиции и Буковины мог вызвать недовольство со стороны будущей Польши. Однако всё это были гипотетические предположения, а действительность заключалась в том, что Австро-Венгрия без украинского хлеба обойтись уже не могла. Представитель имперского командования прямо заявил: армия и страна обречены на голод.

Это обстоятельство перевесило все остальные, вместе взятые, и решено было, вне зависимости от происходящего в Украине, мирный договор с Радой подписать незамедлительно. При этом Людендорф официально потребовал от Кюльмана, чтобы

²⁰³ «В продолжение всего дня заседания, – вспоминал австрийский дипломат, – у меня было несколько острых столкновений с Людендорфом. Желанная ясность, если и не достигнута, то мы, во всяком случае, на пути к ней. Кроме выяснения тактики в Бресте идёт вопрос о том, чтобы, наконец, письменно установить, что мы обязаны сражаться только за сохранение довоенных границ Германии. Людендорф резко возражал и сказал: «если Германия заключит мир без прибыли, то она проиграла войну...»

в течение 24 часов после подписания мира с Украиной, им был предъявлен ультиматум советской делегации. Кюльман дал обещание это требование выполнить.

24 января Кюльман и Чернин вернулись в Брест-Литовск. На следующий день Чернин записал в своём дневнике: «...произошла моя беседа с Троцким... Я начал с того, что сказал Троцкому, что по моему впечатлению мы находимся накануне разрыва и возобновления войны; я хотел бы знать, прежде чем предпринять этот тяжкий по своим последствиям шаг, действительно ли это является совершенно неизбежным. Я поэтому прошу г-на Троцкого мне откровенно и ясно высказать те условия, которые он может принять. В ответ на это Троцкий очень откровенно и ясно заявил, что он отнюдь не столь наивен, как мы, по-видимому, это предполагаем, что он отлично знает, что сила является самым сильным аргументом, и что центральные державы могут отнять у России окраинные области... Германцы могут коротко и ясно заявить, каковы те границы, которые они требуют, тогда он установит перед всей Европой, что дело идёт о грубых аннексиях, но что Россия слишком слаба, чтобы сопротивляться... Вслед за этим, и это очень характерно, Троцкий заявил, что он никогда не согласится на то, что мы заключим мир с Украиной, так как Украина не находится больше в руках Рады, но в руках его войск. Украина является частью России, и заключение мира с нею означало бы вмешательство во внутренние дела России...

Пропала последняя надежда прийти к соглашению с Петербургом. В Берлине схвачен призыв петербургского правительства, в котором оно возбуждало германских солдат, призывало их к убийству императора и генералов и к братанию с советами. Вслед за этим пришла телеграмма от императора Вильгельма к Кюльману с приказом немедленно прервать переговоры и потребовать кроме Курляндии и Литвы также и не оккупированные области Лифляндии и Эстляндии, – не обращая внимания на право самоопределения народов.

Низость этих большевиков делает переговоры невозможными. Я не могу обвинять Германию в том, что она возмущается таким поведением; но приказ из Берлина всё же не может

быть исполнен. Мы не хотим увеличивать наши трудности ещё Лифляндией и Эстляндией».

25 января Троцкий намекнул, что при определённых условиях, в частности, при уходе немцев из Риги, подписание мира возможно. Впоследствии Кюльман и Чернин использовали эту вскользь брошенную фразу для реализации последней безуспешной попытки завершить дело миром²⁰⁴.

26 января Чернин оповестил Троцкого о том, что всё для подписания договора с «радовцами» готово. «Сегодня вечером должно состояться подписание мира с Украиной, – писал он в дневнике. – ...Но сидит ли Рада действительно в Киеве?.. Троцкий отклонил моё предложение послать в Киев австрийского офицера генерального штаба с тем, чтобы он нам принёс аутентические известия. Очевидно, что его утверждение, что большевики являются господами Украины, было только хитростью²⁰⁵. Кроме того, Грац²⁰⁶ сказал мне, что Троцкий, с которым он говорил сегодня утром, очень подавлен тем, что мы всё же... заключаем мир с Украиной. *Это укрепляет меня в решении подписать его.* Грац условился с петербуржцами устроить завтра заседание. На нём будет выяснено, возможно ли соглашение или неизбежен разрыв. *Во всяком случае, несомненно, что Брестское интермеццо большими шагами приближается к своему концу.*»

²⁰⁴ Создаётся впечатление, что как Чернин, так и Кюльман, считали достижение мира с Советами, заключённого без возобновления военных действий, делом своей чести и искренне полагали, что именно такой поворот событий лучше иных послужит интересам стран Четверного союза. Однако их усилия успехом не увенчались.

²⁰⁵ Когда 22 января связь с Киевом была восстановлена, оттуда с делегатами Рады говорил вновь назначенный премьер-министром Голубович. Это неопровержимо свидетельствовало о том, что город на тот момент находился в руках частей УНР. Видимо, поэтому Троцкий и возражал против поездки в Киев австрийского офицера. Существует версия, заключающаяся в том, что позже, когда занятие Киева войсками Муравьёва стало свершившимся фактом, Троцкий пытался уже сам инициировать подобную инспекцию. Предлагался, якобы, кружной маршрут по контролируемой советскими отрядами территории: Минск – Орша – Смоленск – Брянск – Ворожба – Конотоп – Бахмач – Киев. Однако даже если бы австрийцы и согласились, всё это требовало не малого времени, а его уже не оставалось.

²⁰⁶ Австрийский дипломат, помощник Чернина.

Дело, и так затянувшееся сверх всякой меры, действительно, шло к развязке, и 27 января был наконец подписан мирный договор Центральных держав с Радой. В основу его легли заявленные в самом начале украинской делегацией требования. В этом смысле, «радовцы» действительно не уступили ни на йоту. Австрийцы настояли лишь на том, чтобы будущее оформление Украинской автономии в пределах имперской территории была зафиксировано в секретном приложении. Со своей стороны немцы потребовали внесения непосредственно в текст договора обязательство УНР в обмен на военную помощь до 31 июля 1918 г. поставить Германии и Австро-Венгрии 1 миллион тонн хлеба, 400 миллионов штук яиц, до 50 тысяч тонн живого веса рогатого скота, сало, сахар, лён, пеньку, марганцевую руду и т.д.²⁰⁷.

В тот же день на заседании политической комиссии Чернин официально сообщил о подписании мирного договора с Украиной. Последовал резкий протест советской делегации и очередное напоминание Троцкого о том, что мир с эфемерным, никого не представляющим и никакой реальной властью не обладающим правительством не может быть правомочным. В ответ Чернин заявил: «Мы признали правительство Украинской рады, следовательно, для нас оно существует». Впрочем, австрийский дипломат тут же поспешил заверить Троцкого, что «этот договор не является недружелюбным актом по отношению к Советской России».

Едва лишь известие о заключении мира с Украиной достигло Берлина, Людендорф позвонил Кюльману и напомнил ему об обещании не позднее, чем через 24 часа поставить перед Троцким вопрос ребром и в случае, если он не будет решён, прервать переговоры с советской делегацией. В свою очередь и Гинденбург, ссылаясь на радиogramмы из Петрограда, призывающие немецких солдат к неповиновению, обратился к Вильгельму II

²⁰⁷ Жизнь диктовала свои условия, и, ещё две недели назад едва ли не обвинявшие Троцкого в предательстве союзников «радовцы», одним росчерком пера спасли Австро-Венгрию от катастрофы и бросили на чашу весов аргумент, позволивший Центральным державам вести военные действия ещё многие месяцы.

с требованием закончить переговоры. Такой приказ Кюльману был дан²⁰⁸, и проигнорировать его было невозможно.

Предъявленные Кюльманом советской делегации требования были высказаны в весьма корректной форме. Но, по сути, они, конечно же, являлись ультиматумом. «Наши предложения, – напоминал Кюльман, – известны уже давно, все связанные с ними вопросы подробно обсуждались, и, я полагаю, можно сказать с полным правом, что все возможные доводы подверглись всестороннему рассмотрению, и теперь настало время решений...»

Далее он озвучил предлагаемую немцами формулировку: «Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит...²⁰⁹ впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской империи для них не будут вытекать никакие обязательства по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами, а именно на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия». В заключении Кюльман подчеркнул, что принятие этих условий советской делегацией является «condition sine qua non²¹⁰». Ответ

²⁰⁸ «Сегодня большевистское правительство, – говорилось в направленной кайзером Вильгельмом II Кюльману и Гофману телеграмме, – обратилось клером по радио прямо к моим войскам и призвало их к восстанию и прямому неповиновению своим высшим военачальникам... Следует как можно скорее положить этому конец! Троцкий должен до 8 час. вечера завтрашнего дня... подписать без проволочек мир на наших условиях с немедленным отказом от Прибалтики до линии Нарва – Псков – Двинск без права на самоопределение и.т.д.... В случае отказа или попыток затяжки и проволочек и прочих отговорок в 8 час. вечера... прекращаются переговоры, прекращается перемирие; войска Восточного фронта... выдвигаются на предписанную линию...»

²⁰⁹ Речь идёт о линии на карте, представленной генералом Гофманом ещё 5 января и соответствующей продвижению и занимаемым позициям германских войск. Об обязательном уходе русских войск из ещё не занятых немцами областей Лифляндии и Эстонии Кюльман не упомянул. Он всё ещё надеялся заключить мир.

²¹⁰ Абсолютно обязательным.

надлежало дать в течение суток. В противном случае переговоры прерывались.

Терпение дипломатов Центральных держав оказалось поистине безграничным. 28 января начала работать вновь созданная военная подкомиссия, которая, как добросовестно докладывал вскоре Бонч-Бруевичу капитан Липский, соглашения по вопросам о приемлемости предложенной Германией границы не достигла. Вопрос передавался в политическую комиссию, которая должна была приступить к его рассмотрению в 17 час. 30 мин.

А часом ранее Кюльман предпринял последнюю попытку прийти к приемлемому компромиссу и всё же подписать мирный договор с Советской Россией²¹¹. Она, как и все предыдущие, также закончилась неудачей.

Вероятно, Троцкий всё же запросил Петроград о дальнейших действиях. Во всяком случае, он в тот же день, до начала работы комиссии за подписью Ленина и Сталина получил телеграмму следующего содержания: «Повторяем ещё раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они ещё не признали его...» По главному вопросу, принимать или нет предложенные условия, говорилось следующее: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время и особенно после письма Иоффе²¹²». Расплывчатость «указаний» не может не вызвать

²¹¹ По свидетельству Ирины Михутиной был произведён зондаж, не согласится ли глава советской делегации подписать мирный договор при условии очищения немцами Риги и прилегающих островов. «После некоторого размышления» Троцкий от этого предложения, якобы, отказался.

Следует, впрочем, заметить, что этот эпизод не может быть принят, как абсолютно достоверный, так как ссылки на него носят косвенный характер, а документального подтверждения нет.

²¹² Советская делегация имела в Бресте доступ ко всем ведущим печатным источникам, из которых следовало, что революционные выступления в Австро-Венгрии, тем более, в Германии практически иссякли. Об этом Иоффе поспешил информировать Смольный. 9 января также и Карахан сообщал по прямому проводу: «Германские события нашей прессой невозможно преувеличиваются. Революции в Германии нет. Есть лишь крупный поворот, сдвиг, начало начала революции и только. Преувеличенные надежды и ожидания опасны. Наша пресса переоценивает происходящее».

удивления. Вместо того чтобы дать прямую, обязательную для исполнения директиву, немедленно подписать мир, глава Советского правительства ограничился ни к чему не обязывающим, до предела сжатым, скорее даже консультационным посланием. Телеграмма не носила даже и рекомендательного характера.

И думается, это не было случайностью. Ленин вовсе не был уверен, что его точка зрения будет в итоге поддержана большинством соратников. Скорее – наоборот. И даже, если Владимир Ильич и решил, что тот момент, когда затягивать далее уже опасно и необходимо «сдавать», наступил, это ничего не меняло²¹³. Сам характер принятия решений, установившийся в партии и в СНК, был таковым, что субъективное мнение главы советского государства не становилось автоматически руководством к действию. По существу, единой согласованной линии поведения даже и в этот судьбоносный период, когда само существование Советской власти могло быть поставлено под сомнение, выработано не было. Так или иначе, но окончательное решение, желал он этого или нет, оставалось за Троцким.

Вариантов было два. Подписать мирный договор, либо прервать переговоры. Теперь уже оба они, снимая ряд вопросов, тут же влекли за собой появление новых, не менее значимых.

Прими Троцкий предложенные условия, это скорее бы обезопасило Советскую Россию от немецкого вторжения, но лишь по линии противостояния от Балтики до Бреста. Что касается Украины, то нетрудно было догадаться, что немцы окажут Центральной Раде военную помощь. Выполнить условия договора и обеспечить недавних противников продовольствием Генеральный секретариат мог, лишь контролируя украинскую территорию, добиться чего без германских штыков было невозможно. К тому же, подписывая договор, Троцкий признавал личное поражение, скорее даже, подтверждал свою некомпетентность.

²¹³ Не исключено, впрочем, что и Ленин вовсе не горел желанием связывать своё имя с «похабным» миром и, не отдавая директивных распоряжений, тем самым вынуждал Троцкого взять ответственность на себя.

тентность. Его эрудиция, прозорливость и удачливость ставились под сомнение, а теоретические разработки могли теперь быть восприняты, как несостоятельные. Передать врагу в какой-то степени и от своего имени немалую часть веками собираемых российских территорий Троцкому по понятным причинам улыбалось меньше всего.

Напротив, отказавшись подписать договор, Троцкий сохранял лицо и репутацию, подтверждал реальность ранее занятой позиции, но угроза вторжения, воспринимаемая многими только лишь как гипотетическая, сразу же приобретала вполне реальные очертания. Развал крестьянской армии, которая пошла за большевиками, во всяком случае, не пошла против, только лишь потому, что ей был обещан мир, и сам по себе не сулил правящим партиям ничего хорошего. Отказ от этого обещания и возобновление военных действий неизбежно вели к катастрофе.

Взвесив всё и посчитав, что если уж военные действия возобновятся, то протяжённость фронта принципиального значения иметь не будет, Троцкий выбрал второе. Когда ему напомнили о том, что ответ должен быть дан немедленно, глава советской делегации заявил следующее: «Именем СНК Правительство РСФСР настоящим доводит до сведения правительств народов воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, с своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращённым. Российским войскам одновременно отдаётся приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Этой декларацией предполагалось убить сразу двух зайцев. Не связывать себя какими бы то ни было обязательствами и, в то же время, предотвратить, насколько возможно, германское вторжение. Троцкий, как много позже и злейший его враг, воспользовался весьма сомнительным приёмом. Посчитав, что на возобновление военных действий с Россией в условиях приближающейся развязки на Западе немцы ни в коем случае не пойдут, он поспешил уверить германское командование, что

за свой тыл они могут более не опасаться. Отдавая распоряжение о демобилизации армии, Троцкий, по существу, доводил до сведения противника следующее: «В силу ряда причин мирный договор, отторгающий от России часть её территории, мы подписывать не станем. Вместе с тем, мы понимаем вашу обеспокоенность и даём гарантии того, что удара в спину не последует, не на словах, а на деле. Мы распускаем армию, и теперь, нанести такой удар просто не в состоянии. В возобновлении военных действий ни мы, ни вы не заинтересованы. Пусть всё остаётся, как есть».

Оценка деятельности Троцкого на переговорах в Бресте, в зависимости от личного отношения к нему исследователей, варьировалась и варьируется в самом широком спектре. От обвинения в полной некомпетентности и утверждения, что именно Троцкий допустил роковые ошибки, закончившиеся катастрофой. До прямо противоположного утверждения, будто бы Троцкий был демонической личностью, едва ли не в одиночку определял политику Советского государства, держал все нити в своих руках и ради одного лишь честолюбия, ради того, чтобы хотя бы месяц «побыть примадонной» перед самой широкой аудиторией, на которую он мог рассчитывать, успевал интриговать везде и всюду.

Как известно, истина в большинстве случаев располагается между двумя крайностями, ближе к середине. И если беспристрастно и объективно следовать признанным фактам, если прислушаться к комментариям очевидцев и непосредственных участников событий, вырисовывается следующее.

При всём том, что Троцкий, прирождённый оратор и во многом митинговый революционер, был не чужд позе, это был человек дела. Отсутствие какого-либо опыта на дипломатическом поприще с лихвой компенсировалось у него умением мгновенно ориентироваться в обстановке и принимать решения. Немаловажное значение играло и искусство полемиста. Но главное, Троцкий не боялся брать на себя инициативу и принимать решения. При этом обладал твёрдым ха-

рактером и принятые однажды решения отстаивал до конца.

Вне всякого сомнения, Троцкий вёл и свою игру и действовал таким образом, чтобы упрочить своё положение и авторитет в партии. Болезненное самолюбие зачастую подводило его, а уверенность в себе слишком уж часто переходила в самоуверенность²¹⁴, что, в конечном счёте, его и погубило...

И всё же Троцкий, думается, был не худшим руководителем делегации²¹⁵. Уже одно то, что он был принят блестящими европейскими дипломатами, как равный, заслужил их несомненное уважение, говорит о многом. За всё время переговоров ни один из них не высказал ни малейшего сомнения в компетенции Троцкого. Напротив, все подчёркивали целеустремлённость, эрудицию и острый ум этого неординарного человека. Троцкий являлся врагом, не считаться с которым было невозможно. Непререкаемым авторитетом пользовался он среди представителей советской делегации²¹⁶.

Троцкий, конечно же, в немалой степени повлиял на занятую Совнаркомом, едва ли не изначально проигрышную и далёкую от реалий позицию. Но решение было коллегиальным, и

²¹⁴ Я не раз замечал, – пишет Ж. Садуль, – что люди, подобные Троцкому, обладают страшной силой самовнушения...»

²¹⁵ Да других и не было. Использовать дипломатов старой школы при установке, с одной стороны, добиваться мира с немцами, но с другой, тут же, за их спиной, провоцировать революционные выступления в Вене и Берлине, было невозможно. Подготовленных людей в Советском правительстве почти не было. Но даже и они, в большинстве своём, не осознали, что более не являлись теоретиками партии, а взвалили на свои плечи ответственность за судьбу огромного, переживающего военную и экономическую катастрофу государства. Попади в Брест кто-либо из «левых коммунистов», переговоры могли бы прерваться, едва начавшись. Весьма вероятно, что очень скоро вслед за ними прервалось бы и пребывание большевиков у власти...

²¹⁶ Заслуживает внимания эпизод, которому Чернин в своём дневнике посвятил следующую запись: «...Генерал Гофман предоставил русским автомобиль, они пользовались им для прогулок; на этот раз автомобиль не был своевременно подан. Радек устроил шофёру грубую сцену, последний пожаловался и Гофман взял шофёра под своё покровительство. Троцкий, по видимому, признал точку зрения Гофмана правильной и вообще запретил всей делегации катание. Они получили своё, получили по заслугам.

Никто не пикнул. Они вообще все трепещут перед Троцким, и на заседаниях в присутствии Троцкого никто не смеет рта раскрыть».

Троцкий добросовестно ему следовал. Не следует также забывать, что сама линия Совнаркома по отношению к переговорам вплоть до того момента, пока события не приняли угрожающий характер, была, если и не совершенно неопределённой, то весьма расплывчатой.

Троцкий, беспокоясь, прежде всего о том, чтобы не потерять лицо, как мог, отстаивал интересы Советского правительства, с которым связал свою жизнь, и из всех вариантов действий старался выбрать оптимальный. Он с воодушевлением и определёнными ожиданиями воспринимал известия о продвижении советских отрядов к Киеву, но не Троцкий отдал приказ Муравьёву наступать на Полтаву. Не Троцкий, во всяком случае, не он один, превратил «недоразумения» с Радой в открытое вооружённое столкновение, которое, несмотря на все начальные успехи, в конечном итоге и предопределило провал переговоров.

Позиция Троцкого: не подписывать ни в коем случае аннексионистский мир, также не представляется чистой авантюрой. Не стоит забывать, что Вена к концу переговоров находилась на грани голода. И если немцам удалось совладать с начавшимися было антивоенными выступлениями, то, продлись переговоры ещё две-три недели, весьма вероятно, с подобным же кризисом могли не справиться австрийцы. Нетрудно предположить, что случись катастрофа, Австро-Венгрия либо принудила Германию пойти на уступки, либо даже вынуждена была пойти на заключение сепаратного мира. И в том, и в другом случае, немцы, конечно же, не ушли из Прибалтики и Польши, но, почти наверняка согласились признать суверенитет России над этими территориями и приняли бы на себя обязательство рано или поздно их очистить.

Троцкий, изначально имевший не лучшую раздачу, вынужден был блефовать. Но делал это столь мастерски, что временами казалось, он сумеет выпутаться. Однако когда в итоге пришлось выкладывать карты на стол, козырей на руках у него уже не оставалось. Признать же свой личный провал, а также и свя-

зать своё имя с подписанием договора, отторгающим от России немалые территории, Троцкий не пожелал. Он встал из-за стола и обнул все результаты.

Видимо, Троцкий и сам понимал, что ситуация изменилась, и не в лучшую сторону. Верный себе, он, как мог, пытался сохранить лицо, подчеркнуть, что диктовать условия он и теперь никому не позволит и в очередной раз напомнить немцам, что Четверному союзу мир нужен никак не меньше, чем Советской России. В его представлении лучшим выходом был немедленный отъезд советской делегации. Во всяком случае, у современников создалось впечатление, что глава советской делегации после своего заявления делал всё возможное, чтобы свернуть контакты и поскорее покинуть Брест-Литовск.

Кюльман, которого, как и многих других, декларация Троцкого повергла в шок, в ответном слове заметил, что военные действия приостановлены на основании договора о перемирии, и прекращение переговоров автоматически влечёт за собой отмену этого договора со всеми вытекающими последствиями, вне зависимости от того, что «одна из сторон демобилизует армию». Более того, им было предложено на следующий день обсудить создавшуюся ситуацию на пленарном заседании.

На это Троцкий ответил отказом. Больше занятый подготовкой к отъезду, он заявил, что возможность дальнейших контактов всё же не исключает и предложил осуществлять их по радио, либо через находившуюся в Петрограде делегацию Четверного союза по делам военнопленных. Думается, на то, что немцы вынуждены будут пойти на уступки и станут инициаторами возобновления переговоров, Троцкий всё же надеялся. И вовсе не случайно в Бресте в каче-

А.А. Самойло

стве председателя комиссии по перемирию был оставлен им А.А. Самойло²¹⁷.

В ночь с 28 на 29 января советская делегация покинула Брест-Литовск. Вслед за ней и остальные делегации разъехались вскоре по своим странам²¹⁸. Мирная конференция свою

²¹⁷ 1(14) февраля после обеда в офицерском собрании к Самойло в сопровождении начальника оперативного отделения подошёл Гофман и заявил следующее: «Троцкий объявил: ни война, ни мир. Поэтому отпадает необходимость и в перемирии, и в вашем присутствии в Бресте. Завтра в десять часов я предоставляю в ваше распоряжение экстренный поезд, который и доставит вас к нейтральной полосе между фронтами». Любопытно, что на следующий день для двух пассажиров (Самойло и «юзиста») педантичные немцы подали поезд из четырёх вагонов. Более того, Гофман позаботился о том, чтобы ранее сделанный генералом заказ на пошивку брюк, был выполнен портным за ночь. Высаженные у нейтральной полосы, Самойло с телеграфистом не без труда протаскивали до русских окопов громоздкий аппарат Юза. Отсюда генерал был доставлен к ближайшей станции.

«В Минск я приехал утром 17 февраля (н. ст.), – вспоминал Самойло, – и прямо направился к главнокомандующему Мясникову. Он, подробно выслушав мой доклад, в котором я не преминул заявить о готовящемся немецком наступлении, резко и категорически отвергнул эту мысль (очевидно, смешав два понятия: нежелательность и невозможность!)...

Вечером я вышел погулять в город и первое, что привлекло моё внимание, было большое объявление Мясникова примерно такого содержания: «...Расходятся неблагоприятные слухи о возможном наступлении немцев. Предупреждаю, что впредь буду привлекать к строжайшей ответственности, вплоть до предания военному суду, лиц, распространяющих эти слухи».

Прочитав это объявление, я до самого утра был в недоумении, отнести ли эту угрозу к Гофману или лично к себе.

Утром, приняв меня в своём кабинете, Мясников с усмешкой задал мне вопрос, продолжаю ли я держаться своего мнения о возможности наступления немцев. Не успел я ответить, что это не моё мнение, а явные намерения немцев, как раздался звонок телефона. Мясников взял трубку и, выслушав какое-то сообщение, сказал: «Вы правы: немцы перешли в наступление. Срочно поезжайте в Москву».

В Москву я выехал в тот же вечер...»

²¹⁸ Лишь украинцы задержались в Бресте. Им необходимо было разрешить вопрос об оказании УНР военной помощи. Между тем, положение Рады оставалось катастрофическим. Генеральный секретариат не смог надолго задержаться в Житомире. И дело было не только и не столько в приближавшихся с юга и востока советских отрядов. Городская дума вынесла постановление, в котором Украинскому правительству предлагалось уехать *куда-нибудь* из Житомира, дабы не подвергать город и население артиллерийскому обстрелу. Оставшиеся министры и депутаты вынуждены были перебраться сначала

работу завершила. Но события, как вскоре выяснилось, только лишь набирали ход.

Развитая интуиция и, как представлялось Троцкому, здравый смысл на этот раз его подвели. Троцкий не был профессиональным дипломатом. Справедливо рассудив, что страны Четверного союза в возобновлении военных действий с Россией заинтересованы меньше всего, он не учёл другого. При всём том, немцы не могли допустить, чтобы в момент, когда на Западе будет решаться исход войны, их успехи и продвижение на Восточном фронте останутся юридически непризнанными и незафиксированными, и сам фронт, пусть и формально, продолжит

в Коростень, а затем, – в Сарны, где 30–31 января они официально признали необходимость получения военной помощи.

В этих условиях выехавшие в Вену Севрюк и Левицкий пошли на ряд уступок. В то же время, остававшийся в Бресте Любинский подписал по его словам подготовленное Гофманом «обращение украинцев к немецкому народу за помощью против большевиков», которое, по сути, предоставляло германской военной администрации на Украине неограниченные полномочия.

Правительство Центральной Рады, оторванное от крупных населённых пунктов и средств связи, долгое время относительно происходящего оставалось в полном неведении. Весьма значимые внешнеполитические вопросы продолжала на свой страх и риск решать украинская делегация в Брест-Литовске. Лишь 14(27) февраля народные депутаты, местом нахождения которых продолжал оставаться эшелон, курсировавший от станции к станции на Волыни, получили от Севрюка телеграмму, в которой, помимо подтверждения разворачивающегося германского наступления, им предлагалось выработать условия мирного договора с Советской Россией. Люди, которые считали себя политическими трупами и лишь недавно озбоченные тем, как бы избежать захвата правительственного эшелона, из одной крайности тут же кинулись в другую. Территория УНР, определённая III и IV Универсалами, их уже не устраивала. Теперь предлагалось помимо прочего включить в состав будущей Украины «часть Кубани, часть Ростовского округа, Таганрогский округ, Черноморскую и Ставропольскую губернии, Путивльский уезд Курской губернии, четыре уезда Воронежской губернии, украинскую колонию в Сибири – Зелёный клин на Амуре». В соответствии с их непомерно возросшими вдруг амбициями и аппетитами Крым должен был оставаться под украинским влиянием, а весь находящийся на Чёрном море военный и торговый флот объявлялся принадлежавшим только Украине.

Следует признать, что вызванная продвижением германских дивизий эйфория, вряд ли способствовала проявлению ими здравого смысла и политической дальновидности.

своё существование, нависая и впредь над ослабленным тылом германской армии²¹⁹.

31 января в Гомбурге состоялось совещание, на котором присутствовали император Вильгельм II, имперский канцлер Гертлинг, вице-канцлер, Кюльман и представители германского командования. Людендорф высказал позицию военных, которая заключалась в том, чтобы перемирие прервать²²⁰. Кюльман возражал, но его точка зрения во внимание принята

²¹⁹ Людендорф приводит и ещё одно достаточно веское соображение. «...когда война приближалась к решительному моменту, – пишет он, – то ни время, ни место, ни партнёры в Бресте не являлись подходящими... Что могли подумать государственные люди Антанты об испытываемой нами необходимости заключить мир, если мы выносили подобное обхождение с нами Троцкого и не признанного ни одной страной большевистского правительства! Это могло лишь чрезвычайно усилить решимость правительств и народов Антанты. Как должен был мир быть необходим Германии, если она буквально шла в хвосте за большевиками и терпела их пропаганду, которая была явно направлена против германской армии!»

²²⁰ «При том распространении, которое имел большевизм, – вспоминал позже Людендорф, – заключённый нами с Украиной мир являлся весьма шатким. Ввиду этого, представители четверного союза при подписании его исходили из соображения, что если мы не хотим, чтобы мир с Украиной превратился в мировой фарс и надувательство, и желаем получить оттуда хлеб, то мы должны оказать ей военную помощь.

Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имело в виду на ближайшее время.

На Украине надо было подавлять большевизм, и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось...

Я высказал мысль, что с большевистскими вождями вообще не удастся заключить честный мир, и что уже, во всяком случае, они, как работали, так и будут продолжать работать над подготовкой революции в Германии. Эту опасность недооценить мы не могли. Мы могли бороться с большевизмом лишь путём устройства сплошного заграждения впереди границы. Конечно, растяжка заградительной линии до Ботнического залива представляется невыгодной. Но линия Двинск – Рижский залив требовала не многим меньше войск, чем линия Двинск – Чудское озеро – Финский залив, благодаря большим озерам. Всякая промежуточная линия вызвала бы ещё больший расход войск. Вопрос заключался не в развитии беспредельной военной операции, а в проведении территориально-ограниченных мероприятий»

не была. В результате было решено возобновить военные действия, занять оставшуюся часть Прибалтики, вплоть до Нарвы, оказать военную помощь Финляндии и Раде, подавив при этом большевизм на всей территории Украины. Решено было считать, что декларация Троцкого и срыв переговоров автоматически влекут за собой также и прекращение перемирия²²¹.

3(16) февраля 1918 г. германское командование официально известило советскую сторону, что с 5(18) февраля Германия и Россия вновь будут находиться в состоянии войны, и в 12 часов дня германские войска возобновят военные действия против Русской армии²²².

8.3.6. Псковско-Нарвские бои

В 22.15 28 января перед отъездом из Брест-Литовска Троцкий направил в Петроград телеграмму следующего содержания: «Председателю Совнаркома Ленину. Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости Австро-Германских условий наша делегация заявила, что выходит из империалистической войны, демобилизует свою армию и отказывается подписать аннексионистский договор.

²²¹ В соответствии с ранее принятыми договорённостями стороны взяли на себя обязательства предупредить друг друга о возобновлении военных действий за 7 дней после разрыва. Таким образом, в Германии посчитали, что сам разрыв был зафиксирован не позднее 28 января, и, соответственно, с 5(18) февраля у военных были развязаны руки. Всё это представляется, по меньшей мере, спорным, но всё, разумеется, решало соотношение сил. Удивляет, что вопросу соблюдения дипломатических формальностей на совещании в Гомбурге вообще уделялось внимание. Немцы традиционно оставались педантичными.

²²² Любопытно, что в Петрограде не сразу этому поверили. 4(17) февраля Троцкий, вновь предвосхищая ровно ту же реакцию и те же действия Сталина, направил в Берлин, Вену и Брест-Литовск радиogramму следующего содержания: «Нами получено сообщение от господина Самойло, будто генерал Гофман заявил 16 февраля, что с 18 февраля в 12 часов дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, так как даже если допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом... должно быть сделано за семь дней, а не за два дня...»

Однако, в ответной телеграмме, направленной в Совнарком, Гофман своё уведомление подтвердил.

Согласно сделанному заявлению издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах. Нарком Троцкий».

Не ограничиваясь этим и не дожидаясь реакции Советского правительства, Троцкий обратился напрямую и к Крыленко: «Согласно сделанному делегацией заявлению издайте немедленно, этой ночью приказ о прекращении состояния войны... и о демобилизации на всех фронтах».

Крыленко, видевший в Старой армии, в большей степени угрозу Советской власти, нежели инструмент защиты страны от внешней угрозы, немедленно направил соответствующую радиотелеграмму в Ставку и в Верховную коллегия²²³. Начинаясь она словами: «Всем, всем, всем... Мир! Война кончена. Россия больше не воюет. Конец проклятой войне...» И сомнений в том, что война действительно окончилась, ни у кого из адресатов оставить не могла.

Однако Ленин сразу же уяснил, в какую ситуацию попало Советское правительство после демарша главы советской делегации. В сообщении Троцкого он выявил главное – мир не подписан. В этих условиях демобилизация армии могла, конечно, успокоить немцев. Но куда с большей долей вероятности могла и спровоцировать их на возобновление военных действий. В конце концов, удерживало их от решающего наступления на Востоке вовсе не стремление к скорейшему «справедливому миру», а существование всё ещё, как представлялось, многомиллионной Русской армии и перспектива затяжных боёв с неизбежным вынужденным отвлечением с решающего театра военных действий значительных сил.

В такие моменты всевозможные «если» и «нельзя исключать» Ленин удалял даже из лексикона. Не дожидаясь прибытия Троцкого, он сделал всё возможное, чтобы объявленную демобилизацию немедленно отменить. Его секретарь по прямому про-

²²³ Верховная коллегия при Верховном главнокомандующем. Так называли Центральную коллегия действующих армий и флота (ЦЕНТРОДАРФ), образованную при Ставке 16 декабря 1917 г. Члены коллегии С. В. Флоровский, Н. Логинов, Г. П. Ряпп были избраны непосредственно солдатским съездом.

воду передал в Верховную коллегия²²⁴ следующее: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и о всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у Вас способами по приказанию Ленина. Приказ исполнен ли?» Эта директива была вскоре передана в штаб Крыленко с припиской: «Наштаверху. 29 января 1918. Немедленно отменить распространение телеграммы о мире. Член В[ерховной] К[оллегии] С. Флоровский».

Тем не менее в тот же день 29 января в 17 часов распоряжение Главнокомандующего о демобилизации начало поступать в войска²²⁵. Там приказ был также встречен с пониманием. Во всяком случае, после проведённой уже частичной демобилизации ранних возрастов, удивления и тревоги он не вызвал. Лишь Антонов-Овсеенко, не дожидаясь разъяснений из Смольного, своей властью поспешил его отменить.

Эта продолжавшаяся несколько дней неразбериха вбила в крышку гроба Старой армии один из последних гвоздей²²⁶. С

²²⁴ По понятным соображениям Ленин не хотел, чтобы непопулярная директива, отменяющая демобилизацию, исходила непосредственно от Правительства. Верховная коллегия, как выборный солдатский орган, подходила для этой цели как нельзя лучше.

²²⁵ «Немецкие капиталисты, банкиры и помещики, поддерживаемые молчаливым содействием английской и французской буржуазии, – говорилось в приказе, – поставили нашим товарищам, членам мирной делегации в Бресте условия, под которыми не может дать свои подписи русская революция. Мы не можем подписать такого мира, который несёт с собою горе, затягивает страдания миллионов таких же рабочих и крестьян. Мы не можем, не хотим, и не будем также вести войну, затеянную царями и капиталистами. Мы не хотим, и не будем вести войну с такими же, как и мы, немецкими и австрийскими рабочими и крестьянами. Мы не подписываем мира помещиков и капиталистов. Пусть знают теперь немецкие и австрийские солдаты... что мы с ними воевать отказываемся. Предписываю немедленно принять меры к объявлению войскам, что война с этого момента считается прекращённой. Настоящим объявляется одновременно начало общей демобилизации на всём фронте... предписываю принять меры к вводу войск с передовой линии».

Как видно, Крыленко не оставался в неведении и то, что мир не подписан, понимал прекрасно. Как военный человек он не мог не осознавать, какую опасность влечёт за собой демобилизация, но считал, что само существование Старой армии представляет куда большую угрозу.

²²⁶ Впрочем, ещё в конце декабря 1917 г. СНК издал два декрета. Первый из них, наименованный «О выборном начале и об организации власти в армии», М.Д. Бонч-Бруевич охарактеризовал следующими словами: «Декрет этот привёл меня в ужас – он на мой *тогдашний* взгляд добивал те жалкие остатки бо-

этого момента солдаты массово, неудержимым потоком, устремились с фронта домой. И остановить их никто даже не пытался, да это было и невозможно. Наличие увольнительных документов или их отсутствие после приказа Крыленко не играло уже никакой роли. В окопах оставались лишь те, кто привык пусть и к скудному, но гарантированному довольствию. Нашлись, конечно же, и патриоты, но их была горсть. В любом случае, говорить о боевых возможностях окончательно разложившихся, деморализованных, совершенно неуправляемых остатках Старой армии всерьёз теперь уже не приходилось.

По прибытии в Петроград Троцкий имел беседу с Лениным и проинформировал его о срыве переговоров лично. Никакой критики не последовало. Не было даже открыто высказанного

способности, которые всё ещё благодаря изумительным свойствам русского солдата имелись у находившихся на фронте войск. По этому декрету вся власть в пределах каждой войсковой части принадлежала солдатским комитетам. Все командные должности вплоть до командира полка объявлялись выборными и замещались только в результате голосования. Ни один вышестоящий начальник не имел права отвода или смещения с должности подчинённого ему младшего начальника. Командиры бригад и дивизий и *командующие армиями* выбирались соответствующими съездами солдатских депутатов. Дисциплинарные права, отнятые у офицеров, переходили к товарищеским судам...»

Подписанный тогда же Лениным декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах и об упразднении воинских чинов и званий» упразднял все чины, от ефрейторского до генеральского, ликвидировал институт вестовых и отменял знаки отличия военнослужащих.

«Оба эти декрета, – вспоминал М. Д. Бонч-Бруевич, – ошеломили меня. Человеку, одолевшему хотя бы только азы старой военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу. Если полк или рота могут в любой момент переизбрать своих командиров, то кто же – думал я – станет выполнять их приказы, кого они смогут повести с собой на смерть или хотя бы заставить под обстрелом противника отрыть окоп в мёрзлом, не поддающемся лопате грунте? Множество столь же убедительных доводов приходило мне на ум, и я так и не мог понять, почему новое правительство вместо того, чтобы сохранить старую армию, с такой настойчивостью добывает её. Я не понимал, что всё это делалось только для того, чтобы вырвать армию из рук реакционного генералитета и офицерства и помешать ей... снова превратиться в орудие подавления революции».

«Таким образом, – писал далее генерал, – в декабре 1917 года совершенно точно установилось, что вся задача верховного командования заключается в ликвидации старой армии, а затем и самой Ставки...»

недовольства²²⁷. Более того, 1(14) февраля на заседании ВЦИК была принята следующая резолюция:

«Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, Центральный Исполнительный Комитет вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте...»

Центральный Исполнительный Комитет глубоко убеждён в том, что рабочие-социалисты всех стран вместе с трудящимся классом России признают полную правильность той политики, которую в течение всего времени переговоров вела в Бресте делегация российской социалистической революции...

Российская Советская Республика вышла из империалистической войны...

Старая русская армия, измученная 3 1/2 годами кровавой бойни, демобилизуется...»

Особых возражений Ленина, как и кого-либо ещё, во всяком случае высказанных публично, не последовало. Напрашивается вывод: Владимир Ильич *действительно* демаршем Троцкого был удовлетворён. Он вовсе не считал, что оговоренный момент, когда «надо сдавать», уже наступил. И, напротив, рассчитывал, что немцы, взяв паузу, рано или поздно, вновь, как это бывало и прежде, обратятся к Советскому правительству с просьбой возобновить переговоры. И тогда можно будет потребовать уступок и подписать договор, продемонстрировав способность СНК отстаивать национальные интересы, либо продолжить полити-

М. Д. Бонч-Бруевич

²²⁷ Но вместе с тем, определённая часть партийных и советских функционеров уже тогда вполне чётко представляли, чем это может закончиться. «Одни в восторге, другие в оцепенении, – вспоминал Ж. Садуль. – Кое-кто плачет, это разумные люди. Они, как и я, понимают, что этот жест слишком романтичен... что в Германии раздаётся громовой хохот, что завтра её полки с ещё большей готовностью возобновят наступление благодаря приятной перспективе лёгких и богатых завоеваний».

ку затягивания, ожидая, когда экономическая катастрофа взорвёт Австро-Венгрию изнутри.

Может создаться впечатление, что Советское правительство, увлечённое пропагандистской деятельностью и ожидающее революционного подъёма в Германии, мало интересовалось состоянием армии. Это далеко не так. Соответствующие запросы поступали в Ставку систематически. Другое дело, что ситуация на фронте оптимизма не вызывала. Ещё в ноябре следовавший в Брест А.А. Самойло отмечал критическое состояние боевых частей. «По пути, – писал генерал, – я мог воочию наблюдать крайнее разложение армии после понесённых потерь, людских и материальных. Видел я и наши отвратительно грязные окопы. Пока я ожидал немецкого офицера, несколько запоздавшего, солдаты накормили меня из своего котла обедом, который можно было есть только после продолжительного голодания».

К февралю ситуация полностью вышла из-под контроля²²⁸,

²²⁸ Солдаты 56-го Сибирского полка приняли на общем собрании резолюцию, которая говорит о многом: «Мы, солдаты 56 Сибир. стр. полка, 5 января с.г. на общем собрании ротных, командных и полкового комитетов, обсудив вопрос о положении нашего полка, решили поставить вас в известность: Искосол 12 армии и Главковерха, что 56 Сибир. стр. полк, ввиду малочисленности солдат и заболеваний от недоедания пищи, стоять больше не в силах, а чтобы не оставить фронт открытым, постановили от каждой роты выделить по 10 солдат, которыми и занять участок 56 Сибир. стр. полка; притом требуем во что бы то ни стало, чтобы смена была не позднее 20 января; если не будет до означенного числа смены, то фронт будет открыт, и ответственность пусть ляжет на тех солдат, которые забыли нас, измученных окопников, и не идут к нам на помощь, пусть будет всем солдатам 12 армии известно, что это последнее наше решение».

7 января командующий войсками Минского военного округа телеграфировал из Минска: «Проходящие эшелоны и солдаты местного гарнизона разгромили винный склад, с огромным трудом местному Совдепу удаётся удерживать от окончательного погрома и массовых избиений при защите склада и водворении порядка. Есть убитые и раненые с той и другой стороны, опасность огромная, город объявлен на военном положении. Шлите помощь...»

14 января Совет солдатских депутатов 3-го армейского корпуса направил телеграмму, в которой в частности сообщал: «Положение корпуса трагическое. Уже три дня как солдаты не получают хлеба. Надеяться на прибытие хлеба нельзя... Если даже допустить, что хлеб будет, получать его невозможно. Обслуживает его лишь узкоколейная железная дорога, которая давно уже не функционирует и неспособна работать, ввиду истощения конского состава

и для многих стало очевидным: катастрофа неизбежна. Вступивший при Крыленко в должность начальника штаба при Верховном главнокомандующем М.Д. Бонч-Бруевич²²⁹, производивший проверку состояния Старой армии, одно за другим направлял в Совнарком, созданному Совету военных комиссаров, Крыленко, начальнику Генерального штаба, а также и брату, В.Д. Бонч-Бруевичу²³⁰ подробные донесения, смысл которых состоял в одном: «Русская армия вполне утратила боеспособность²³¹».

Какие-либо меры по укреплению Старой армии Петроградом не предпринимались. Следует напомнить, – не только, и даже не столько потому, что организационные трудности ока-
ва... Помимо всего распространяется сыпной тиф... Солдаты массами уходят, удержать их нет сил, не знаю, насколько целесообразно держать солдат голодных, измученных перед лицом новой катастрофы...»

И подобные сообщения не являлись исключением. В январе они поступали Главковерху Крыленко десятками, если не сотнями.

²²⁹ Родной брат управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича.

²³⁰ Я отлично знал, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – что, получив очередное моё телеграфное донесение, он незамедлительно познакомит с ним Ленина».

²³¹ «...Многие участки фронта, – докладывал генерал, – совершенно оставлены частями и никем не охраняются. При таких условиях фронт следует считать только обозначенным. На поддержку резерва рассчитывать почти не приходится из-за причин нравственного порядка – части не желают выдвигаться вперёд.

Громадное большинство опытных боевых начальников или удалено при выборах или ушло при увольнении от службы солдат их возраста...

...Корпусные и дивизионные склады не охраняются. Имущество гибнет. За отсутствием телеграфистов во многих местах прекращается связь с дивизиями; скоро прекратится и конная связь. У громадного большинства солдат одно желание – уйти в тыл. Конный состав в полном расстройстве. Артиллерия к передвижению неспособна.

Укреплённые позиции разрушаются, занесены снегом, постройки разваливаются; дерево растаскивается на топливо, а проволока снимается для облегчения «братанья» и торговли. Довольствие людей и особенно лошадей в полном расстройстве, местами критическое. Отсюда – массовое дезертирство, недовольство, эксцессы...

...армии совершенно небоеспособны, и не в состоянии сдерживать противника не только на занимаемых позициях, но и при отнесении линии обороны в глубокий тыл...

Общее состояние войск таково, что ни на какое сопротивление в случае наступления противника рассчитывать нельзя».

зались лишь формировавшейся новой власти не по силам. Старая армия, тем более, её укрепление и восстановление боеспособности, представлялись большевикам не меньшей, а скорее, куда большей опасностью, чем угроза немецкого вторжения²³².

²³² Совершенно откровенно высказался по этому поводу М.Д. Бонч-Бруевич. «...то, что армия тает, как снег весной, – вспоминал генерал, – приводило меня в ужас, и я приходил в полное отчаяние, узнавая о каждом новом наглом поступке немецких парламентариев, считавших уже, что с русскими нет надобности церемониться».

Я всё ещё не оставлял мысли сделать что-то такое, что позволило бы русской армии не откатываться при первом лёгком нажиме германцев и спасло бы огромное войсковое имущество. Мне казалось, что в деморализованной и разбегающейся по домам армии есть немало солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов, готовых честно и мужественно отразить немцев в том случае, если переговоры о мире сорвутся и немецкие дивизии начнут своё продвижение в глубь России. Я полагал, что если таких солдат и офицеров извлечь из дивизий и собрать в кулак, то после полного переформирования получатся стойкие части.

Эту небольшую, но боеспособную армию можно было великолепно оснастить за счёт того вооружения, которое лежало втуне или грозило попасть в руки врага. Таким образом, я рассчитывал создать заслон или «завесу», способную умерить аппетиты германской военщины.

...Но начать формирование «завесы» своей властью я не мог, отлично понимая, что являюсь только военным специалистом, привлечённым новой властью для решения технических, а не политических задач. Я пробовал делиться своими планами с Крыленко, с которым к этому времени у меня начали устанавливаться довольно добрые и уважительные взаимоотношения. Николай Васильевич терпеливо и даже учтиво выслушивал меня, соглашался с отдельными положениями, солидаризировался со мной в оценке состояния армий противника, но вместо распоряжения о формировании частей «завесы» неизменно отдавал очередное приказание об ускорении демобилизации и освобождении от службы тех, из кого я рассчитывал формировать новые части...

– Николай Васильевич, вы сами офицер, и понимаете, в какое катастрофическое положение попадём мы, если переговоры сорвутся, – атаковал я Крыленко каждый раз, когда в Могилёв проникали новые сведения о неблагодарности в Брест-Литовске, – неужели мы должны сидеть, сложа руки?

– А что прикажете делать? – подымая на меня воспалённые от бессонных ночей глаза, спрашивал Крыленко. – Формировать особые части? Создавать особую армию? *А кто поручится, что не найдётся новый Корнилов, который поведёт её совсем не против немцев, а наоборот – стукнется с ними и обрушится на революционный Питер, на рабочих, на крестьян, ещё не снявших фронтовых шинелей?*

...то, что верховное командование большевиков отказалось от всякой попытки использовать остатки старой армии для обороны линии фронтов и отпора возможному натиску противника, казалось мне непростительной ошибкой...»

Вся деятельность М.Д. Бонч-Бруевича свелась в итоге к тому, чтобы «проводить в жизнь две главные цели: 1) всячески заботиться о безболезненном, хотя и самочинном, расхождении армии по домам; 2) спасти от гибели и захвата противником возможно большей материальной части, оттягивая её в тыловые районы».

Во второй половине января Крыленко особым приказом распорядился ликвидировать Ставку. Все ликвидационные мероприятия поручалось произвести М.Д. Бонч-Бруевичу силами аппарата штаба. Свернуть Ставку предлагалось не позднее 7(20) февраля 1918 г.

Как видно, в Смольном о катастрофическом положении дел на фронтах были осведомлены в достаточной степени. Но почти столь же полной и однозначной информацией располагал и противник. Набравшая силу меновая торговля и ставшие обыденными закупки германскими офицерами продовольствия в селениях, расположенных на десятки вёрст восточнее линии соприкосновения войск, способствовали ведению интенсивной и не встречавшей никакого противодействия разведывательной деятельности. И то, что русского фронта уже практически не существует, секретом ни для кого не являлось²³³.

Долго ещё М.Д. Бонч-Бруевич не мог понять, что власть может быть куда важнее национальных интересов, и что с генералом Корниловым, в отличие от генерала Гофмана, «ленинцам» договориться не удалось бы ни при каких обстоятельствах, да и разговаривать было не о чем. Напротив, Крыленко, делавший всё от него зависящее, чтобы поскорее демобилизовать армию, знал и чувствовал это лучше, чем кто-либо другой.

15 января 1918 г. СНК по докладу Наркомвоена принял декрет об образовании Красной Армии. Однако вплоть до возобновления немцами военных действий должной настойчивости при решении этой задачи проявлено не было.

²³³ Впрочем, скрыть масштабы разложения армии было уже невозможно. «Германский офицер, привезший русскую делегацию из Минска... – вспоминал О. Чернин, – рассказывал интересные детали об этом путешествии. Прежде всего, он утверждает, что окопы перед Двинском совершенно пусты и что кроме нескольких постов там вообще нельзя встретить русских. Далее, что на бесчисленных станциях делегатов ожидали депутаты, единогласно требовавшие мира. Троцкий отвечал всем в высшей степени искусно и дружелюбно, но это на него производило всё более подавляющее впечатление...»

Понятно, что эти и подобные им «наблюдения» предназначались не только и не столько для дипломатов в Бресте.

В этих условиях уведомление немцев о возобновлении ими 5(18) февраля военных действий, казалось бы, должно было отрезвить сторонников «левой оппозиции» в партии и СНК. Но это произошло далеко не сразу²³⁴. Немало времени потребовалось на то, чтобы удостовериться, что заявление не является фальсификацией, но действительно исходит от германского командования. Утром 5(18) февраля состоялось очередное заседание ЦК РСДРП(б). Выступил с докладом Троцкий, который предположил, что наступление немцев возможно. Вероятность этого Наркоминдел оценивал в 25%. Тут же Ленин предложил направить немцам телеграмму о готовности Советского правительства возобновить переговоры. 7 голосами против 6 ЦК вновь отклонил это предложение. Элементарное соображение, что Германия, как великая держава, просто не может разбрасываться столь значимыми заявлениями, и германские войска в любом случае наступать будут, большинством вновь в расчёт принято не было. Оставалось только ждать...

В 12 часов германская армия перешла в наступление на всех своих участках фронта²³⁵. О том, что немцы прекрасно разобрались в создавшейся на русском фронте обстановке, свидетельствовала даже выбранная ими тактика. «Наступление немцев... – сообщалось в отчёте штаба Западного фронта, – началось открытием ими... артиллерийского огня... а затем высылкой конных и пеших разведывательных партий, причём орудийная стрельба была кратковременной и имела характер не подготовки к бою, а лишь демонстрации или как бы обозначения, что противник намерен приступить к военным действиям». Помимо этого демонстрировались также и участки прорыва. И немцы рассчитали верно. Если в полосе наступле-

²³⁴ Ещё до уведомления немцев состоялось заседание ЦК большевистской партии, на котором предложение Ленина вступить в новые переговоры с Германией и подписать мир было отклонено большинством голосов.

²³⁵ Австрийцы в этот и несколько последующих дней не наступали, выжидая, чем обернётся продвижение германских войск в глубь России. Если бы Старая армия пусть даже не остановила немцев, а хотя бы оказала упорное сопротивление, весьма вероятно, Австро-Венгрия потребовала от Германии прекратить боевые действия и вернуться к переговорам.

ния ещё и оставались части и подразделения Русской армии, в большинстве случаев, они с разрывом первых же снарядов спешили податься в сторону и очистить перед наступающими немцами фронт.

Нельзя сказать, что противник не встретил вообще никакого сопротивления. Не успевшие отойти подразделения, случалось, открывали ответный огонь. Наверняка нашлись и патриоты, посчитавшие своим долгом погибнуть, но преградить врагу дорогу. Но всё это были в самом лучшем случае взводы и роты. Действия их были спонтанными и неорганизованными и общую картину изменить не могли. Полки же и дивизии, основная масса войск тут же снялись с фронта и устремились в тыл²³⁶.

«Мне ещё не приходилось видеть такой нелепой войны, – вспоминал Гофман. – Мы вели её практически на поездах и автомобилях. Сажаясь на поезд горстку пехоты с пулемётами и одной пушкой и едешь до следующей станции. Берёшь вокзал, арестовываешь большевиков, сажаешь на поезд ещё солдат и едешь дальше...» И как бы ни были оскорбительны слова генерала, следует признать, что при всём притом, суть происходящего они отражали. Масштабы катастрофы превзошли самые мрачные ожидания²³⁷. За несколько часов немцы продвинулись

²³⁶ «Сопротивление... – пишет А. Анишев, – было оказано только некоторыми Сибирскими частями 12 армии, причём большая часть армии, потерявшей всякие связи со штабами, своим паническим бегством уничтожала всякую возможность какого бы то ни было сопротивления.

В такой обстановке существование отдельных сопротивляющихся частей и отрядов не могло дать ничего...»

²³⁷ Согласно германским данным с 5(18) февраля по 2(15) апреля им удалось захватить штабы четырёх армий, пяти корпусов, 17 дивизий и десятков полков. В плену оказались свыше 82 тыс. солдат и офицеров. Также было захвачено до 800 тыс. винтовок, около 10 тыс. пулемётов, 4381 орудие, 1203 бомбомёта, 152 аэроплана, 1278 автомобилей, 100 млн патронов, около 3 млн снарядов, 2100 паровозов, около 30 тыс. вагонов, 63 тыс. повозок и телег, 1705 походных кухонь, 13 тыс. лошадей.

Потери эти действительно были невосполнимы, так как запасы утраченного в несколько недель вооружения создавались годами. Следует отметить, что вскоре немалую его часть немцы передали Краснову, а через него – и добровольцам. Понятно, что скупиться им не приходилось.

на десятки километров. В последующие дни они заняли территорию, вполне сопоставимую с той, которую им удалось захватить за три предыдущих года войны. К вечеру 5(18) февраля передовой отряд численностью менее чем в 100 штыков, не встретив сопротивления гарнизона, занял Двинск, где находился штаб 5-й армии Северного фронта²³⁸.

Очередное заседание ЦК было намечено на утро 6(19) февраля. Однако известия о продвижении немцев вынудили большевиков экстренно собраться уже вечером. На этот раз, впервые с начала Брест-Литовской эпопеи, Ленину удалось получить большинство голосов в поддержку немедленного заключения мира²³⁹. Поздно ночью СНК направил в Брест-Литовск соответ-

²³⁸ Это было тем более удивительно, что в городе о возобновлении военных действий знали заранее и, казалось бы, успели принять меры. Утром 5(18) февраля Совет армейских комиссаров 5-й Армии издал приказ, которым в частности предписывалось следующее: «По полученным из штаба фронта и от немцев сообщениям, 18 февраля в 12 часов противник открывает против нас боевые действия... Частям, занимающим передовые линии и находящимся на левом берегу Двины, отойти за реку. Город Двинск будет оставлен, мост, склады снарядов, часть ледяной поверхности будут взорваны минноподрывной ротой. В дальнейшем приказываю всем частям Красной Армии, частям 37, 19 и 27-го корпусов отступать вдоль Псковского шоссе, задерживаясь на выгодных для обороны рубежах у Вышки, Рушоны, ведя малую партизанскую войну».

В действительности всё получилось совершенно иначе. «Воспользовавшись начавшимся отходом частей с передовой линии на левом берегу р. Двина, – вспоминал А.И. Черепанов – после полудня 18 февраля немецкие передовые отряды 5-й пехотной дивизии численностью по 50–60 человек с бронемобилями впереди быстро проскочили мосты через Двину и обезоружили караулы. Минёры при появлении немцев растерялись и, несмотря на то, что все мосты были заминированы, не взорвали их. Отряды противника (до батальона каждый) устремились на восток с целью перерезать Северо-Западную и Риго-Орловскую железные дороги; части, охранявшие вокзалы, сопротивления не оказали. Мелкими отрядами враг сразу же захватил весь город и железнодорожный узел, на котором осталось значительное количество паровозов и вагонов».

Поздно вечером М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал в Наркомвоен: «По сообщению дежурного по телеграфу ст. Двинск сегодня около 16 часов ст. Двинск занята без боя германскими войсками. Штаб 5-й армии захвачен, гарнизон разбежался...»

²³⁹ В итоге 7 голосами против 6 (за голосовали – Ленин, Сталин, Свердлов, Смилга, Сокольников, Зиновьев, Троцкий; против – Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский, Дзержинский) было принято предложение Ленина

стующую телеграмму²⁴⁰. Гофман получение телеграммы подтвердил, однако, отправив копию в Берлин, потребовал официального письменного уведомления. Из Петрограда был направлен специальный курьер, который сумел передать немцам соответствующие документы.

Всё это потребовало определённого времени, а наступление германских войск, между тем, продолжалось. В полном соответствии с принятым ранее планом в полосе Северного фронта они спешили занять весь западный берег Чудского озера и продвигались на Псков, Юрьев и Нарву. Не встретив серьёзного сопротивления, развернули наступление и на других фронтах.

6(19) февраля М.Д. Бонч-Бруевич проинформировал Крыленко о необходимости перемещения ещё не расформированных управлений Ставки в глубь страны. Последнее, что сделал генерал в должности начальника штаба главкома, было его предупреждение фронтам о наступлении противника. В тот же день он доложил в Петроград о том, что Ставка верховного главнокомандующего расформирована. Губернаторский дом, в котором располагался штаб, М.Д. Бонч-Бруевич передал Могилёвскому Совету, а сам, продав случайному перекупщику трёх своих лошадей, переехал в гостиницу «Франция». В дальнейшем он собирался пробираться в Чернигов, откуда уходил в своё время с полком на фронт Великой войны.

«немедленно обратиться к Германскому правительству с предложением немедленного заключения мира».

²⁴⁰ «Ввиду создавшегося положения, – говорилось в ней, – Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного союза. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные германским правительством точные условия будет дан немедленно».

А.И. Черепанов

Однако всё вышло иначе. Около 18 часов генералу была доставлена подписанная Лениным телеграмма: «Предлагаю вам немедленно с наличным составом Ставки прибыть в Петроград». Из-за брата ли, а скорее, в силу того, что немцы наступали, и необходимо было кому-то их отражать, но Михаил Дмитриевич в тот день свой выбор сделал и, возможно сам того не ведая, окончательно и бесповоротно связал свою жизнь и судьбу с большевиками.

В Могилёве генерал продолжал пользоваться уважением и большим влиянием. Сразу по получении телеграммы он собрал штабных работников, генералов и офицеров, проинформировал их о происходящем и предложил проследовать вместе с ним в Петроград. Большинство согласилось²⁴¹. Начальнику военных сообщений Ставки генералу Раттэлю удалось сформировать состав. Любопытно, что комендантом поезда М.Д. Бонч-Бруевич назначил Приходько, который в своё время безуспешно пытался предотвратить самосуд над Духониным. Охрану, помимо штабных офицеров, осуществляли три матроса, привезённых в Могилёв ещё Крыленко.

Лишь к вечеру 9(22) февраля состав прибыл в Петроград и остановился у Царскосельского вокзала. Из кабинета комиссара вокзала М.Д. Бонч-Бруевич переговорил по телефону с братом, после чего вместе с сопровождающими его генералами Лукирским, Гришинским, Раттэлем, Сулейманом на высланном автомобиле проехал в Смольный институт. Пропуска для генералов были уже подготовлены, и один из матросов провёл их в комнату № 75. Беседа с Лениным много времени не заняла²⁴².

Коротко поздоровавшись, Владимир Ильич сразу подошёл к карте и сообщил, что немцы продвигаются к Нарве, а их конные разъезды были замечены уже и под Гатчиной.

– Вам с вашими товарищами, – обратился он к М.Д. Бонч-

²⁴¹ Все те, кто не желал служить большевикам, покинули Могилёв ещё в ноябре после гибели Духонина. В этой связи следует упомянуть генерал-квартирмейстера Ставки М.К. Дитерихса, который перебрался в Украину, а в марте 1918 г. стал начальником штаба Чехословацкого корпуса.

²⁴² Присутствовали также Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин и Н.И. Подвойский.

Бруевичу, – надо немедленно заняться соображениями о мерах обороны Петрограда²⁴³. Войск у нас нет²⁴⁴. Никаких...

Произошёл обмен мнениями. И Ленин, и М.Д. Бонч-Бруевич сошлись в одном. Немцы наступать большими силами не в состоянии. Они продвигаются небольшими отрядами в расчёте на отсутствие какого-либо сопротивления. В соответствии с этим была определена и тактика противодействия, которая тут же начала воплощаться в жизнь²⁴⁵.

²⁴³ В очередной раз следует подчеркнуть, что гений Ленина проявлялся в, казалось бы, элементарно простых вещах. В критических ситуациях он умел отбрасывать любые наносные догмы и действовать по ситуации. Понимание того, что серьёзными делами должны заниматься профессионалы, и что даже и с бывшими царскими генералами компромиссы на определённых условиях возможны, впоследствии позволило привлечь «спецов» и выстроить регулярную Красную армию с подготовленным командным составом. Без этого Советская власть, вне всякого сомнения, была бы сметена в летние месяцы.

²⁴⁴ 9(22) февраля был опубликован подписанный Лениным декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности», нацеливающий все комитеты на организацию отпора продвигавшимся германским войскам. Однако, несмотря на предпринятые усилия, организовать надёжную оборону Петрограда большевикам не удалось. 11(24) февраля большинство частей гарнизона приняли на митингах резолюцию «стоять насмерть». Однако, кроме латышских стрелков, никто на фронт не проследовал. Петроградский и Измайловский полки вышли из казарм, но грузиться в эшелоны не стали. Известны случаи, когда полковые комитеты потребовали «взамен» усиленного довольствия.

В Красную армию и Красную гвардию за эти дни записалось до 10300 рабочих. Однако какая часть из них готова была не просто получить винтовку, но и воевать с немцами, определить было невозможно. Столь же сомнительны были и боевые возможности этой огромной, но совершенно неорганизованной и в большинстве неподготовленной массы людей.

²⁴⁵ «...Ленин... извинившись, что занят, ушёл, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич. – Присутствовавший при разговоре брат мой Владимир Дмитриевич провёл меня и остальных генералов в комнату «семьдесят шесть»...

Отлично понимая, как важно выгадать время, я тут же включился в работу, попросив брата связать меня с теми, от кого мы могли бы получить точные сведения о том, что происходит под Гатчиной и Нарвой. Несмотря на неизбежную противоречивость в рассказах «очевидцев» и сообщениях представителей отступивших воинских частей и местных Советов, очень скоро я и мои товарищи смогли представить себе характер немецкого наступления и примерные силы, которыми оно располагает в интересующих нас районах. Ещё немного, и мы уже составили черновые наброски некоторых, ещё весьма общих, соображений по обороне Петрограда.

Тем временем в одной из соседних комнат началось чрезвычайное заседание расширенного президиума Центрального Исполнительного Комитета.

Суть её сводилась к следующему. Прежде всего, создавались и немедленно выдвигались к Нарве и южнее её «разведывательные группы» – отряды в 20–25 человек. Каждая такая группа занимала заранее отведённый ей участок. В задачу её входило поддерживать связь с другими группами, но главное, сообщать в Смольный нарочными и по телеграфу о действительном состоянии дел и продвижении немцев. Им в поддержку предполагалось направить также «поддерживающие отряды» в 50–100 человек, которые должны были действовать по обстановке, вплоть до того, чтобы пресекать дальнейшее продвижение противника вооружённой силой.

В течение ночи на 10(23) февраля и всего последующего дня удалось создать и отправить в район Нарва – Себеж все намеченные «разведывательные группы»²⁴⁶. По мере формирования в этот и последующий дни вслед им отправлялись и «поддерживающие отряды».

К этому времени немцам удалось в основном выполнить поставленные в Гомбурге задачи. 6(19) февраля части Северного корпуса 8-й Германской армии²⁴⁷ с острова Моон (Муху) по замерзшему льду стали продвигаться к Вердеру²⁴⁸, который и

Председательствовал Свердлов. Меня и остальных генералов попросили принять участие в этом заседании, и Яков Михайлович, очистив для меня место рядом с собой, предложил мне рассказать собравшимся о тех основных мерах, которые мы, военные специалисты, рекомендуем принять.

Кроме большевистских лидеров, на заседании присутствовали и левые эсеры, и я получил сомнительное удовольствие впервые в жизни увидеть пресловутую Марию Спиридонову...»

²⁴⁶ И в определённом смысле этот день 23 февраля (н.ст.) вполне заслуживает того, чтобы считаться днём создания РККА. Другое дело, что под эту дату позже многие с удивительной лёгкостью подгоняли заданные конъюнктурой «события» весьма сомнительной достоверности. Вот что, в частности, писал В.В. Бриттов: «Сильные духом и революционной решимостью отряды Красной Армии ценой невероятного напряжения сил и огромных жертв приостановили натиск австро-германских армий.

23 февраля 1918 г. отборные германские дивизии были разгромлены советскими революционными отрядами под Псковом и Нарвой...» Подобные высказывания у непредвзятого исследователя могут вызвать лишь растерянность и недоумение.

²⁴⁷ Корпус состоял из гарнизонов занятого в 1917 г. Моонзундского архипелага.

²⁴⁸ Ныне портовый посёлок Виртсу в Эстонии.

заняли утром следующего дня. С занятого плацдарма развернулось вскоре наступление на Ревель²⁴⁹. Вначале планировалось часть сил выдвинуть к югу на Пернов²⁵⁰, чтобы прикрыть открытый фланг основной колонны. Но вскоре немцам удалось установить контакт с выступившим против Советской власти 1-м эстонским полком²⁵¹, расквартированным в Гапсале²⁵². 8(21) февраля германский отряд с острова Даго²⁵³ перешёл по льду пролив и занял Гапсаль. Отсюда начинались железнодорожные пути и шоссейное полотно, выходявшие непосредственно к Ревелю. Это позволило немцам действовать решительнее и, не дробя сил, форсировать продвижение к городу вдоль железных дорог, как от Гапсаля, так и от Вердера через Леаль²⁵⁴. Окружённый и оставшийся без связи Ревель незначительные красноармейские отряды обороняли вплоть до 12(25) февраля, после чего вместе с советскими учреждениями были переправлены морем в Хельсингфорс²⁵⁵. Эвакуация проходила в высшей степени организованно. Военное имущество, которое не удалось взять с собой, в большинстве было уничтожено. Артиллерийские батареи по мере приближения немецкой пехоты – взорваны²⁵⁶.

8(21) февраля был занят Минск, и от Двинска колонна гер-

²⁴⁹ С 1919 г. г. Таллин.

²⁵⁰ Ныне курортный город Пярну в Эстонии.

²⁵¹ «...1-й Эстонский полк численностью около 600 человек, – пишет А.И. Черепанов, – находившийся в руках офицерства и буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров, ночью, накануне высадки немецких войск, произвёл в городе контрреволюционный переворот, арестовал представителей Советской власти и, разоружив русскую десантную роту, отошедшую с острова Вормси, и команду 37-й батареи, перешел на сторону немцев».

²⁵² Ныне г. Хаапсалу на Северо-западе Эстонии.

²⁵³ Ныне остров Хиума.

²⁵⁴ Ныне г. Лихула в Эстонии.

²⁵⁵ Ныне г. Хельсинки.

²⁵⁶ «К утру 25 февраля, – пишет А.И. Черепанов, – почти все суда вытянулись на рейд под прикрытием «Адмирала Макарова». На виду у противника русский флот покидал порт.

Некоторые подразделения красногвардейцев и 1-го Таллинского эстонского красноармейского полка отошли на Раквере.

В 14 часов город и порт были заняты немецкими войсками. Попытка немецкой авиации подвергнуть бомбардировке русские корабли была энергично отбита огнем корабельной артиллерии».

манских войск двинулась к Острову. Другие отряды наступали от Риги к Юрьеву. Здесь немцы натолкнулись на определённое сопротивление. 6(19) февраля их встретил огнём 2-й красноармейский полк, насчитывающий до 1000 солдат бывшего 6-го Сибирского корпуса, добровольно вступивших в ряды Красной армии под командованием штабс-капитана А.И. Черепанова²⁵⁷. Обстреляли противника и немногочисленные защитники станции Венден. Перед отходом им удалось подорвать и повредить часть мостов на железной и шоссейных дорогах, ведущих к Вольмару²⁵⁸. Последний был занят лишь после перестрелки с латышскими стрелками 8(21) февраля. В Вольмаре немцы захватили в плен до 20 красноармейцев. Все они были расстреляны, а член комитета А. Дылле повешен на площади²⁵⁹.

К 10(23) февраля немцам удалось выйти на линию 20–25 километров юго-западнее Юрьева – Остров. С 8(21) февраля Псков был объявлен на осадном положении. К городу, в силу его географического положения, стягивалось всё то, что

²⁵⁷ Два дня полк пытался сдерживать противника на фронте от побережья до железнодорожной магистрали Рига – Вольмар. 7(20) февраля, когда красноармейцы, вытесненные из Лимбажи, заняли оборону южнее Озоли, был получен приказ грузиться на станции Озоли в эшелоны и следовать к Вольмару. К вечеру 2-й красноармейский полк прибыл в город, откуда был направлен в Псков в распоряжение командования Северного фронта. Утром 9(22) февраля 1-й и 2-й батальоны полка (3-й батальон, втянувшийся в бой с немцами, своевременно подойти на погрузку не мог; при этом Черепанова заверили, что по прибытии на станцию, он тут же будет отправлен вслед) прибыли по частям в эшелонах Псков и расположились в казармах Иркутского полка.

²⁵⁸ Ныне г. Валмиера в Латвии.

²⁵⁹ Подобное отношение к пленным, столь нехарактерное для немцев в период Великой войны, А.И. Черепанов объясняет следующим образом: «Противник начал разбрасывать агитационные листовки. В этих листовках немецкое командование предлагало всем частям русской армии кратчайшим путем покинуть пределы Лифляндии и Эстляндии, так как якобы всякое сопротивление их бесполезно. Угрожая, немецкое командование в листовках предупреждало, что каждый взятый с оружием в руках в тылу немецкой армии будет рассматриваться как разбойник и расстреливаться».

Эти листовки усилили деморализацию армии: мероприятия по обороне срывались, огульное отступление стало распространяться все шире».

Как видно, отдельные немецкие командиры, проявив излишнюю педантичность и пренебрегая здравым смыслом, восприняли это, как боевой приказ.

неделю назад значилось корпусами и дивизиями армий Северного фронта. Остатки полков прибывали в эшелонах, на санях, шли вдоль путей пешим порядком. Солдат было много, и большинство – при оружии. Но, потеряв строй, они перестали быть армией. Деморализованные солдатские толпы спешили поскорее пройти через город, и остановить их было невозможно. Царящая неразбериха и непрерывные передвижения бесконечным потоком уходящих на восток обозов приводили многих в уныние²⁶⁰.

2-й красноармейский полк, единственная строевая часть, на которую можно было положиться, оказался в городе как нельзя более кстати. За сутки бойцы были накормлены, получили с вещевых складов обмундирование и усилились местными добровольцами.

10(23) февраля штаб Северного фронта разослал приказ, в котором, частности, 12-й армии предписывалось оборонять Псков до последней возможности. А.И. Черепанов был вызван в штаб фронта, где получил распоряжение силами обоих батальонов занять оборону на наиболее угрожаемом направлении, перекрыв железнодорожную и шоссейную магистрали южнее города.

В тот же день полк выдвинулся к станциям Череха, Большое и Малое Лопатино²⁶¹ и стал по рубежу рек Череха и Многа. Справа полк прикрывала река Великая, левый фланг оставался открытым. Ранее туда же был направлен из города незначительный отряд из местной Красной гвардии и присоединившихся

²⁶⁰ Обстановку в городе добровольно вступившая в ряды 2-го красноармейского полка А.Д. Золоцевская характеризовала так: «Во второй половине февраля 1918 года на улицах Пскова появилось очень много солдат. С каждым днём их становилось все больше и больше: это уходило от Двинска и Риги остатки царской армии, демобилизованной и распавшейся под напором войск немецкого империализма».

В городе было очень тревожно. Он казался беззащитным. В районе вокзала горели подождённые кем-то склады продовольствия. Во дворе реального училища, где остановился какой-то штаб, день и ночь пылали костры: жгли военные карты. Февральский порывистый ветер, подхватив испеленные листы, носил их по всему городу...»

²⁶¹ Ныне Лопатино – пригородный район Пскова.

солдат железнодорожных войск. Эти силы и встретили вскоре продвигавшихся от Острова немцев.

Вечером 10(23) февраля произошло первое боестолкновение с авангардными подразделениями 53-го корпуса. По путям немцы пустили эшелон с оборудованными для боя вагонами и платформами. Справа и слева развернулась в жиденькую цепь пехота, в рядах которой продвигался автомобиль с установленным в кузове пулемётом. Едва противник приблизился, красноармейцы открыли огонь. Первыми же выстрелами автомобиль был повреждён и остановился. Немцы залегли и вступили было в перестрелку, но вскоре вынуждены были отойти. Брошенная машина осталась в степи. Бойцы сняли с неё пулемёт, который оказался в полной исправности.

Ночью германский авангард попытался возобновить атаку, и, вновь, встреченный огнём, вернулся на исходные. С утра 11(24) февраля немцы подтянули свежие силы и продолжили атаки. При поддержке артиллерии пехота противника пыталась наступать, как вдоль железнодорожного полотна, так и по шоссе, но продвинуться не смогла.

Видя, что фронтальные атаки успеха не принесут, немцы изменили тактику. Они сосредоточили силы на левом фланге полка, после чего сбили обеспечивавший его заслон и стали продвигаться в тыл к Крестам²⁶², расположенным в 5–6 километрах западнее города. Через Кресты проходило шоссе, по которому солдатские обозы эвакуировались на Лугу и в обход на Торошино. Черепанов приказал к вечеру отвести полк и занять новый рубеж обороны, южнее Крестов по обе стороны шоссе. Правее его, прикрывая пути, стал отряд красногвардейцев и солдат-железнодорожников. Вынужденный отход нарушил целостность обороны. Весь день противника удавалось сдерживать, но ночью немцы нащупали разрыв и, вклинившись в него, заняли станцию уже в черте города.

Стало понятно, что Пскова наличными силами удержать не удастся. Вскоре Черепанов получил приказ отходить, прикрывая шоссе, ведущее к Луге и Петрограду. Отступившие в

город красногвардейцы всю ночь пулемётным огнём пресекали попытки немцев распространиться от вокзала к городским кварталам. И всю ночь, не обращая внимания на пулемётные очереди, группами и поодиночке продолжали брести по улицам уходившие от войны солдаты. 12(25) февраля Псков был занят германскими войсками²⁶³.

13(26) февраля в район Пскова стали прибывать из Петрограда «поддерживающие» отряды. По мере подхода они располагались в городках Торошино, Новоселье и Белые Струги и вместе с отступившими из-под Пскова советскими частями надёжно прикрыли Лужское направление.

С 11(24) февраля западнее Нарвы происходили стычки местных красногвардейских отрядов и отдельных отступавших частей 12-й армии с германскими передовыми подразделениями, дальнейшее продвижение которых сильно затормозилось. В конце концов, немцы заняли часть города на западном берегу Наровы. Солдаты переправились через реку, и пытались развить наступление. Один из разъездов под командой решительного и инициативного командира действительно выдвинулся к Гатчине. Пехотные же части заняли оборону у Веймарна восточнее Ямбурга²⁶⁴ и дальше не пошли²⁶⁵.

²⁶³ По иронии судьбы в этот день в Петрограде было распространено сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Вчера было назначено заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором было оглашено сообщение, что Псков занят небольшими отрядами немцев, прибывших на мотоциклетах.

Решено было принять самые энергичные меры к немедленной мобилизации всех революционных сил для отражения врага...

По самым последним сведениям, *Псков опять в наших руках, немцев удалось оттуда вытеснить*. Настроение среди пролетарских масс приподнятое...»

Был введён в заблуждение и Ленин, не забывавший при выступлениях подчёркивать, что «сданный ранее Псков теперь отбит».

²⁶⁴ Ныне г. Кингисепп Ленинградской области.

²⁶⁵ «Точным данным этим, – с некоторой горечью вспоминал позже генерал, – мы обязаны были не нашим «разведывательным группам» а мужеству и патриотизму рядовых советских людей. Так, чиновник нарвской почтово-телеграфной конторы как-то вызвал меня к прямому проводу и сообщил, что контора вынуждена была эвакуироваться на правый берег Наровы».

²⁶² Ныне западный пригород Пскова.

Тем временем количество направленных из Петрограда групп, рассредоточившихся вдоль линии Нарва – Себеж, по существу, в тылу у немцев, всё увеличивалась. По мере формирования начали подходить и «поддерживающие отряды». Перед М.Д. Бонч-Бруевичем неизбежно встал вопрос о необходимости организовать управление и хоть в какой-то мере скоординировать и упорядочить их действия. В этот момент к нему обратился бывший командующий 12-й армией Северного фронта генерал Д.П. Парский, предложил свои услуги²⁶⁶ и тут же был направлен командовать «Нарвским боевым участком». Ленин против кандидатуры генерала не возражал.

Сформировав небольшой штаб, Парский незамедлительно выехал к Ямбургу, куда, тесня немецкие разъезды, подтягивались вверенные ему советские отряды. Одновременно с Парским на Нарвский фронт следовал из Гельсингфорса через Петроград отряд балтийских моряков под командованием бывшего председателя Центробалта П.Е. Дыбенко. Однако вскоре выяснилось, что дисциплина в отряде отсутствовала как таковая²⁶⁷. Подчиняться кому бы то ни было, а уж генера-

²⁶⁶ «...в моём распоряжении, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – не было ни одного свободного генерала или штаб-офицера, которому можно было бы поручить эту сложную работу.

Выручил счастливый случай. В тот момент, когда я раздумывал, кого из ответственных сотрудников моего небольшого штаба можно с наименьшим ущербом для дела снять и поставить на руководство Нарвским фронтом, ко мне в вагон нежданно-негаданно заявился бывший генерал Парский.

– Михаил Дмитриевич, – начал он, едва оказавшись на пороге, – я мучительно и долго размышлял о том, вправе или не вправе сидеть, сложа руки, когда немцы угрожают Питеру. Вы знаете, я далёк от социализма, который проповедуют *ваши* большевики. Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чёртом и дьяволом, лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления...»

²⁶⁷ «...со времени Октябрьского штурма, – писал М.Д. Бонч-Бруевич, – прошло четыре месяца, и, ознакомившись с отрядом Дыбенко, едва он прибыл в Петроград, я впал в известное уныние. Отряд мне очень не понравился, было очевидно, что процесс разложения старой царской армии, как гангрена, поразил и военных моряков, которых ещё совсем недавно и притом вполне справедливо называли «красой и гордостью революции».

лам и офицерам, в любом случае, матросы демонстративно не желали.

М.Д. Бонч-Бруевич открыто заявил о том, что отправлять матросов в район боевых действий не следует. Он пояснил, что рабочие, добровольно записавшиеся в красноармейские отряды, пусть не опытные, но зато дисциплинированны и управляемы, а потому и куда более надёжны. Однако Дыбенко сумел настоять на своём. К тому же ему удалось «выторговать» в Смольном полную независимость от Парского.

Едва отряд прибыл под Нарву, от командующего пришла телеграмма, в которой генерал сообщал о сразу же возникших между ним и Дыбенко трениях. Первое же боестолкновение подтвердило худшие его опасения. Войдя же в соприкосновение с отступавшим к Нарве немецким арьергардом, матросы оставили позиции и устремились в тыл²⁶⁸.

М.Д. Бонч-Бруевич доложил о случившемся лично Ленину. Тот ничего не ответил, но на следующий день Дыбенко со станции Ямбург прислал генералу следующую телеграмму: «Сдал командование его превосходительству генералу Парскому». На этом участие отряда в боях под Нарвой завершилось. Он был отозван в тыл, и после чистки и реформирования направлен на другой фронт.

Между тем немцы, видя перед собой организованные и всё

...нашлись матросы Балтийского флота, докатившиеся ко времени немецкого наступления на Петроград до организации анархистских, а то и заведомо бандитских групп.

Разложение это чуть не погубило анархистовавшего в то время матроса Железнякова, являвшегося председателем комитета части...

Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия; достаточно было глянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клёши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными частями не смогут. И уж никак нельзя было предположить, что такая «братва» будет выполнять приказы «царского генерала» Парского...

²⁶⁸ Позже, когда дело о позорном поведении отряда, разбирали специальный трибунал, выяснилось, что «вместо борьбы с немцами разложившиеся матросы занялись раздобытой в пути бочкой со спиртом».

увеличивавшиеся в численности войска, отошли на правый берег Наровы. Парский, подойдя к Нарве, без промедления занял оставленную противником восточную часть города. Несколько дней его отряды, не подвергавшиеся серьёзному нажиму, держали оборону вдоль реки и лишь 19 февраля (4 марта) вынуждены были оставить город и отойти на восток, окончательно закрепившись на рубеже озёр Липовское и Белое – река Луга – Ямбург – озеро Пятское.

Дальнейшие «бои» свелись к столкновениям германских разъездов с «поддерживающими отрядами». Масштабы их не превосходили перестрелок взводов со взводами и даже отделений с отделениями. «Фронт» западнее Нарвы и северо-западнее Пскова²⁶⁹ стабилизировался.

Могли ли немцы развернуть успешное наступление на Петроград? Технически – вне всякого сомнения. Последующее их продвижение по Украине, думается, может служить доказательством того, что в этот период германским войскам вполне по силам было разгромить 10–15 тысяч в массе своей недостаточно подготовленных, а зачастую и слабо вооружённых красногвардейцев²⁷⁰.

Другое дело, что принятые М.Д. Бонч-Бруевичем меры принесли свои плоды. Оборона советских отрядов приобрела определённую плотность, и теперь, для продвижения к Петрограду германскому командованию пришлось бы ввести в дело не роты и батальоны, а полки и даже дивизии.

И всё же остановило немцев не это. Взятие русской столицы, по здравому размышлению, в стратегической перспективе ничего хорошего им не сулило. Большевики были единственны-

²⁶⁹ Это и были зачатки протянувшейся со временем от Нарвы до Курска легендарной «завесы».

²⁷⁰ И понимание того факта, что немцы остановили наступление потому, что дальнейшее продвижение не входило в их планы, у современников присутствовало. В частности, А. Анишев писал об этом откровенно и прямо: «На Северном фронте немцы бросили в наступление три корпуса, которые, заняв Псков, Двинск, Вильно, остановились, так как в задачи Германии не входило наступление на Петроград».

ми, кто возобновления полномасштабных военных действий не желал ни в коем случае. Поставь немцы в занятом Петрограде лояльное им правительство, власть его распространялась бы только на длину германского штыка. Но весьма возможное вслед за этим падение большевиков неизбежно влекло за собой приход к власти на огромной территории, оккупировать которую было невозможно, сил, которые попытались бы восстановить фронт.

Подобного развития событий германское командование допустить не могло. И именно поэтому, как бы ни складывались у немцев отношения с Ленинским Совнаркомом, к падению последнего они не стремились.

Помимо прочего, рывок германских войск от Риги и Моонзунда к Пскову и Нарве повлёк за собой и ещё одно заслуживающее внимания следствие. М.Д. Бонч-Бруевич высказал Ленину свои соображения по поводу того, что Петроград, хоть как-то прикрытый с южного направления, оставался совершенно беззащитным перед угрозой немецкого десанта с моря.

Ленин этим сообщением оказался обеспокоен чрезвычайно. В тот же день на заседании Совнаркома им был поставлен вопрос о переезде Правительства в Москву, который был встречен с пониманием. Особо, было оговорено хранить всё в строжайшей тайне. Однако чтобы прощупать предварительно почву В.Д. Бонч-Бруевич, которому было поручено организовать переезд, провёл беседу с представителями ВИКЖЕЛя²⁷¹, в которой сообщил о намерении СНК эвакуироваться в глубь страны. Несмотря на то, что было дано обещание, сохранить услышанное в тайне, на следующий день весь город знал, что «Совнарком бежит от немцев на Волгу».

Началась паника. Зиновьев даже просил выделить необходимые денежные средства для организации работы партийных ячеек в условиях подполья. Дело дошло до того, что 19 февраля (1 марта) ВЦИК был вынужден опубликовать соответству-

²⁷¹ Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих.

ющее заявление²⁷². Однако сразу же по завершении VII съезда РКП(б)²⁷³ переезд состоялся.

На Николаевском вокзале для членов ВЦИК были подготовлены два состава из вагонов царского поезда. Погрузка же Совнаркома была скрытно произведена на Цветочной площадке Николаевской железной дороги, причём Ленин покинул Смольный лишь за полчаса до отправления правительственного эшелона, назначенного на десять часов вечера 25 февраля (10 марта). С Цветочной площадки поезд отошёл в темноте с потушенными огнями. Один из составов с членами ВЦИК был задержан и эшелон Совнаркома был пропущен между ними. Охраняли его латышские стрелки, снабжённые пулемётами²⁷⁴.

Ленин и остальные члены Правительства прибыли в Москву поздно вечером 26 февраля (11 марта) 1918 г. После нескольких дней пребывания в гостинице «Националь», Народные комиссары и управление делами Совнаркома перебрались в Кремль. Штабной же поезд М.Д. Бонч-Бруевича с членами Высшего Военного Совета, прибывший в Москву позже, расположился на запасном пути Александровского вокзала²⁷⁵.

3(16) марта IV Всероссийский съезд Советов временно перенёс столицу РСФСР из Петербурга в Москву.

²⁷² «Все слухи об эвакуации из Петрограда Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета совершенно ложны, – говорилось в нём. – Совет Народных Комиссаров и Центральный Исполнительный Комитет остаются в Петрограде и готовят самую энергичную оборону Петрограда.

Вопрос об эвакуации мог бы быть поставлен только лишь в последнюю минуту в том случае, если бы Петрограду угрожала самая непосредственная опасность, чего в настоящий момент не существует».

²⁷³ Помимо прочего, Съезд вынес решение о переименовании Российской социал-демократической партии (большевиков) – РСДРП(б) в *Российскую коммунистическую партию (большевиков)* – РКП(б).

²⁷⁴ В Вишере латышам пришлось разоружить эшелон матросов, дезертировавших из Петрограда.

²⁷⁵ Ныне Белорусский вокзал в Москве.

8.3.7. Подписание договора

Только в 10.30 10(23 февраля) получен был, наконец, ответ от немцев, в котором они предлагали следующие условия заключения мира²⁷⁶. Помимо двух пунктов, означенных в ультиматуме от 27 января, германское командование добавило ещё восемь:

3. Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и Красной армии, и в них вводится германская полиция;

4. Россия тотчас же заключает мир с Украинской республикой и очищает Украину и Финляндию;

5. Россия возвращает Турции анатолийские провинции и признаёт отмену турецких капитуляций;

6. Русская армия немедленно демобилизуется, включая и вновь образованные нынешним правительством войсковые части. Русские корабли в Чёрном и Балтийском море и в Ледовитом океане должны быть приведены в русские порты и разоружены. Возобновляется мореплавание. В Ледовитом океане сохраняется немецкая блокада до заключения мира;

7. Германо-русский торговый договор вновь вступает в силу;

8 и 9. Вопросы правового порядка будут регулироваться согласно решениям русско-германской юридической комиссии. Россия обязуется прекратить всякую агитацию и пропаганду против стран германского блока как внутри страны, так и в оккупированных ими областях;

10. Вышеизложенные условия должны быть приняты в 48 часов. Русские уполномоченные должны немедленно прибыть в Брест-Литовск и там в трёхдневный срок подписать мир, который должен быть ратифицирован в течение трёх недель.

Следует признать, предлагаемые пункты договора полностью отражали сложившуюся ситуацию. Победители навязывали

²⁷⁶ Генерал Гофман записал в дневнике: «Только сегодня утром отправили ультиматум. Надо прямо сказать, Министерство иностранных дел и верховное главнокомандование хорошо поработали. Ультиматум содержит все требования, какие только можно было выставить».

вали условия мира разгромленной державе, практически потерявшей свои вооружённые силы. Этот договор разом переводил Россию в разряд второразрядных государств, и неудивительно, что его принятие сопровождалось новой вспышкой внутривнутрипартийной борьбы.

Решающее заседание ЦК РСДРП(б)²⁷⁷ состоялось (10)23 февраля, уже в условиях немецкого ультиматума. В процессе обсуждения Ленин предупредил партийцев, что в случае продолжения «политики революционной фразы» и непринятия немецких условий, он уйдёт из правительства и ЦК²⁷⁸. Угроза подействовала. Взяв слово, Троцкий заявил: «Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной...

²⁷⁷ В условиях, когда большевики обладали большинством голосов в Совнарком, любое значимое решение зависело, прежде всего, от позиции их ЦК.

²⁷⁸ По свидетельству очевидцев, он был взволнован чрезвычайно, и его слова не были пустым звуком. Многие его соратники осознавали, что в условиях, когда страна осталась, по существу, без армии, немцы при желании могут занять Петроград и Москву. Но в отличие от них Ленин понимал, что за этим последует не только потеря власти, но разгром партии, избивание партийных кадров, а весьма вероятно, и физическое уничтожение её лидеров.

Вытесненные из столиц, из центральных районов страны, большевики неизбежно теряли контроль над материальными и людскими ресурсами, а вместе с ним, и ореол правящей партии. Опыт ЦИК Ук показывает, что остатки Совнаркома рано или поздно оказались бы в этом случае в эшелоне, курсирующем от города к городу. И весьма вероятно, что нашлись бы желающие припомнить большевикам всё. Толпа озлобленных солдат на любом случайном митинге могла стащить их с трибуны и подвести к ближайшей стенке. На любом полустанке какой-нибудь Совет, имеющий контроль над запасными полками, мог разоружить малочисленную охрану и арестовать пассажиров «правительственного поезда». И даже, если бы их взяли под крыло где-нибудь в Воронеже или Царицыне, вряд ли им было позволено править, как прежде...

Потеря власти страшила Ленина, куда сильнее физической смерти. Она свалилась в его руки волшебным образом, и сейчас столь же легко готова была ускользнуть. Этого Владимир Ильич допустить не мог, потому что рассчитывать подобрать её вновь явно не приходилось.

«Итак, Германии нужен был мир, во что бы то ни стало, – пишет Деникин. – Никакие промежуточные формы его (перемирие, «ни мира, ни войны») не могли спасти положения. Совету народных комиссаров также нужен был мир – какую угодно ценой, хотя бы ценой расчленения, унижения и расчленения России.

Лишь бы сохранить власть».

нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну». Вслед за ним воздержались от голосования Дзержинский, Иоффе и Крестинский²⁷⁹.

В итоге за принятие германских условий высказалось 7 человек (В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Г.Я. Сокольников, И.Т. Смилга и Е.Д. Стасова); против – 4 (Н.И. Бухарин, М.С. Урицкий, Г.И. Ломов, А.С. Бубнов); воздержались – 4 (Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, А.А. Иоффе и Н.Н. Крестинский).

В 23.00 началось совместное заседание большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИК. Левые эсеры приняли решение голосовать против мира. После этого состоялось отдельное заседание большевистской фракции. При голосовании за мир голосовали 72 человека, против – 25.

В 3 часа ночи 11(24) февраля, за несколько часов до истечения германского ультиматума, начал заседать ВЦИК. С огромным трудом, 126 голосами против 85 при 26 воздержавшихся, Ленину удалось добиться положительного решения. В 4.30 предварительное голосование завершилось, после чего Ленин направился в Совнарком для согласования текста послания германскому правительству.

В 7.30 радиостанция Царского Села передала в Берлин, что германские условия приняты, и советская делегация готова выехать в Брест-Литовск. За несколько часов было решено то, на что ранее тратились впустую недели и месяцы. Ленин в эту ночь, казалось, излучал энергию. Переходя с одного заседания

²⁷⁹ «Как и 17 февраля, мы считаем невозможным подписывать сейчас мир с Германией, – говорилось в их заявлении. – Но мы полагаем, что с теми огромными задачами, которые встали перед пролетарской революцией в России после германского наступления и встанут особенно после отклонения германского ультиматума, может справиться только объединённая большевистская партия. Если же произойдёт раскол, ультимативно заявленный Лениным, и нам придётся вести революционную войну против германского империализма, русской буржуазии и части пролетариата во главе с Лениным, то положение для русской революции создастся ещё более опасное, чем при подписании мира. Поэтому, не желая своим голосованием против подписания мира способствовать созданию такого положения и не будучи в состоянии голосовать за мир, мы воздерживаемся от голосования по этому вопросу».

на другое, он убеждал, уговаривал, спорил, стыдил и, в конце концов, своего добился. Но как знать, не подобное ли физическое и интеллектуальное напряжение, которых было впереди великое множество, столь пагубно и необратимо сказалось на его здоровье...

Неприятности, между тем, не закончились. Во-первых, немцы и не думали снижать темп своего наступления. А, во-вторых, никто из деятелей Совнаркома не горел желанием ехать в Брест-Литовск и подписывать договор. Троцкий, ещё 9(22) февраля подавший в отставку с поста Народного комиссара по иностранным делам²⁸⁰, отказался категорически. Также наотрез отказался и Иоффе. Сокольников предложил кандидатуру Зиновьева. Зиновьев в ответ – Сокольникова. Последний заявил, что в случае подобного назначения он выйдет из состава ЦК.

Всё же после продолжительных переговоров, Сокольников согласился возглавить делегацию. Незамедлительно она выехала в Брест²⁸¹. По прибытии в оккупированный немцами Псков в 9 часов вечера 12(25) февраля советская делегация выступила с протестом против продолжения военных действий, однако он остался без ответа. 15(28) февраля делегация прибыла, наконец, в Брест, где вновь заявила резкий протест. Бои к этому времени уже затухали. Лишь под Нарвой немцы продолжали вести наступательные действия.

Тем временем в Петрограде и Киеве не оставляли попыток предотвратить немецкое вторжение в Украину. 11(24) февраля Народный секретариат совместно с ЦИКУк принял решение послать в Брест-Литовск свою делегацию. По прибытии она должна была уведомить австро-германских представителей,

²⁸⁰ По признанию Троцкого, он сдал дела Г.В. Чичерину «с некоторым облегчением». Формально Троцкий обосновывал свой демарш несогласием с позицией Совнаркома. По существу же, его отставка не могла быть расценена иначе, как косвенное признание провала в Брест-Литовске.

19 февраля (4 марта) Троцкий был назначен председателем вновь образуемого Высшего военного совета, а 28 февраля (13 марта) наркомом по военным делам (вместо подавшего в отставку Н.И. Подвойского).

²⁸¹ В её составе: Г.Я. Сокольников (председатель), Г.И. Петровский, Г.В. Чичерин, Л.М. Карахан и А.А. Иоффе (политический консультант).

что «торговый мирный договор, заключённый с Центральной Радой, может быть подписан и рабоче-крестьянским правительством при условии невмешательства австро-германцев во внутренние дела Украины. В случае же предъявления... требования о возвращении в Киев Центральной Рады и Генерального секретариата украинская делегация уполномочена заявить, что рабоче-крестьянское правительство никогда не согласится выполнить это требование и... будет вынуждено в таком случае продолжать войну²⁸²».

Предполагалось, что обе делегации проследуют в Брест вместе, но когда утром 12(25) февраля делегация Народного секретариата²⁸³ прибыла в Петроград, делегатов Совнаркома там уже не застала. Делегация тотчас была принята Лениным, который настоятельно советовал «не очень торговаться с немцами». Из Петрограда делегаты были отправлены на Псков в экстренном поезде из одного оставшегося с царских времён салон-вагона и отдельного паровоза.

Мост на последнем участке железной дороги оказался взорван, и украинцам, как до этого и делегации Совнаркома, пришлось пересаживаться на лошадей. В Псков они прибыли лишь 15(28) февраля, но немецкий комендант запретил им следовать дальше. Делегаты были размещены под охраной двух солдат в станционной конторе «вплоть до получения специального распоряжения немецкого командования».

Вечером 16 февраля (1 марта) делегация обратилась к коменданту с требованием в течение трёх часов «предоставить возможность дальнейшего следования для встречи с мирной делегацией Четверного союза» или «немедленного возвращения... за пределы линии немецких расположений». Ночью на

²⁸² Ещё более рельефно обозначил позицию украинских советских руководителей Ауссем. «Старого мирного договора... конечно, не признаем, – говорил он, – но готовы заключить *аналогичный* договор на условии невмешательства в наши внутренние дела. Согласны на вывод российских войск из УНР, но, конечно, категорически возражаем против вывода нашего Червоного казачества и Красной гвардии, сформированной на Украине»

²⁸³ В составе делегации народные секретари большевик Затонский, левый эсер Терлецкий, член ЦИК Ук беспартийный крестьянин Руденко и депутат Центральной Рады Неронович.

запрос коменданта пришёл ответ: «Следующее должно быть передано устно: «Присутствующие в Брест-Литовске представители Четверного союза, не признав законным правительство Украинской Народной республики²⁸⁴, не придают появлению упомянутых четырёх господ никакого значения. Им предоставляется возвратиться в Петербург. Генерал-майор Гофман». На этом попытка Народного секретариата договориться с немцами напрямую закончилась²⁸⁵.

Заседания мирной конференции в Брест-Литовске возобновились 16 февраля (1 марта), но состав участников изменился кардинально. Министры иностранных дел стран Четверного союза на заседаниях отсутствовали. Они выехали в Бухарест, где начались переговоры о мире с Румынией, и это наглядно демонстрировало, что Брест-Литовская конференция носит теперь во многом технический характер.

Германскую делегацию представляли посланник фон Розенберг и генерал Гофман. Открывая заседание, Розенберг заявил, что конференция продлится не более трёх дней и что военные действия Германия прекратит лишь, когда мирный договор будет подписан²⁸⁶. Было предложено закрыть заседание и для обсуждения отдельных пунктов мирного договора организовать три комиссии: политическую, экономическую и правовую. Советская делегация это предложение отклонила и заявила, что её задача состоит лишь в том, чтобы «принять условия, которые с оружием в руках продиктованы Германией российскому правительству».

Розенберг выразил по этому поводу сожаление и зачитал условия договора. Выяснилось, что немцы изменили условия своего ультиматума и отрезали в пользу Турции ещё несколько областей. Предлагалось к пункту 5, которым предусматри-

валось возвращение Турции занятых русскими анатолийских провинций, добавить «с включением округов Ардагана, Карса и Батума²⁸⁷».

Вечером на состоявшемся совещании председателей делегаций Сокольников заявил, что заключение мира «совершается в небывалых условиях, в неслыханной атмосфере насилия²⁸⁸». И в такой обстановке советская делегация обсуждать условия договора отказывается и принимает их в том виде, в каком они предлагаются.

В ответ Розенберг заявил, что германские требования, хотя и увеличились, «но и теперь они ещё далеки от того, чтобы их можно было рассматривать как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил».

Далее выступил представитель Австро-Венгрии Мерей. Он присоединился к декларации Розенберга и добавил, что «мир, подлежащий подписанию, никоим образом не может рассматриваться как мир, насильственно навязанный и продиктованный России». Это его утверждение со сложившимися реалиями, конечно же, ничего общего не имело.

После него выступал представитель Болгарии. Он также присоединился к словам предыдущих ораторов. Но под конец произнёс фразу, отражающую суть и финал переговоров: «Настоящее положение вещей является результатом близорукой политики России».

Договор должен был быть составлен на пяти языках, однако оказалось, что в наличии только немецкий текст, а остальные ещё не подготовлены. Это обстоятельство привело к некоторой задержке, воспользовавшись которой к председателю советской делегации обратились остающиеся в Бресте представители Центральной Рады. Они предложили подписать мирный до-

²⁸⁴ Имелось в виду уже Советское правительство Украины.

²⁸⁵ Советской делегации, – пишет Д. Эрдэ, – оставалось одно: раскланяться и уехать восвояси, что она и сделала». Впрочем, немцы предоставили в распоряжение делегатов два автомобиля и сопроводили их до русских аванпостов.

²⁸⁶ «Мы собрались здесь, – пояснил он свою позицию, – не для речей и прений, но для подготовительных работ по подписанию мирного договора и для заключения самого договора».

²⁸⁷ При этом Розенберг разъяснил, что в текст договора эту формулировку можно и не включать, но указанные три округа должны быть немедленно очищены.

²⁸⁸ Всё это, конечно, было чистой воды демагогией. Шла война, в которой каждая из сторон изначально именно с помощью насилия (военной силы) добивалась своих политических целей.

говор также и с УНР²⁸⁹. Сокольников проявил себя настоящим дипломатом. В письме от 16 февраля (1 марта) он подтвердил, что не отрицает оговоренного германским ультиматумом обязательства России заключить мир с Украинской Народной Республикой. Но, в то же время, объяснил «господину председателю украинской делегации... что советская делегация уполномочена на подписание договора с Четверным союзом, но не имеет полномочий на переговоры с делегацией украинского Совета народных министров».

18 февраля (3 марта) на пленарном заседании Сокольников вновь заявил, что советская делегация готова подписать мирный договор немедленно без всякого его обсуждения, «в создавшихся условиях бесполезного». Дипломаты стран Четверного союза, желающие смягчить ситуацию, в своих выступлениях вновь пытались доказать, что заключаемый мир не может считаться насильственным. Но все понимали: дело идёт к развязке, и слова уже мало что значат. В конце концов стороны приступили к подписанию.

Мирный договор с приложениями и дополнениями был подписан в 17.50 18 февраля (3 марта) 1918 г. От имени России свою подпись под ним поставил Г.Я. Сокольников.

В 17.52 мирная конференция была объявлена закрытой.

В тот же день ВЦИК разослал во все Советы телеграмму, в которой сообщал, что мир подписан, и что 27 февраля (12 марта) для его ратификации созывается Всероссийский съезд Советов.

23 февраля (8 марта) 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся за ратификацию договора высказался VII съезд Партии, а 2(15) марта IV чрезвычайный съезд Советов, 784 голосами против 261 при 115 воздержавшихся (среди них 64 «левых коммуниста») ратифицировал мирный договор.

4(17 марта) он был ратифицирован Германским союзным советом, 5–9(18–22) марта одобрен германским рейхстагом.

²⁸⁹ Не следует забывать, что согласно предложенному документу за Украиной оставались бы Крым, часть Кубани, Таганрогский и часть Ростовского округа Донской области, Черноморская и Ставропольская губернии, Путивльский уезд Курской и четыре уезда Воронежской губерний и украинская колония Зелёный клин на Амуре.

К этому времени продвижение австро-германских войск по Украине шло уже полным ходом.

8.4. ТРЕНИЯ С КАЗАЧЕСТВОМ. ГИБЕЛЬ ГОЛУБОВА. ГИБЕЛЬ М.П. БОГАЕВСКОГО

Войсковой старшина Николай Матвеевич Голубов имел перед Советской властью немалые заслуги²⁹⁰ и мог, казалось, при её становлении рассчитывать на самый высокий пост. Но ничего подобного не произошло. В состав Донского ВРК войсковой старшина не вошёл, поскольку прибыл в Каменскую уже после его оформления. Начальником казачьего отряда ВРК не назначен, так как таковой уже был в наличии – выбранный комитетом 27-го Донского полка ещё до ухода с Юго-Западного фронта есаул Смирнов²⁹¹. И, наконец, комендантом занятого Новочеркаска Саблиным был определён начальник одной из красногвардейских колонн Медведев²⁹². По переезде Донревкома в Ростов и образовании Областного ВРК о Голубове также никто не вспомнил. По понятным причинам Подтёлков менее

²⁹⁰ Стоит напомнить, что появление освобождённого с гауптвахты Голубова изменило ситуацию кардинально. До него донревкомовские казаки вступать в бой не желали и отступали перед Чернецовым, стараясь не доводить дела до большой стрельбы. Голубов, приняв на себя командование, сумел поставить дело таким образом, что от решающего боя казаки уклоняться не стали. В результате Чернецов был пленён, а отряд его потерпел под Глубокой решительное поражение. Именно Голубов взял с налёта Новочеркасск. Он же разогнал Войсковой круг и лично арестовал Атамана А.М. Назарова и Е.А. Волошинова.

²⁹¹ Смирнов имел рекомендации ревкома Юго-Западного фронта, и по прибытии в Харьков, предъявил их Антонову-Овсеенко. В результате полк (за исключением одной отделившейся сотни) не был разоружён, проследовал в Каменскую, где и объявил себя подчинённым Донревкому. Смирнову было приказано занять Звереву и Лихую, что он и исполнил, выгеснив со станций до роты добровольцев. Впрочем, с той же лёгкостью обе станции вскоре были оставлены.

²⁹² Весьма возможно, политические соображения не играли при этом особой роли. И выбор Саблина определялся тем, что Медведев, который и сам имел немалые амбиции, казался командарму куда более предсказуемым и надёжным. Что касается Антонова-Овсеенко, то ему было явно не до того, чтобы в условиях меняющейся с каждым днём обстановки и предстоящим выдвижением на Украину, разбираться в тонкостях местечковой политики. В результате, после ухода войск Медведев так и оставался комендантом Новочеркаска.

всего хотел видеть войскового старшину рядом с собой.

И так уж получилось, что Голубов должности не получил и формально к новой власти никакого отношения не имел. Войсковой старшина не был ни мародёром, ни мздоимцем. Ему претила беспричинно пролитая кровь²⁹³, а интересовала только власть, причём, на самом высоком уровне. Этот честолюбивый человек, не перестававший грезить об атаманской булаве даже и теперь, начал постепенно осознавать, что рискует оказаться не у дел.

И особенно возмущало Голубова то, что ему, блестящему в прошлом офицеру, чьё имя гремело с февраля 17-го на Дону, большевики предпочли мало кому известного Подтёлкова. К тому же отношения между ними, сразу не сложившиеся, перерастали постепенно в едва скрываемую неприязнь²⁹⁴.

²⁹³ «12 февраля, в понедельник, он вступил в город... – пишет В. Севский. – ...в конюшне атаманской он взял себе военную добычу, только военную добычу – коня Каледина. Грабителем никогда не был, и в февральские дни, когда в Новочеркаске грабили все, Голубов и Саблин были едва ли не единственными, у кого к рукам не пристала ни одна казачья копейка» («Донская волна» № 7 от 22.07.18).

Когда в декабре 1917 г. М.П. Жаков высказался в том смысле, что, если Каледин пойдёт на Ростов, его утопят в крови, генеральской крови не жаль, Голубов ответил:

– А для меня всякая кровь – кровь... – и добавил, обращаясь непосредственно к Жакову. – Даже комариная.

²⁹⁴ По свидетельству Полякова 27 февраля (12 марта) в «Известиях ВРК» за подписью сестры Голубова, Ольги Матвеевны, было опубликовано следующее стихотворение:

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ
 Подымайся, великий народ,
 Остальные пойдут за тобою.
 Дружной ратью пойдём мы вперед,
 Только трусы не явятся к бою.
 Если ярким наш будет удел,
 Лихо станем над черною бездной.
 Кто может, беспощаден и смел.
 Она взвьётся к высотам надзвездным.
 В грозном рокоте слышен удар
 По позорным столбам капитала.
 От мерцанья зажётся пожар,
 Долгожданная радость настала.
 Люди – братья, в великие дни
 Есть надежда на гибель Ваала.
 Цепи пали... Зажглися огни...

Волна репрессий и казавшееся бессмысленным избиение казачьих офицерских кадров не могли его не покоробить. Чувствовал войсковой старшина и изменение в психологии фронтовых казаков, которые постепенно, не сразу, но с каждым днём всё определённое, начинали отходить от большевиков. Наверняка раздумывал Голубов о том, что даже если ему и удастся войти во власть, управлять будет уже нечем, так как Донское войско в прежнем его виде перестанет к тому времени существовать. Но Войсковое правительство им же было уничтожено. Серьёзной альтернативы большевикам пока ещё войсковой старшина не видел, и, скрепя сердцем, продолжал двигаться в одном с ними направлении.

Справедливости ради следует отметить, что все, и в первую очередь комендант Медведев, понимали, что фактическое командование «революционными» казаками осуществляет Голубов, признавали, что если бы не войсковой старшина, ещё неизвестно, как всё закончилось бы с Чернецовым, да и с Новочеркасском тоже. Признавали и вели себя в общении с ним соответственно.

То, что войсковой старшина не получил должностей при новой власти, имело для него и положительные стороны. Он получил зато, почти полную свободу рук и поле деятельности для применения своей неуёмной энергии²⁹⁵.

Кто-то из доброжелателей сообщил Голубову, что в Сальских степях у калмыков скрывается бывший товарищ Атамана Каледина М.П. Богаевский²⁹⁶. Войсковой старшина рассудил,

Нетрудно заметить, что из первых букв каждой строки складывается недвусмысленное: «Подтёлков подлец».

Очевидно, без участия и одобрения самого Голубова, подобный демарш был бы невозможен. И понятно, что подобное не могло способствовать налаживанию, если не нормальных, то хотя бы терпимых личных отношений войскового старшины с председателем Донревкома.

²⁹⁵ Весь эпизод захвата Голубовым Богаевского воспроизведён на основании многочисленных, зачастую противоречащих друг другу, источников. После их сопоставления происшедшее видится мне таковым. И хотя отдельные детали в большей или меньшей степени могут отличаться, и почти наверняка отличаются от действительности, суть, думается, остаётся неизменной.

²⁹⁶ Разговоры о том, что Богаевский с супругой находится «у нас, в Сальском округе» и направляется в станицу Ново-Алексеевскую открыто велись

что напомнить в очередной раз о своём существовании не помешает. Лучшего способа, чем поимка «донского баяна», лишь недавно принимавшего столь активное участие в политической деятельности и выступавшего против большевиков, для достижения этой цели трудно было и придумать.

Но захват Богаевского не был единственной, а возможно, не был и главной задачей, которую ставил перед собой Голубов. Степной отряд генерала П.Х. Попова продвигался из Старочеркасской в Сальские степи. Нейтрализация его, или даже переход части казаков на сторону Донревкома, сулили весьма заманчивые перспективы. Помимо уничтожения последнего крупного подразделения, враждебного Советской власти, это позволяло Голубову надеяться, что заслуги его наконец-то будут оценены по достоинству. И, кроме того, могло усилить отряд лично преданных ему казаков, что было совсем не лишне. Войсковой старшина успел удостовериться, что большевики считаются только с силой.

В первые дни после занятия Новочеркасска он отправил в Степной отряд письмо, в котором предлагал «братьям-партизанам» вернуться в Новочеркасск и гарантировал всем жизнь. Казак из отряда Голубова разыскал «степняков» и доставил по-

отдельными делегатами-калмыками на проходящем в Великокняжеской 15(28) февраля – 17 февраля (2 марта) Окружном съезде Советов. Богаевский, будучи проездом в станице Батлаевской, был узан одним из жителей, калмыком, и имел с ним разговор. К тому же, Богаевский, вероятно, недостаточно заботился о соблюдении элементарной конспирации. Видимо, эти отрывочные сведения и получил Голубов. Впрочем, для него этого оказалось достаточным.

По прибытии в Ново-Алексеевскую, Богаевский отправил Д.Н. Улановой (сестра Б.Н. Уланова, выдвинутого от казаков в состав Паритетного правительства вместе с Богаевским) в Великокняжескую письмо (оно было написано на калмыцком языке и передано на съезде одним из делегатов), в котором сообщал, что проживает в хуруле (буддийский храм), в 3-х километрах от станицы.

Уланова тотчас же отправилась в Ново-Алексеевскую, где виделась с супругами Богаевскими. Ею был разработан план переезда Богаевского вначале в Великокняжескую, а потом, и далее, в Тихорецкую (где тому было бы легче укрыться).

Но начало полномасштабных военных действий в Сальском округе помешало его осуществлению.

слание 20 февраля (5 марта) на зимовник Королькова. Персонально письмо предназначалось брату Голубова Алексею Матвеевичу, бывшему в Гнилорыбовском отряде. Но П.Х. Попов, «чтобы не смущать» людей, не посчитал нужным передавать и оглашать его.

Тем не менее, казака приняли как своего, и отпустили обратно в Новочеркасск, что утвердило войскового старшину в мысли, что предприятие его не так уж безнадежно. Во главе отряда в несколько десятков сабель²⁹⁷ Голубов походным порядком проследовал в район предполагаемого нахождения Богаевского. 1(14) марта отряд вступил в станицу Платовскую²⁹⁸. Видимо, Голубов запасся предварительно в Донревкоме соответствующими сопроводительными документами. Во всяком случае, каких-либо недоразумений с Красной гвардией, занимавшей к тому времени Платовскую, у него не возникло.

Расквартировав свой отряд в станице, Голубов с незначительным конвоем выехал на поиски М.П. Богаевского. Действовал он просто, расспрашивая всех подряд. В конце концов, след привёл его в станицу Денисовскую²⁹⁹. Был уже вечер, и Голубов остановился на ночлег в доме бакши³⁰⁰ калмыцкого хурула. Предупреждённые о его прибытии супруги Богаевские ушли в степь, где наткнулись на казачий разъезд. Казаки их не арестовали, просто направили обратно в станицу, заявив, что без разрешения «начальника отряда» выйти из неё они не смогут. Богаевский постучал к знакомым, но ему не открыли. Видя всю безвыходность своего положения, он сам пришёл к Голубову и сдался.

На следующий день 4(17 марта)

М.П. и Е.Д. Богаевские

²⁹⁷ По оценке С.М. Будённого в отряде Голубова насчитывалось до трёхсот казаков.

²⁹⁸ Ныне ст. Будённовская Пролетарского района Ростовской области.

²⁹⁹ Ныне х. Денисовский Пролетарского района Ростовской области.

³⁰⁰ Распорядитель.

Голубов перевёз Богаевского в Платовскую, где и оставил под охраной нескольких казаков и своего ординарца. Сам же войсковой старшина с отрядом направился на поиски «степняков».

В станице, между тем, узнали, какого пленника удалось захватить Голубову. Собрался крестьянский сход, который постановил заслушать Богаевского. Охрана в несколько казаков не могла противостоять сотням крестьян и красногвардейцев, и Богаевский вместе с супругой был вынужден выйти к ним и, взобравшись на стол, выступил перед сходом. Говорил он два часа и, в сущности, то же, о чём впоследствии говорил, и выступая перед казаками в Новочеркасске. Богаевский давал отчёт о деятельности несуществующего уже Донского правительства.

Но в Платовской, которую лишь несколько дней назад покинули калмыцкие сотни генерала И.Д. Попова, действовавшие зачастую как карательная экспедиция, население не могло встретить его с пониманием³⁰¹. Напротив, крестьяне и красногвардейцы настроены были резко враждебно. Раздавались уже призывы устроить самосуд, и в силу неспособности малочисленной охраны защитить арестованного дело к этому явно и шло. Спас Богаевского от пули адъютант Голубова. Не растерявшись, он заявил крестьянам: «Не нам судить такого важного преступника, мы должны направить его в Новочеркасск». Как ни странно, этот простой довод возымел своё действие. Разъярённая толпа отступила и постепенно успокоилась.

Наутро Богаевский был перевезён казаками в станицу Великокняжескую³⁰², где ему отвели камеру в тюрьме. Супругу Богаевского, за неимением помещений для содержания женщин, отпустили.

Между тем 5(18) марта отряд Голубова вышел к аванпостам «степняков». Через парламентёров войсковой старшина дал знать о «своём желании разговаривать с партизанами». Есаул Назаров и полковник Захаревский незамедлительно сообщили об это в штаб Походного атамана. П.Х. Попов был настроен

³⁰¹ «В это время, – пишет Н.М. Мельников, – в станице лились потоки крови... Красногвардейцы едва не растерзали пленника...» («Родимый край» № 44, январь-февраль 1963 г.).

³⁰² Ныне г. Пролетарск – административный центр Ростовской области.

против переговоров, но Назаров, Захаревский и большинство членов штаба придерживались иного мнения и сумели его убедить. В штаб был вызван А.М. Голубов. Узнав в чём дело, он наотрез отказался разговаривать с братом.

Переговоры сорвались. И дело тут не в нежелании отдельных лиц в них участвовать, а в невозможности о чём-либо договориться. Н.М. Голубов понимал, что в условиях развёртывания полномасштабной гражданской войны в Сальском округе, когда и с той, и с другой стороны успела пролиться немалая кровь, а ожесточение достигло предела, переход Степного отряда на сторону большевиков, даже, если допустить, что его командование пошло бы на это³⁰³, был уже невозможен.

Больше войсковому старшине предложить было нечего. Трезво оценив создавшуюся ситуацию, он поспешил обратно. В Платовской Богаевского уже не оказалось. Разместив казаков на прежних квартирах и оставив за себя начальника штаба отряда Пучкова, Голубов отправился в Великокняжескую. В тюремную камеру к Богаевскому он явился «вместе с каким-то комиссаром в штатском³⁰⁴».

И тут, в присутствии супруги Богаевского, Елизаветы Дмитриевны, войсковой старшина стал убеждать его написать обращение к партизанам. При этом он утверждал, что дело Войскового правительства безнадежно проиграно, отряды партизан разбиты, разбита и истреблена Добровольческая армия, и брат его, А.П. Богаевский, погиб вместе с её остатками. По словам Голубова, «кое-где в области оставались ещё кое-какие отряды из учащихся», сопротивление которых стало уже бессмысленным. «Напишите им: пусть положат оружие, – настаивал войсковой старшина. – Если вы не спасёте детей, кровь их падёт на вашу голову. Я их перестреляю, как щенков. Собственного брата-партизана задушу своими руками...»

Богаевский не был военным. Тяготы и лишения службы не воспитали в нём постоянной готовности дать отпор врагу. Ми-

³⁰³ На что, конечно же, П.Х. Попов не пошёл бы ни при каких обстоятельствах. Времена Каменского съезда отошли в далёкое прошлое.

³⁰⁴ Можно предположить, что это был сотрудник местной советской газеты.

тинговая специфика неизбежно вела к отстранению от реальной жизни. И когда эти реалии во всём своём ужасе и трагизме вдруг приблизились вплотную, Богаевский не выдержал. Выдающийся оратор, он не был бойцом³⁰⁵. Сломленный самоубийством Каледина и падением Дона, Богаевский не искал путей к продолжению сопротивления³⁰⁶, а, напротив, стремился устраниваться от всякого участия в дальнейших событиях.

Не имевший каких-либо достоверных известий о происходящем, он видел вокруг лишь крайнее ожесточение крестьян, апатию и равнодушие казаков, и ситуация, обрисованная Голубовым, не казалась ему идущей вразрез с увиденным. Действительно ли Богаевский решил, что может спасти жизни подростков-партизан или ухватился за мысль, подсказанную восковым старшиной, мы никогда не узнаем. Но, в конце концов, он вынужден был уступить, и написал в тюремной камере обращение к партизанам³⁰⁷.

³⁰⁵ Разумеется, это не может иметь прямого отношения к делу, но вспоминается, что и брат его, Африкан Петрович, среди железных корниловских командиров не выделялся надлежащей требовательностью. Трудно даже представить, чтобы в подразделениях Казановича, не говоря уже о Маркове и Неженцеве, могло иметь место невыполнение боевого приказа, что у А.П. Богаевского случалось...

³⁰⁶ В противном случае, Богаевскому не составило бы труда уйти со Степным отрядом, где ему всегда нашлось бы место.

³⁰⁷ В своём обращении, опубликованном уже 11(24) марта («Донские известия» № 7), Богаевский в частности писал: «Вы спросите, к чему же была борьба с большевиками? Я прямо и решительно отвечаю. Она была политической ошибкой, и лишние жертвы с обеих сторон только вредили России...»

По свидетельству Н.М. Мельникова обращение было написано Богаевским на клочке бумаги, и ограничивалось несколькими строками. Суть его сводилась к следующему: «Борьба наша проиграна, большевики победили, вас осталось очень мало, дальнейшая борьба бесполезна. Сохраните ваши жизни, сложите оружие» («Родимый край» № 44, январь-февраль 1963 г.).

Любопытно, что документ этот, судя по всему, полностью нигде более в современных источниках не публиковался. Большевики, конечно, использовали его для агитации, но после 1(14) апреля она потеряла всякий смысл.

В советской печати при многочисленных ссылках на него, обращение Богаевского не появилось и позже. Вероятно, оттого, что в нём содержалось пусть косвенное, но вполне осязаемое упоминание о том, что отряды Чернецова поголовно, а Добровольческая армия и «степняки» в немалой степени состояли из учащейся молодёжи, юнкеров и кадетов в возрасте от 14 до 18 лет. Лишний раз напоминать об этом поначалу не хотелось, а впоследствии было уже невозможно.

К чести Богаевского следует заметить, что эта его уступка оказалась единственной, и, сделав первый шаг, по скользкой дорожке далее он не пошёл. Ни словом, ни строкой не бросил он тень на Каледина, которого считал своим другом. Ни намёком не дал понять, что считает действия Войскового правительства неправильными, тем более, преступными. Говорил он только от своего имени и отвечал только за себя. И поэтому оклеветать кого-либо не мог по определению.

Этому человеку хватило мужества не уступить более давлению, которому он, безусловно, подвергался, и не предать, прежде всего, самого себя. Сама дальнейшая судьба Богаевского и её трагический финал безоговорочно свидетельствуют об этом.

Спустя несколько дней, 19 марта (1 апреля) Голубов забрал Богаевского из тюрьмы. По какой-то причине он решил оставить свой отряд в Платовской, а Богаевского везти лично по железной дороге. Возможно, войсковой старшина опасался, что в казачьих станицах пленник может быть отбит у малочисленного конвоя, а в крестьянских сёлах его жизнь вновь подвергнется опасности.

По словам Н.М. Мельникова, для конвоирования Богаевского был подготовлен специальный поезд, состоявший из паровоза и вагона третьего класса. «Поместили в среднем купе вагона, – пишет он, – и паровоз бесшумно тронулся в путь. В коридоре и в соседних отделениях было полно вооружённых казаков, с любопытством смотревших на М. П-ча. Вошёл Голубов в сопровождении казака, нёсшего розовую, в цветах, подушку, и расположился на другой стороне отделения – против сидевших рядом, прижавшись друг к другу, дремавших Богаевских...»

Не подлежит сомнению, что уже тогда Голубов решил использовать Богаевского в своих интересах. Поезд проходил через Ростов, и войсковому старшине ничего не стоило сдать пленника Донревкому и разом избавиться от множества проблем. Однако он этого не сделал, а проследовал да-

лее, в Новочеркасск³⁰⁸, где Богаевский был помещён на гауптвахту³⁰⁹.

И тут вдруг выяснилось, что ситуация обострилась, и приходится забыть о «степняках», а утихомиривать своих, донревкомовских, казаков.

С первых дней после занятия Новочеркасска казаки 6-го пешего батальона, перешедшего на сторону большевиков, спасали от расправы донских партизан³¹⁰. Дело приобрело вполне законные организационные рамки, и сразу же было поставлено на поток. Батальонный комитет легко и без лишних формальностей принимал в состав подразделения всех желающих, хотя нетрудно было догадаться, что под видом «добровольцев» часто записывались те, кто по тем или иным причинам не сумел покинуть город и имел основания опасаться репрессий. Вскоре в батальоне были уже свыше полутора десятков партизан, а пулемётная команда состояла из них целиком.

Укрывали в казарме по преимуществу знакомых офицеров, и казаки 10-го Донского полка.

Случались уже и недоразумения между голубовскими казаками и красногвардейцами, переходившие всё чаще в потасовки. В этой обстановке исполком Совета и так называемый «Совет пяти» решил провести регистрацию проживающих в городе офицеров. Трудно сказать, было ли это дежурным мероприятием или готовился новый виток репрессий, что вернее, но время для регистрации было выбрано явно неудачное.

Встревоженные казаки 6-го батальона послали в исполком делегацию с требованием отменить регистрацию, угрожая в случае арестов выступить в защиту офицеров с оружием в руках. Их поддержали часть казаков 10-го и 27-го Донских пол-

³⁰⁸ «В Ростове поезд поставили на запасный путь, – пишет Н.М. Мельников, – Голубов куда-то ушёл. Стояли час-два, если не больше. Было беспокойно... Вдруг в поезд стремительно вскочил Голубов, и сейчас же тронулись в путь. Обращаясь к М. П-чу, Голубов сказал: «Подтёлков и компания требовали, чтобы я отдал вас им... Ну, нет, М.П., судить вас в Новочеркасске будем мы!»

³⁰⁹ Е.Д. Богаевскую не стали задерживать, и она остановилась у сестры Богаевского, Н.П. Баклановой.

³¹⁰ Батальон был расквартирован на территории Новочеркасского Реального училища.

ков и почти все артиллеристы «Голубовской революционной дивизии». Ответа не последовало, и тогда 10(23) марта казаки вышли на улицу, навели орудия на здание, в котором заседали члены Исполкома, и заявили, что если регистрация не будет отменена, они «разнесут здание артиллерийским огнём».

Исполком тут же уступил. Более того, один из инициаторов проведения регистрации, Медведев, вынужден был покинуть город. Но в то же время, в Новочеркасск из Александровск-Грушевского, якобы для усиления гарнизона, был переведён 1-й Титовский революционный полк, что решающим образом изменило соотношение сил.

Вернувшись в Новочеркасск, Голубов постарался сгладить возникшие «недоразумения». В двадцатых числах марта (в начале апреля) им было созвано гарнизонное собрание. Городской театр был переполнен. В партере расположились казаки и солдаты Титовского полка, в президиуме – представители исполкома, Голубов и Смирнов.

Поначалу всё шло спокойно. Казаки и красногвардейцы были настроены мирно. Выступавшие убеждали их, что Советская власть это власть трудящихся, то есть их же самих. Наконец слово взял Голубов. И тут, во время выступления кто-то передал ему перехваченную телеграмму. Не ожидая подвоха, в общем-то, не думая даже, что подобное может произойти, Голубов с трибуны зачитал её целиком. Возможно, он и успел осознать смысл текста, но не посчитал нужным останавливаться на полуслове, и даже рассчитывал использовать телеграмму в своём выступлении. Последующее наглядно продемонстрировало, насколько ошибался войсковой старшина в своих расчётах.

Это было обращение «Всем, всем, всем», подписанное полковником К.К. Мамонтовым. В нём содержался призыв к донским казакам восстать и браться за оружие. И Голубов громко произнёс на весь зал: «...и изгнать красную сволочь – большевиков из пределов Донской области»³¹¹. Войсковой старшина

³¹¹ Текст концовки телеграммы приводит М.К. Бугураев («Родимый край» № 82, май-июнь 1969 г.). Возможно, приведённый по памяти, он несколько отличается от оригинала, но наверняка незначительно.

прервался на минуту, осмысливая сказанное. Затих и зал. Но тут же взорвался аплодисментами. Казаки, все как один, аплодировали и кричали «ура».

Выступать далее в таком шуме было невозможно. «Голубов вскочил, – пишет Бугураев. – Как разъярённый зверь, он метался по сцене, кричал, ругался, топал ногами. А казаки всё кричали «ура!» Президиум поднялся и покинул помещение, вместе с ними ушёл и Голубов...» Стали расходиться и «титовцы», а за ними и казаки. Уходили группами, настороженно озираясь по сторонам. Все были при оружии, и любой неосторожный жест мог привести к перестрелке. Понимание этого её и предотвратило. К тому же, при всём при том, казаки и «титовцы» относились друг к другу уважительно.

На следующий день комитеты всех частей и подразделений Новочеркасского гарнизона вынесли постановление о том, что на митинги все, включая и комиссаров и советских работников, должны прибывать без оружия.

Случившееся заставило Голубова врасплох. На такую реакцию казаков войсковой старшина явно не рассчитывал. Не исключено, он и подумывал теперь о том, чтобы открыто отмежеваться от Советской власти. Но перспективы этого шага представлялись туманными. Прорвавшееся недовольство донревкомовских казаков ещё не означало, что значительная часть фронтовиков готова выступить с оружием в руках против Советов. «Степняки» были далеко и, как представлялось, сами с трудом отбивались от многочисленных отрядов Красной гвардии. На их немедленную помощь рассчитывать явно не приходилось. О других очагах будущего восстания было мало что известно. К тому же с чисто военной точки зрения ситуация была незавидной. Против нескольких сотен «титовцев», дисциплинированных и сплочённых, местной Красной гвардии и скопившихся на ростовском вокзале отрядов Голубов располагал в лучшем случае 120–150 казаками, за решимость которых вновь взяться за оружие никто бы поручиться не смог³¹².

³¹² Роковую роль сыграло разделение сил. Оставшийся в Платовской от-

И главное, войсковой старшина прекрасно понимал, как будет воспринята очередная «смена окраски». Казаки не могли не задаться вопросом, зачем же мы сами, своими руками свалили Войсковое правительство и открыли большевикам дорогу в Новочеркасск? Чтобы теперь, когда мы одни, выступить против них? Его авторитет, и без того пошатнувшийся, грозил рухнуть окончательно.

Взвесив всё, Голубов решил продолжать ту же игру, и вытащить из колоды последний козырь. Запланированное им выступление Богаевского должно было показать казакам, что если уж этот человек, репутация которого оставалась незапятнанной, принимает Советскую власть, остальным остаётся, лишь последовать его примеру.

Несколькими днями позже в здании Кадетского корпуса состоялся очередной митинг. Слухи о том, что на нём выступит М.П. Богаевский, распространились в городе, и зал вновь был переполнен. Все были предупреждены, что собрание начнётся в строго определённое время, и никого ожидать не станут. «Голубовцы», казаки 6-го батальона, «титовцы» сидели на тесно сдвинутых скамейках, опоздавшие заполняли проходы³¹³.

М.П. Богаевский

Н.М. Голубов

ряд пригодился бы как нельзя кстати. И минимальное сопротивление, оказанное голубовскими казаками 27 марта (9 апреля), не в последнюю очередь объясняется их малочисленностью.

Что касается 6-го батальона, то в нём влияние войскового старшины было незначительным.

³¹³ Где-то в переполненном зале находилась и супруга Богаевского, Елизавета Дмитриевна.

5–6 советских работников, заседавших в другом помещении и не оповещённых о митинге заранее, уже не смогли пробиться сквозь их ряды и остались стоять сзади, в комнате перед входом в зал. Но никто и не думал расходиться.

Наконец прибыло начальство: Голубов, Смирнов и военный комиссар по борьбе с контрреволюцией В.Ф. Ларин. Богаевского, доставленного с гауптвахты на автомобиле с пулемётом, ввели в зал под охраной. К винтовкам конвоиров-красногвардейцев были примкнуты штыки.

Председательствовал Голубов. Первым слова попросил Ларин. Он начал с того, что охарактеризовал Богаевского, как контрреволюционера, врага трудового народа и «прихвостня буржуазии». Прозвучал даже недвусмысленный намёк на возможность самосуда: «Народный суд может свершиться и здесь. Воля народа везде...» Однако зал не выразил поддержки, и Ларин перешёл к другому.

Он пространно и сбивчиво говорил о большевизме, его развитии, о том, как много хорошего сделала Советская власть, о Красной гвардии и Красной армии... Слушали его уже невнимательно. Казаки вполголоса переговаривались между собой. Когда же прозвучали слова о «гидре контрреволюции – офицерстве», раздалась возмущённые выкрики. Председательствующий Голубов вынужден был напомнить, что существует свобода слова, и каждый вправе высказать своё мнение.

Ларин продолжал, но зал шумел, уже не переставая. Голубов заявил, что если выкрики не прекратятся, он сложит с себя обязанности председателя собрания, но в то же время, предложил Ларину скорей заканчивать «и не испытывать терпения казаков».

Не ожидавший подобного от Голубова, Ларин ещё пытался говорить, но концовка выступления получилась явно скомканной. Сам видя и осознавая это, Ларин машинально стал терять кобуру. Это не осталось без внимания казаков. Кто-то из них громко спросил: «Почему товарищ Ларин не выполняет слова и на митингах и собраниях бывает с револьвером?» После

этого комиссар совершенно смешался и поспешил покинуть трибуну. «Титовцы» аплодировали, но недолго и недружно.

Голубов вновь напомнил собранию о «свободе слова» и попросил слушать следующего оратора, не прерывая и не перебивая. В отношении Богаевского это было излишне. С помощью членов президиума он взобрался на стол – импровизированную трибуну и начал говорить.

Речь его была чёткой, но негромкой, и в задних рядах люди едва могли расслышать Богаевского. Раздались выкрики: «На середину. Многие ещё подошли. Просим на середину, не слышно...» Сидевшие у президиума возражали: «Не надо на середину. Решено». Начались пререкания, пришлось голосовать. Большинство голосов приняло решение, перенести «трибуну» на середину. Туда же перешли Голубов, Богаевский и конвой красногвардейцев.

Теперь Богаевского могли слышать все. И он говорил, никем не прерываемый, в полной тишине более трёх часов³¹⁴. Во

³¹⁴ «Когда этот человек, – пишет К.П. Каклюгин, – маленького роста, с измождённым жёлтым лицом калмыцкого типа, с впалой грудью, в скромном штатском одеянии выходил на кафедру для произнесения речи и произносил первые слова, аудитория, как бы она ни была многочисленна и разношерстна – затихала, и с напряжённым вниманием ловила каждое его слово...»

Слабый грудной голос, речь без жестов, без мимики; спокойная, непринуждённая, неподвижная поза; однообразно звучащая интонация; отсутствие патетических подъёмов, лирического шёпота... Короткая, отрывистая, разговорная фраза, полное отсутствие фразеологических и стилистических красот, внешних искусственных построений, рассчитанных на эффект.

Просто, ровно, спокойно, монотонно... Учитель объясняет ученикам урок...

Полное отсутствие внешних приёмов ораторского искусства, внешних красот и искусственности...

Откуда же эта слава Златоуста?

Разгадку следует искать не во внешних данных, которых не было, а во внутренних свойствах.

Прежде всего, следует отметить, что когда вы слушаете речь М. П-ча, – ничто внешнее не отвлекает вашего внимания – ни он сам, ни его манеры, ни звук голоса, ни фразы и слова, ни дикция, ни пафос. Вы воспринимаете его мысль, которая развивается легко, логично с необыкновенной прозрачностью и рельефностью, ясно, убедительно, неотразимо... Вас постепенно захватывает то чувство, которое испытывает оратор, оно овладевает вами в полной мере. Внушённые вам оратором мысли и чувства вы воспринимаете так, как будто бы это ваши мысли и чувства...»

времена, когда аудитория, слегка ошалевшая от всевозможных, проводившихся едва ли не ежедневно митингов и собраний, уделяла ораторам не более 15 минут, это само по себе многое значило.

Вначале Богаевский сказал, что, находясь в неравных условиях, не может должным образом ответить комиссару Ларину. Тот свободен, у власти, и потому бросает необоснованные обвинения, а он, Богаевский, «под угрозой штыков». И добавил, прихвостнем буржуазии он не был и не будет, и все сейчас это увидят.

Извинился, что не имеет на руках соответствующих документов и попросил поэтому верить на слово³¹⁵. Дальнейшее выступление действительно походило на лекцию. Богаевский напомнил, кто такой был Каледин и почему Круг Атаманом избрал именно его. Рассказывал о том, как формировалось Войсковое правительство, а затем и Паритетное. Пояснял, какие цели ставило оно перед собой, и какими способами пыталось этих целей добиваться. С какими трудностями столкнулось, как пыталось урегулировать отношения с Советами и Донревкомом мирным путём. Что делало после того, как, не находя выхода и поддержки казаков, покончил с собой Каледин, и Назаров заменил его, готовый сражаться до конца... Но Дон, встрепенувшись вдруг, так и не поднялся, и сил у него уже не оставалось...

«Видно было, что всё сильней и сильней симпатии на его стороне, – пишет Максим³¹⁶. – Чувствовалось, что речь не пре-

Разумеется, каждый оратор реализуется в рамках своей эпохи, и вне этих рамок неизбежно становятся непонятными и сомнительными причины столь громкого успеха. К тому же во времена, когда значительная часть населения не могла похвастаться элементарной грамотностью, человеку, способного сносно связывать фразы, куда проще было завоевать внимание слушателей.

Но факт остаётся фактом. Вне зависимости от социального и имущественного состава аудитории, М.П. Богаевскому раз за разом удавалось убеждать и даже очаровывать слушавших его людей.

³¹⁵ Любопытно, что отсутствием необходимых документов объяснял Богаевский и то, почему Голубов привёз его не в Ростов, а в Новочеркасск, где, по его мнению, легко было их найти. «И на суде, – говорил он казакам, – если таковой будет, дать ответ на все обвинения и вопросы с *нужным материалом в руках*».

³¹⁶ Псевдоним неизвестного журналиста «Донской волны».

врут. Дадут договорить до конца. Зрители – слушатели – одно внимание – пружина, которую сгибает и разгибает М.П. Богаевский. Он царил над слушателями...»

Коротко сказал о себе, а потом, обратился напрямую к казакам: «...Ушёл из города. Скрывался в станицах. Пришлось мне самому соприкоснуться, стать близко-близко, увидеть все ужасы гражданской войны. В это время, как раз, разыгрались события в Платовской станице, где вырезались от мала до велика целые семьи. Пришли одни – вырезали калмыков. Другие пришли, кровь за кровь, стали резать крестьян. Не мог вынести этого, не имел больше сил скрываться и решил написать письмо партизанам, а самому пойти, открыться Голубову, который обещал и доставил меня в Новочеркасск...»

Не думайте, что вы одни только любите Россию и Дон, что вы одни можете работать. Необходимо привлечь все силы для совместной работы. А работать можно не только одними руками. Работать головой. Вы работаете руками. У вас на них мозоли, а я работаю головой и у меня мозоли на мозгах.

Я ещё молод. Мне всего 36 лет. У меня семья. Мне хочется жить. Я хочу и могу работать. Если я нужен вам, если могу быть полезен вашей работе для Дона, я готов работать с вами³¹⁷. Готов помочь вам опытом и знаниями, которые есть у меня. Я считал своим долгом сказать вам, открыть глаза, осветить события и деятельность Каледина и его товарища Богаевского и других.

Вы нас выбрали. Вы нам вручили власть. Вы нам дали наказ. Его выполняли мы. Сами же вы за нами не пошли, и мы остались одни. Без опоры, без верного казачеству войска, без силы, без поддержки.

Не судите, не вините строго нас. Помните, что это ваши ошибки. Ошибки всего казачества привели к тому, что сейчас

³¹⁷ На основании этих слов И.А. Поляков, настроенный даже не против М.П. Богаевского, а против вступивших за него людей, делает вывод о том, что он, якобы, предлагал большевикам сотрудничество. Вряд ли это так. Богаевский бесспорно обращался непосредственно к казакам. И выражал надежду, что всё, так или иначе успокоится, казачество вновь будет распоряжаться своей судьбой, и тогда, пригодятся и его услуги.

В отличие от Полякова однозначно, как враждебную и антисоветскую, восприняли речь Богаевского в Ростове.

творится у нас на Дону. Вините и судите сами себя. Судите весь Дон, всех казаков судите.

...Россия и Дон связаны друг с другом. Дон без России и Россия без Дона жить, существовать не могут. Будет Дон, будет жить и Россия. Казакам необходимо примириться с крестьянами – пойти навстречу друг к другу. Протянуть братские руки и сплотиться в общем сильном едином пожатии...

Нужно примириться с партизанами. Позвать их. Вернуть из степей. Ведь там молодые силы. Там цвет будущего Дона. Там такие дорогие и нужные силы для процветания и жизни Дона.

Привлечь к работе и интеллигенцию – её силы. Без неё ничего нельзя сделать. Не будет цвести и расти Дон, если интеллигенция будет стоять в стороне. Если она не будет работать. Если не воспользоваться её опытом и знаниями.

Пора прекратить перестать лить нужную нам кровь своих же братьев, одинаково и сильно любящих Дон. Также желающих ему добра и благополучия и роста в дальнейшем...»

Зал сидел некоторое время, ожидая, что Богаевский вновь заговорит. Но, убедившись, что выступление закончено, взорвался аплодисментами. Аплодировали стоя казаки. К ним присоединялись многие «титовцы». Аплодировал, отставив винтовку, даже кто-то из солдат конвоя.

Никаких вопросов и обсуждения не было. Президиум немедленно покинул зал. Стали расходиться и казаки с солдатами. Богаевский сразу же был возвращён на гауптвахту.

Видимо, Ларин в тот же день сообщил в Ростов о митинге, причём речь Богаевского, и то впечатление, которое она оказала на казаков, охарактеризовал в самом негативном свете. ЦИК Донской Советской республики воспринял его донесение, как начало мятежа. Начальнику гарнизона Смирнову приказывалось немедленно прибыть вместе с Голубовым в Ростов и доставить туда Богаевского. Смирнов заявил, что подобное распоряжение выполнять отказывается.

Было ли его заявление заранее согласовано с Голубовым или всё произошло спонтанно у телефонного аппарата, неизвестно. Судя по дальнейшим событиям, никакого плана не су-

ществовало. Смирнов рассудил, что согласись он выдать Богаевского, воспротивиться этому и арестовать его самого могли бы его же казаки.

В любом случае, это был открытый разрыв, а возможно, и начало военного противостояния с Донревкомом, и все это понимали. Сразу же казаки, решившие, что им с большевиками уже не по пути, в массовом порядке стали покидать Новочеркасск³¹⁸. По городу поползли слухи о скором прибытии из Ростова карательной экспедиции, и это лишь ускорило их отъезд.

Скрылся и Смирнов, Голубов же оставался в городе. Этот энергичный, не унывающий человек с марта 1917 г. находился в неустанном движении. Придумывал и пытался осуществить немислимые комбинации. Считал, что чувствует настроение масс и умело использует его в своих интересах. И вот, когда всё, казалось, стало удаваться, вскрылось вдруг, что настроение это изменилось в какой-то момент, а войсковой старшина его не уловил. Изначально поставил всё не на ту лошадку, и пришёл срок расплачиваться по счетам³¹⁹.

Вероятно, лучшим выходом из создавшегося положения, было, захватив с собой М.П. Богаевского, немедленно выехать в поднимающиеся близлежащие станицы Черкасского округа. Но Голубов этого не сделал. Он недооценил «ростовских товарищей», не поверил в их способность оперативно принимать смелые решения. Да и покидать Атаманский дворец, к которому он стремился всё это время, не хотелось...

Эти пара дней промедления и решили в конечном счёте его судьбу.

27 марта (9 апреля) направленный из Ростова отряд матросов-анархистов прибыл в Новочеркасск и стал разгружаться на вокзале. Видимо, кое-какие меры Голубов всё же принял. Вок-

³¹⁸ М.К. Бугураев утверждает, что все полковые, батарейные и сотенные комитеты казачьих частей вынесли об этом соответствующее постановление («Родимый край» № 82, май-июнь 1969 г.).

³¹⁹ «...он недооценил событий, развёртывавшихся с головокружительной быстротой, – пишет И. Борисенко, – не рассчитал своих сил и забыл о «непреклонности движения колеса истории», каковой фразой не раз щеголял и сам на митингах...»

зал охранялся. Завязалась перестрелка, но казаков была горсть, и они вскоре отступили.

В городе появились конные матросы передового дозора, а вслед за ними по всем улицам стали продвигаться к центру и основные силы. Моряки располагали бронев автомобилями, и даже артиллерией. Вскоре гауптвахта была окружена. Казаки 10-го полка, бывшие в карауле, не оказали сопротивления и выдали матросам Богаевского.

Всё произошло очень быстро, что исключало возможность организованного отпора. И всё же он был оказан. Голубов без фуражки, с винтовкой в руках, во главе трёх-четырёх десятков лично преданных ему казаков, отстреливался сколько мог у Атаманского дворца. Но матросы подтягивались всё в большем количестве, численное превосходство их стало подавляющим. Голубов, продолжая отстреливаться, отступал по Московской улице и далее, к Собору. Ему с казаками удалось прорваться и покинуть город.

Совершенно неожиданно обнаружилась и ещё одна организованная группа, попытавшаяся ввязаться в бой. Хорунжий Е.И. Брыкин³²⁰, едва слышав выстрелы у вокзала, решил присоединиться к защитникам города. Он понятия не имел о силах казаков и их готовности к сопротивлению, но сам действовал решительно.

Зная о том, что в 6-м батальоне находятся партизаны-чернецовцы, он проследовал в Реальное училище. Удалось собрать до пятнадцати человек³²¹, готовых выступить немедленно. С этим «полуэскадрой» Брыкин стал продвигаться к арсеналу. На Сен-

³²⁰ Евгений Иванович Брыкин родился в Новочеркасске. Окончив гимназию, поступил в Киевский университет. С началом Великой войны перешёл в Новочеркасское военное училище. По окончании его служил в чине хорунжего в 20-м Донском полку под началом полковника А.М. Назарова – будущего Атамана Донского войска. Возглавлял команду разведчиков.

Вернувшись на Дон, записался к В.М. Чернецову, и был назначен командиром первого взвода второй сотни. Раненый в бедро под Каменоломней, после занятия Новочеркаска оставался в городе на излечении.

³²¹ Казаки батальона на защиту города не выступили, но и оружие сдать отказались. Не имевшие в отношении к ним чётких указаний, анархисты считали за лучшее, оставить батальон в покое.

ной площади партизаны наткнулись на семерых матросов и тут же закололи их штыками. Однако здание арсенала уже занимал поднятый по тревоге 1-й Титовский полк.

Брыкин попытался атаковать. Завязалась перестрелка. Определив по интенсивности огня, что противостоят им 10–15 человек, «титовцы», продвигаясь по параллельным улицам, начали окружать партизан. Пришлось отступить и рассеяться³²².

За полтора-два часа Новочеркасск был занят анархистами.

Была объявлена новая регистрация, но большинство офицеров на неё не пошли, справедливо полагая, что это может стоить им жизни. Часть отряда моряков была оставлена в городе на усиление гарнизона. Большинство же возвратились в Ростов.

Выбравшись из Новочеркаска во главе взвода казаков, Голубов вновь действовал решительно и целеустремлённо. Мучительные раздумья, как поступить, остались в прошлом. Выход был только один: присоединиться к зарождающемуся восстанию, а если удастся, возглавить один из отрядов.

Энергия и вера в удачный исход вернулись к этому удивительному человеку. Прямо противоположные качества непостижимым образом сочетались и уживались в нём. Казалось бы, пустозвон и завзятый демагог, войсковой старшина был в то же время прекрасным командиром, личная храбрость и организаторские способности которого никем и никогда не ставились под сомнение. А цинизм и беспринципность не мешали частым проявлениям добродушия, товарищества и по своему понимаемой воинской чести.

Любую заведомую авантюру он неизменно превращал в триумф. И сейчас, оставшись у разбитого корыта, рассчитывал на то же. Войсковой старшина не учёл лишь одного. Всё, что произошло на Дону с января, в чём принимал он непосредственное участие, затронуло десятки тысяч людей. Не только затронуло,

³²² Спустя сутки Брыкина арестовали и поместили на гауптвахте. Прямых свидетельств его участия в «мятеже» не было, но железнодорожник, бывший в составе трибунала, опознал его, как «чернецовца».

Хорунжего наверняка бы расстреляли. Спасли его кривяницы, занявшие город.

всю жизнь перевернуло. И далеко не все теперь симпатизировали Голубову. А заводить тут и там недоброжелателей³²³ в период усобицы, когда жизнь в буквальном смысле стоит одной пули, лучше бы не стоило...

Голубов разъезжал по станицам, уговаривая казаков подняться и пойти на Новочеркасск. 29 марта (11 апреля) он прибыл в станицу Заплавскую и вместе с богаевскими казаками³²⁴ проезжал мимо правления. Станичный атаман вышел на крыльцо и упросил Голубова слезть с коня и «зайти побеседовать». Войскового старшину не пришлось долго уговаривать. От митингов и собраний он никогда не уклонялся, так как за словом в карман не лез.

Ф.Ф. Пухляков (рисунок)

Говорил Голубов в течение 4-х часов, и был откровенен. Напомнив о значимых эпизодах своей военной биографии, перешёл к донским событиям. Рассказал, как в марте 17-го стал работать в военной секции Донского исполнительного комитета, о том, что произошло позже. Не забыл напомнить о своих заслугах. Эпизод с освобождением из тюрьмы и переходом на сторону ВРК равно как и период нахож-

³²³ Одним из таких недоброжелателей и являлся Ф.Ф. Пухляков, бывший студент Донского политехникума. В декабре в составе студенческой дружины он находился на станции Миллерово. Вскоре дружина была распущена, Новочеркасск пал, и Пухляков, не вступив ни в один из партизанских отрядов, 11(24) февраля вернулся на родину, в станицу Раздорскую.

Пухляков не был знаком с Голубовым, во всяком случае, близко. Но считал, и не уставал повторять, что «ради спасения Дона» необходимо его убить.

Узнав о восстании Фетисова, раздорцы одними из первых направили в Кривяньскую вооружённый отряд, в котором Пухляков был взводным командиром. В 3 часа дня 29 марта (11 апреля) раздорцы прибыли в Заплавскую. Пухляков тотчас узнал, что Голубов выступает в станичном правлении и поспешил туда.

³²⁴ Впоследствии Ф.Ф. Пухляков, а вместе с ним и В. Эмин утверждали, что Голубов прибыл в Заплавы в сопровождении казаков – уроженцев станицы Богаевской. Вероятнее всего, с ними войсковой старшина вырвался из Новочеркасска.

дения в занятом Советами Новочеркасске были упомянуты им лишь вскользь.

Говорил он, сидя на столе, положив рядом с собой винтовку. Между тем тучи над его головой сгущались. Пухляков присел сбоку, его дядя, поручик В.А. Александров, начальник отряда и друг студент Сулин, стали у окна. Снаружи расположились несколько казаков с винтовками из взвода Пухлякова. Никто им не мешал. Видимо, статус студента значил в то время немало. Возможно также, многие знали об устремлениях Пухлякова, и полагали, что если люди с оружием что-то предпринимают, значит так и надо.

– Я не виноват, – продолжал Голубов, – многие считают меня виновником современного положения на Дону... Кто-то что-то делает, кто-то в чём-то виноват – но всё слагалось так, что во всём виноват Николай Голубов...

Войсковой старшина прервался, и Пухляков скороговоркой задал ему несколько вопросов. Однако казаки возмутились и потребовали, чтобы Голубову не мешали договорить. Окончив без помех свою речь, Голубов покинул правление. Пухляков же стал убеждать атамана в необходимости его ареста, и в 11 вечера войсковой старшина был обезоружен и взят под стражу.

Голубов просил не отбирать браунинг. «Моя смерть в ваших руках, не выдавайте меня красногвардейцам, – говорил он, хотя не мог не понимать, что-что, а в Новочеркасск его не переправят. – А если думаете выдать, то оставьте мне браунинг, я застрелюсь».

Пистолет, конечно, отобрали. Ночь войсковой старшина провёл на частной квартире. Его охраняли восемь человек. Богаевцы никаких действий в защиту Голубова не предприняли.

Около шести утра на сход стали собираться казаки. Пухляков, предварительно взяв у брата, подьесаула А.Ф. Пухлякова, наган, отправился за Голубовым. Впереди шли четыре вооружённых казака, за ними войсковой старшина с Пухляковым. Замыкали тоже четверо и поручик Александров.

У правления собрались уже казаки. Все, за исключением бо-

гаевцев, стоявших отдельной группой, были без оружия. Голубова хотели ввести в правление, но раздались крики раздорцев: «Стой здесь и отвечай на вчерашние вопросы!»

Голубов стал на площадке рядом со ступеньками. Сзади, в дверном проёме стоял Пухляков с револьвером в руке, а внизу, возле ступенек, – Сулин, сжимающий винтовку с примкнутым штыком. Пухляков повторил заданные накануне вопросы, не самые опасные для войскового старшины³²⁵: «Почему был убит Чернецов и почему преследовались партизаны?»

– Товарищи!.. – начал по привычке Голубов. Толпа зашумела, но войсковой старшина, чуть замешкавшись, продолжил. – Я социалист-революционер. Для меня это принципиально... Станичники! В смерти Чернецова я не виноват. Я арестовал его, чтобы спасти. Но не мог спасти потому, что не мог сдержать казаков... И, в оправдание моё, что я не виновен в смерти партизана Чернецова, укажу на тот факт, что спасал его партизан на своих подводах и на свои средства триста вёрст от преследования Красной гвардии³²⁶.

– Господин Голубов, это странно! – прервал его кто-то. – Там спасаете чернецовских партизан, а в Сальском округе почему тогонялись за партизанами генерала Попова?

И здесь Голубову было что возразить. Силами, способными «гоняться» за Степным отрядом, он попросту не располагал. Но войсковой старшина лишь произнёс что-то невнятно и замолчал. Толпа постепенно заводилась.

– Врёшь!.. – раздались выкрики – Душегуб!..

– Дайте оправдаться! – рявкнул Голубов, и толпа стихла.

Пухляков, не ожидая его оправданий, задал новый вопрос:

– Почему вы, несмотря на свои обещания, шли против Каледина и его правительства и против интересов казачества? – видно было, бывший студент был взвинчен до предела. Его

³²⁵ Чернецов всё же был чужаком, и казаки переживали его гибель не так, как смерть Назарова, тем более Волошинова.

³²⁶ Что хотел сказать этим Голубов, не совсем понятно. Возможно, он и приказал казакам отпустить оставшихся в живых пленных партизан. В смерти же Чернецова, если не считать того, что войсковой старшина вёл бой с партизанским отрядом, Голубов не виноват никоим образом. Знай заранее, как всё обернётся, он бы, без сомнения, сделал всё возможное, чтобы её предотвратить.

уже мало интересовало, что будет говорить Голубов. При этом он то и дело поднимал руку с заряженным наганом. Увидев в непосредственной близости сверкающее на солнце оружие, казаки подались назад. В какой-то момент Пухляков, психика которого, судя по всему, устойчивостью не отличалась, взвёл курок.

– Против Каледина, правительства и интересов казачества я в корне не шёл, – отвечал войсковой старшина, – но в мелких деталях я с ними не был согласен... – Замолчал ненадолго, но тут же нашёл откровенные и правдивые слова, – ... как и все вы!

Толпа вновь притихла, осознавая сказанное. Лучшего момента для освобождения трудно было и представить. Голубов исподлобья посмотрел на богаевцев. Но те молчали и готовности к решительным действиям не обнаруживали.

Пухляков, между тем, напомнил о семи расстрелянных – Атамане Назарове и остальных. Голубову нечего было ответить. Вновь из толпы казаков послышались вскрики:

– Изменник... Предатель...

– Дайте же оправдаться... – повторил Голубов и еле слышно произнёс. – Ах, как тяжело...

– А нам легко?.. – так же тихо ответил кто-то.

Голубов был свой, природный черкасский казак, и как знать, быть может, ему и удалось бы, уговорив людей, выпутаться и из этой безнадежной ситуации.

Но тут Пухляков, окончательно потерявший самообладание, громким, срывающимся голосом провозгласил:

– Станичники! Голубов, ещё будучи членом военного отдела областного исполнительного комитета, ещё в то время грозил Войсковому правительству шестнадцатую тысячами штыков Новочеркасского солдатского гарнизона...

Он вновь поднял руку и, не рассчитав дистанции, ткнул стволом револьвера в голову войскового старшины. При этом, по-видимому, сам того не желая, нажал на спусковой крючок. Пухлякова подвели нервы. Возможно впрочем, сказалось отсутствие должных навыков владения личным оружием.

Выстрела никто не услышал. Но пуля, выпущенная в упор, вошла Голубову в затылок и вышла через левую бровь. Он стал заливаться на Пухлякова. Тот оттолкнул его, и Голубов рухнул перед крыльцом на грудь. Он был ещё жив и в сознании. И хотя не мог уже говорить, лицо и глаза, полные недоумения и возмущения, казалось, спрашивали: разве такое возможно, кто осмелился!?!..

Потрясённый Пухляков³²⁷ закричал и выстрелил в лежавшего перед ним войскового старшину раз и другой. Пули вошли в ухо и висок...

«Голубов лежал на ступеньках, – пишет В. Эндин³²⁸. – Голова его раздулась, кровь фонтаном била из всех шести отверстий – он был полнокровным...»³²⁹

³²⁷ Позже Пухляков говорил, что в течение продолжительного времени не мог заснуть и боялся, что сойдёт с ума.

³²⁸ «Донская волна» № 9 от 05.08.18.

³²⁹ «Так кончил свою пёструю жизнь Николай Голубов, – пишет В. Севский, – всю жизнь искавший славы, овеванный ею на бранных полях, и за эту славу хотевший чрезмерно большой процент: атаманскую булаву. Шёл широким шагом и всю жизнь спотыкался о трупы: Чернецов, Назаров и семья, иже с ним, Богаевский... Вся карьера его – прогулка по канату над пропастью. Всегда неудачно балансировал и, каждый раз срываясь, увлекал в бездну самых сильных, самых ярких...»

Сколько раз судьба учила неугомонного, что удаль и доблесть военная не всегда идут вместе с мудростью и лукавством политика, но он до последнего дня гулял по канату, пока не разбился насмерть...» («Донская волна» № 7 от 22.07.18).

Вероятно, пуля, выпущенная в затылок войскового старшины, была нелепой случайностью. Но вместе с тем смерть Голубова знаменовала собой постепенное окончание целой эпохи, романтического этапа гражданской войны. Периода, когда офицерские роты штыками прокладывали себе дорогу среди многочисленных толп во многом и потому, что с ними шёл Корнилов. Когда солдатские эшелоны, устремившиеся в тыл, останавливались случайным агитатором и давали жестокий отпор немцам. Когда казаки, смертельно уставшие от войны, вдруг поддавались обаянию командира и вновь садились в седло. Когда одиночки могли повести за собой тысячи.

Население теперь самую жизнью было разделено на две группы. Одни от имущественного и социального передела, затеянного большевиками, надеялись что-то получить. И получить достаточно много, чтобы ради этого идти на смерть. Другие имели время убедиться, что передел этот ничего хорошего им не сулит. И чтобы не потерять всего, тоже приходится идти на смерть.

Время одарённых одиночек проходило. Их место занимали скромные труженики войны. Пусть не такие яркие и приметные, зато точно знавшие с кем они, и почему. Теперь, сколь ни был неординарен человек, принадлежность к

В эти же дни решилась судьба и оставленных в Платовской казачьих сотен. Ещё ранее местные отряды Красной гвардии предприняли попытку преследования «степняков», отходивших в сторону Ремонтной. Оно вылилось в перестрелку разъездов. Красногвардейцы далеко не пошли и вскоре возвратились в свои станицы. Пучков при этом продвинулся лишь до Великокняжеской. Боевого соприкосновения с партизанами «голубовцы» не имели.

Реорганизованный отряд Т.Н. Никифорова³³⁰ вернулся в Платовскую. По словам С.М. Будённого, в это время была получена телеграмма за подписью Подтёлкова, предписывающая Пучкова и его ротных командиров арестовать, а казаков обезоружить и распустить по домам.

Никаких объяснений при этом не приводилось, и Никифоров не рвался выполнять распоряжение Подтёлкова. К тому же он опасался, что три сотни казаков-фронтовиков окажут вооружённое сопротивление и «доставят немало хлопот».

В этом смысле Никифоров и высказался на собрании командиров отряда, предложив иметь телеграмму Подтёлкова в виду, но избегать решительных действий. Будённый же заявил, что готов выполнять предписание и предложил следующий план. Составлялась поддельная телеграмма, в которой Голубов якобы предписывал Пучкову проследовать в Платовскую и ожидать его прибытия. В станице казаков предполагалось захватить врасплох и разоружить.

В соответствии с этими намётками и решено было действовать. Будённый во главе своего эскадрона отправился в Великокняжескую, где передал Пучкову «телеграмму». Содержание её удивления и тревоги у Пучкова не вызвали. Он сразу же поднял

той или иной группе оказывалась куда важнее набора личных качеств. И готовность сражаться и отстаивать интересы своих, отодвигала на задний план свои личные устремления.

И в этом смысле Голубов не имел шансов. В лучшем случае, он мог стать лишь одним из многих. Но судьба, столь долго к нему благоволившая, не позволила и этого...

³³⁰ С влившимися мелкими отрядами и группами Платовский отряд имел в своём составе три стрелковых батальона и кавалерийский эскадрон, командиром которого был избран С.М. Будённый.

отряд и вместе с эскадронам Будённого проследовал в Платовскую.

Как было условлено, казакам предоставили для размещения казармы, а Пучкова и сотенных командиров пригласили в штаб отряда. Будённому и бойцам его эскадрона Никифоров предложил идти отдыхать. К всеобщему удивлению, вместо немедленного ареста, он предложил отдохнуть и Пучкову³³¹.

Будённый, решив что его задача выполнена, также последовал его совету. Дома он пообедал, и так как все в эскадроне не спали около суток, немедленно уснул. Однако выспаться ему не пришлось, не более чем через час в станице поднялась стрельба.

«Я выбежал из дому, вскочил на коня и помчался к штабу отряда, – пишет Будённый. – По дороге к хутору Шара-Бурук и в сторону Маныча на галопе группами и в одиночку уходили казаки Пучкова. Их преследовали, стреляя на ходу, бойцы эскадрона. Очевидно, странное поведение Никифорова навело Пучкова на подозрение, и он поднял своих казаков, чтобы увести их из Платовской, а это в свою очередь всполошило наших людей. Вначале Пучков пытался руководить отходом своего отряда, но убедившись в бесполезности этого, бросил казаков и один с ординарцем поскакал к Манычу. Я с группой бойцов кинулся за ним. В ходе погони был убит ординарец Пучкова. Сам он, подскакав к реке, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу, уцепившись за гриву коня. Подоспевшие бойцы вместе со мной открыли по нему огонь. Не доплыв до левого берега Маныча несколько метров, Пучков вместе с лошадью стал тонуть. Однако я заметил в бинокль, что он всё-таки выбрался из реки и уполз в камыши³³²».

³³¹ «Казалось, что теперь, когда Пучков был в наших руках, Никифоров не знал, что с ним делать, – пишет Будённый. – Я, конечно, не мог сам решить этот вопрос...»

³³² Весь эпизод, связанный с попыткой разоружения отряда Пучкова, приводится лишь в мемуарах С.М. Будённого, и другими источниками не подтверждается. Сомнительно, чтобы масштабное боестолкновение и столь плачевный финал донревкомовских казаков, перешедших на сторону Советов и в конечном итоге ими же уничтоженных, могли быть проигнорированы вначале Донской, а затем, и эмигрантской прессой. Это обстоятельство заставляет предположить, что «голубовцы» узнали о событиях в Новочеркасске заранее,

На этом существование донревкомовских казаков как оформленного подразделения, прекратилось. Незначительная их часть перешла к Подтёлкову. Позже почти все они погибли в экспедиции. Подавляющее же большинство «голубовцев» разъехались по домам и участвовали в гражданском противостоянии уже на следующем его этапе.

Между тем 29 марта (11 апреля) сестре Богаевского Н.П. Баклановой оставшиеся на гауптвахте офицеры передали записку, в которой сообщили, что в три часа дня 28 марта (10 апреля) он на специальном поезде был увезён анархистами в Ростов.

М.П. Богаевского поместили в ростовскую в тюрьму³³³. 29 марта (11 апреля) на него было заведено новое уголовное дело за № 425. При регистрации от Богаевского было принято 22 руб. 32 коп.

Вскоре в Ростов приехала Е.Д. Богаевская. Свидания она не получила, но ей удалось переговорить с тюремным доктором. Тот сообщил, что Богаевский был у него на приёме и жаловался на боли в области сердца. По словам доктора, оставшись в тюремном покое с ним наедине, Богаевский сказал также, что от вокзала его вначале повезли в «Палас-Отель» на допрос к Подтёлкову. При этом Подтёлков «ругал его площадной бранью и, поднося кулак к лицу, намеренно наступал на ноги». 30 марта (12 апреля) доктор сумел известить Богаевского о том, что супруга его уже в Ростове.

На следующий день в город прибыл бывший ученик Богаевского. При нём находилось рекомендательное письмо, адресованное одному из ростовских адвокатов, который имел доступ, как в тюрьму, так и в Совет. Разрабатывался план, согласно

и большинство из них разъехалось по домам беспрепятственно, до того, как их попытались разоружить. Если перестрелка и имела место, то она была незначительной и недолгой. Весьма вероятно, всё свелось к попытке задержания Пучкова и разоружения его небольшой охраны. Всё это, конечно, требует уточнения.

³³³ Сопроводительный документ был подписан председателем президиума I съезда Советов Донской Советской республики В.С. Ковалёвым: «Препровождается Богаевский М.П. к Вам в тюрьму от президиума съезда советов Донской республики, которого держать в одиночном заключении за строгим караулом».

которому в тюрьму передавалось фиктивное предписание³³⁴ о выдаче Богаевского, после чего его должны были укрыть в «надёжном месте».

Трудно сказать, насколько всё это было серьёзно и каковы были реальные шансы на успех. Судя по всему, замысел в конкретные действия так и не воплотился. Впрочем, любая попытка спасти Богаевского была обречена на неудачу, так как неизбежно не поспевала за развитием событий. Время шло уже не на дни, а на часы, и их оставалось немного.

1(14) апреля утром кривяньские казаки во главе с войсковым старшиной М.А. Фетисовым с налёта заняли Новочеркасск. Несмотря на отсутствие каких-либо органов управления, в том числе и военного, восставшие нашли время озаботиться судьбой Богаевского. Решение этого вопроса было поручено И.А. Полякову, сразу по занятию Новочеркасска предложившего Фетисову свои услуги.

«...Я приказал восстановить прерванную с Ростовом телефонную связь, – пишет он. – После долгих попыток, в конце концов, удалось получить Ростовский исполнительный комитет. К телефону подошёл какой-то субъект, назвавший себя заместителем председателя комитета. Когда он узнал о цели моего вызова, он разразился по моему адресу потоком площадной брани, высказал сожаление, что меня не разыскали в Новочеркасске и не расстреляли и обещал при новом занятии города не забыть, это сделать. Я предложил ему за М. Богаевского отпустить всех комиссаров и видных большевиков, арестованных нами в Новочеркасске, а за каждого казака – по несколько красногвардейцев, но он и это моё предложение категорически отвергнул. Моя угроза в случае неисполнения нашего требования – расстрелять всех пленных большевиков также не подействовала. Она вызвала лишь новую брань с его стороны и угрозы не оставить камня на камне при будущем занятии большевиками Новочеркасска.

³³⁴ Адвокат, якобы, брался раздобыть стандартный бланк для предписаний, на котором уже наличествовала подпись «ответственного лица» и заполнить его соответствующим текстом таким образом, чтобы он не вызвал в тюрьме никаких подозрений.

Я видел, что всякие дальнейшие переговоры бесполезны и потому, предупредив говорившего со мной, что за каждого расстрелянного ими казака, мы будем расстреливать 10 красногвардейцев, приказал прервать телефонное сообщение. Так неудачно окончилась попытка спасти М. Богаевского тогда, когда его фактически в живых не было³³⁵. Что касается моих угроз по отношению к пленным большевикам, то мы от этого воздержались. Объяснялось это многими причинами. С одной стороны, не хотелось уподобляться большевикам и расстреливать всех без разбора, а с другой – у нас не было уверенности, что мы удержим город...»

Явился ли ультиматум последней каплей или же Богаевский был расстрелян, едва угроза освобождения его восставшими стала, как показалось, реальной, неизвестно. Остаётся лишь догадываться, кем и когда принималось роковое решение. Известны лишь его исполнители.

1(14) апреля около пяти часов вечера к зданию тюрьмы подъехал служебный автомобиль. В нём находились четверо. Два шофёра на переднем сиденье, Яков Антонов³³⁶, совсем ещё юноша, один из организаторов ростовской Красной гвардии и председатель следственной комиссии Романский – на заднем.

Я. Антонов

³³⁵ И.А. Поляков всячески подчеркивает, что ультиматум был оглашён уже после смерти Богаевского. Большинство других источников придерживаются иного мнения, суть которого в том, что упомянутый телефонный разговор состоялся днём 1(14) апреля и послужил непосредственным поводом к его расстрелу.

«В этот день, 1-го апреля, – пишет Н.М. Мельников – Ростов. сов. власти получили из Новочеркасска, освобождённого в первый раз казаками всего лишь на один день, ультиматум немедленно освободить М.П. Б-го и не позже 5 часов дня доставить его в Новочеркасск. Большевики поспешили немедленно покончить с пленником...

Не будь этого неумного ультиматума, не вовремя сосредоточившего внимание сов. властей на личности М.П. Б-го и подчеркнувшего особую ценность его для восставших, судьба М. П-ча, быть может, была бы другая...»

³³⁶ Однофамилец В.А. Антонова-Овсенко.

Выйдя из машины, Антонов проследовал в тюремную контору и там предъявил листок бумаги, в котором значилось следующее: «Предлагаю выдать предъявителю сего Богаевского для препровождения в областной Военно-Революционный комитет для допроса. Председатель чрезвычайной следственной комиссии Рожанский».

Судя по неровностям строк, Рожанский составил предписание прямо в автомобиле, но каких-либо подозрений оно не вызвало. Антонова знали в лицо и выдали Богаевского немедленно. В качестве расписки он лишь начертил внизу: «Ар. Богаевского в следственную комиссию принял. Г. Антонов³³⁷. 1 апреля 1918».

Богаевского посадили между Антоновым и Рожанским, и автомобиль начал движение в сторону Новочеркаска. До города доносились отчётливо слышимые звуки перестрелки. Это в районе нахичеванских боен у станицы Александровской восставшие казаки продолжали отбиваться от подходивших от вокзала красногвардейцев.

На окраине Нахичевани наблюдалась небывалая суета, сновали автомобили и конные, проходили всё новые и новые отряды. Обыватели выходили из домов, боясь пропустить непривычное зрелище. Впрочем, несмотря на стрельбу, немалое количество граждан гуляло у третьей Балабановской рощи за насыпью железной дороги. Был праздничный день.

Решил посмотреть, в чём дело, и фельдшер боен казак Гугуев. У опушки рощи он увидел чёрный автомобиль, неуверенно круживший у деревьев. Наконец машина остановилась. Из неё выбрались двое, и торопливо пошли в глубь рощи. Впереди шёл человек в военном френче, за ним – сутуловатый человек в фуражке с бархатным околышем. Гугуев принял его за учителя.

Зашли за редкие деревья, вышли на полянку. Сделав ещё несколько шагов, первый вдруг резко обернулся, вскинул руку и выстрелил в «учителя». Тот, не вскрикнув, упал. Стрелявший,

³³⁷ Возможно, имелось в виду «гражданин Антонов». Не исключено, впрочем, что Антонов использовал псевдоним.

обойдя тело, вернулся к автомобилю, намереваясь занять своё место. Но второй пассажир что-то сказал ему, указав на упавшего. Человек в военном френче³³⁸ согласно кивнул, вернулся к «учителю» и повторно выстрелил ему в лицо. Автомобиль тут же умчался.

Гугуев приблизился к лежавшему и увидел, что у того прострелен правый глаз. Он был ещё жив, но говорить не мог. Из рта толчками вытекала кровь. Взглянул на фельдшера левым глазом и тут же закрыл его. Гугуев поднял лежавшую рядом фуражку и разобрал на подкладке две буквы: М. П. Он наконец, понял кто был перед ним.

Подошёл матрос, живший неподалёку, подошли какие-то женщины. Матрос поднял с земли и позже унёс с собой пенсне.

³³⁸ Гугуев по понятным причинам не рискнул приблизиться и не мог тогда знать, кто были эти двое, совершившие убийство. Позже их имена были установлены. В Акте расследования по делу об убийствах, совершённых большевиками в 1918 г. в г. Ростове-на-Дону (дело № 25), произведённого «Особой комиссией, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР», можно прочесть следующее:

«1 апреля, около 4 часов дня, председатель ростовской Чрезвычайной следственной комиссии Беруш-Рожанский вместе с начальником ростовской Красной гвардии Яковом Антоновым прибыли в тюрьму и потребовали выдачи Богаевского якобы для допроса в Военно-революционном трибунале. Богаевский был посажен в автомобиль и отвезён названными лицами не в трибунал, а за город, к Балабановской роще, где Антонов предложил ему встать и следовать за ним. Дорогою Антонов обернулся и выстрелил в упор в Богаевского, который свалился. Спустя несколько минут Антонов по указанию Рожанского вновь подошёл к Богаевскому и произвёл в него второй выстрел.

Раненый Богаевский вскоре скончался, и труп его был доставлен случайным свидетелем этого убийства в Марьянскую больницу. На голове трупа было обнаружено два ранения, одно в области верхней челюсти, а второе у левого скулового отростка, сопровождавшееся разрушением основания черепа.

Попытка группы членов партии левых эсеров, ближайших сотрудников большевиков, вырвать Богаевского как крупного политического деятеля, пользовавшегося общим уважением, и добиться суда над ним в Москве, в революционном трибунале, осталась безрезультатной. Большевики предпочли суду короткую кровавую расправу.

Всё вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией с соблюдением Устава уголовного судопроизводства».

Начинало темнеть, и все поспешили разойтись по домам. Затихала и перестрелка у боен.

Гугуев не осмелился забрать в дом Богаевского и не оказал ему, возможно, ещё живому, никакой помощи. Но утром на подводе вернулся в рощу. Богаевский лежал в той же позе. Он был мёртв.

Фельдшер уложил тело на подводу и повёз в Нахичеванскую больницу. Проехав часть пути, он наткнулся на группу красногвардейцев, посланных забрать тело. Остаток пути проделали вместе. Впрочем, красногвардейцы были только рады, что не пришлось самим искать подводу. В больнице один из них обшарил карманы покойного и забрал записную книжку.

Гугуев поспешил уехать домой.

Через неделю Е.Д. Богаевской разрешили забрать из погребка городской больницы тело мужа. Богаевского похоронили вначале в Нахичевани, и лишь много позже супруга перевезла тело в Новочеркасск. «Я помню, – писал В. Севский³³⁹, – толпу праздных зевак, баб и детей с подсолнухами на временной могиле Богаевского на Софиевском кладбище в Нахичевани и кучку друзей – трёх-четырёх, кроме пяти родных покойного.

Помню товарный вагон с полом, пахнущим навозом, в котором везли Богаевского из Ростова в Новочеркасск.

И на перроне Нахичеванского вокзала в маленькой группе друзей и родных Богаевского отчётливо помню немецкого унтер-офицера. Он подошёл к Е.Д. Богаевской и от лица немецкой армии поклонился жене казачьего патриота.

И только... Иных делегатов не было».

8.5. В УКРАИНЕ

8.5.1. Эвакуация Киева

Когда Киев был занят и Народный секретариат переехал в столицу Украины, в его учреждениях царил едва скрываемая эйфория. О том, что переговоры в Бресте могут быть сорваны,

³³⁹ «Донская волна» № 9 от 05.08.18.

никто, казалось, не задумывался, да и не хотел задуматься³⁴⁰. И лишь направленная из Петрограда за подписью И.В. Сталина телеграмма, в которой прямо говорилось, что немцы наступать будут и целью их наступления является захват Петрограда и Киева, заставила «киевских товарищей» посмотреть правде в глаза.

Сразу же по её получении на заседании Народного секретариата было принято решение «немедленно организовать комитет для руководства обороной революционной Украиной в составе пяти человек и комитету обороны предоставить самые широкие полномочия с правом принимать немедленные решения от имени Украинской республики». При этом Подольская, Волынская и Киевская губернии были объявлены на военном, а Киев – на осадном положении³⁴¹.

Благодушие сменилось лихорадочной деятельностью. Созывались всевозможные совещания, создавались комитеты, издавались воззвания и «обязательные для исполнения» постановления. Тут и там выступали агитаторы, правда, без особого энтузиазма.

Всё это имело мало практического смысла. Народный секретариат, вполне оформившийся как орган, способный принимать решения, не успел обзавестись аппаратом для их исполне-

Ю.М. Коцюбинский

³⁴⁰ «На заседании Народного секретариата, – пишет Д. Эрде, – в последних числах февраля, т.е. за несколько дней до падения Киева, представитель Военного Секретариата уверял, что слухи о движении немцев в сторону Киева «безусловно, ложны». Возникновение этих слухов, объяснялось, по мнению секретариата, весьма просто. По его сведениям, в пограничном районе были только частичные случаи набегов партизанских отрядов австро-германских войск на некоторых железнодорожных станциях и в ближайших к расположению неприятельских войск городах и местечках. Набеги эти были предприняты, якобы, с целью добычи провианта и захвата складов оружия, брошенного правительством Рады...»

³⁴¹ 9(22) февраля ЦИК Ук утвердил предложенные меры. В состав «Комиссии по обороне страны» были избраны Я. Мартьянов, Ю.М. Коцюбинский, Н.А. Скрыпник, С. Бакинский и В.М. Примаков.

ния. К тому же в Киеве мобилизовать значительные силы было невозможно. После Январского восстания и уличных боёв пролетарии города к новым сражениям уже не стремились³⁴². Что касается населения в целом, то многодневная бомбардировка городских кварталов, свыше двух тысяч проведённых в короткий срок арестов, обыски и реквизиции, сильно поубавили симпатии к Советам.

В окрестностях города располагались отряды Красной гвардии, общая численность которых после ухода Муравьёва достигала до трёх тысяч бойцов³⁴³. Для успешного противодействия подразделениям Центральной Рады, которые находились едва ли в лучшем состоянии, этого было вполне достаточно. Немцев ни остановить, ни задержать они, конечно, не могли.

10(23) февраля делегация Городской Думы прибыла на приём к народному секретарю по внутренним делам. Возглавлявший её бундовец М.Г. Рафес высказал следующее: «Ввиду того, что Советская власть по мирному договору должна быть на Украине ликвидирована, мы... предлагаем Советскому правительству сдать охрану города Городской думе, которая вышлет свою делегацию к германскому командованию, чтобы не допустить обстрела города». И хотя предложение Рафеса было встречено с негодованием и делегатов едва не расстреляли, всем было понятно, что Советам в Киеве отведены считанные дни.

³⁴² «Пробовали звать рабочих на борьбу с врагами для защиты революции, – вспоминает М. Майоров, – но киевский пролетариат устал, и не было возможности ещё раз броситься в бой, как месяц тому назад. Киевский пролетариат целый месяц голодал и ходил без работы. Его охватил страх перед сильным врагом – немецким империализмом. И даже если бы Советская Власть собрала несколько тысяч товарищей рабочих в Киеве, чтобы оказать сопротивление на подступах к Киеву, то разве можно было бы устоять против неравной силы – хорошо вооружённых немецких солдат?»

³⁴³ В том числе, «Социалистический отряд» В.И. Киквидзе, несколько дней сдерживающий гайдамаков в районе Бердичев – Житомир, впрочем, без особого нажима с их стороны. Этим ограничилось участие Юго-Западного фронта в обороне Киева.

Едва появились слухи о наступлении немцев, и был получен приказ Крыленко о демобилизации, десятки солдатских эшелонов устремились в тыл.

13(26) февраля в первой половине дня на железнодорожных путях у здания пассажирского вокзала загорелись два вагона со снарядами, и, хотя пожар удалось вскоре потушить, паника распространилась мгновенно. Расследование, произведённое в срочном порядке выехавшими на вокзал народными секретарями, показало, что никакого отношения к немецкому наступлению причины возгорания не имели, но изменить что-либо было уже невозможно.

В тот же день на экстренное расширенное заседание Народного секретариата с президиумом ЦИК Ук, президиумом исполкома Киевского Совета и секретариата Киевского парткома был вызван военный комиссар Коцюбинский, который доложил о состоянии дел³⁴⁴. В ответ на прямой вопрос Скрыпника: «За сколько дней военные могут поручиться?», он заявил, что на это трудно ответить и пояснил: «Будет зависеть от активности противника...»

Тут же было принято решение об эвакуации Правительства и вывозе ценностей государственного банка в Полтаву. Заседание длилось не более получаса. Сразу же после его окончания Киевский парткомитет предложил всем советским и партийным работникам покинуть город. Прибывшие с вокзала народные секретари ещё пытались выправить положение.

По их инициативе было организовано новое срочное заседание Народного секретариата и президиума ЦИК. Присутствующие доказывали, что «киевские товарищи неверно истолковали принятое решение, так как ни одного слова не говорилось о том, чтобы *сию же минуту* уезжать». В итоге постановили: «принять меры к прекращению панической эвакуации и задержать отъезд киевлян». Однако вскоре выяснилось, что Киевский исполком и парткомитет в полном составе уже уехали 6-часовым поездом в Полтаву³⁴⁵.

³⁴⁴ Уверенно Коцюбинский мог сообщить лишь то, что «наша разведка, на протяжении 30 вёрст от города, противника *ещё* не обнаружила».

³⁴⁵ «Весть об отъезде Исполкома Совета, – пишет Е. Бош, – быстро разнеслась среди обывателей, и положение в городе создалось настолько неустойчивое, что дальнейшее пребывание Советского правительства являлось

14(27) февраля меньшевики и бундовцы создали пленум Совета. Рафес проинформировал собравшихся о бегстве исполкома и предложил избрать новый. Положение спасли прибывшие народные секретари, остававшиеся в городе. В итоге было принято предложение «немедленно закрыть заседание, чтобы, не теряя ни минуты, взяться за организацию рабочих отрядов и вооружение их³⁴⁶».

Позднее в здании вокзала состоялось ещё одно заседание Народного секретариата и президиума ЦИК Ук. Народные секретари, вернувшиеся с Пленума Совета, потребовали призвать всех проле-

Е.Б. Бош

совершенно невозможным. И президиум ЦИК'а, и Народный Секретариат переехали из занимаемого помещения в поезд. В городе остались только три члена Народного Секретариата (народные секретари по военным делам, внутренним и финансовым) и т. Виталий Примаков. Т.т. Коцюбинский и Ауссем занялись собиранием разрозненных отрядов Красной гвардии и розыском вооружения, т. Примаков со своим небольшим отрядом Червоного Казачества поддерживал порядок и охрану в городе, а тов. Е. Бош принимала бесконечные делегации и демонстрировала власть, *а вернее, безвластие в городе*.

Исполком Киевского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов уехал 26 февраля, не создав пленума Совета и не уведомив его о своём отъезде. Товарищи так торопились с отъездом, что бросили всё, как было; даже винтовки, хранившиеся в подвалах дворца, где находился Исполком, не были сданы и оставлены без всякой охраны. Только члены Исполкома, работавшие в банке, выполнили свои задания и эвакуировали все ценности и бумаги.

Ужасную картину, – картину панического бегства, представлял на другой день дворец – помещение Исполкома... Обыватели моментально узнали об оставленных винтовках и с утра 27 февраля валом повалили в здание Исполкома на разграбление оружия. Только часов в 12 дня, когда сообщили в Народный Секретариат, эта грабилька была прекращена, и оставшиеся винтовки перевезены в Штаб. Неорганизованный, панический отъезд Исполкома резко подчёркивался положением на заводах. Хотя рабочие были охвачены не меньшей тревогой и прекратили работу, но они заперли предприятия и организовали свою охрану с постоянной сменой караула».

³⁴⁶ Из киевских железнодорожников был сформирован так называемый «1-й Киевский железнодорожный полк» под командой рабочего-железнодорожника Дзиевского, бывшего украинского эсера, перешедшего на сторону Советов. Позже он эвакуировался в Полтаву вместе с Правительством.

тариев Киева к оружию и выделить для этого ответственных работников. Но здесь царили другие настроения. Многие возражали, сетуя, что время упущено, ничего не сделано, а противник в 30 верстах от города.

Вызвали начальника штаба обороны А.В. Павлова³⁴⁷, который заявил, что с имеющимися силами больше двух-трёх дней не продержаться, и с военной точки зрения, поскольку оборона Киева невозможна, было бы лучше сразу отвести все силы за Днепр. Предложение немедленно сместить и даже арестовать Павлова, после бурных споров было отклонено.

Вслед за тем Скрыпник и Лапчинский внесли предложение о переезде Народного секретариата и ЦИК'а в Полтаву. Возражавших не оказалось, но срок отъезда определён не был.

15(28) февраля, уяснив обстановку, через Киев на левую сторону Днепра стали проходить части Чехословацкого корпуса³⁴⁸. Им вослед, в значительном количестве стали выбираться из города рабочие отряды. Из Дарницы киевская Красная гвардия следовала в Полтаву уже в эшелонах, формированием и отправкой которых занимался Бакинский. Вечером редакция «Вестника» заявила, что газету далее выпускать невозможно, так как типографские работники разошлись по домам.

В тот же день Народный секретариат, выслушав Павлова, заверившего Правительство в том, что «без боя он город не оставит», вынес постановление о переезде в Полтаву³⁴⁹. В ночь

³⁴⁷ Прапорщик Павлов прибыл в Киев в составе группы военных, предложивших свои услуги после расформирования VII армии. По их рекомендации Народный секретариат утвердил Павлова в должности начальника военного штаба по обороне города.

³⁴⁸ «...отступление прекрасно вооружённых чехословацких войск, – вспоминает Е. Бош, – количественно свыше 10 тысяч, со всем командным составом, произвело удручающее впечатление на рабочих. У каждого невольно являлась мысль: «Раз отступает такая армия, то что можем сделать мы?» Положение создалось совершенно невозможное...»

³⁴⁹ К этому времени признаков власти в городе уже не наблюдалось. Издававшийся в Харькове «Донецкий пролетарий» в номере от 16 февраля (1 марта) не без доли злорадства сообщал:

«Редакция вчера в 3 часа дня делала попытку разговаривать по прямому проводу с Киевом. На просьбу соединить с Центральным исполнительным

на 16 февраля (1 марта) правительственный эшелон выехал из города.

Сразу же вслед за ним покинул Киев и Павлов со всем своим штабом. Каких-либо распоряжений отрядам, по своей инициативе подтягивающимся к городским окраинам³⁵⁰, он не отдал. Не был предупрежден об эвакуации и В.М. Примаков. В Дарнице Павлова вновь хотели привлечь к суду, но он исчез.

16 февраля (1 марта) караул, оставшийся в городе, и также не предупрежденный и не имевший никаких указаний, начал постепенно сниматься и отходить к вокзалу. Не найдя там штаб обороны, караул небольшими группами и поодиночке ушел за Днепр. К 14 часам советских войск в городе не оставалось.

17 февраля (2 марта) немцы, не встретив сопротивления, заняли большую часть Киева, а на следующий день – Жмеринку. 22 февраля (7 марта) в город вернулось правительство УНР.

Вытесненные из Киева, отряды Красной гвардии были совершенно дезорганизованы, их командиры не знали, что предпринять. «В ближайшем тылу, – вспоминает Е. Бош, – Дарница-Полтава – царил непередаваемый хаос, и все попытки устано-

комитетом был получен ответ: «У нас такого нет». Представитель редакции попросил Совет к аппарату. Киев ответил: «Ещё раз повторяем, в городе никакой власти нет. Поняли?» Разговор прервался...»

³⁵⁰ «...если бы наши начальники отрядов – коммунисты – проявили больше доверия к штабу, – пишет Е. Бош, – то все наши вооружённые силы остались бы в руках оккупантов, так как чехословаки, получив сообщение, что штаб бежал и город оставлен, обеспечивая себе тыл, подготовили взрыв главных мостов.

В момент отъезда штаба наши войска находились в 10 верстах от города. Потеряв связь со штабом, и узнав от железнодорожников, что все покинули город, они стали спешно отступать за Днепр. Но как только стали подходить к мосту – раздался первый взрыв, к счастью, неудачный. Полная неосведомлённость наших отрядов, взрыв моста и угроза быть отрезанными создали невероятную панику, и лишь выдержка и стойкость т. Чудновского спасли положение.

Видя, что мост только попорчен, но не взорван, он с группой смельчаков (человек 25) из своих отрядов бросился вперёд и оружием стал прокладывать себе путь через мост. Чехословаки в первый момент приняли наши войска за неприятельские и стали обстреливать бросившихся на мост пулемётным огнём... Но наши прорвались на другую сторону моста, и огонь прекратился. Путь был свободен, и все отряды прошли за Днепр».

В тот же день отряд Киквидзе, численностью в две тысячи штыков, спешно прошёл через Киев и отступил к Ромодану.

вить хотя бы сравнительный порядок сносились волной отступающих. По всем железнодорожным линиям... стояли и разъезжали поезда с отступившими отрядами и эвакуировавшимися рабочими, большей частью вооружённые и с пулемётами на площадках. Каждый эшелон передвигался по своему усмотрению, требуя от железнодорожной администрации беспрекословного исполнения. На станциях ни комиссаров, ни представителей Советской власти не было. Железнодорожными проводами пользовался, кто хотел и без всякого контроля. Местные организации чувствовали себя совершенно бессильными перед массой вооружённых людей. Ко всему между двумя борющимися силами – германской оккупационной армией и Советской властью – существовала третья вооружённая сила – чехо-словацкие войска».

Дальнейшее продвижение германской армии за Днепр оставалось в этих условиях лишь вопросом времени...

В Украину немцы ввели 21 пехотную, 2 кавалерийских дивизии и кавалерийскую бригаду. 8 пехотных и 2 кавалерийских дивизии выставили австрийцы³⁵¹. Всего, по оценке Антонова-Овсеенко, до 200 тысяч штыков и сабель.

По тем временам это были огромные силы. Численность советских войск даже в периоды максимального их развёртывания едва ли превышала 25–30 тысяч. Но не следует забывать, что австро-германцы наращивали свою группировку постепенно, и далеко не все означенные части отправлялись к району боевых действий. Значительная часть оккупационной армии стояла гарнизонами в городах и на узловых станциях, обеспечивая как безопасность тыла, так и сохранность вывозимого продовольствия.

Тактика и стратегия продвижения австро-германских войск по Украине сводилась к одному: они были совершенно уверены в конечном успехе и по возможности избегали крупных боёв. Вперёд шли незначительные силы, как правило, усиленные батальоны³⁵² с приданными кавалерийскими разъездами и артиллерией.

³⁵¹ Австро-германцев поддерживали войска Рады, численность которых, первоначально не превышавшая две тысячи штыков, по мере продвижения непрерывно возрастала.

³⁵² А зачастую, и роты!

Они выявляли и вытесняли небольшие советские отряды и закрепляли за собой территорию. Если же передовые группы наталкивались на более крупное подразделение, то сдерживали его на определённом рубеже, в то время как другие части осуществляли обходной манёвр. Как правило, это срабатывало безотказно. Фланги советских отрядов традиционно оставались открытыми, и одна лишь угроза окружения заставляла бойцов спешно грузиться в эшелоны и без боя откатываться ещё на 40–50 километров на восток.

Впрочем, случалось, что немцы встречали организованное решительное сопротивление, и их передовые силы терпели поражение и оказывались разгромленными. В этом случае они, не раздумывая, тут же стягивали мощный кулак и решали дело в открытом бою, исход которого был в большинстве случаев предрешён³⁵³.

Первоклассной европейской армии, прекрасно вооружённой, объединённой единым замыслом, спаянной железной дисциплиной противостояла рабочая Красная гвардия с недостаточным вооружением и подготовкой и немногочисленные растрёпанные полки Старой армии, так и не избавившиеся от практики выборности командного состава и всевластия комитетов.

Антонову-Овсеенко, назначенному Главнокомандующим войсками в Украине³⁵⁴, пришлось начинать с элементарных вещей: объединить многочисленные разношерстные отряды и группы в более крупные подразделения и заткнуть зияющие

³⁵³ «Вся история боёв Красной гвардии с германскими войсками, – пишет А. Анишев, – есть типичная история борьбы неорганизованной армии на территории с неорганизованной властью.

Целый ряд случаев героического сопротивления отдельных отрядов переплетается с паническим отступлением или с невыполнением приказа другими отрядами, что сводит на нет все усилия и все жертвы стойких отрядов».

³⁵⁴ 19 февраля (4 марта) Ленин направил в Ростов Антонову-Овсеенко телеграмму, в которой предлагал ему, «вспомнив... подлинную фамилию, поступить в распоряжение Нарсекретариата Украины для командования всеми войсками против германо-австрийского нашествия».

22 февраля (7 марта) ЦИК Ук уже в Полтаве официально назначил его на эту должность. В соответствующем постановлении, в частности, говорилось: «Центральный исполнительный комитет советов Украины, Народный секретариат Украины постановлением от 7 марта 1918 г. выбирает тов. Овсеенко-Антонова Народным секретарём Украинской республики и назначает его Верховным главнокомандующим всеми войсками Украинской народной республики...»

бреши, сразу возникшие в полосе германского продвижения³⁵⁵.

Позже были сформированы пять «армий», разного состава, численности и боеспособности³⁵⁶. Однако перейти в полном объёме от очагового сопротивления к фронтовой борьбе так и не удалось. В лучшем случае, удавалось какое-то время прикрывать крупные города и железнодорожные магистрали. Армии отступали, теряли состав и материальную часть, иногда рассеивались и расформировывались, тут же вновь формировались заново. И отступали постепенно к восточным границам Украины.

Быстро оформившееся на разных уровнях понимание того, что немцев вряд ли удастся остановить, делало своё дело³⁵⁷. Не-

³⁵⁵ Но в первую очередь приходилось разрешать неожиданно возникшие дисциплинарные проблемы. Амбиции отдельных командиров и начальников явно превосходили число стоявших за ними штыков. Так, по свидетельству Антонова-Овсеенко, В.И. Киквидзе, уже именовавший себя «главнокомандующим украинскими советскими войсками», не скрывал своего возмущения.

Казалось бы, конфликт между Муравьёвым и Народным секретариатом в этот критический момент должен был поухнуть. Он же, напротив, перерастал в открытую войну.

Дело дошло до того, что Муравьёв арестовал членов комитета так называемой «1-й армии красногвардейской советской армии» Моисеева, Чернова и Лapidуса, которые заявили, что подчиняться ему не станут. В ответ по приказу Ю.М. Коцюбинского был арестован следовавший в Петроград по вызову СНК П.В. Егоров.

Лишь вмешательство Антонова-Овсеенко позволило предотвратить худшее. В итоге, все поименованные лица были освобождены.

³⁵⁶ Нет никакой возможности в формате данного издания пусть даже и вскользь изложить весь ход германского вторжения в Украину. Эта тема сложна, многогранна и абсолютно самостоятельна. Упомянуты лишь те значимые события, которые имели непосредственное отношение к Дону.

³⁵⁷ «Безнадёжность борьбы с регулярными войсками австро-германского империализма, – вспоминает Антонов-Овсеенко, – в этих условиях была совершенно ясна для нас. Но нужно было, тем не менее, вести эту борьбу, хотя бы она не обещала ничего, кроме поражения, и могла окупиться лишь в отдалённом будущем».

С его мнением солидаризируется и Е. Бош. «Слухи о продвижении германских войск, – пишет она, – в течение 3-х лет побеждавших русскую регулярную армию, создают почти общее настроение безнадёжности и невозможности сопротивления. Массы придавлены и пассивны, а местные советские и партийные работники рассуждали приблизительно так: «Бороться мы вынуждены, другого выхода нет, но мы неизбежно будем разбиты». И, находясь под впечатлением общего настроения придавленности, не проявляли никакой инициативы и не видели возможности что-либо предпринять...»

удивительно, что многие командиры о «своих» локальных интересах заботились, куда в большей степени, чем о выполнении стратегических планов Главковерха.

Почти два месяца, то затухая, то разгораясь вновь, продолжались военные действия. Затем советские отряды покинули территорию Украины. Думается, Антонов-Овсеенко был не худшим Командующим, и вряд ли кто, оказавшись на его месте в таких же условиях, сумел добиться большего...

8.5.2. Полтава. Екатеринослав. II съезд Советов Украины

В Полтаве ЦИК Ук вместе с ранее прибывшими киевским Исполкомом, парткомитетом и штабом по формированию Красной гвардии были размещены Полтавским советом на территории Кадетского корпуса.

Перед Украинским Советским правительством сразу же встал вопрос: что делать дальше? Меньшая часть Народных секретарей требовала превращения Секретариата в Совет Обороны и сосредоточения всех усилий на организацию фронта. Большинство же настаивало на сохранении за Секретариатом функций правительственного центра. «Соглашение не было достигнуто, – пишет Е. Бош, – и меньшинство и большинство повели работу самостоятельно... 5 марта члены Народного Секретариата и ЦИК Совета Украины – т.т. Ауссем, Бош, Коцюбинский и Бакинский, настаивавшие на экстренном созыве пленума ЦИК и образовании Совета Обороны, подали в президиум ЦИК письменное заявление об отставке и откомандировании их в распоряжение военного отдела».

Впрочем, происшедший раскол с назначением Антонова-Овсеенко потерял свою остроту. Вся военная власть неизбежно сосредотачивалась в его руках. Деятельность ЦИК Ук свелась в самом скором времени к решению насущных вопросов по укреплению и расширению социальной базы своих сторонников. В первую очередь, заручились поддержкой киевских³⁵⁸ и полтав-

³⁵⁸ «Члены Киевского Исполкома и парткомитета, – пишет Е. Бош, – за все четыре дня пребывания в Полтаве, не проявили ни малейшей активности, а пребывали в полной бездеятельности.

ских советских работников, от которых зависела комфортность пребывания в городе. Их просто кооптировали в ЦИК и Народный секретариат.

22 февраля (7 марта) ЦИК принял «Декларацию», в которой, резко сбавив тон, косвенно признавал право на существование образовавшихся к тому времени на территории Украины Советских республик и призывал их к объединению «для организации единой обороны³⁵⁹».

Даже не присутствовали на собрании представителей киевской Красной гвардии, и в избранный Штаб по формированию Красной гвардии не входил ни один из руководящих киевских работников».

Дело дошло до того, что киевский Совет забаррикадировался в здании кадетского корпуса и выставил караулы, так как распространились слухи о намерении красногвардейцев, возмущённых бегством последнего из Киева, арестовать его работников.

Тем не менее, конфликт был улажен, и киевляне также были введены в состав обновлённого ЦИК, а позже, и в Народный секретариат.

³⁵⁹ В Декларации было прописано следующее:

«1. Мы никогда не рассматривали Украинскую Советскую Республику, как национальную республику, а исключительно, как Советскую республику на территории Украины.

2. Мы никогда не стояли на точке зрения полной независимости Украинской Народной республики, рассматривая её как более или менее самостоятельное целое, связанное с общероссийской рабоче-селянской республикой федеративными узами.

3. Одновременно мы не возражали против образования различных советских объединений, оставляя разрешение вопроса о взаимоотношениях их как с краевой, так и центральной обще-федеративной Советской властью до более подходящего времени.

4. В настоящий момент, когда объединённая буржуазия, частью открыто, как Центральная Украинская Рада и её новейшие союзники – австро-германские империалисты, частью скрыто, как буржуазия российской, Дона, Крыма и др., грозят раздавить рабоче-селянскую власть Украины, притом Украину в границах III и IV универсалов, т.е. в том числе и те части Украины, которые составляют Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую Советские республики, – именно теперь особенно необходимо тесное объединение всех советских организаций.

5. Центральный Исполнительный Комитет призывает все Советы к такому объединению на следующих основаниях:

а) Объединение создаётся в целях всемерной вооружённой защиты Советской власти на территории, на которой организуются особы Комитеты по борьбе с контрреволюцией из представителей поименованных в п.4 Советских республик;

б) ни одна из входящих в союз республик не может без ведома и согласия

«Но так как при обсуждении и решении этого вопроса, – пишет Е. Бош, – не присутствовали представители других Советских республик, *то эта «декларация» так и осталась только декларацией и в жизнь проведена не была».*

В Полтаве же окончательно определились с датой проведения II съезда Советов Украины. Первоначально его планировали созвать в Киеве 7(20) февраля. Но собрать в срок делегатов не успевали, и дата открытия была перенесена на 20 февраля (5 марта). И вот теперь утвердили новую дату и определились с местом проведения: Екатеринослав³⁶⁰, 2(15) марта.

23 февраля (8 марта) после всех перемещений и многочисленных вливаний были оформлены новые составы Народного секретариата и ЦИК Ук. 25 февраля (10 марта) большинство членов этих учреждений, за исключением полтавчан, выехали в Екатеринослав, где всё своё внимание уделили подготовке и проведению съезда.

И вновь уже в обновлённом Советском правительстве Украины наметился раскол. Группа вновь избранных, не видя никаких правительств остальных республик выйти из объединения и заключать секретные соглашения;

в) к этому Комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-техническими силами;

г) главнокомандующий войсками Украинской Народной республики товарищ Овсеенко (Антонов) назначается общим главнокомандующим всеми военными силами.

6. Все средства, необходимые для успешного ведения гражданской войны (финансы, продовольствие, обмундирование, оружие и т.п.), распределяются объединёнными комитетами.

7. В целях создания всех необходимых объединённых организаций на 15 марта 1918 года в Екатеринославе созывается конференция представителей поименованных республик по 2 представителя от правительства каждой республики».

³⁶⁰ «Ввиду непрерывного и успешного наступления немцев, – пишет Д. Эрде, – очень скоро пришлось вновь заняться подысканием дальнейшего местопребывания правительства.

Проще всего было как будто перебраться в Харьков. Но у всех были ещё свежи впечатления от прежнего пребывания Центрального исполнительного комитета в центре Левобережья. Харьков имел своё правительство, свои заботы. Оставался другой, более или менее подходящий, пункт – Екатеринослав. Здесь было решено созвать 15 марта Всеукраинский съезд советов, чтобы попытаться провести на нём объединение всего юга...»

ких перспектив вооружённого сопротивления немцам, настаивала на соглашении с Радой. И дело не ограничивалось словами. 2(15) марта на заседании Народного секретариата большинством голосов было принято следующее предложение:

Признать необходимым прекратить борьбу с УЦР.

Признать, что Советская власть в настоящий момент не имеет под собой никакой почвы. Войти с УЦР в соглашение на следующих условиях:

1) чтобы Советы рабочих депутатов были оставлены, как ячейки организации рабочих масс;

2) чтобы не было никакого преследования большевиков, и была обеспечена легальная возможность их деятельности³⁶¹.

Впрочем, Д. Эрде, «как председатель тогдашнего рабоче-крестьянского правительства», тут же заявил, что дальнейшего хода этому постановлению он не даст, «так как правительство не в полном составе». Следующее заседание, происходившее уже с участием Антонова-Овсеенко и других народных секретарей, отвергло это предложение и вынесло резолюцию – продолжать борьбу. Формально вопрос был снят, но разногласия, конечно же, никуда не исчезли, просто были загнаны вглубь. Главным же фактором оставалось непрекращающееся продвижение немцев.

В таких условиях 4(17) марта открылся II съезд Советов Украины. Всего прибыло 969 делегатов, причём, представи-

³⁶¹ Екатеринославский большевик Э.И. Квиринг обосновывал занятую позицию так: «Доклад командующего тов. Антонова выявил полную нашу беспомощность и полное разложение частей. С другой стороны, Всероссийский партийный съезд решил ратифицировать Брестский договор, т.е. признать Центральную Раду правительством Украины. Следовательно, мы должны были рассчитывать только на свои силы, и каждому была совершенно очевидна дальнейшая бесплодность защиты.

Помимо того, я был убеждён... что судьба пролетарской революции решается не тем, что мы ещё месяц будем изображать кочующее советское правительство Украины, отстающее со своими разложенными частями в условиях почти полного охлаждения к нему крестьянства, а тем, что мы поможем укрепиться советской власти центральной федерации, поможем ей использовать передышку...

...как товарищей, голосовавших вместе со мной, так и товарищей, голосовавших против меня, я знал всего несколько дней, так как вошёл в Народный Секретариат только, когда ЦИКУК эвакуировался из Полтавы в Екатеринослав».

тельство большевиков и левых эсеров было почти равным. Также прислали своих представителей Донецко-Криворожская и Крымская республики.

Открыл съезд приветственной речью левый украинский социал-демократ Е.Г. Медведев. Делегаты стоя пропели «Интернационал» и «Заповіт». Был избран Президиум в количестве 10 человек³⁶². Почётными председателями съезда стали В.И. Ленин, М.А. Спиридонова, Фридрих Адлер и Карл Либкнехт, что, по-видимому, должно было символизировать единство большевиков и левых эсеров в Советском правительстве, а также, приверженность Съезда Брестскому миру.

С приветствиями выступили также представители Киевского и Екатеринославского Советов. Под гром аплодисментов на трибуну вышел Антонов-Овсеенко и, отчеканивая каждое слово, произнес: «Тем, немногим, да немногим, стоящим на страже народных интересов и своей кровью орошающим поля Украины, передам я те приветствия, которыми вы меня встретили. Но не рукоплещите только, а сделайте дело, которое дало бы нам возможность сломить немцев и плетущихся за ними в хвосте гайдамаков...»

Сообщение Народного комиссара по военным делам о положении на фронте обнадёжить делегатов не могло. К этому времени немцы заняли Бахмач и Конотоп и продвигались дальше. Заявив в заключение о том, что в тылу делается слишком мало для усиления фронта, он призвал Съезд сосредоточить работу на вопросах организации обороны.

Съезд работал три дня и успел обсудить все предложенные повесткой вопросы³⁶³. Линия ЦИК Ук на продолжение борьбы, конечно же, была поддержана съездом, что нашло своё подтверждение в резолюциях. Все они во многом повторяли положения принятой ранее ЦИК «Декларации». Но формулировки при этом были весьма расплывчаты.

³⁶² Из них большевиков – 4, левых эсеров – 5 и левый социал-демократ – 1.

³⁶³ В повестке были поставлены следующие вопросы: 1. Политический момент – отношение к Центральной Раде и война и мир; 2. Организация военной силы; 3. Украина и Федерация; 4. Земельный вопрос; 5. Финансы; 6. Доклады Народного секретариата и ЦИК; 7. Организационные вопросы и выборы.

Главным же было то, что съезд, как и опасался Антонов-Овсеенко, куда больше внимания уделил «государственному строительству» и не предложил ничего конкретного в деле организации отпора австро-германским войскам. В условиях стабильности и мира в этом не было бы ничего плохого. Но возобновились военные действия, и территория, контролируемая Советами, неуклонно сокращалась. Всё шло к тому, что вскоре строить что-либо было бы уже негде³⁶⁴.

Делегаты, не получившие точных указаний, должны были, как предполагалось, действовать на свой страх и риск. Их продекларированная на съезде инициатива и готовность включиться в борьбу по мере приближения противника улетучивалась на глазах. И дело было не только и не столько в отсутствии чуткости у «руководящих товарищей».

Земля в Украине давно была поделена. Крестьянству в этих условиях требовался прежде всего стабильный режим, который как представлялось Рада при поддержке германских штыков могла бы обеспечить. Во всяком случае, на массовое выступление крестьян в защиту Советов в этот момент рассчитывать не приходилось. А без них, бывших солдат, только что вернувшихся с фронта, не приходилось надеяться и на то, что удастся остановить немцев.

И в этом смысле желание Народного секретариата отдать вопросы обороны на откуп военным, мало что меняя в расстановке сил и конечном исходе противостояния, подрывало авторитет самого ЦИК Ук. Всё меньше людей продолжало воспринимать его, как Всеукраинское Советское правительство. Неудивительно, что под конец влияние ЦИК Ук распространя-

³⁶⁴ «...Вся работа съезда не носила характера боевой подготовки к решительной борьбе с оккупантами, – пишет Е. Бош. – Товарищи, руководившие съездом, не могли откликнуться на требование делегатов съезда, так как, изолировав себя вопросами внутренней жизни Советского правительства от боевой работы, они не воспринимали с достаточной чуткостью создавшейся обстановки. Поэтому, несмотря на живой отклик съезда на призыв т. Антонова-Овсеенко, работа съезда не была направлена на обсуждение вопросов организации обороны, и обсуждаемые вопросы и принимаемые решения не отвечали боевым требованиям момента».

лось в той или иной степени на один лишь окружной город – Таганрог³⁶⁵.

8.6. УКРАИНЦЫ В ТАГАНРОГЕ. ДОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. АНАРХИСТЫ. АГИТАТОРЫ

Если в Екатеринославе на съезде вновь избранный ЦИК Ук ещё пользовался каким-то авторитетом, то в Таганроге³⁶⁶ с ним уже мало кто считался. И дело даже не в том, что большинство народных секретарей не были никому известны. Советское правительство Украины связи с советскими учреждениями почти утратило.

И Таганрогский Совет не являлся исключением. Он существовал автономно, и делиться властными полномочиями с прибывшими не желал. Впрочем, на них претендовали и другие. «В городе было два центра власти, – пишет Д. Эрде, – ЦИКУК и совет. Но это были не единственные власти. Военный комиссар И.Ф. Родионов – левый эсер – был фактически независим от каждой из этих властей.

Военно-морской комиссар, матрос Конунников, хотя и был назначен Родионовым, тоже, пожалуй, был независимой властью, в пределах своих «владений». Кроме них были ещё отдельные начальники отрядов, частью с мандатами от Антонова-Овсеенко, частью без них».

Причём, из всех властных структур ЦИК Ук располагал наименее значительной военной силой. При нём был лишь небольшой отряд И. Кулика, охранявший в пути правительственный поезд. В этих условиях и разгорелся конфликт между представителями двух правящих партий.

Старая крестьянская армия своё существование к этому времени уже прекратила, угроза германского вторжения в Центральную

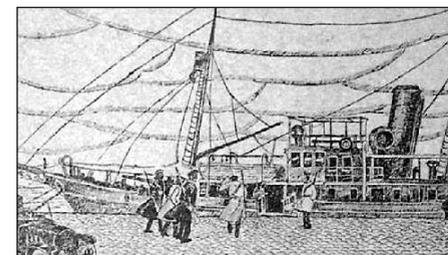
³⁶⁵ При выборе города последнего пребывания ЦИК Ук возникли некоторые разногласия. «Остановились на Таганроге, – вспоминает Д. Эрде, – как последнем опорном пункте оставшейся неоккупированной украинской территории». Из чего, между прочим, следует, что, по крайней мере, часть народных секретарей при определении границ Украинской республики ориентировались на статьи III Универсала. О возможных последствиях своего пребывания в Таганроге они до переезда не задумывались.

³⁶⁶ ЦИК Ук прибыл в Таганрог 9(22) марта и занял под свои учреждения номера в гостинице «Бристоль».

Россию была отведена, и теперь ничто уже не заставляло большевиков и левых эсеров держаться вместе. Стратегия борьбы за гегемонию во власти заставила последних пойти на постепенное размежевание и неприятие любых значимых действий оппонентов. Резкой критике при этом подвергся Брестский договор.

На IV Всероссийском съезде Советов мирный договор был ратифицирован большинством голосов. Левые эсеры потерпели поражение, но остановиться уже не могли. Логика политической борьбы вела их к открытой конфронтации. При всей неоднородности партии социалистов-революционеров и полярности мнений часть руководства взяла курс на срыв достигнутых договорённостей и возобновление военных действий с Германией. Что бы это им принесло, сказать трудно, но позиции большевиков ослабило, вне всякого сомнения. Шла ли в апреле речь только лишь о декларациях, остаётся лишь догадываться, но лидеры левых эсеров, вышедшие в знак протеста из состава СНК, прибыли в Таганрог³⁶⁷, где развили бурную деятельность.

В ЦИК Ук фракция левых эсеров была даже многочисленнее. Но с большевиками безоговорочно солидаризировались социал-демократы, что обеспечивало устойчивое большинство. Впрочем, серьёзным влиянием советское правительство Украины к этому времени уже не обладало. И лидеры левых эсеров взяли курс на бойкотирование работы ЦИК Ук и откровенную его дискредитацию³⁶⁸.

Яхта Колхида (рисунок)

³⁶⁷ В город прибыли члены лево-эсеровского ЦК Камков, Карелин, Штейнберг, Фишман.

³⁶⁸ «В последних числах марта (ко времени переезда Народного Секретариата из Екатеринослава в Таганрог), – пишет Д. Эрде, – левые эсеры уже не входили в Народный Секретариат и оставались в ЦИКУК в качестве безответственной оппозиции... Но, как бы то ни было, Центральный Исполнительный Комитет советов Украины состоял почти наполовину из левых эсеров. Разрыв

Вновь избранному 12(25) марта Народному секретариату социалисты-революционеры немедленно объявили бойкот. Но этим дело не ограничилось. Карелин и Камков сумели убедить военного комиссара Родионова в необходимости ареста народных секретарей и конфискации вывезенных коллегией финансов из Киева ценностей, хранящихся, якобы, в гостинице «Бристоль». Было даже подано письменное заявление. Мотивировали свои действия левые эсеры тем, что «хозяйном народных денег является ЦИК Ук, а не группа, выделенная половиной его».

Вечером 14(27) марта Родионов ввёл в гостиницу караул, который занял все входы и выходы и произвёл обыск. Всю ночь народные секретари, по сути, оставались под домашним арестом. Наутро левые эсеры пошли на попятную. Многие из них посчитали, что зашли слишком уж далеко. К этому времени о происходящем стало известно в Таганрогском Совете, который «с большой неохотой» всё же вмешался в конфликт.

Родионов караул снял. Постановлением исполкома Совета любое вмешательство «во внутренние распоряжения» ЦИК Ук ему было запрещено. Но никакого дисциплинарного взыскания за арест народных секретарей на Родионова наложено не было. Более того, левые эсеры сумели добиться частичного успеха, который косвенно подтверждал «небезосновательность» предъявленных ими обвинений. Обнаруженные ценности были перевезены в банк и для распоряжения ими выделялась коллегия из трёх лиц: от ЦИК Ук, от городского и окружного Советов.

После этого стороны ещё долгое время продолжали обмениваться резолюциями, декларациями и контрдекларациями, тон которых ни в малой степени не напоминал полемику дружественных партий. ЦИК Ук утверждал, что левые эсеры «объекс с ними в обстановке всё обостряющейся гражданской войны грозил опасность нового внутреннего фронта».

После Екатеринославского съезда левым эсерам было предложено взять в новом Секретариате половину портфелей, в том числе пост военного секретаря. В ответ на это предложение левые эсеры потребовали в ультимативной форме портфели финансов, продовольствия, путей сообщения, а также внутренних и военных дел, т.е. фактической передачи им всей полноты власти...» Соглашение, естественно, достигнуто не было.

тивно – ходом событий – стали на путь борьбы с советской властью». В ответ последние заявили следующее: «...вновь образовавшийся 25 марта Народный Секретариат Украины ни в какой мере не является правительством, отражающим во всей полноте волю рабочих и крестьянских масс Украины. Это правительство подобрано по узкофракционному принципу и представляет собою только одну партию большевиков, согласившуюся на капитуляцию перед германским империализмом, принявшую предательский мир, заключённый Центральной Радой с германскими завоевателями, и потому не способную искренно организовать дело революционной борьбы с германским империализмом».

За всем происходящим с нескрываемым злорадством наблюдали из Харькова. «Донецкий пролетарий» писал в те дни: «Что касается ЦИКУК, исполняющего в настоящий момент амплу туриста, то его комично-плачевная роль красноречиво свидетельствует о полнейшем бессилии в области разрешения политических проблем. Наклонности эмигранта, принудившие ЦИКУК, после целого ряда гастролей, бросить якорь успокоения в чуждом его влиянию Ростове³⁶⁹, заранее обрекают все его планы на полнейшую неудачу и разложение. Центральная Рада не считается совершенно с его авторитетом и существованием».

До стрельбы, к счастью, дело не дошло. Стороны, устав от взаимных обвинений, пикетировались всё с меньшим энтузиазмом. В итоге, вялотекущий конфликт постепенно себя исчерпал. Вскоре лидеры левых эсеров перебрались в Ростов. Там, на съезде Советов, они готовились вновь схватиться, пока ещё на полях идеологической войны, с большевиками.

Говорить о каких-либо действиях Народного секретариата в поддержку ведущих военные действия с немцами советских армий в такой обстановке не приходилось. Если что-то и делалось, то эффект был минимальным³⁷⁰. Авторитет и значимость

³⁶⁹ Автор статьи допустил ошибку. На последнем этапе своего существования ЦИК Ук располагался в Таганроге.

³⁷⁰ «...22 марта вечером, – пишет Антонов-Овсеенко, – я ехал экстренно в Екатеринослав, на ст. Синельниково «скрестился» с уезжавшим из Екатеринослава в Таганрог поездом Народного секретариата, с которым выезжал

Советского правительства Украины падали с каждым днём.

В Донревкоме между тем пребывание ЦИК Ук в границах Области без внимания не оставили и отнеслись к происходящему со всей серьёзностью. Формально к этому моменту и Таганрог, и даже Ростов находились на территории сразу двух советских территориальных образований – Украины в целом и Донецко-Криворожской республики. И с этим можно было мириться, если бы ни угрожающе быстрое продвижение немцев. Нетрудно было понять, что пребывание ЦИК Ук в Таганроге являлось косвенным подтверждением принадлежности города к Украине и давало немцам повод занять Таганрог, а возможно, и Ростов.

Указанную угрозу можно было парировать лишь юридическим оформлением суверенитета трансформированного Донревкома в отношении территории бывшей Области войска Донского в целом и Таганрогского округа, в частности. Первоначально это планировалось сделать на съезде Советов, но прибытие ЦИК Ук в Таганрог заставило «ростовских товарищей» поспешить.

8(21) марта Областной ВРК создал Чрезвычайный Штаб Обороны, в который вошли Ф.Г. Подтёлков, И.А. Ермилов, А.Т. Фролов, Василенко, Шамов, Крылов и Я. Антонов. А вскоре опубликовал следующее обращение «Ко всем»:

«23 марта 1918 года.

К рабочим, трудовым казакам, крестьянам, ко всем трудящимся Донской Республики.

Дрогнула, смертельно опечалилась русская и всемирная буржуазия, когда трудовые казаки вместе с крестьянством и рабочими уничтожили на Дону последний оплот контрреволюции...

и военный отдел. Тщетно пытался я задержать хоть сопровождавшую пулемётную команду... Не видели мы на фронтах и делегатов 2-го Всеукраинского съезда советов, – боевой подъём, так резко проявившийся на этом съезде, совершенно не был использован Нарсекретариатом, целиком поглощённым внутренней борьбой (с левыми эсерами)».

Вскоре, в телефонном разговоре с Н.А. Скрыпником Антонов-Овсенко в раздражении заявил, что слагает с себя звание народного секретаря, «ввиду недостойного, перед лицом неприятеля, поведения советского украинского правительства».

Зная, что гибель русской буржуазии есть начало гибели мирового капитализма, германская буржуазия решила поднять, спасти уже поверженную во прах русскую буржуазия и с этой целью бросила на нас банды юнкеров и баронов, чтобы вырвать власть у трудового народа и вернуть землю помещикам, а фабрики и заводы – капиталистам.

Всероссийский Совет Народных Комиссаров, в согласии с III Всероссийским съездом Советов, не мог дать должного отпора такому предательскому нападению и вынужден был для предотвращения гибели завоёванных свобод и нашей Социалистической Республики подписать тяжёлые условия мира с немцами. Но германские империалисты пошли дальше, они заключили с буржуазной Центральной украинской радой... договор, по которому германские белогвардейцы должны захватить весь Юг России, в том числе и Дон...

Такая грозная опасность для дела революции, политическое и военное положение, создавшееся в связи с ратификацией мирного договора и продолжением движения германских войск и банд украинских гайдамаков, продиктовали Донскому областному военно-революционному комитету, который до полномочного съезда Советов является высшей властью на Дону, решение:

Областной военно-революционный комитет декретирует создание Донской Советской республики в ряду других Республик Федеративной Социалистической России и выделяет Совет Народных Комиссаров³⁷¹. Границы этой республики считать совпадающими с прежними границами Донской области,

³⁷¹ В состав Донского СНК вошли: председатель и комиссар по военным делам – Ф.Г. Подтёлков; комиссар по делам управления – М.В. Кривошлыков; комиссар по борьбе с контрреволюцией – Шамов; комиссар по делам народного хозяйства и заместитель председателя – С.И. Сырцов; комиссар труда – И.П. Бабкин; помощник комиссара труда – П.Г. Блохин; комиссар по народному просвещению – И.А. Дорошев; комиссар земледелия – М.Е. Власов; комиссар финансов – Е.А. Болотин; комиссар путей сообщения – П.Е. Безруких; комиссар почты и телеграфа – Александров; комиссар по делам призрения – П.П. Жук; управляющий делами СНК – А.И. Орлов.

впредь до соглашения с соседними советскими органами и центральной советской властью³⁷².

Областной военно-революционный комитет поручает своему Совету Народных Комиссаров принять все меры к установлению тесной связи с советскими организациями Донецкой республики, Украинской, Кубанской области, Терской, Ставропольской, Черноморской и Таврической республики и Царицына для согласования действий в общем деле обороны и борьбы за социализм, за Советскую Республику против германско-украинской и русской буржуазии и для создания из этих органов объединённой республики.

Мощное усилие, отчаянное напряжение всех сил, неуклонная борьба с германо-украинскими и русскими хищниками даст возможность спасти Советскую Республику и дожидаться помощи от международного пролетариата, который находится накануне революции...»

Несмотря на воинственный тон, этот документ помимо прочего призван был донести до немцев следующую мысль: «Мы Дон, мы не Украина. И германская армия согласно Брестскому договору не должна и не может вторгаться в наши пределы». Но вместе с тем проглядывало и другое. Среди ростовских советских работников, и большевиков, в том числе, широко распространилось мнение, что «революционная» война с немцами «в обход Брестского мира» не только возможна, но и необходима. Предполагалось при этом, что «свою» республику казаки будут защищать с большим энтузиазмом, и, уж во всяком случае, удастся поднять их на борьбу с немцами.

17(30) марта на заседании Ростовского Совета Сырцов выступил с докладом, в котором обосновывал целесообразность образования республики. «Донская республика, – говорил он, – необходима для того, чтобы выбить у германцев и австрийцев ту платформу и основания, что они со своими войсками идут на

³⁷² Как видно, к определению границ вновь создаваемой республики подходили с осторожностью. В то же время, давалось ясно понять, что вопрос о принадлежности Таганрогского округа к тому или иному территориальному образованию остаётся открытым, и Донскому правительству это, по меньшей мере, безразлично.

помощь к самоопределению. Мы должны им сказать: мы самоопределились и вам у нас делать нечего³⁷³».

В Совете доклад Сырцова возражений не вызвал. Была принята следующая резолюция: «Заслушав и обсудив доклад об образовании Донской Республики, Совет Рабочих Депутатов считает мотивы, продиктованные политическими и военными соображениями, вполне правильными... Будущее строение Совет мыслит, как объединение южных Республик. Очередной задачей пролетариат ставит мобилизацию всех революционных сил для вооружённого отпора германской и украинской буржуазии».

Как явствует из текста резолюции, Совет шёл даже дальше Донревкома. О войне говорилось почти как о свершившемся факте. Более того, предполагалось объединить военные ресурсы «южных республик»: Советской Украины, Донецко-Криворожской республики, Дона, а, возможно, и Кубани.

И это не было пустыми словами. ЦИК Ук, стремясь сохранить за собой хоть какую-то территорию, пытался втянуть в противостояние с немцами новые свежие силы. «Вестник Украинской Народной Республики» писал в те дни: «Донецкая Республика, Таврическая республика уже объединены с Украиной общими задачами борьбы с Центральной Радой и её карательными экспедициями».

Теперь очередь за Донской республикой, которой следует, помимо прочего, помнить, что разбойничья Рада покушается на часть Донщины, в частности, и на Таганрог с окрестностями, включённые по III универсалу Центральной Рады в состав Украины.

³⁷³ Любопытный комментарий к его словам сделал И.П. Борисенко. «Если вдуматься в этот аргумент, – писал он, – то нетрудно будет понять, что в нём сквозила, может быть и неосознанная тенденция уступки «самобытной» психологии казаков, которые, мол, лучше будут защищать свою родину, если она «самоопределилась». Надежда всколыхнуть казачество на борьбу с внешним врагом и таким образом фактически обойти Брестский мир продолжением революционной борьбы, бесспорно сидела в душе ряда советских руководителей Дона, – именно с этими мыслями многие из них объявили Республику. И далее эта тенденция будет сопровождать деятельность руководящих органов республики, вплоть до её падения, а особенно резко она вырвется открыто наружу после Областного съезда Советов...»

Поэтому, приветствуя Советскую Донскую республику, мы по-братски кидаем ей клич:

– *На общую борьбу с общим врагом! На защиту советской власти – против разбойников империализма!*»

В середине (конце) марта ЦИК Ук, в том числе, и для разрешения этого вопроса направил в Москву чрезвычайное посольство³⁷⁴. На совместном заседании, проходившем 21 марта (3 апреля) под председательством Ленина, Скрыпник огласил Декларацию Советского правительства Украины. После чего Совнарком приветствовал Народный секретариат и выразил «своё восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции».

Но дальше «восторженного сочувствия» дело не пошло. В Кремле не без основания полагали, что какое-либо объединение Украины с российскими южными республиками может спровоцировать вторжение германских войск на Дон и Кубань. Возобновление же военных действий с немцами ничего хорошего не сулило. Естественно, Совнарком делал всё возможное, чтобы этого не допустить и решительно протестовал «против политики втягивания Донской республики в войну с Германией, а также против военного союза южных республик».

Тем не менее 22 марта (4 апреля) на заседании СНК Донской республики делегация Украины внесла предложение о совместной организации обороны и народного хозяйства. В тот же день нарком по делам национальностей И.В. Сталин, не скрывая раздражения, заявил следующее: «Мы все здесь считаем, что ЦИК Украины должен, морально обязан покинуть Таганрог и Ростов. Достаточно играли в Правительство и Республику, кажется, хватит, пора бросить игру».

Столь бестактный, граничивший с оскорблением тон, ставящий правомочность Советского правительства Украины под сомнение и, между прочим, демонстрирующий истинное

³⁷⁴ В его составе Н.А. Скрыпник, Ю.М. Коцюбинский, Н. Врублевский.

отношение, по крайней мере, части народных комиссаров к происходящему вызвал оторопь и возмущение у многих. 24 марта (6 апреля) Скрыпник направил в Совнарком ноту протеста³⁷⁵.

Но все понимали, что ЦИК Ук находится не в том положении, чтобы вопреки воле Совнаркома, сколачивать военные блоки. Впрочем, левые эсеры отступить не собирались. Вопрос оставался открытым и вскоре нашёл своё разрешение на Донском съезде Советов.

Следует заметить, что ещё ранее обеспокоенность пребыванием ЦИК Ук в Таганроге начал проявлять городской Совет. Хотя Таганрогский округ и не был прямо упомянут в III Универсале и гипотетические притязания Рады были бы весьма спорны, местные советские работники посчитали, что во избежание германского нашествия лучше было бы заявить о принадлежности округа Донской республике.

Для ЦИК Ук решающего значения это в момент, когда всё готово было рухнуть, не имело, и 17(30) марта им было принята «Декларация о самоопределении Таганрогского округа»³⁷⁶. На

³⁷⁵ В ней, в частности, говорилось: «Мы должны заявить самый решительный протест против выступления наркома Сталина. Мы должны заявить, что ЦИК Советов Украины и Народный секретариат имеют источником своих действий не то или иное отношение того или иного наркома Российской Федерации, но волю трудящихся масс Украины, выразившуюся в постановлении II Всеукраинского съезда Советов. Заявления, подобные сделанному наркомом Сталиным, направлены к взрыву Советской власти на Украине и не могут быть допускаемы со стороны представителей Советского правительства соседней республики... Дружественное отношение, к которому обязался Совет Народных Комиссаров Российской Федерации по отношению к Украинской республике, требует недопущения заявлений, направленных к взрыву Советской власти на Украине и прямо способствующих врагам украинских трудящихся масс».

Сталин, болезненно воспринимающий любой выпад против своей личности, о протесте Скрыпника, конечно же, не забыл. Спустя двадцать лет следователи НКВД напомнили о нём на допросах многим членам бывшего ЦИК Ук.

³⁷⁶ В ней, в частности, было прописано следующее:

«Российская республика переживает период создания, развития и укрепления советской власти. Административные деления царской России идут насмарку. Их сменяют и должны сменить новые деления, построенные не на

словах народный секретарь по хозяйственным делам А.С. Бубнов пояснил: «...трудовое казачество – наш молодой союзник и что если какая-нибудь область или город пожелает образовать самостоятельную республику, то мы при определённых условиях препятствовать не будем. Вместе с тем, мы должны сказать молодому казачеству Дона, что Центральная Рада, безусловно, будет притязать на Таганрогский округ, и, следовательно, борьба неизбежна».

Весьма туманное «разъяснение» ещё в большей степени встревожило депутатов Таганрогского Совета, и уже 22 марта (4 апреля), обсудив вопрос о самоопределении округа, они решительно высказались за присоединение его к Донской Советской республике.

Возникшая проблема так и осталась неразрешённой. Ещё 27

основе полицейского усмотрения, а на принципе свободного строительства народами и нациями России своей культурной и экономической жизни. Образуется ряд республик, вольных городов, между которыми нет и быть не может никакой вражды и которых самым тесным образом связывает общность борьбы с классовыми врагами рабочих и крестьян...

Исходя из вышеизложенного, ЦИК Украинской республики, заслушав представителей Донской Советской республики по вопросу о том, входят ли Таганрогский и Ростовский округа в состав первой или согласно III универсалу являются территорией Украинской Советской республики, заявляет, что для Украинской Советской республики ни в какой мере не обязательны универсалы Центральной Рады, действующей по указанию разбойников германского империализма, и что Советская рабоче-крестьянская Украина никогда не претендовала и не претендует на территории, входящие в Донскую область и теснейшим образом в культурном и экономическом отношении с ней связанные.

Решение вопроса о принадлежности Ростовского и Таганрогского округов к той или иной советской республике подлежит самым широким трудящимся массам, населяющим эти округа, и должно быть поставлено на рассмотрение съезда советов Донской республики. Что же касается вопроса о пребывании ЦИК советов Украины в Таганроге, то украинское рабоче-крестьянское правительство считает необходимым заявить, что этот шаг ни в коем случае не может быть истолкован, как намерение посягнуть на округа, население которых ещё не установило в окончательном виде своего отношения к той или иной местной борьбе против общего врага, идущего на Украину и Донскую республику, против капиталистов, помещиков и разбойничьих банд австро-германского империализма».

Под «вольным городом» подразумевался, видимо, Таганрог.

января Совнарком опубликовал «Декрет о порядке изменения границ губерний, уездов и волостей», который предоставлял право на урегулирование подобных споров местным органам власти. В подобном духе Кремль и действовал. Во всяком случае, конкретных директив о принадлежности Таганрога к Дону или Украине им дано не было.

Впрочем, вопрос вскоре потерял свою актуальность. Немцы заняли и Таганрог, и Ростов, и кому они должны принадлежать, пытались выяснить в споре между собой уже другие люди и другие правительства.

Перед Советами Дона неожиданно встала во весь рост куда более серьёзная проблема. Едва поражение вполне определилось, с фронта на восток покатались эшелоны анархистов. Десятки отрядов и отрядиков, никем не контролируемых, никому не подчиняющихся, спешили покинуть зону боевых действий³⁷⁷. Часть из них проследовала далее, на Царицын, часть расформировалась, но многие, сохранив внутреннюю организацию и вооружение, оседали в городах. Здесь, на почве «самоснабжения» неизбежно возникали конфликты с местной властью.

И первый, получивший широкую огласку, случился в Таганроге. В середине марта (первых числах апреля) в город прибыла так называемая «Вольная боевая дружина» небезызвестной Маруси³⁷⁸. Бойцы отряда успели приобрести столь непригляд-

³⁷⁷ «...ехали с оружием, тысячами, – вспоминает Н. Ракитин, бывший в то время комендантом участка железной дороги, – спаянные в одно погоней за наживой, падкие на разгром, обнаглевшие от безлюдья и беззащитности крошечных станций, затерявшихся в астраханских степях.

Во всех разгромах, «даёшь паровоз» и «крути, Гаврила» первую скрипку играли тучи «братуш».

Откуда их столько набралось?

Словно две трети царской армии состояли из матросов...»

³⁷⁸ Мария Григорьевна Никифорова, 1885 г.р., дочь офицера, участника русско-турецкой войны 1877–88 гг., примкнула к анархо-коммунистам в 16-летнем возрасте. В 1908 г. за участие в убийстве исправника была приговорена к 20 годам каторги. Из Сибирского поселения сумела бежать в Японию. Затем переправилась во Францию. С началом Великой войны поступила в Парижскую военную школу, окончив которую, получила офицерское звание.

ную репутацию, что городской Совет не стал дожидаться погромов и грабежей и действовал решительно. К этому времени в Таганрог из-под Полтавы и Екатеринослава отступили разрозненные советские отряды, остатки гарнизонов и киевская Красная гвардия. Вместе они составили значительную силу. Эти подразделения, сохранившие дисциплину и боеспособность, и составили впоследствии ядро так называемого «таганрогского полка», командовал которым пользовавшийся непрерываемым авторитетом А. Каска.

На рассвете отряд Маруси был по указанию Совета полком Каски блокирован и разоружён, а сама Никифорова арестована.

После февраля 1917 г. вернулась в Россию, где продолжала заниматься революционной деятельностью. Во время июльских событий 1917 г. в Петрограде возглавила делегацию столичных анархистов в Кронштадт, где в ряде выступлений пыталась склонить матросов Балтфлота к вооружённому выступлению.

После занятия Александровска в январе 1918 г. некоторое время являлась заместителем председателя Ревкома городского Совета. Высокий авторитет Никифоровой, как одного из руководителей анархистских групп и организаций, позволили ей организовать крепко сколоченный отряд в несколько сот штыков, принимавший участие в боях с Радой, а затем, и с немцами.

Широкую известность отряд приобрёл после событий в Елисаветграде. Его присутствие позволило Красной гвардии и рабочим дружинам практически бескровно взять власть в городе. Однако сразу после этого бойцы отряда приступили к разгрому магазинов и конфискации товаров с раздачей части их населению. Городской Совет потребовал удаления анархистов. Поскольку советских войск в городе было во много раз больше, Никифорова вынуждена была подчиниться.

Вскоре, пользуясь вызванной германским вторжением эвакуацией, меньшевикам и правым эсерам удалось создать «Временный комитет революции», взявший власть в свои руки. Красная гвардия под командованием Беленковича была окружена на вокзале и вскоре из Елисаветграда вытеснена. Автомобиль Никифоровой, которая производила в городе «необходимые закупки», был обстрелян. Сама она получила лёгкое ранение, после чего «Вольная дружина» вошла в Елисаветград. Завязались ожесточённые уличные бои, продолжавшиеся 3 дня. «Временный комитет революции», под лозунгом «Долой анархию», привлёк на свою сторону многих горожан, солдат из окрестных деревень и даже немалую часть рабочих, возмущённых пьяными дебошами, грабежами и погромами, учинёнными анархистами в период их первого пребывания в городе. Лишь подход новых свежих сил, бронепоезда Полупанова и отряда Сиверса, и личное руководство Муравьёва обеспечили Советам победу. 28 февраля (13 марта) Елисаветград был занят, однако авторитет Советской власти оказался в значительной степени подорванным.

на. Но тут за неё вступились левые эсеры и даже часть народных секретарей. Решающей оказалась позиция Антонова-Овсеенко. Видимо, он чисто по-человечески симпатизировал этой отчаянной женщине, но, возможно, впрочем, хотел сохранить для фронта сложившуюся боевую единицу. Так или иначе, но Главковерх «в решительных выражениях» высказался против ареста Никифоровой и разоружения её бойцов, которых характеризовал как «боевой отряд, только что проявивший большую доблесть на Южном фронте и, не в пример прочим, шедший в Таганрог с разрешения Главштаба, на пополнение³⁷⁹».

М.Г. Никифорова

В результате, под председательством Лапчинского была сформирована следственная комиссия из двух таганрогских большевиков, двух представителей федерации анархистов и одного представителя ЦИК Ук. Разбирательство оказалось непродолжительным. Комиссия постановила считать задержание Никифоровой «прискорбным недоразумением» и потребовала немедленного её освобождения. Соответствующее постановление без возражений утвердили председатель Таганрогского Совета Иванцов и председатель ЦИК Украины В.П. Затонский.

На этом инцидент был исчерпан. Отряд Никифоровой, получив назад своё вооружение, выехал, как свидетельствует Антонов-Овсеенко на фронт, в пехотное прикрытие бронепоезда Полупанова. А Таганрогский Совет распорядился выставить на станции Марцево красногвардейский заслон и подозрительные эшелоны пропускать сразу на Ростов без захода в Таганрог. И в дальнейшем каких-либо новых серьёзных «недоразумений», связанных с пребыванием в городе анархистов, не было.

Иная ситуация наблюдалась в Ростове. Здесь соотношение

³⁷⁹ Следует отметить, что причину разоружения Антонов-Овсеенко объяснял не желанием Совета предупредить возможные эксцессы, а едва ли не инициативой красногвардейцев Каски, которые, якобы, «соблазнились хорошим вооружением» анархистов.

Казаки-агитаторы. Слева направо Кандауров, Д.И. Рябышев, Кондратьев

сил из-за наплыва анархистов складывалось не в пользу городских властей. И дело не только в преподанном Каской уроке. Командиры анархистских групп, прекрасно ориентировавшиеся в политических реалиях, понимали: где останутся немцы – неизвестно, но при всём при том, вероятность продвижения их к Ростову всё же намного меньше, чем занятие Таганрога. Учитывалось, по-видимому, и то, что отступить при необходимости из прибрежного города было неизмеримо труднее.

Так или иначе, но уже с середины (конца) марта отряды анархистов, а позже и покидающие рассыпающийся фронт расстрёпанные советские подразделения стали оседать в Ростове. Едва ли не десяток их эшелонов стал на путях в районе вокзала. Точное количество вооружённых людей, зачастую непонятного статуса и подчинения, определить, конечно, невозможно, но одно несомненно. Под конец их общая численность по меньшей мере была сопоставима с боевым составом ростовской Красной гвардии и милиции.

Позиция Ростовского СНК, не возражающего против пребывания анархистов в городе, определялась двумя факторами. Во-первых, это были всё же «революционные» части, которые, как предполагалось, при необходимости можно было бы двинуть как против внешнего, так и внутреннего врага. Во-вторых, любое обострение отношений с анархистами могло вылиться в вооружённый конфликт, чего ростовское руководство стремилось избежать.

Складывающуюся ситуацию И.П. Борисенко характеризует

так: «Вся область представляла из себя пёстрый военный лагерь. В городах стояли десятки различных Красных отрядов, в большинстве случаев разложившихся бандитствовавших, много требовавших на своё содержание³⁸⁰ и отказывавшихся под разными предлогами выступать на фронт. Росло мародёрство, нападения и грабежи...

...весь юго-западный угол Дона и, в особенности, Ростов наводнялись потерявшими боеспособность частями, которые сыграли большую роль в деле ослабления сопротивляемости Донской Республики и местной контрреволюции. Весь апрель Ростов жил под постоянной угрозой внутренних беспорядков, грабежей и налётов, чинившихся анархистствующими элементами, состоявшими в красных частях и не желавшими никому подчиняться. При просмотре комплекта апрельских газет, например, «Известий», чуть ли не в каждом номере Вы встретите приказы, обращения, статьи и.т.д., связанные с эксцессами, дезорганизовавшими город...»

Дальше обращений дело, видимо, не шло, так как эксцессы не только не прекращались, но становились лишь более масштабными. Если поначалу обыски и экспроприации проводились при получении от Совета соответствующего мандата и носили единичный характер, то вскоре уже многочисленные вооружённые группы действовали безо всякого мандата и поставили дело на поток. Активизировались и откровенные бандиты³⁸¹. Не случайно впоследствии подвергся нападению и был разгромлен ростовский уголовный розыск.

Милиция перед вооружёнными до зубов организованными отрядами зачастую оказывалась бессильной³⁸². Связываться с

³⁸⁰ Судя по всему, практически все «бойцы» продолжали стоять на довольствии и через военное ведомство либо по советской линии получали вполне приемлемый по меркам военного времени паёк.

³⁸¹ Н.Л. Янчевский называет имена командиров увлечёвшихся реквизициями отрядов – Васильев, Барон и Маруся Никифорова. Последняя, видимо, недолго прикрывала бронепоезд Полупанова.

³⁸² 31 марта (13 апреля) был издан и опубликован следующий приказ: «Во многих местах остаётся прежняя милиция, по своему личному составу ничем не отличающаяся от старой полиции. Поэтому вся прежняя милиция в полном составе упраздняется и объявляется при местных Советах набор но-

анархистами и принять решительные меры власти не решались. Но, как ни странно, нашлись в затаившемся городе силы, которые попытались, и безуспешно, оградить население от бандитов.

Экипаж яхты «Колхида» объявил себя «Речной милицией» и решительно встал на защиту горожан. В Совете этому обстоятельству были только рады, сил, способных поддерживать правопорядок, не хватало катастрофически. О побудительных стимулах моряков сейчас остаётся только догадываться³⁸³. Но у современников сложилось устойчивое впечатление, что действовали они бескорыстно, по велению совести, и действовали решительно и смело.

«Город был во власти вооружённых, разнузданных и дезорганизованных людей, – писал Н. Туземцев³⁸⁴. – Вдруг, стоустая молва разнесла слух, молнией облетевший город, что матросы с канонерской лодки «Колхида» взяли на себя охрану мирного населения от грабежей и насилий.

С трудом верилось в подобную возможность. У всех в памяти свежи были деяния «красы и гордости русской революции» в Гельсингфорсе, Кронштадте, Севастополе и других городах. Даже самое слово «матрос» произносилось с ужасом. А здесь вдруг говорят о матросах, защитниках граждан от насилий.

«Крокодил в роли бонны».

Однако через некоторое время даже самые недоверчивые поверили, что есть матросы и матросы.

По улицам города часто носится серый автомобиль, наполненный вооружёнными людьми в матросских куртках и бескозырках с сурово-сосредоточенными лицами. Это колхидцы спешили к вызывавшим к ним о помощи.

вой милиции, куда могут поступать надёжные лица, стоящие на защите прав трудового народа.

Народный комиссар по управлению М. Кривошлыков».

Нетрудно догадаться, что после этого от большей части знающих опытных кадров поспешили избавиться, а их место заняли едва ли не случайные люди.

³⁸³ Вероятно, помимо прочего, сказалось и влияние В.Ф. Зеелера, назначенного в своё время Калединым командиром судна.

³⁸⁴ «Донская волна» № 8 от 29.07.18.

В любое время дня и ночи «Колхида» шла на помощь, не считаясь с силами бандитов. Матросам только важно было услышать или узнать по телефону, что над кем-нибудь чинят насилия или кого-нибудь грабят, и они уже были там...

Даже сами всесильные комиссары, жившие в «Палас-Отеле», однажды вызывали к себе «Колхиду»:

– Приезжайте, мы в опасности...

Как ни странно, но многотысячные банды красноармейцев считались с маленькой кучкой колхидцев. Вероятно, и они были под гипнозом страшной славы российских моряков. Одного появления матросов достаточно было, чтобы делавшие «обыск» красноармейцы, беспрекословно прекращали свою работу и уходили...

Доверие комиссаров и штабов большевистских к колхидцам было огромно...

Признательные граждане пробовали награждать самоотверженных героев деньгами, но матросы отказывались, гордо заявляя, что они работают не за деньги...

Пройдут годы, восстанет из пепла обновлённая Россия и с мрачной страницы истории Российского флота за 1918 г. на читателя скромно, но многозначительно блеснут несколько строк о канонерской лодке «Колхида». Единственные светлые строки³⁸⁵.

Но как бы ни были успешны действия моряков и других подразделений городской милиции, кардинально изменить общий удручающий фон они не могли. В то самое время, когда предотвращалась одна «незаконная» экспроприация, рядом совершались десять. К тому же многие обыски были вполне «законны». Проводившие их вооружённые люди располагали всеми необходимыми для их проведения документами.

Постепенно эффективность реквизиций, как средства обо-

³⁸⁵ Даже, если учесть, что эти строки – субъективная оценка журналиста, следует не забывать, что впоследствии роль экипажа «Колхиды» в поддержании правопорядка в городе не ставилась под сомнение даже и советскими источниками. И то, что действия моряков не получили широкой огласки, объясняется не недостатком информации, а участием части их в выступлении против Советов.

гащения, привела к тому, что в «дело» оказались втянуты сотни людей. В какой-то момент их уже не удовлетворяли доходы от реквизированного имущества обывателей. Многих представителей чудом уцелевшей мелкой и средней буржуазии обыскивали по нескольку раз, всё ценное давно уже было изъято и реализовано. В рабочие кварталы «братва» по понятным соображениям не заходила, да и пожить там было нечем.

Неудивительно, что, в конце концов, уверившись в безнаказанности, посягнули на имущество структур, в той или иной степени связанных с властью. И нападение на обосновавшийся в Ростове «Румчерод» было логическим развитием разраставшейся анархии. Охрана и сотрудники были разоружены, денежные средства изъяты.

25 марта (7 апреля) Донской СНК, Ростовский Совет и Дон-облвоенком выступили с совместным заявлением, в котором говорилось: «6-го апреля Исполнительному Комитету Совета Рабочих Депутатов, а за ним и Донобл. В.Р.К. и Совнаркому стало известно, что днём 6-го апреля «Румчерод» (ЦИК Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы) подвергся нападению кучки неизвестных лиц, которые, прикрываясь именем Военно-Революционного Комитета, захватили оттуда кассу с деньгами, продукты и арестовали целый ряд членов «Румчерода». Далее, Исполнительному Комитету стало известно, что помимо и тайно от местной Советской власти организована какая-то вооружённая организация, как потом выяснилось, почему-то назвавшаяся «гарнизонным собранием», и что эта тайная организация намерена устроить налёт также на Исполнительный Комитет и Дон. Обл. В.Р.К. и арестовать целый ряд старых испытанных борцов исключительно большевиков и левых социал-революционеров».

Были ли запланированы новые налёты, неизвестно. Но в СНК почувствовали, наконец, угрозу своему существованию. Место пребывания «кучки неизвестных лиц» секретом не являлось. «Кучка», несколько сот вооружённых до зубов анархистов,

располагалась в доме бывшего французского консульства, куда и свозилось всё награбленное.

По постановлению президиума исполкома в тот же день была предпринята попытка разоружения бандитов. Но когда к зданию прибыл председатель военного отдела Ростовского исполкома Ф.М. Зявкин с незначительным отрядом и попытался окружить особняк, выяснилось, что перевес в силах явно не на стороне представителей власти. В итоге Зявкин был избит и «чуть было не был поставлен «к стенке». Отряд его ретировался.

«...закончилась эта история, – пишет И.П. Борисенко, – вместо арестов и наказаний «кучки» мирной ликвидацией «инцидента», – Советские власти... решили революционным словом подчинить себе вздумавших было ослушаться Советскую власть лиц³⁸⁶». Для этой цели было созвано специальное заседание Исполкома совместно с представителями заводов и всех красноармейских частей, которые, декларировав «всю полноту единственной власти в руках Облвоенкома и Исполкома – Ростовского Совета», в отношении участников налёта заявили: «Все принявшие участие в происшедшем печальном инциденте группы и лица обязаны приложить все усилия к немедленному восстановлению в городе революционного порядка».

Как видно, никто из «экспроприаторов» не только не был наказан, но и в их отношении даже не было выдвинуто каких-либо обвинений. Возможно, власти не хотели накалять обстановку перед открытием съезда, либо посчитали, что дальше анархисты уже не зайдут. Не исключено, впрочем, что не были собраны достаточные силы.

Так или иначе, но, уверенные во вседозволенности, лидеры анархистов организовали демонстрацию, проходившую под лозунгом «Анархия – мать порядка». Видимо она не была всё же прелюдией переворота, скорее, организованные бандитству-

³⁸⁶ Эта и последующие цитаты – из информационной статьи, напечатанной в № 10 «Известий Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих Депутатов» от 28 марта (10 апреля) 1918 г.

ющие группы, уже не представлявшие своё существование без повседневных реквизиций, стремились узаконить свои действия.

В Донском СНК, наконец, сообразили, что «эксцессы» приняли такие масштабы и втянули «в дело» столько, соблазненных лёгкой наживой людей, что угрожали уже личной безопасности руководящих работников и вполне могли привести к захвату анархистами власти в городе. И ждали лишь повода, чтобы принять решительные меры.

Вечером 31 марта (13 апреля) многочисленная банда попыталась произвести очередную масштабную экспроприацию³⁸⁷. Акция с самого начала сопровождалась стрельбой. Кому-то из потерпевших удалось дозвониться на «Колхиду». Прибывшая горстка моряков оказалась лицом к лицу не с «кучкой неизвестных лиц», а с многочисленным отрядом. На одного матроса приходилось до двадцати вооружённых до зубов бандитов. После переговоров «речная милиция» была разоружена³⁸⁸.

Но это был последний успех анархистов. В Совете и «Палас-отеле» успели подготовиться. С утра 1(14) апреля³⁸⁹ отряды Красной гвардии и рабочие дружины взяли ситуацию под контроль. Тут и там были произведены многочисленные аресты. Разбросанные по всему городу, не ожидавшие, что власти могут действовать столь быстро, организованно и решительно, отряды анархистов серьёзного сопротивления не оказали.

В своём воззвании Исполнительный Комитет Ростово-На-

³⁸⁷ Источники не сообщают, какие именно объекты подверглись нападению, но, по-видимому, это были магазины и учреждения, расположенные на Большой Садовой.

³⁸⁸ «Только однажды, – пишет Н. Туземцев, – матросы были разоружены, да и то, кроме одного, заявившего, что он только мёртвым сдаст винтовку. Но тогда против двенадцати матросов было более двухсот бандитов с бомбами и пулемётами».

Своё отношение к экипажу «Колхиды» и косвенное признание того, что горстка моряков сумела так им досадить, анархисты не скрывали. 9(22) апреля в газете «Вольная Коммуна», органе группы И.В.К. анархистов, было опубликовано следующее: «Как бы ни сортировали, очищали, какие бы рекомендации и преграды не ставились для поступления в милицию, она всегда будет контрреволюционна... Пора уничтожить этот остаток керенщины... Пора».

³⁸⁹ В день завершения работы съезда Советов.

хичеванского Совета, призывая рабочих взяться за оружие, общал: «Сплотившиеся вокруг Новочеркасской контрреволюции генералы овладели городом и вынудили советские войска отступить. Теперь эти негодяи ведут наступление на Ростов. А здесь в Ростове банды хулиганов, прикрываясь именем анархистов, ложно называя себя революционерами, творят своё гнусное дело провокации. Тесная связь событий с походом калединцев несомненна. Когда в субботу вечером на Большой Садовой раздались первые выстрелы, повлекшие за собой жертвы, и когда, вслед за этим, некоторые отряды красноармейцев начали, несмотря на категорические запрещения исполнительного комитета, несмотря на несомненное наличие провокации, разоружать милицию, – в это самое время наши отряды отступали из-под Новочеркасска. Они требовали помощи, но им помощи не дали, ибо те, кто могли дать помощь, были заняты разоружением милиции. В ночь на воскресенье было решено покончить с бандитами, пришли рабочие, пришли представители Советских революционных войск и предложили свои услуги разделиться с теми, кто сознательно или бессознательно играет на руку контрреволюции.

В воскресенье утром несколько десятков человек, в том числе ряд главарей, были арестованы, остальные, побросав оружие, разбежались...

Таково, товарищи, положение дел.

Опасность велика. Революции на Дону грозит гибель. Придёт конец Советской власти, если мы все как один не станем на её защиту...

Пусть товарищи екатеринодарцы послужат для нас образцом...

Не медля ни минуты, вооружайтесь, организуйтесь, приходите в Палас-отель, где помещается Временное правительство Донской республики...

В момент опасности нельзя оставаться у станков. Все, имеющие оружие, берите его в руки и приходите в Совет. Все способные владеть оружием, все признающие и борющиеся за власть Советов, приходите с оружием!

Надо поднять на ноги всех, ибо иначе погибнет революция! Советская власть в опасности! К оружию, товарищи!³⁹⁰»

О дальнейшей судьбе арестованных главарей ничего неизвестно. Вероятно, кого-то расстреляли. Остальных отпустили. Окопавшиеся на вокзале вооружённые отряды, в том числе, и анархистские, разоружать, конечно, не стали. В преддверии неизбежного подхода немцев оставлять город без гарнизона, пусть даже и в значительной мере разложившегося, было невозможно. Дипломатично указав, что их именем прикрывались «банды хулиганов», Совет заранее снимал с анархистов все возможные обвинения.

Следует отметить, что много ранее начали съезжаться на Дон и люди, вполне лояльные по отношению к Советам и, в большинстве, пошедшие с большевиками до конца. Ещё с декабря 1917 г. Казачий отдел ВЦИК начал отправлять в Донскую область агитаторов из своего состава, но поначалу их деятельность носила едва ли не случайный характер. В это же время из казаков 1-го, 2-го, 4-го, 14-го и 17-го Донских полков, дислоцированных либо в самом Петрограде, либо в его окрестностях, казак А. Мирошниченко³⁹¹ организовал так называемый «Отряд защиты прав трудового казачества».

К этому времени, в связи с Каменским съездом, ситуация резко изменилась. Из отряда Мирошниченко была отобрана партия агитаторов³⁹² и в январе 1918 г. направлена на Дон. В Каменской все они поступили в распоряжение Донревкома. Председатель окружного большевистского комитета Е.А. Щаденко предложил прибывшим казакам сдать винтовки, разбиться на группы по 3–4 человека и выехать по разным маршрутам.

Столь масштабное мероприятие, в ходе которого агитационная работа проводилась в десятках станиц при преимущественно сочувственном отношении фронтового казачества,

³⁹⁰ «Известия Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих Депутатов» от 3(16) апреля 1918 г.

³⁹¹ Участвовал в аресте не успевших, либо не пожелавших скрыться, членов Совета Союза Казачьих войск.

³⁹² Партия насчитывала более 100 человек. Старшим был выбран Д.И. Рябышев.

сыграло определённую роль в срыве мобилизационных планов Каледина, а позднее и Назарова и ускорило падение Войскового правительства.

После занятия Ростова казаков-агитаторов продолжали использовать в тех же целях, но к середине марта (начале апреля) положение вновь стало меняться. Недовольные Советами казаки оказывались зачастую невосприимчивыми к старым лозунгам и призывам. Последний свой выезд группа Рябышева³⁹³ должна была совершить по маршруту Большая Мартыновка – Большая Орловка – Константиновская. Агитация на этот раз была куда менее успешной.

Возвращаться в Ростов через Богаевскую было уже небезопасно, и агитаторы решили добраться до Царицынской ветки и оттуда следовать по железной дороге. Заехали в лежавшую на пути станицу Екатерининскую. В ней в это время собрался сход. Тысячи казаков заполнили станичную площадь. Вышли один за другим ораторы и в резких выражениях критиковали Советскую власть. Рябышев попытался было выступить, но ему не дали говорить. Вместе с товарищами прямо на митинге был арестован и посажен под замок. Однако вскоре их вывели и отпустили. От расстрела агитаторов спасло, по-видимому, то, что сами они были казаки и время большой крови ещё не пришло.

Казаки в станицах в большинстве уже успели надеть погоны. Вооружёнными отрядами ополчения командовали офицеры из местных. Вместе с тем, в Константиновской стояли два полка 2-й и 9-й Донские, считавшиеся «революционными». В Екатерининской продолжал существовать станичный Совет, который и выделил агитаторам лошадей. В Белокалитвенской, только что пережившей набег казачьего отряда, им удалость сесть на паровоз, следующий в Новочеркасск.

Обо всём увиденном Рябышев доложил Подтёлкову, после чего большую часть агитаторов направили на курсы политграмоты. Через несколько дней начальник курсов А.А. Френкель

³⁹³ В состав группы входили он сам, а также бывшие его сослуживцы, казаки Кандауров и Кондратьев.

предложил вновь проследовать в округа для проведения агитационной работы³⁹⁴. «Я отказался выехать в станицы, – пишет Рябышев, – считая, что в тех условиях надо было защищать Советскую власть, прежде всего оружием. Дмитриев, Нефёдов и я обратились в Военно-революционный комитет с настоятельной просьбой организовать из политкурсантов отряд, вооружить его и направить в станицы. Вскоре такой отряд был создан. В него вошли 103 человека, все члены партии большевиков.

Отряд вооружили винтовками, пулемётами, назвали его «Революционным агитационным отрядом словом и делом». Командиром отряда избрали меня. Через некоторое время мне пришлось отказаться от этой должности, так как не имел достаточного военного образования. Командиром отряда избрали Пономарёва, казака Романовской станицы, меня же – членом отрядного совета».

Бойцы отряда присутствовали на заседаниях съезда Советов в качестве «гостей». Делегатам давалось понять, что Советов в Ростове есть кому защитить. После съезда отряд направили в Новочеркасск. Допускать там длительное пребывание «революционных матросов», занявших город, власть по понятным соображениям не желала. Какая-либо крупная экспроприация могла спровоцировать массовое выступление, которого старались избежать³⁹⁵. Замена анархистов отрядом казаков представлялась, да и была таковой в действительности, не худшим вариантом.

В городе отряд обеспечивал порядок. Вплоть до эвакуации

³⁹⁴ Удивительно, но Френкель, впрочем, как и другие руководящие работники, просто не представляли, в какой степени распространилось недовольство. В том, что время агитации прошло, он вскоре убедился на собственном опыте, и едва не поплатился за свою беспечность головой.

³⁹⁵ Любопытное объяснение передислокации отряда из Ростова в Новочеркасск приводит Рябышев. «...контрреволюционные элементы, – пишет он, – организовали в Новочеркасске провокационные вылазки, заставили офицерских жён под видом работниц собираться толпами на улицах и требовать хлеба, мануфактуры, выкрикивать антисоветские лозунги».

Без сомнения, в собирающихся толпах работниц в любом случае было во много раз больше, чем офицерских жён, и слова Рябышева свидетельствуют скорее не о происках «контрреволюционных элементов», а о катастрофическом состоянии, в котором находилось хозяйство Дона.

казаки-агитаторы проводили разъяснительную работу, патрулировали улицы и осуществляли охрану советских учреждений.

8.7. I СЪЕЗД СОВЕТОВ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ

25 марта (7 апреля) за сутки до предполагаемого открытия съезда в Ростов прибыл Г.К. Орджоникидзе. Мало кто на Дону знал Серго. До этого он заезжал в Ростов лишь раз летом 1911 г. в качестве «агента ЦК для организационной работы» и пробыл в городе два дня. Статус Орджоникидзе определялся не широкой известностью, а тем, что он в своём лице представляет Совнарком и большевистский ЦК.

Как и левые эсеры, Ленин придавал предстоящему съезду особое значение. На нём, как представлялось, мог решиться вопрос о дальнейших взаимоотношениях с подошедшими с Украины немцами. С первоочередной задачей, не допустить возобновления военных действий, и прибыл в Ростов Орджоникидзе.

Видимо, вопрос о том, какими официальными полномочиями он, собственно, располагает, кое у кого всё-таки возник. В связи с этим 29 марта (11 апреля), когда дискуссия о ратификации Брестского мира была уже в самом разгаре, СНК издал вдогонку соответствующий декрет³⁹⁶.

³⁹⁶ В декрете СНК, опубликованном 31 марта (13 апреля) в № 73 «Известий Всероссийского ЦИК Советов», было прописано следующее: «Чрезвычайному Комиссару Совета Народных Комиссаров (тов. С. Орджоникидзе) поручается организовать под своим председательством Временный Чрезвычайный Комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель Комиссариата: неуклонное проведение директив Центральной Советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе его деятельности, поддержание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров.

Г.К. Орджоникидзе

С вечера 26 марта (8 апреля) делегаты начали съезжаться к зданию Ростовского общества приказчиков на Большой Садовой³⁹⁷. По свидетельству очевидцев к 20 часам собралось не менее 500 человек, и вместительный зал был переполнен настолько, что многим приходилось стоять³⁹⁸. Организационные вопросы, как и всегда, затянулись, и президиум Областного ВРК открыл собрание с некоторым запозданием.

Очевидно было, что времени для работы в этот день оставалось немного, и председатель СНК Ф.Г. Подтёлков предложил официальное открытие перенести на следующий день, а собрание считать частным. Оставшиеся часы предполагалось при этом посвятить ознакомлению делегатов со сложившейся обстановкой и решению технических вопросов – утверждение регламента Съезда³⁹⁹, состав секций и т.д. Уже стемнело, и вполне разумное предложение было принято без прений.

Доклад о текущем моменте делал С.И. Сырцов. Смысл его выступления сводился к тому, что Донская область, оторванная «калединством» от Центральной России, лишь теперь пережи-

Чрезвычайный Комиссариат составляется из председателя и из представителей областей и флота по одному от каждой, по соглашению между полномочными органами областей и председателем Комиссариата.

Чрезвычайный Комиссариат имеет право контроля над деятельностью всех Советских учреждений в районе. Советы Комиссаров, Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, Революционные Комитеты, революционные Штабы района, как и полномочный орган флота, действуют в полном контакте с Чрезвычайным Комиссариатом, как представителем Центральной Советской власти в районе».

³⁹⁷ Ныне помещение Ростовского театра музыкальной комедии.

³⁹⁸ Любопытно, что в последующие дни работы съезда, зарегистрированных делегатов, не говоря уже о приглашённых, было много больше. Остаётся предположить, что на заседаниях присутствовали не все.

³⁹⁹ Предполагаемая повестка съезда была предложена Областным ВРК ещё 7(20) марта и включала в себя следующие вопросы:

1. Отчёт Донского областного военно-революционного комитета.
2. Текущий момент.
3. Доклады комиссий.
4. Организация власти на Дону и выборы в ЦИК.

Но свои коррективы, заставившие Съезд всё почти внимание уделить обсуждению Брестского мира, внесло непрекращающееся продвижение немцев к границам Области.

вает и февраль, и октябрь 1917 г. И это «в чрезвычайной степени усложняет работу съезда и делает её очень ответственной».

К достижениям ВРК докладчик отнёс передачу земли крестьянам, постепенное разрушение старой системы управления, введение рабочего контроля и национализацию крупных предприятий и банков.

Далее Сырцов заявил, что внутренняя реакция сломлена и окончательно ликвидирована. Но борьба не закончена, так как «на помощь нашей буржуазии, нашей контрреволюции, спешат империалисты – захватчики других стран». Советская власть «тяжёлыми экономическими условиями» была вынуждена заключить мир с австро-германцами, и, в силу предательской политики Рады, подвергается в настоящий момент величайшей опасности.

В заключение докладчик подчеркнул, что «только дружной планомерной борьбой, только укреплением власти Советов на местах, можем мы спасти наши завоевания от покушения международного капитала».

Как видно, доклад получился весьма обтекаемым. Какие формы должна была принять «борьба», Сырцов не обозначил. О начавшихся выступлениях в станицах не упомянул. Всё сказанное касалось делегатов весьма опосредованно.

Вслед за ним о событиях в Новочеркасске проинформировал собравшихся товарищ председателя И.А. Ермилов. Его выступление слушали с куда большим вниманием. Сразу установилась полная тишина. И это лишний раз свидетельствует: несмотря на реальную угрозу германского вторжения, «внутренние дела» волновали делегатов ничуть не меньше.

Ермилов напомнил, что «по соображениям целесообразности и пользы дела» Областной ВРК перебрался из Новочеркасска в Ростов, «где было больше товарищей, которых можно было привлечь к советской работе, на которую требовалось много людей». И, делал вывод докладчик, этот отъезд «повёл к тому, что в Новочеркасске реакция подняла голову, местные военные стали проявлять совершенно недопустимые тенденции».

– Офицеры-партизаны Каледина, – говорил Ермилов, – стали выпускаться без разрешения Областного Военно-Революционного Комитета, а Богаевский, – товарищ атамана Донской области Каледина, сдавшийся в плен советским войскам, получил возможность, уходя с гауптвахты, где он содержался арестованным – выступать на митингах с длиннейшими речами.

В этих речах Богаевский, как человек умелый и хитрый, не выступая прямо против Советской власти, тем не менее вёл свою политику критики Советской власти, долженствующую повести к умалению её значения.

Пособниками Богаевского в этих его началах, к величайшему удивлению, оказался и Голубов, войсковой старшина, бывший до сих пор на стороне советских войск, и сам начальник их товарищ Смирнов. На этих собраниях, где выступал Богаевский, жестокой критике подверглась деятельность Областного комитета.

Когда Областной комитет, с целью ликвидировать это, отдал приказ доставить Богаевского в Ростов, то военные власти Новочеркасска не выполнили этого приказа и Областному комитету пришлось делегировать в Новочеркасск специальную комиссию из 5 лиц для выяснения дела и мирного улаживания инцидента⁴⁰⁰.

Тут же взял слово Подтёлков и выступил с разъяснениями. Он уточнил, что «Новочеркацкий гарнизон по отношению ко всему происходящему в Новочеркасске раскололся, и только малая его часть идёт за Голубовым и Смирновым, большая же часть стоит на почве Советской власти и идёт за Областной Военно-Революционный Комитет».

О, по-видимому, решённой уже посылке отряда матросов в город Подтёлков не сказал ни слова. Арестовать Голубова, Смирнова и Богаевского предполагалось без санкции съезда. Впрочем, следует учитывать, что сообщив об этом, Подтёлков ставил бы под сомнение успех всей операции.

Глубокой ночью делегаты решили организационные вопро-

⁴⁰⁰ Каких-либо сведений о деятельности указанной комиссии обнаружить не удалось. Вероятно, она свелась к сбору разведанных.

сы и подтвердили, что официальное открытие съезда назначается на 3 часа дня 27 марта (9 апреля).

На следующий день заседание началось с доклада мандатной комиссии. Было заявлено, что прибыло 656 делегатов с решающим голосом и 103 с совещательным⁴⁰¹, всего 759 человек⁴⁰². Данных о социальной принадлежности делегатов не сохранилось, но не приходится сомневаться, что в большинстве своём они были казаками. Открыл Съезд Подтёлков, закончив краткую вступительную речь словами: «Да здравствует власть Советов!» Оркестр играл «Марсельезу», делегаты встали. Многие кричали «ура».

Приступили к выбору председателя Съезда. Кандидатура была предложена одна – казака Донецкого округа, члена партии большевиков с 1905 г. В.С. Ковалёва. И на этот раз обе советские партии были единодушны. Впрочем, и спорить было не о чем. За многие годы революционной деятельности Ковалёв успел зарекомендовать себя ровным, неконфликтным работником. К тому же, это был достаточно образованный человек, но в то же время, как считалось, амбиции его не простирались далее разумного предела.

В.С. Ковалёв

Избрали и почётных председателей. По традиции ими стали В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова, Карл Либкнехт и Фридрих-Адлер⁴⁰³. Вслед за этим был сформиро-

⁴⁰¹ Весьма вероятно, речь идёт об агитаторах «Революционного агитационного отряда».

⁴⁰² Многие не успели добраться из округов в Ростов, и продолжали прибывать. К концу работы съезда количество зарегистрированных делегатов достигло 838 человек: 713 с решающим голосом и 125 – с совещательным.

Также в работе съезда приняли участие делегации от ЦИК Ук (большевики Н.А. Скрыпник, Ю.М. Коцюбинский, левый эсер Врублевский), Армении и Кубани.

Из Таганрога прибыли лидеры левых эсеров – Б.Д. Камков, В.А. Карелин, И.З. Штейнберг, Я.М. Фишман.

⁴⁰³ Уже с середины 30-х советские источники упоминали в этой связи

ван и действующий президиум съезда. По списку большевиков были избраны 11 человек⁴⁰⁴, за которых было подано 308 голосов, и от левых эсеров – 9⁴⁰⁵ (за них проголосовало 285 делегатов). Как видно, делегаты съезда в своих симпатиях разбились почти поровну, что и предопределило развернувшуюся вскоре острую политическую борьбу.

С приветствием съезду от Областного ВРК выступил Подтёлков⁴⁰⁶, от СНК и ВЦИК – Орджоникидзе. Затем о проделан-

только Владимира Ильича (какое-то время в списке фигурировал Либкнехт, но вскоре исчезла и его фамилия). И это объяснимо. Если бы съезд в качестве почётного председателя избрал одного лишь Ленина, это свидетельствовало о безоговорочной поддержке казачьим населением не столько даже Советской власти, сколько партии большевиков.

Развёрнутый же список говорил о влиянии левых социалистов-революционеров, но также и о том, что делегатам, большинство из которых о существовании того же Фридриха-Адлера до съезда не догадывались, было в общем-то безразлично, кто будет избран почётным председателем.

⁴⁰⁴ В.С. Ковалёв – председатель, С.И. Сырцов, Сенькевич, М.Е. Власов, Зеленский, И.А. Ермилов, С.С. Турло, Крылов, Рожанский, П.П. Жук, Богуславский.

⁴⁰⁵ Дмитров, В.А. Карелин, Жирнов, Глазков, И.З. Штейнберг, М.В. Кривошлыков, А. Иванов, Кулаков, Герасименко.

Многие источники упоминают в составе президиума также Ф.Г. Подтёлкова (левый эсер) и Г.К. Орджоникидзе (большевик). Вероятно, они, не избираясь, находились в президиуме, изначально как лица, наделённые особыми полномочиями.

⁴⁰⁶ «Отцы и товарищи, – несколько сбивчиво говорил Подтёлков, – я приветствую вас от имени областного Военно-революционного комитета с благополучным прибытием на съезд. Веками трудовой народ боролся со своей нуждой и угнетением. Братоубийственная трёхлетняя народная война спаяла трудовой народ в одно целое, чтобы свергнуть иго царизма и освободиться от угнетения и рабства. Народ освободился. Тогда буржуазия начала опять натравлять одну часть трудового народа на другую, чтобы снова захватить власть в свои руки. Но это ей не удалось. Трудовое казачество и крестьянство ответило предателям, что мы друг на друга не пойдём и уничтожать себя не будем.

Мы, казаки-фронтовики, написали сюда на Дон, чтобы наши братья и отцы не шли по призывам Каледина на бойню против своего же народа. Наш призыв увенчался успехом. Авантюра Каледина не удалась. Трудовой народ победил, и теперь здесь на съезде я вижу только трудовой народ, который собрался сюда решать свою судьбу. Среди нас нет тех, которые прежде решали за нас нашу судьбу.

Товарищи, я призываю вас к единению, и тогда Донская республика с честью и славой выйдет из своего критического положения и победит вконец буржуазию и всех врагов Советской власти».

ной Донревкомом работе доложил съезду Подтёлков. В конце доклада он сообщил, что «для подавления восстания» в Новочеркасск из Ростова посланы войска. Сразу же вслед за ним на трибуну поднялся Кривошлыков. Видимо, были получены последние известия, и он смог сообщить подробности занятия города. Суть их сводилась к тому, что советские отряды вступили в Новочеркасск без боя, 10-й и 27-й Донские, а также, и иные полки против Советской власти не выступили, начался арест контрреволюционеров, арест же Богаевского «обеспечен».

«Сообщение покрывается громом аплодисментов, – писали «Известия Областного Исполкома⁴⁰⁷», – и Обл. ком. выражает собранию благодарность.

Затем съезд разбивается на секции и приступает к деловой работе.

Общее впечатление от Обл. съезда таково: съезд будет, безусловно, деловым и сможет выполнить возложенную на него работу. То, что реакция ещё не сломлена в Донском округе, поведёт к тому, что спаяет делегатов друг с другом и сольёт их в дружной совместной работе по укреплению на Дону Советской власти. На это можно надеяться из того, как единодушным протестом встречаются все сообщения о покушениях на Советскую власть, со стороны кого бы они ни исходили».

Столь же оптимистичным был и доклад Орджоникидзе. Вечером 28 марта (10 апреля) в разговоре по прямому проводу он сообщал Сталину: «Отряд, посланный в Новочеркасск, вошёл в город без сопротивления казаков и занял все правительственные учреждения. Производится арест контрреволюционных офицеров.

Сегодня в 3 часа Богаевский доставлен в ростовскую тюрьму, Смирнов и Голубов бежали. По слухам, Смирнов уже арестован. Положение в городе ничего, *хотя банда анархистов бушует*.

Вчера открылся съезд. Присутствуют все 750 делегатов. Председателем избран единогласно т. Ковалёв, казак-большевик. В президиум вошло 11 наших и 9 левых эсеров. Почётными председателями избраны Ленин и Либкнехт.

⁴⁰⁷ № 27 от 4(17) апреля 1918 г.

Я приветствовал съезд от имени Совнаркома и ЦИК. Сегодня на фракционном заседании почти единогласно была отвергнута точка зрения наших левых коммунаров, защищаемая здесь Сырцовым. Завтра будет обсуждаться текущий момент.

Съезд объявил себя верховной властью на Дону.

Съезд протекает при необыкновенном подъёме».

Но всё было далеко не столь гладко и безоблачно, как представляли, или хотели представлять советские руководители. Иллюзии рассеялись в несколько дней, от изначального благодушия и успокоенности вскоре не осталось и следа.

С утра 27 марта (10 апреля) начались фракционные совещания. И если левые эсеры без особых возражений выработали консолидированную позицию и готовы были выступить единым фронтом, то среди «ленинцев» наметился разлад.

Вопрос в повестке дня стоял один – отношение к Брестскому миру. Г.К. Орджоникидзе, как представитель Совнаркома и, что куда важнее, ЦК РКП(б), настаивал, чтобы все делегаты-большевики согласованно и без оговорок голосовали за его ратификацию. Но предложение представителя Совнаркома неожиданно встретило возражения.

Инициатором их был С.И. Сырцов. Его аргументы сводились к тому, что безоговорочное признание мира лишь «расхолодит массы» и сделает отпор вторжению немцев невозможным. Приводил он и такой довод: необходимо «своим призывом к организации защиты Красного Дона разрушить в глазах масс легенду о связи большевиков с немцами и доказать обратное своим стремлением воевать с иноземным нашествием». В этом, конечно, был свой резон, но интерес казачества к взаимоотношениям Совнаркома с Германским правительством отступал на второй план и не имел уже решающего значения.

В целом же выступление Сырцова отражало позицию группы коммунистов, получивших руководящие должности во властных структурах. В том, что немцы остановятся перед границами Области, уверенности не было никакой. И на этот случай «наши левые коммунары» хотели бы иметь хоть что-то осязаемое, хоть какие-то вооружённые силы, способные ока-

зать противодействие. Сторонники Сырцова остались на фракционном совещании в меньшинстве. Их предложение было отвергнуто.

28 марта (11 апреля) на очередном заседании развернулась острейшая дискуссия, отражающая различное отношение двух советских партий к подписанному миру с немцами. Позицию большевиков отстаивал С.С. Турло. Призвав делегатов поддерживать Брестский мир, он привёл простые, очевидные для всех доводы. «Наша революционная армия ещё не готова, – говорил Турло. – Сражаться нам не с чем. Для создания армии нужно время. Мы должны укрепить у себя Советскую власть, организовать прочную, сильную и крепкую революционную армию... нужно показать народу пользу Советской власти, чтобы он понял, что лучше жить при Советской власти, нужно, чтобы он это увидел в самой жизни, ощутив благотворные результаты власти трудового народа. Тогда он поймёт, что он сам хозяин своей страны. И когда он это поймёт, тогда пойдёт самоотверженно в социалистическую армию».

По адресу левых эсеров Турло заявил следующее: «...всем им очень ясно, что у нас совсем нет сил, им хотелось бы толкнуть нас в эту новую войну, послать наши маленькие неорганизованные отряды против вооружённого врага...»

Далее с содокладом от партии левых социалистов-революционеров выступал Б.Д. Камков. «В революции передышки никогда не бывает, иначе она умирает», – таков был основной посыл его речи. По поводу подписанных договорённостей он высказался в том смысле, что немцы, пренебрегая ими, продолжают продвигаться в глубь страны, и где остановятся – неизвестно. «Мы подписали мир, – говорил он, – а германцы ведут с нами войну и именно там, где им выгодно, на юге. Что же у нас теперь, мир или война?..»

Слово взял Г.К. Орджоникидзе. «У нас плохой, скверный, но всё-таки мир! – ответил он. – Левые эсеры своими призывами хотят нас погубить... Камков в своей речи доказывал, что Брестский мир никуда не годится. Я вполне согласен с ним, но я хотел бы знать, что бы Камков и Карелин ответили нам, где у них пол-

ки, оружие батареи и в каком положении у нас находится транспорт. Ведь у нас нет реальной силы, нет войска. Сказать, что мы будем вести войну с международными капиталистами, помещиками, буржуазией – это легко. Но для ведения войны нужны пушки, пулемёты, войска, фураж, а всего этого у нас нет. Когда мы сорганизуем новую социалистическую армию, отдохнём, мы дадим отпор мировой буржуазии, грабителям-капиталистам...»

В поддержку Брестского мира высказался и В.С. Ковалёв. Он подчеркнул, что подписание его – единственно правильное решение вопроса о выходе России из империалистической войны. А левые эсеры «нас зовут на войну, на смерть. Но зачем же напрасно умирать, когда можно жить и устраивать лучшую, социалистическую жизнь. Размахивать картонным мечом не следует. Донская область пойдёт умирать только тогда, когда вооружится до зубов. Но тогда мы будем не умирать, а побеждать...»

На трибуну поднялся меньшевик Гроссман. Его выступление явилось для делегатов полной неожиданностью. И не столько даже по содержанию. Казалось бы, идейно и организационно разгромленная партия меньшевиков сумела напомнить о своём существовании. Гроссман заявил, что приход Советов ведёт Россию к гибели. И предложил съезду не признавать Брестский договор и передать власть краевому учредительному собранию. Последние его слова были прерваны свистом и возмущёнными возгласами делегатов. Гроссману так и не дали договорить.

Обозначили своё отношение и представители округов. Хохлачёв – от Сальского округа⁴⁰⁸, Петрушенко – от Ростовского, В.Ф. Ларин – от Черкасского выступили за Брестский мир, делегаты Хопёрского и 2-го Донского округов, наиболее удалённых от западной границы Области, – против.

К обсуждению было предложено три резолюции:
– большевиков⁴⁰⁹;

⁴⁰⁸ «Наш съезд на первом заседании, – пояснял он, – признал Советскую власть и, следовательно, должен признать Брестский мир, который заключила Советская власть».

⁴⁰⁹ «Первый Съезд Советов Донской Республики, – было прописано в резолюции, – присоединяется и одобряет мирную политику Совета Народных ко-

– левых эсеров⁴¹⁰;

миссаров, рассматривает Донскую Республику, как часть РСФСР, считает для себя Брестский мирный договор обязательным. Революция на Дону, свергнув власть помещиков и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казацких генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества Советского Правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей Рабоче-Крестьянского Правительства в данный момент является создание Революционной Советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская Власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на неё и ни одна минута не должна пропасть даром.

Съезд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие не остановятся ни перед чем для защиты границ РСФСР Донской Республики и все, как один, с оружием в руках встанут, в случае вторжения в пределы Донской Республики чужеземных войск. Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии. Необходима самая энергичная работа в налаживании народного хозяйства и в воссоздании на развалинах капиталистического строя новой Социалистической России.

Съезд уверен, что нынешнее затишье на арене борьбы пролетариата с мирным капиталом – есть затишье перед бурей, что недалёк уже тот момент, когда на помощь пролетариату России придут трудящиеся всего мира.

Съезд приветствует грядущую победоносную мировую социалистическую революцию».

⁴¹⁰ В ней, в частности, говорилось: «...Только Октябрьский переворот, поставивший у власти рабочих и крестьян, открыл для революционной демократии возможность честного и демократического ведения мирных переговоров».

В течение трёх месяцев делегаты Российской Советской Республики в Бресте защищали программу мира революции, разоблачали хищнические планы германских империалистов, будя революционную совесть и классовое самосознание мировой демократии. И когда в ответ на ультимативные условия германских дипломатов Российская делегация 10-го февраля заявила, что она грабительского мира не подпишет, но в то же время войну прекращает бесповоротно, она действовала в полном согласии с духом и интересами Российского трудового народа.

Однако слабость революционных сил в среде трудящихся классов Германии и Австрии дала возможность империалистам этих стран двинуть на Российскую Республику покорные им полки. Наступление этих войск на Двинск и Псков вызвало замешательство в рядах трудовой демократии и заставило её подписать мир, продиктованный бронированным кулаком германского империализма.

Германский мир отрезает от Советской России целые области, населённые сознательными революционными массами рабочих и крестьян, отдаёт в

политическое и экономическое рабство народы Украины, Финляндии, Польши, Литвы, Лифляндии, Курляндии, Эстляндии, Бессарабии и Кавказа.

Германский мир отнимает у Советской России питающие её материальные корни и средства, отдавая на потребу Австро-Германского капитала железо, уголь, хлеб и сырьё Рабочей и Крестьянской России, усиливая этим самым завоевательные планы Германской буржуазии.

Германский мир, обезоруживая Советскую власть и отдавая её в полную зависимость от воли германских завоевателей, порывает связь, существующую между Российской демократией и движением международного пролетариата.

Германский мир, предоставляющий всю полноту хозяйских прав германскому купцу, помещику и капиталисту, ставит под удар все великие завоевания русской революции, добытые кровью трудового народа. Ни социализация земли, ни рабочий контроль над промышленностью, ни переход банков в руки народа, ни объявление недействительными займов – не смогут быть проведены в жизнь тогда, когда на пути этих реформ станут акции, права и домогательства германского, а стало быть, и всего мирового капитала.

Германский мир, подчинивший революционную Россию интересам иностранной буржуазии, тем самым вливает свежие силы в работу Российской буржуазии, облегчая ей переход к активной контрреволюционной борьбе.

Германский мир, наконец, открывший путь для давления германских капиталистов на Россию, делает её бессильной игрушкой в руках всякой иной хищнической державы.

Недели, следовавшие за подписанием германского мира, доказали, что Советская Россия всё больше и больше становится добычей жадного мирового империализма. Уже почти завоёвана до конца немецко-гайдамацкими бандами трудовая Украина, уже падает в бессильной борьбе красная Финляндия, уже протягивает свою руку на Дальнем Востоке англо-японский капитал и уже тени грабительского нашествия падают на вольный Дон.

При таких условиях, первый Донской Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов заявляет, что трудовое казачество, трудовое крестьянство и рабочий класс Дона окажет самый решительный революционный отпор наступающим империалистам-завоевателям.

Приветствуя героическую борьбу за землю и волю украинских рабочих и крестьян, посылая свой братский привет мужественным партизанским отрядам, отстаивающим на севере России честь и достоинство Революции, Первый Донской Съезд заявляет, что трудящиеся Дона не оставят в одиночестве умирающих за дело народа товарищей в защиту завоеваний Революции. Съезд объявляет это священной обязанностью всякого казака, крестьянина и рабочего, в какой бы части Федеративной Советской Республики он не находился.

Война закончена, и трудовой народ не допустит возобновления войны. Не путём всеобщей мобилизации, не путём насильственной воинской повинности, а путём добровольного революционного порыва должны строиться ряды трудящихся Дона и всех частей России для своего классового восстания, для борьбы с капиталом внутренним и внешним.

Да здравствует всеобщий демократический мир.

Да здравствует Российская Федеративная Советская Республика».

– меньшевиков.

При ближайшем рассмотрении приходится склониться к тому, что первые две резолюции, по сути, мало чем отличались друг от друга. И та и другая, большевистская едва обозначая, левоэсеровская подробно и развёрнуто, критиковали Брестский мир. Большевистская декларация прямо говорила о безоговорочном признании Брестского мира. Но и левоэсеровская ни словом не упоминала об обратном. Наконец, обе декларации заявляли, что Дон должен готовиться к отпору, но о том, в какие организационные формы следует облечь эти приготовления, умалчивали.

Левые социалисты-революционеры попытались представить, какой может быть будущая война с немцами. Тут они оказывались в весьма щекотливом положении. В стране, только что пережившей многолетнюю бойню и отмобилизовавшей армию, заявлять о новой всеобщей мобилизации было невозможно. Отсюда и слова о том, что «война закончена, и народ не допустит новой», и «добровольный революционный порыв», как метод комплектования и формирования войск.

Всё же более выраженная приверженность левых эсеров к революционной фразе и заявление о том, что «священной обязанностью каждого казака» является необходимость стать рядом с «умирающими за дело трудового народа» и, весьма возможно, умереть вместе с ними, заставили делегатов призадуматься.

Красивые слова оставались словами. Воевать вновь тем более, погибать, мало кто желал. И то, что делегаты в округах избирались не по партийным спискам, сыграло лишь на руку большевикам. Значительная часть их в этих условиях руководствовались здравым смыслом, а не партийной принадлежностью. В итоге за большевистскую резолюцию проголосовало 348 делегатов, против – 106 при 42 воздержавшихся. Левых эсеров поддержали 126 человек, против – 336 и 41 воздержался. В пользу резолюции меньшевиков отдали свои голоса двое, пятеро воздержались, остальные были против.

Принятие съездом декларации, одобряющей Брестский

мир, стало, конечно, серьёзным достижением большевиков. Оно давало лишний козырь на предстоящих переговорах с немцами, и должно было предотвратить возобновление масштабных военных действий уже на территории Дона. А главное, безоговорочная победа над левыми эсерами была достигнута в аграрном районе, где их позиции были традиционно сильны. Что лишний раз подтверждало: в споре соперничающих советских партий определённый перевес оставался на стороне «ленинцев»⁴¹¹.

Но, если вдуматься, следует признать, что ратификация съездом мирного договора решающего значения не имела. Германская армия к маю уже не была в состоянии оккупировать значительную территорию. Почти все резервы и ресурсы были перенесены на запад, где в ближайшие месяцы должна была решиться судьба войны. Пределы оккупации опреде-

⁴¹¹ 29 марта (12 апреля) Орджоникидзе доложил в Кремль о принятии съездом приемлемой декларации, подчёркивая: «...казаки слишком боятся, как бы немцы не влезли на Дон».

На следующий день Ленин направил в адрес президиума следующую телеграмму:

«13/4 _____ 1918 г.

Ростов-на-Дону.

Председателю первого съезда Советов Донской Республики.

От всей души приветствую первый съезд Советов Донской Республики.

Особенно горячо присоединяюсь к словам резолюции о необходимости победоносно закончить разгорающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. В этих словах заключается самое верное определение задач революции. Именно такая борьба и по всей России стоит теперь на очереди.

Ленин».

Не устаёшь удивляться прозорливости этого человека. В то время, когда большинство соратников уверены были, что победа над внутренним врагом обеспечена, Владимир Ильич давал понять: борьба только начинается. И в первую очередь внутренними факторами будет обусловлен её исход. Не случайно о возможном вторжении немцев и принятой съездом декларации, одобряющей Брестский мир, в телеграмме не упоминалось.

Любопытно, что первоначально Ленин употребил термин «Донская Область» и лишь потом слово «Область» зачеркнул, и сверху написал «Республика». Следует признать, что до всего руки не доходили и у этого целиком отдающегося работе человека. О сложившейся на Дону к этому времени обстановке Владимир Ильич, как, впрочем, и многие другие, и не только в Совнарком, имел самое поверхностное представление. И готовую разразиться в скором времени катастрофу не предугадывал вовсе.

лялись теперь не дипломатическими договорённостями, а исключительно оперативной целесообразностью. Заняв намеченные рубежи, немцы дальше не пошли. Изменившаяся обстановка на Юге России позволила им перейти к новой тактике, ориентированной на поддержку вдруг возникшего нового союзника.

Последним аккордом этого дня явилось заранее подготовленное заявление группы донских большевиков, не согласных с выработанной линией. Во время дебатов они свою точку зрения не оглашали, но и за большевистскую резолюцию не голосовали. Когда же решение съездом было принято, С.И. Сырцов посчитал возможным и вовсе от неё отмежеваться. Была зачитана «своя» декларация, в которой о негативном отношении к Брестскому миру и о необходимости отпора говорилось прямо. Декларация «левых большевиков» не только смыкалась с позицией левых эсеров, но по форме была даже более предметной и резкой⁴¹². Она, ничего не меняя, в то же время свидетель-

⁴¹² «...Российская революция, – говорилось в ней, – на которую история возложила задачу впервые высоко поднять знамя социализма и вплотную подойти к социалистическим мероприятиям, встретила врагов не только в лице русской буржуазии, но и всей международной буржуазии.

Мировой хищник-капитал со всех сторон пытается сжать Советскую Россию.

С запада двигаются германские войска, с востока наносят удары английские и японские империалисты. Наступление мирового империализма, ставшее в настоящее время неопровержимым фактом, не оставляет место иллюзиям и не даёт пролетариату никакой возможности уклониться от задачи отпора международным захватчикам.

Выполнение условий мирного договора неизбежно ставит Российскую Советскую Власть не только перед угрозой физического уничтожения, но и в такое положение, в котором она уже вынуждена делать ряд уступок в своей внутренней политике.

Мы, группа делегатов Съезда Коммунистов-большевиков, глубоко убеждены, что иллюзия мира, в настоящее время не имеющая никакой почвы, иллюзия возможности перерыва в борьбе с международным капиталом, сеет в усталых пролетарских и полупролетарских массах дезорганизацию, угашает стремление к организации отпора, облегчает империалистам попытки к дальнейшему захвату во всех странах мира, ослабляет силы международной революции и укрепляет влияние буржуазии и соглашателей и их проповедь гражданского мира.

Молодая Донская Советская Республика в настоящий момент находится перед самой реальной угрозой нашествия германских войска.

Советская власть на Дону, с которой не справились русские контррево-

ствовала о намечавшемся среди большевиков Дона расколе.

На следующий день, 29 марта (12 апреля) делегаты приступили к обсуждению очередного пункта повестки – вопроса об организации власти Дона. Сразу развернулась острейшая дискуссия, которая заняла почти всё оставшееся время работы съезда. Большевиками, безусловно, неудовлетворёнными составом делегатов⁴¹³, был поднят вопрос о необходимости чистки местных Советов «от пролазившего туда офицерско-кулацко-чиновничьего элемента».

И здесь они натолкнулись на серьёзное противодействие. Если «ленинцы» в своей аграрной политике опирались на наиболее обездоленные, зачастую, маргинальные слои населения, то левым эсерам, становившимся в открытую оппозицию, волей-неволей приходилось ориентироваться на середняков. Но и казаки, в большинстве своём, насторожились. Они начинали понимать, что под предлогом чистки от участия в выборах можно было отстранить кого угодно.

Основные дебаты велись вокруг того, каким образом «конструировать» формируемый съездом Центральный Исполнительный Комитет – из какого числа делегатов он должен состоять, но главное, проводить ли голосование по партийному списку или же традиционно, по округам. Обсуждению этого вопроса делегаты посвятили значительную часть дня 30 мар-

люционеры, грозит пасть под соединёнными ударами германских банд и контрреволюционеров изнутри.

Задача упрочения Советской власти связана с организацией отпора разбойникам международного капитала.

Защита молодой Советской Республики в союзе с другими Южными Республиками – вот что настоятельно диктуется моментом и что, мы уверены, завтра будет понято всеми.

Подчиняясь партийной и фракционной дисциплине, мы, группа делегатов Съезда большевиков, воздержались при голосовании резолюции нашей фракции, но мы считали бы нарушением социалистического долга умолчание о своей позиции».

⁴¹³ «Нельзя сказать, – пишет И.П. Борисенко, – что большевики могли быть вполне спокойны за состав съезда, ибо делегаты выбирались на местах случайно, не по партийному признаку; в числе 713 делегатов были кулацкие элементы, которые по существу сочувствовали Новочеркасскому мятежу Смирнова и Голубова и в будущем активно выступали в лагере контрреволюции».

та (13 апреля). В итоге, было принято компромиссное решение: выбирать по округам, но по партийным спискам.

Как видно, съезд проходил в непрекращающейся острой борьбе между двумя соперничающими друг с другом советскими партиями. Неудивительно, что всё, что лежало вне плоскости этой борьбы, осталось и в стороне от внимания делегатов. События, связанные с разгоравшимся восстанием, грозившим принять массовый характер, практически не обсуждались.

30 марта (13 апреля) Подтёлков, делавший ежедневный короткий доклад, сообщил о брожении в Задонье. «Старики-казаки станиц Кагальницкой и Мечетинской, – говорил он, – подбиваемые офицерами и кулаками, хотят идти на Ростов и разогнать съезд». Каким бы не представлялся Подтёлков, сколь бы недостаточно подготовленным он не был, одно несомненно. Связи с казачеством, при всём, при том, он всё же не утратил. Коренной казак, изменение настроений в казачьей среде Подтёлков, едва ли ни единственный, уловил, скорее, почувствовал, сразу же.

Председатель Областного ревкома имел возможность переговорить с большим количеством делегатов с мест, и эти разговоры вселяли в него тревогу. Подтёлков помрачнел. Не предвещавшие ничего хорошего предчувствия завладели его мыслями. «Когда из округов, – в сердцах говорил он на съезде перед завершением его работы, – идут на нас, чтобы нас разогнать штыками и пулемётами, я вижу, что и здесь на съезде среди нас есть лица, которые доказывают своими глазами солидарность с этими бунтовщиками. Я заявляю, что мы, большевики и левые эсеры, не допустим, чтобы была погублена Советская власть. Знайте, что если мы сами погибнем, то погубим и всех вас...⁴¹⁴»

⁴¹⁴ «Не знал тогда Подтёлков, – пишет И.П. Борисенко, – что эти слова окажутся пророческими, и он действительно погибнет в далёких степях от рук участников съезда».

Слова Подтёлкова оказались действительно пророческими. И не только в отношении его собственной судьбы. Большинство делегатов съезда в самом скором времени выступили против Советов. А выставлявшиеся кандидатами в ЦИК по списку левых эсеров казаки Родин и Киевский приняли во вспыхнувшем противостоянии самое деятельное и вполне осознанное участие. Яков Родин, выборный от хутора Верхне-Дуленского, в числе других вынес

С утра 31 марта (14 апреля) делегаты должны были приступить к выборам Центрального Исполнительного Комитета. Но тут большевики внесли предложение о необходимости предоставления характеристики каждого кандидата. Левые эсеры были резко против. От их фракции выступал Карелин, который заявил, что делегаты «не нуждаются в рекламировании». Предложение «ленинцев» было забаллотировано. За него отдали свои голоса 218 человек, против – 312.

Членов ЦИК выбирали по общим партийным спискам. Под № 1 был представлен список левых эсеров, № 2 достался большевикам. Голоса делегатов разделились почти поровну: левые эсеры получили 271 голос, «ленинцы» – 284. Соответственно, в Донской ЦИК проведены были 24 левых эсера и 26 большевиков⁴¹⁵. В президиум ЦИК вошло 3 большевика (В.С. Ковалёв – председатель, Г.К. Орджоникидзе и Александров) и 2 левых эсера (Чесняк и Дмитриев). Как видно почти поровну распределялось в Области и влияние двух советских партий⁴¹⁶.

После избрания ЦИК делегаты должны были разойтись по секциям и приступить к рассмотрению конкретных вопросов «советского строительства»⁴¹⁷. Но тут пришло сообщение, что

постановление о казни участников захваченной Подтёлковской экспедиции. Киевский уже летом стрелял с чердака своего дома в спину уходившим из Великокняжеской советским отрядам.

⁴¹⁵ В их числе левые эсеры – Ф.Г. Подтёлков, М.В. Кривошлыков, А. Иванов, Б.Д. Камков и др. Большевики – В.С. Ковалёв – председатель ЦИК, И.А. Дорошев, С.И. Сырцов, Александров, И.А. Ермилов, М.Е. Власов, Г.К. Орджоникидзе, М. Ермилов, Креушов, С.С. Турло, Бродский, Изварин, Ксендз, В.И. Федорцев, И.А. Лагутин, Крылов, Башкевич, А.Т. Фролов, П.П. Жук, Богуславский, С.И. Кудинов, Краснолюбов, В.Ф. Ларин, Кизгила, П.Е. Безруких, Е.А. Болотин.

⁴¹⁶ «Если проследить соотношение по всем голосованиям на съезде, – комментирует итоги выборов И.П. Борисенко, – то, исключая принятия резолюции о мире, от начала и до конца работы съезда сохранялось устойчивое соотношение между двумя политическими группами».

⁴¹⁷ Ранее, на заседании секции делегаты заслушали доклад о состоянии народного образования и постановили создать «единую социалистическую школу-десятилетку». В постановлении указывалось, что «программа обучения должна охватить всю совокупность общих знаний, а также и практические общественно-творческие навыки, необходимые для всякого трудящегося социалистического общества». Этим работа съезда в области «советского строительства» и ограничилась.

Новочеркасск захвачен восставшими казаками Заплавской, Бессергеновской и Раздорской станиц. Предводитель восставших, М.А. Фетисов прислал на имя председателя съезда телефонограмму. Он требовал немедленного освобождения М.П. Богаевского и грозил в противном случае расстрелять 1000 захваченных якобы красногвардейцев и советских работников. Более того, конный отряд повстанцев продвинулся к югу и подходил к окраинам Ростова.

Съезд постановил послать Фетисову предложение «подчиниться Советской власти». Одновременно делегаты одобрили директиву, в которой советским отрядам предписывалось немедленно выдвинуться к Новочеркаску и ликвидировать мятеж.

Обстановка в целом оставалась неясной, а перспектива уличных боёв – более, чем вероятной. Предугадать, как повели себя в этом случае делегаты, и какое решение они бы приняли, было невозможно. Советское руководство посчитало за благо заседания прекратить. Выступая перед делегатами на закрытии съезда, В.С. Ковалёв призвал делегатов «не слагать оружия до тех пор, пока борьба не решится в пользу революции». Выводы из происшедшего каждый в скором времени делал уже самостоятельно⁴¹⁸.

В этот же день на своём заседании ЦИК образовал Совет Народных Комиссаров Донской Республики. Председателем СНК был переизбран Ф.Г. Подтёлков. Он же являлся комиссаром по военным делам. Вновь избраны были Кружилин – комиссар продовольствия, Траплин – комиссар по земельным делам, Богуславский – комиссар труда, П.В. Алаев – комиссар просвещения, Дерюгин – комиссар юстиции, В.М. Бажанов – председатель совета народного хозяйства, призрения, Е.А. Болотин – комиссар финансов, И.А. Ермилов – комиссар по делам управления, И.А. Лагутин – комиссар почты и телеграфа, Изварин – комиссар по делам контроля. Председателем Донской чрезвычайной комиссии был назначен С.С. Турло.

Противостояние большевиков и левых эсеров с закрытием

⁴¹⁸ «На этом, – пишет И.П. Борисенко, – была закончена работа этого бурного съезда, отразившего всю тяжесть условий, в которых начиналось советское строительство на Дону».

Съезда лишь обострилось. Поэтому ЦИК с почти равным представительством в нём тех и других едва ли не изначально был недееспособен. «Первый и последний Донской ЦИК представлял из себя довольно разношерстный по политическому составу орган, – пишет И.П. Борисенко, – мало способный осуществлять пролетарское руководство в тех сложных условиях⁴¹⁹. Достаточно сказать, что в его составе был ряд членов, которые мало чем отличались от... казака Родина. Фактически главной властью были чрезвычайный штаб, скоро выделенный, и Ростово-Нахичеванский Совет Рабочих Депутатов, представлявший цитадель Донской революции, тем паче, что собственно руководство областного масштаба почти не осуществлялось».

Упомянутый «Чрезвычайный штаб» был вновь создан 2(16) апреля. Тут же ЦИК передал ему соответствующие полномочия⁴²⁰.

⁴¹⁹ Об этом же свидетельствовал А.А. Френкель. «Съезд Советов, – вспоминал он, – начался и происходил при чудовищных прямо условиях. По некоторым улицам Ростова шла перестрелка: разоружали некоторые не унимавшиеся партизанские отряды, превратившиеся в анархические банды и каждый день грозившие Военно-Революционному Комитету его свергнуть. В Новочеркасске и Черкасских станицах поднялся контрреволюционный бунт. Мятежники, заняв Новочеркасск, двинулись к Ростову и, подойдя к нему, вступили уже в Нахичевань. Съезду пришлось прервать свои заседания. Подтёлков и Кривошлыков, собрав наскоро надёжные отряды, повели их против белогвардейцев. Отчаянным натиском белые были отброшены и далеко прогнаны; Новочеркасск снова заняли советские войска.

Понятно, что в такой атмосфере съезд скомкал свою работу и спешил окончить свои заседания. Наспех был избран Донской Центральный Исполнительный Комитет, который оказался совершенно неспособным к руководству начинавшейся отчаянной борьбой. Большинство его при первых ударах контрреволюции разъехалось по домам...»

⁴²⁰ ЦИКом совместно с Чрезвычайным штабом были отданы следующие приказы:

«Приказ № 1.

Принимая во внимание поднявшееся контрреволюционное движение на Дону и участвовавшие случаи грабежей, насилий и самоуправств отдельных групп, гг. Ростов и Нахичевань Чрезвычайный революционный штаб объявляет с 16 апреля на военном положении. Вокзалы Ростов и Нахичевань – на особом военном положении.

Приказ № 2.

Ввиду того, что гг. Ростов и Нахичевань объявлены на военном положении, предлагается всем воинским частям, находящимся в Ростовском округе,

немедленно зарегистрироваться в Чрезвычайном штабе.

Неисполнившие настоящий приказ подлежат разоружению.

Приказ № 3.

Всем войсковым частям Ростовского округа.

Чрезвычайный штаб приказывает: ввиду объявления гг. Ростова и Нахичевани на военном положении, всем товарищам воинских частей быть в своих помещениях в полной боевой готовности.

Приказ № 4.

Председателю военного отдела Ростовского исполнительного комитета т. Зявкину.

Чрезвычайный штаб предлагает Вам немедленно собрать все боевые дружины и отряды Красной Армии Ростовского округа, разместить по казармам и привести в полную готовность.

Об исполнении донести [в] Чрезвычайный штаб.

Приказ № 5.

По городу распространяются слухи о близости корниловских и немецких банд.

Чрезвычайный революционный штаб, образованный Центральным исполнительным комитетом Советов Донской республики, доводит до сведения населения, что под Екатеринодаром Корнилов разбит. Против немецких белогвардейцев и контрреволюционеров Донской Советской республикой организуются все силы трудового народа. А потому не может быть никакой и мысли об эвакуации из Ростова. Лица, виновные в распространении подобных провокационных слухов, будут караться беспощадным военно-революционным судом.

Приказ № 6.

Чрезвычайный штаб предлагает всем комиссариатам, выделенным из Областного военно-революционного комитета, продолжать текущую работу впредь до выделения таковых из Центрального исполнительного комитета.

Приказ № 7.

Центрального исполнительного комитета Донской Советской республики.

Принимая во внимание, что контрреволюция всё больше поднимает голову и тем самым не даёт возможности Комитету взяться за мирную работу, решено передать всю полноту власти в Донской Советской республике Чрезвычайному штабу в составе: Ковалёв, Подтёлков, Сырцов, Кривошлыков, Орджоникидзе, Степанов, Дорошев, коему и поручено в кратчайший срок подавить контрреволюционное движение для восстановления революционного порядка и укрепления Советской власти.

Приказ № 8.

Все воинские части гг. Ростова и Нахичевани и всей Донской области находятся в распоряжении Чрезвычайного штаба Центрального исполнительного комитета Советов Донской республики.

Штаб «пяти» охраны и обороны города, выделенный местным исполнительным комитетом, упраздняется.

Чрезвычайный штаб: В. Ковалёв,
Подтёлков, М. Кривошлыков, Дорошев»

Исполнительная власть сосредотачивалась в руках узкой группы лиц, Подтёлкова лично, а, следовательно, и левых эсеров. Более того, в ближайшие после закрытия съезда дни многие большевики заявили о том, что присоединяются к «декларации Сырцова», считают возможность передышки иллюзией, а Брестские договорённости – ошибкой. Многие из них занимали высокие посты в выборных советских органах и вели себя так, словно Брестский мир был не поддержан, а отвергнут съездом.

Дело дошло до того, что 11(25) апреля передовица «Донских известий», официальном органе ЦИК, заявляла следующее: «...страусовая политика всегда давала в конечном итоге чреватые результаты. В нынешний момент, момент критической агонии революции, методы витиеватой страусовой политики совершенно недопустимы... Перед непосредственной опасностью, которая грозит смести всё и вся, преступно говорить о «передышке». Усталость, утомлённость отсталой огромной земледельческой России сделала уже своё дело, заставив пролетарскую линию поведения производить весьма рискованные изгибы. В момент смертельной опасности рабочий класс и все идущие с ним должны выпрямить пролетарский культ русской революции... надо пробудить «святую» тревогу у революционного Дона, заставить его содрогнуться и действительно напрячь свои революционные силы для отстранения наступающей реакции...»

Через всю первую страницу сверху протянулся лозунг: «Организуем немедленно боевые отряды Красной социалистической партизанской армии. Создавайте повстанческие комитеты». Тут же была опубликована «Краткая инструкция местным повстанческим комитетам» от неизвестно как оформившегося Центрального Партизанского Комитета. В инструкции указания по методам ведения партизанской войны были прописаны вплоть до деталей. И в дополнение ко всему на третьей странице приводился отчёт о весьма воинственной речи Б.Д. Камкова на Всероссийском съезде левых эсеров⁴²¹.

Справедливости ради, следует заметить, что призыв «К оружию!» использовался к этому времени едва ли не каждым печатным органом. Но дело не ограничивалось лозунгами и призывами. Советское правительство, как до съезда, так и после его завершения, предпринимало попытки создать собственные вооружённые силы.

И вдохновителем этих усилий был Подтёлков. Когда сначала Сырцов пытался его переубедить, Подтёлков резко возразил. И, в конце концов, сам склонил Сырцова на свою сторону. «...В те страдные дни, – писал А.А. Френкель о Подтёлкове с Кривошлыковым, – их порядком запутали Камковы, Карелины, Мстиславские, Штернберги и все прочие левоэсеровские вьюны, прискакавшие на Донской Съезд Советов поудить рыбы в мутной водичке; этому значительно способствовало и то злосчастное обстоятельство, что лучшие, наиболее преданные коммунисты Дона, втянувшись и увлекшись пылом непосредственной борьбы, оторванные от центра, не зная ясно хода и темпа мировых событий, были в те тяжёлые дни Брест-Литовских переговоров «левыми» бухаринцами, были резко против мира».

Но дело тут не в партийной принадлежности. Подтёлков плохо разбирался в тонкостях марксизма, однако ясно понимал: переговоры, ведущиеся без наличия за спиной адекватной силы, заведомо обречены на провал. И, куда раньше многих других осознал, что зреет и уже нависает над Советским Доном страшная угроза. И это не немцы.

Ещё 21 марта (3 апреля), задолго до выхода германских войск к границам Области, Чрезвычайный Штаб Обороны объявил мобилизацию и выслал в округа следующий приказ:

«Ввиду вторжения гайдамацко-немецких банд в пределы Донской Республики, Центральный Исполнительный Комитет объявляет мобилизацию 1914, 15, 16, и 17 гг. переписи казаков и крестьян тех же годов призыва.

анизация. Отсюда глубокий маразм в самой Советской власти... Наша задача, как партии, предупредить этот процесс разложения Советов, совершив перегруппировку сил на местах привлечением крестьянства, действительно политического фактора...»

⁴²¹ «В рядах пролетариата, – говорил на съезде Камков, – началась дезор-

Призыв 1918 г. требуется для обучения строевому делу.

О времени явки призываемых на сборные пункты и о дальнейшем порядке мобилизации будет оповещено дополнительно.

За пред. ЦИК М. Ермилов»

«Этот приказ, – пишет И.П. Борисенко, – остался на бумаге, как исторический документ, свидетельствующий о серьёзных намерениях драться с немцами верховного органа Дона⁴²², *разбившихся о действительность*. Мобилизация конечно не прошла...»

О масштабах приготовлений свидетельствует Д.И. Рябышев. «С целью защиты советского Дона от контрреволюции, – пишет он, – Подтёлков обратился к правительству РСФСР с просьбой разрешить сформировать красные казачьи части в количестве 30 тысяч человек и выделить необходимые для этого вооружение, боеприпасы, снаряжение, обмундирование, продовольствие. Реввоенсовет Республики удовлетворил эту просьбу; он приказал командующему войсками Московского военного округа Н.И. Муралову отправить на Дон 30 тысяч винтовок, 36 артиллерийских орудий, упряжь, 3 тысячи сёдел, сапёрные лопаты, 30 тысяч комплектов обмундирования с сапогами, а также консервы, сахар. Были выделены и денежные средства.

...Из хопёрских, усть-медведицких казаков, крестьян предполагалось сформировать армию. Но вооружение и обмундирование поступили из Подмосковья уже после гибели экспедиции Подтёлкова. Эшелоны с оружием, боеприпасами, обмундированием были отправлены в Царицын и впоследствии поступили для снаряжения частей 9-й и 10-й армий».

В округа был разослан циркуляр, ориентирующий местные Советы на проведение мобилизационных мероприятий. Но даже если таковые и производились, то, в конечном итоге,

⁴²² Об этом же свидетельствует и А.А. Френкель. «Донской ЦИК, – вспоминает он, – не мог не видеть непрочности и шаткости Советской власти на Дону, не мог не сознавать всей опасности надвигающихся роковых событий. И, несмотря на слабость и болезненное бессилие революционных сил, он всё-таки помышлял о сопротивлении наступающей контрреволюции».

приводили к печальным последствиям. Казаки записывались и распределялись по взводам и сотням. За ними закреплялось оружие. Многие думали, что действительно будут оборонять Область от германского нашествия. Но преобладающее настроение было уже не в пользу новых властей. И когда пришло время выступать, казачьи отряды, в большинстве случаев, воевали не с немцами и не за Советы⁴²³.

2(16) апреля только лишь созданный Чрезвычайный штаб ввёл в Ростове и Нахичевани военное положение. Призывы к населению «взяться за оружие», раздавались до последних дней. Но всё было тщетно. Оружия хватало, не было людей.

Последней отчаянной попыткой переломить ситуацию явилась отправка мобилизационного отряда в северные округа. Попыткой, которая Подтёлкову и большинству его спутников стоила жизни.

8.8. ТАГАНРОГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ УКРАИНСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ. ПАДЕНИЕ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЧЕРТКОВО

«8/IV⁴²⁴, – пишет Е. Бош, – наши войска оставили Харьков, отступив на Змиев и Чугуев. Не получая от главного штаба никаких директив и даже не зная, где он находится, мы при-

⁴²³ «...в ряде мест, – вспоминает И.П. Борисенко, – население стихийно организовывалось... В станицах проходили собрания, в округах проводились съезды, везде избирались советы обороны, куда залезали агенты белого движения и представители мелкобуржуазных партий... И мы должны констатировать, что этим движением в ряде мест к сожалению больше стали руководить донские казачьи верхи и кулачество. «Штабы обороны» производили мобилизацию казачества. Нашествие немцев, всё отправляющих себе в Германию, стояло перед населением Дона, как большая угроза хозяйству Края. Вполне понятно, что определённая часть казачества и крестьянства шла в отряды, организуемые Советами Обороны. В это же время врагами хитро плелась сеть интриг против Советской власти.

...и штабы обороны, где сидело офицерство, стремились направить свои казачьи отряды в первую очередь против большевистских войск, против «красных банд», которые изображались более опасным врагом, чем немцы».

⁴²⁴ Германские войска заняли Харьков 20 марта (9 апреля) 1918 г.

няли решение ехать в Таганрог, так как наши измученные, потрёпанные отряды совершенно не годны были для какой бы то ни было вооружённой борьбы. Кроме того, все мы (активные члены партии) считали, что настал момент срочного обсуждения в своей партийной среде вопроса о формах борьбы в создавшихся условиях и, не откладывая, принять то или иное решение. Для этого нам необходимо было поторопиться, чтобы застать товарищей на месте, так как 7/IV Таганрогский Исполком Совета принял постановление об эвакуации. Числа 10 мы прибыли в Таганрог. Тут жизнь и образ мыслей тыловых товарищей крайне поразили нас своим несоответствием с действительными условиями, создавшимися на Украине. Товарищи работали и рассуждали так, как будто Украина не находилась уже под каблуком германского юнкерства и как будто вопрос о нашем военном поражении ещё оставался открытым. В первые дни нас даже не желали слушать, не то, что разговаривать о перспективах и формах дальнейшей работы. Но постепенно, под влиянием отступлений и нарастающей угрозы Таганрогу, товарищи, сначала в одиночку, а в дальнейшем и на совещаниях, стали без гневного протеста выслушивать наши соображения насчёт роспуска ЦИК Советов Украины и дальнейших форм работы».

Как видно, дело Советов в Украине было окончательно проиграно. Перед украинскими большевиками встал вопрос, что делать дальше? К этому времени левые эсеры практически устранились от какого-либо участия в работе ЦИК Ук. Поэтому тот факт, что все ключевые вопросы, в том числе и правительственные, большевикам придётся решать самим, их не смущало.

Некоторые сомнения возникли в связи с недостаточным представительством. Но после обмена мнений, большинство согласилось, что в подобной ситуации не стоит проявлять излишнюю педантичность. Было принято решение провести партийное совещание с участием всех активных работников, находящихся в городе. Предполагалось обсудить два вопроса: о роспуске Советского правительства и об организации бюро

по предстоящему созыву партконференции большевиков Украины⁴²⁵.

Партийное совещание состоялось в Таганроге 6(19)–7(20) апреля. Присутствовало в первый день 71 человек, во второй – 69⁴²⁶. Фракция ЦИК практически в полном составе, работники киевской, полтавской, екатеринославской и иных областных организаций, эвакуировавшихся из оккупированных немцами районов.

Совещание подчеркнуло ограниченность своих полномочий и приняло следующую резолюцию: «Совещание имеет организационный характер. Его решения не являются обязательными для организаций, но служат материалом при обсуждении партийными организациями организационных и тактических вопросов партийной работы на Украине. Задачей Совещания является также создание временного центра для подготовки съезда партийных организаций коммунистов-большевиков Украины». Понятно, что после принятия подобной резолюции, все последующие решения имели лишь рекомендательный характер и были весьма условны.

Затем коммунисты рассмотрели вопрос «Об организационных формах партийной деятельности на Украине». Было внесено два предложения, создать партию, в той или иной степени подчиняющуюся РКП(б) и полностью независимую. Большинство проголосовало за второй вариант⁴²⁷. Приняли и название вновь создаваемой организации – Коммунистическая Партия (большевиков) Украины.

Начали и, на второй день работы Совещания, продолжили обсуждение предполагаемой тактики партии в сложившихся

⁴²⁵ Этот вопрос был поставлен и в экстренном порядке нашёл своё разрешение утром 6(19) апреля, ещё до начала работы Совещания. После краткого обсуждения решено было ЦИК Советов Украины распустить. Народный секретариат сохранился и переезжал в Москву.

⁴²⁶ Е. Бош отсутствовала по болезни, В.М. Примаков убыл со своим отрядом «на фронт в Ростов».

⁴²⁷ «Образовать самостоятельную коммунистическую партию, – было прописано в резолюции, – имеющую свой Центральный Комитет и свои партийные съезды и связанные с Российской Коммунистической партией через международную комиссию (III Интернационал)».

условиях оккупации. В результате была принята резолюция Скрыпника⁴²⁸, содержащая в себе констатацию фактов, оптимистичный прогноз дальнейшего развития событий и общие, отчасти теоретические, соображения о задачах и целях большевиков. Альтернативная резолюция Пятакова, куда более конкретная, нацеленная на организацию вооружённого восстания на Украине и оказания «организационно-технической помощи действующим партизанским отрядам», была Совещанием отвергнута.

По поводу выборов в различные представительные учреждения на территории Украины Совещание приняло решение – участия в них не принимать.

Совещание подтвердило необходимость создания центра, который должен бы заняться организацией последующей партийной работы и получил название «Организационное Бюро

⁴²⁸ Суть её сводилась к следующему:

– оккупация немцами Украины и восстановление власти Центральной рады стало свершившимся фактом. Однако «победа контрреволюции является целиком военной, но не политической, и перед пролетариатом вновь создаётся почва для успешной борьбы за социальную революцию;

– эта борьба неизбежно примет, и уже принимает, формы партизанского движения; «массы поднимаются в отдельных местностях Украины, и движение сливается в общий пожар восстания»;

– нельзя допустить, чтобы «поднимающиеся к борьбе массы рабочего класса и беднейшего крестьянства были совлечены мелкобуржуазными партиями на путь «общенациональной борьбы» с иноземными завоевателями, на путь соглашения классов и фактического отказа от классовой борьбы и классовых целей пролетариата. Поэтому задачей коммунистической партии большевиков Украины является воссоздание классовой партийной организации и её руководство в деле организации и ведения восстания рабочего класса и крестьянства против диктатуры контрреволюционной буржуазии. Партия должна резко отмежеваться от меньшевистско-соглашательских течений, признающих социальную революцию на Украине ликвидированной и предлагающих политически – встать на путь работы в рамках буржуазного парламентаризма, а организационно – поставить своей задачей исключительно текущую работу по организации агитации и пропаганды... Но вместе с тем партия должна не менее резко отмежеваться от течения эсеровского чистого инсurreкционизма, выдвигающего единственной задачей – организацию повстанческих актов хотя бы и оторванных от масс групп»;

– необходимо «выяснить массам всю зависимость успеха... восстания от сохранения и укрепления Советской власти в Российской Федерации и от дальнейшего развития мировой социалистической революции».

по созыву конференции партийных организаций коммунистов-большевиков Украины». В его состав были избраны 7 человек, причём их имена решено было не разглашать. Планировалось пригласить для работы в Бюро по одному представителю от Областного Комитета Донецко-Криворожского бассейна и от Главного Комитета Социал-демократии Украины⁴²⁹.

Решено было 7(20) июня созвать в Москве конференцию большевистских партийных организаций Украины. Организационному Бюро поручалось к этому времени разработать и представить к рассмотрению конференции проект программы вновь создаваемой партии.

На этом работа Совещания была завершена. 6(19) апреля состоялся и пленум ЦИК Советов Украины. На нём предложение фракции большевиков о роспуске ЦИК Ук возражений не встретило. Был также переизбран состав Народного секретариата, в который избраны 9 человек. Перед завершением работы пленум обратился к рабочим и крестьянам Украины с манифестом.

«...мы твёрдо уверены в том, – говорилось в нём, в частности, – что, несмотря на нашу нынешнюю военную неудачу, скоро пробьёт час смерти Центральной Рады и час окончательного торжества рабочих и крестьян Украины. Во всякой борьбе бывают не только победы, но и поражения. И напрасно надеется контрреволюционная буржуазия, что гайдамацко-германские захватчики сумеют надолго удержать власть в своих руках.

...Не успели гайдамацко-германские банды отеснить на восток советские войска, как по ту сторону, в занятой немцами Украине уже вспыхивают огни нарождающегося восстания против захватчиков и угнетателей. Встаёт рабочая и крестьянская рать, готовая грудью отстоять Украину от чужеземных грабителей. Разрозненно, то тут, то там, своими силами ведут крестьяне и рабочие эту борьбу, и мы, Советское Правительство Украины, считаем своей первейшей обязанностью всемерно содействовать этому восстанию. В нашу задачу, как рабоче-кре-

⁴²⁹ В связи с этим Организационному бюро поручалось вступить в переговоры с левыми украинскими социал-демократами по вопросу об объединении.

стьянского правительства, входит, поэтому идейная, организационная и техническая помощь восстанию...

И если наши войска, вытесненные германскими штыками из Украины на территорию Российской Федерации, не могут оттуда вести далее борьбу, всё же эта борьба вновь разгорится в самой Украине восстанием рабочих и крестьян...

В страшный час, когда решается судьба Украины, никто не имеет права уклониться от борьбы, никто не имеет права оставаться в стороне.

А потому – все по местам! Все в ряды восстающих!..»

7(20) апреля в Таганроге вышел последний номер «Вестника Украинской Народной Республики», печатного органа ЦИК Советов Украины. На следующий день Народный секретариат и Организационное бюро покинули город.

Охрану правительственного поезда осуществляли «червонные казаки» В.М. Примакова. В составе отряда оставалось менее двухсот бойцов. Проследовав через Ростов, Тихорецкую, Великокняжескую и Царицын, эшелон в начале (середине) мая прибыл в Москву.

В эти же дни решила и судьба Донецко-Криворожской республики. И хотя последние дни её существования мало чем отличались от финала ЦИК Ук, пути их развития как разошлись с самого начала, так и не успели сойтись окончательно.

Если втягиванию в конфликт с немцами Донской Советской республики Совнарком энергично противодействовал, то позиция, занятая им по отношению к Донецко-Криворожской, была прямо противоположной. Ленин требовал воевать, и воевать до конца⁴³⁰. «Донецкие товарищи», на словах признавая

⁴³⁰ Ещё 1(14) марта Ленин писал Г.К. Орджоникидзе:

«Товарищ Серго!

Очень прошу Вас обратить серьёзное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада. Убедите... товарищей, что ход вещей навязывает им оборону, и они должны обороняться независимо от ратификации мирного договора. Дайте им понять, что положение Севера существенно отличается от положения Юга... Немедленная эвакуация хлеба и металлов на восток, организация подрывных групп, создание единого фронта обороны от Крыма до Великороссии с вовлечением в дело крестьян, решительная и безоговорочная перелицовка имею-

правоту Кремля, до поры продолжали «ухитряться». Для них главной и единственной задачей было сохранение власти. И в их представлении открытая война с немцами в любом случае ничем, кроме оккупации Донбасса, окончиться не могла. При заявленной самостоятельности оставались ещё какие-то, пусть призрачные, шансы.

Во всяком случае, вплоть до самого конца советские работники Донбасса всячески высмеивали ЦИК Ук, уклонялись от участия в его работе и пытались дать понять немцам, что они нейтральны, и для вторжения в пределы Донецко-Криворожской республики у германских войск нет ни повода, ни резона.

Неоднократно предпринимались попытки связаться с немцами по радио. Все обращения остались без ответа. Волей-неволей пришлось разворачивать мобилизацию. В рудничном крае и крупных промышленных центрах Донбасса нашлось, конечно, немало бойцов, готовых сражаться за Советы. Большинство из них вначале составили Донецкую армию, а затем отходили с Ворошиловым к Луганску и далее на Царицын.

С ухудшением обстановки среди руководящих работников вызревало понимание, что избежать эвакуации не удастся. Наблюдая быстрое продвижение германских войск, часть из них решили, что теперь с обречённым Донбассом их уже ничто не связывает, и принимали самостоятельные решения.

17 (30) марта в печатном органе Народного секретариата

щихся на Украине наших частей на украинский лад – такова теперь задача. Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко, – он должен называться просто Овсеенко. То же самое нужно сказать о Муравьёве (если он останется на посту) и остальных.

Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что как бы они не ухитрились выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, всё равно будет включена в Украину, и немцы будут её завоёвывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны. Межлаук был в Питере; Артём также согласен с этим; поэтому упорство нескольких товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде.

Втолкните всё это, тов. Серго, крымско-донецким товарищам и добейтесь создания единого фронта обороны».

появилось следующее сообщение: «Вчера заявили о своей отставке наркомы Донецкой республики Васильченко, Жаков и Филлов. Мотивы пока неизвестны. Предполагается, что отставка находится в связи с тем, что их товарищи по Совнаркому не поддержали вопроса о выселении монахов из Покровского монастыря в Куряжский».

Надуманность «предлога» была очевидна для всех. Остаётся предположить, что, в частности, С.Ф. Васильченко руководствовался и иными, более прагматичными соображениями. Старый большевик и подпольщик, он, войдя во власть, успел вкусить её плоды и не собиравшись, по-видимому, от них отказываться. Даже будучи наркомом Донецко-Криворожской республики, связи с Доном Васильченко никогда не терял⁴³¹. И не удивительно, что уже 3(16) апреля он был назначен на должность временного чрезвычайного коменданта Ростова.

Падение Харькова предрешило участь Донбасса, но не все, конечно, согласны были сдать без боя. Отдельные отряды продолжали преграждать немцам путь на восток. Настоящий героизм и самоотверженность проявляли железнодорожники. В уже оставленном, по существу, крае некоторые районные Советы функционировали до самого конца. Вот какую телеграмму приводит Антонов-Овсеенко: «От исполнительного комитета Донецко-Рубежанского совета рабочих и солдатских депутатов. В штаб главковерха тов. Антонова. Донецко-Рубежанский совет сообщает вам, что в окружности его все советы сбежали, остаёмся мы одни только, власть держим, не имеем никаких сил обороняться в случае посягательства на нас. Просим дать директивы, как поступить дальше, или же мы должны отсюда выехать. Председатель Чингинков. Секретарь...» Но их усилия ничего уже изменить не могли.

С середины (конца) апреля советские войска, теснимые немцами, отступили непосредственно к границам Донской области. И здесь возникли новые проблемы. «Нам пришлось ещё, – пишет Антонов-Овсеенко, – разрешать с Украинским и Донским

⁴³¹ Ещё 22 февраля (7 марта) на заседании временного Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) Васильченко, вместе с Чернышёвым и Власевым, был избран в состав президиума.

правительствами тяжёлый вопрос о разоружении наших частей, переходящих на территорию Дона. Как невходящая в состав Украины, Донреспублика была заинтересована проявить свой нейтралитет в борьбе нашей с немцами, дабы не дать им предлога расширить территорию их оккупации. Мы договорились о мерах к формальному разоружению наших отрядов при переходе ими за определённо очерченные рубежи Донской республики. Правительства Донецкой и Донской республики должны были послать особых уполномоченных к германскому командованию договориться о приостановке военных действий на известных рубежах».

Началась естественная в создавшихся условиях неразбериха. Каждый понимал «разоружение» по-своему. Так, Скрыпник распространил постановление Народного Секретариата и ЦИК Ук, которое прямо указывало, что необходимо производить не только сдачу оружия, но и расформирование и роспуск пересекающих границу Дона частей. С аналогичной нотой № 935 выступил 11(24) апреля и Совнарком Донской Советской республики.

«В Таганроге, – вспоминал Антонов-Овсеенко, – уже начались попытки такого разоружения. Кое-где местными властями эти приказы были восприняты совсем всерьёз, и от наших отрядов требовалась подлинная сдача всего оружия и расформирование⁴³². Но, в большинстве случаев, ограничивались складыванием всего оружия в определённых вагонах, следовавших в одном эшелоне с разоружённым отрядом. Впоследствии такая тактика нам обошлась дорого в борьбе у Черткова.

23 апреля командарм-1 сообщал (из Иловайской):

«Приехали представители Донской республики, комиссар по делам народного хозяйства с чрезвычайными полномочиями по организации разоружения и интернирования войско-

⁴³² Об этом же свидетельствовал и И.П. Борисенко: «Для доказательства самостоятельности Дона, – писал он, – пытались даже на границе с Украиной выставить нечто вроде заградительной линии из Донских отрядов, которые должны были разоружать украинские части. Но этим ходом остановить немцев, конечно, не удалось – для них Дон являлся «большевистской территорией», которая должна была быть оккупирована согласно их операционного плана».

вых частей, переходящих из Украины границу Российской республики в Макеевском районе Донской области, а также для ведения переговоров с германским военным командованием и военным командованием Центральной рады об установлении границы Донской республики. Мандаты выданы Центр. исполн. комит. Донской республики № № 178 и 179. Подпись Орджоникидзе. Комиссар Бажанов предлагает: 1) воспретить всякие военные действия в пределах Донской республики; 2) удалить со станций эшелоны или разоружить; 3) организовать заставу по всей границе Донской республики, Макеевского района – Юзовка – Ясиноватая; 4) послать парламентёров для немедленного установления места и времени переговоров Бажанова с германским командованием и командованием Рады».

Подобные же комиссии от Донправительства выезжали на встречу немцам у Дебальцева и у Луганска. Немецкое командование, насколько знаю, от разговоров не уклонялось, обещало запросить инструкции, а наступления не приостанавливало...»

Без сомнения, приказ о разоружении в войсках распространить успели. И когда Миллеровский совдеп требовал складировать вооружение в отдельные вагоны, удивления это у командиров не вызывало. Многие из них сами разоружали свои отряды и без дополнительных требований местных Советов. Люди были уверены, что находятся вне зоны военных действий, и опасность им уже не угрожает.

Всё это самым непосредственным образом сказалось на судьбе Тираспольского отряда, а во многом и предопределило его разгром. Но уже и после трагедии Совнарком продолжал настаивать на разоружении⁴³³. Определяющим

⁴³³ 21 апреля (4 мая) Совет Народных Комиссаров издал следующее постановление:

«1) Строжайше наблюдать за тем, чтобы отдельные, ещё не разоружённые отряды бывшей армии Южных Республик немедленно разоружались по переходу через границу Российской Советской Республики.

2) Поставить немедленно через парламентёров в известность наступающие германские и гайдамацкие отряды о том, что отступившие за нашу границу Советско-украинские отряды нами разоружены и, таким образом, устранён какой бы то ни было повод для перенесения борьбы на территорию Российской Республики;

было – любой ценой не допустить конфликта с немцами.

Второй серьёзной угрозой стала перспектива выхода германских войск от Сватово и Старобельска непосредственно к полотну Юго-Восточной магистрали. «По этой жел. дороге, – пишет Антонов-Овсеенко, – текла основная волна нашей эвакуации, и шло снабжение центрального района топливом. Это был также один из возможных путей отхода наших войск».

Но из оперативного – для отступающих Украинских армий, дорога приобретала стратегическое значение для Советской республики в целом. Помимо упомянутой линии Юг страны связывала с Центром лишь железнодорожная магистраль, проложенная через Царицын на значительном удалении.

Небольшой, в несколько километров, отрезок Юго-Восточной дороги находился на территории Харьковской губернии, и немцы имели основание взять его под свой контроль. Но удерживать в своих руках участок степи было крайне затруднительно. Очевидно было, немцы постараются магистраль перерезать и при этом займут расположенную в непосредственной близости станцию и посёлок Чертково⁴³⁴.

3) Ввиду этого, предложить через означенных парламентёров германско-гайдамацким отрядам заключить соглашение о немедленном прекращении военных действий и установить демаркационную линию.

4) В случае, если бы германско-гайдамацкие отряды, отклоняя предложение и попирая условия Брест-Литовского мира, продолжали наступать на нашу территорию, – защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая всё взрослое население угрожаемых областей.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

Донское советское правительство действовало в том же ключе. Вступивший 7(20) апреля в командование 1-й Украинской армией Харченко докладывал Антонову-Овсеенко:

«Главкомандующий Донской республики тов. Ковалёв, по нашем прибытии в Зверево, издал приказ по всем армиям, согласно которого все войска, вступившие на территорию Донской республики, обязаны подчиняться только ему, и всякие продвижения по жел. дороге, без его на то разрешения, воспрещаются. При разговоре с тов. Ковалёвым, он уверял меня, что немцы на территорию Донской республики не пойдут, и предлагал мне, чтобы я свои войска разместил в Новочеркасске и других городах Донской республики...»

⁴³⁴ Опасность этого осознали и в Москве. 9(22) апреля Антонов-Овсеенко получил следующее, подписанное Лениным, предписание: «22 апреля в 11 часов ночи Совнарком постановил: предложить Военному Комиссариату

Были приняты определённые меры. Из Москвы прибыл со сформированной группой генштабистов «военспец», левый эсер Мстиславский⁴³⁵. В его задачу входила организация обороны участка Юго-Восточной магистрали от Воронежа до Лихой и, в частности, Чертково. Отношения с Антоновым-Овсеенко у не страдающего отсутствием амбиций Мстиславского не сложились. Группа его действовала вяло. «Вскоре, впрочем, – пишет Антонов-Овсеенко, – штаб Мстиславского закончил своё эфемерное пребывание на нашем фронте, отбыв обратно в Москву».

8(21) апреля Троцкий вызвал в Москву и Антонова-Овсеенко. Там на заседании Высшего военного Совета, им был сделан доклад о положении советских войск в Украине. Вывод был неутешительным: борьба подходит к концу. Тем не менее, Антонову-Овсеенко было предложено «продержаться ещё некоторое время», в том числе, и по политическим соображениям. Ожидались переговоры с Радой о мире и о границах Украины. Было также согласовано, что основная масса войск должна отходить в пределы России через Миллерово на Лиски. Особо подчёркивалось, что при этом они должны разоружаться.

К вечеру 11(24) апреля Антонов-Овсеенко был уже в Чертково. Кое-какие силы были подтянуты, но они занимали оборону не непосредственно у станции, а восточнее. И когда эвакуация стала всеобщей, проследовали с отступающими отрядами на Лиски, не задерживаясь в Чертково. В итоге, в распоряжении утверждённого «командующим Чертковского района» Назарова⁴³⁶ оказалось до 150 штыков и 150 сабель. Если пехота казалась надёжной, то конники устойчивостью не отличались, и

принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, особенно же станции Чертково, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом.

О деталях переговорить со Сталиным».

⁴³⁵ Руководствуясь, вероятно, заявленной позицией своей партии, Мстиславский называл свою группу «штабом формирований партизанских отрядов». И рассматривал свои задачи, в том числе, и под этим углом.

⁴³⁶ Начальник направленного ранее в Старобельск «агитационно-организационного отряда».

ещё в Чертково, недовольные плохим снабжением, «замитинговали».

С этими силами Назаров выдвинулся к Беловодску. Здесь конница сразу же открыла беспричинную беспорядочную стрельбу. Её прекратило появление у города немецкой разведки, от боя уклонившейся. С большим трудом удалось направить конников далее, к Старобельску. Недалеко от Беловодска они встретили ничтожный, в два десятка сабель, германский разъезд и преследовали его. Причём, пострадала и разведка Тираспольского отряда. Надлежащая связь налажена не была. Автомобили «тираспольцев» приняли за немецкие и обстреляли. Два из них сгорело.

К этому времени были получены сведения, что от Евсуга продвигаются две колонны германских войск с артиллерией. Назаров принял решение выдвинуться западнее Беловодска и обороняться. Но под влиянием слухов о намечавшемся обходе конница стала разбредаться «куда попало». Вслед за ней заколебались и пехотинцы. В результате Назаров вынужден был отойти вначале к Стрельцовке и Великолуцкому, а затем, и к Чертково. Здесь пехота стала разоружать конников «за безобразия».

Всё же Назарову удалось навести относительный порядок. К тому же, им была подчинена часть артиллерии «тираспольцев», следующих на Лиски по железной дороге. 14(27) апреля его отряд в 150 штыков, 100 сабель при 2-х орудиях вновь выдвинулся к Стрельцовке. Вечером к нему прибыл помощник командира Тираспольского отряда Гарькавый, который сообщил, что часть «тираспольцев» находится в селе Моисеевке, в восьми километрах от Стрельцовки. Наутро он уехал, пообещав, что «тираспольцы» вскоре подойдут. Однако, вместо них, с запада пришли немцы.

Назаров развернул свой отряд навстречу. Пехота рассыпалась в цепь, конница стала на флангах, оба орудия – за селом. Завязался бой, который длился 5 часов. Немцы, нащупав расположение батареи, засыпали её снарядами. Артиллеристы снялись с позиции, и вышли из боя. За ними в бегство устремились

конники, а затем, наблюдая происходящее, отошла и пехота. «Тираспольцы» так и не появились.

О дальнейших событиях можно судить из следующего донесения Назарова: «...Таким образом, – сообщал он, – Чертково оказалось сразу открытым. Вдобавок, разведка сообщила, что немцы показались уже и в Великолуцкой. Батарея, правда, у станции собиралась выступить, но не было решительно никакого прикрытия для неё, ибо пехота отошла из Стрельцовки налево, по направлению к Моисеевке. Конница была вся страшно утомлена и никуда не годна. Скорой помощи ждать было неоткуда, ибо и раньше все просьбы о ней были тщетны. Учитывая всё это и ожидая каждую минуту немецких гостинцев (Великолуцкая в 8–10 верстах от Чертково), я решил, что сейчас самое благоразумное – эвакуировать станцию и пропустить поезда, проходящие на север, в как можно большем количестве, ибо это была последняя магистраль. Это и было исполнено.

Ночью из Кантемировка я доложил в ставку Баранову⁴³⁷ всё случившееся. Он приказал мне отправиться назад в Чертково и вызвал на помощь из Миллерова эшелон чехословаков. Я на паровозе с несколькими пулемётами и разведчиками отправился немедленно назад. Между тем, немцами ночью взорвано полотно железной дороги между Чертково и Маньково, с одной стороны, а затем и между Чертково и Зориновкой – с другой. А потому пришлось немного задержаться в пути. Усилиями железнодорожников всё же удалось восстановить полотно. Между тем, в Чертково прибыл отряд чехословаков, «Молния»⁴³⁸ и вновь сформированный отряд рабочих Юзова. Последние два уже разоружены, причём всё снаряжение было сложено в отдельные вагоны и прицеплено к их же составам. Переговорив с Миллерово, я решил вооружить их снова, как находящихся опять на территории Украины. Распорядился подать конницу чехословаков на выгрузку, дабы немедленно организовать разведку. Тищенко направил переговорить с «Молнией», сам же пошёл к

⁴³⁷ П.И. Баранов – в 1917 г. председатель фронтового отдела Румчерода, с января 1918 г. председатель ВРК 8-й армии, с 25 марта (7 апреля) по 7(20) апреля командующий 2-й Украинской армией.

⁴³⁸ Один из сохранивших боеспособность советских отрядов.

чехословакам. Узнав общее положение вещей, они решительно отказались выступить, решив, что тут надо проходить с боем дальше на Лиски. В этот момент как раз доносят, что на пригорке показалась немецкая разведка. Сейчас же немцы стали сыпать из орудий.

Я приказал выйти из эшелонов, но всё смешалось, и никто не обращал никакого внимания на эти приказания. Между тем, немцы пристрелялись и били без промаха прямо в вагоны. После первого же выстрела они поставили паровоз чехословацкого эшелона вверх колёсами. Бросился искать дежурного по станции, но он куда-то исчез. Вокзал был совсем пуст. Два паровоза с пулемётами пытались было прорваться: один – к Зориновке, другой – к Маньково. Здорово работали пулемётчики, дорого досталось немцам подбить эти паровозы, но всё же прорваться не удалось, – немцы снарядами взорвали полотно. Начали было работать и наши орудия с платформ, но скоро немцы заставили замолчать и их. Работали пулемёты и с той и с другой стороны, но, в конце концов, всё же, под организованным натиском, наши отряды, смешавшись, направились маленькими группами: кто к Кантемировке, кто в Калач через Богучар. В Чертково же остались разбитые эшелоны и станция, а над всем этим – столб дыма и пламени от горящих и взрывающихся вагонов со снарядами. С час немцы продолжали обстрел из орудий по отходящим группам наших частей, затем прекратили. Конница их преследовать нас не могла, ибо почти вся была перебита пулемётным огнём пытавшихся прорваться паровозов...»

Сам Назаров с несколькими бойцами вынужден был покинуть станцию и, в итоге, оказался в Миллерово. Оттуда он отходил на Царицын уже вместе с Ворошиловым.

Немцы в тот день Чертково не заняли. Очевидно, их командир, допуская вероятность появления новых советских отрядов, посчитал, что солдат у него слишком мало. К тому же своей цели он добился. Железнодорожное полотно в районе станции было разрушено. Дорога, загроможденная разбитыми и сгоревшими вагонами, к тому же находилась теперь под прицелом артиллерии.

Подобный разгром сохранивших боеспособность и дисциплину, не раз проявлявших стойкость отрядов, может быть объяснён лишь одним: подвергнувшиеся внезапному нападению бойцы, в большинстве своём, были без оружия. Выгрузить и разобрать под артиллерийским огнём винтовки и боеприпасы из вагонов не получилось. Охватившая людей паника довершила дело⁴³⁹.

Ровно то же повторилось в Черткове спустя сутки. Об этом свидетельствует полученная Главштабом следующая телеграмма: «Из Богучара. Примите к сведению, что Енакиевский районный штаб с четырьмя партизанскими отрядами 29 апреля на станции Чертково разбит. Неожиданность нападения противника и будучи разоружёнными Миллеровским совдепом, не дали спасти что-либо важное, находившееся при нас. Необходимо ваше распоряжение, чтобы все бумаги за печатями Енакиевского районного штаба и партизанского отряда «Свободное солнце» считались недействительными, так как могут быть злоумышления...»

Попытку восстановить контроль над Чертковом и ликвидировать перечёркивающую все ранее принятые планы пробку предпринял командарм-3 Чикваная⁴⁴⁰. 17(30) апреля он разослал всем оказавшимся под рукой отрядам бывшей 3-й армии такой приказ: «Чертково взято немцами, – путь для эвакуации имущества и вывоза наших отрядов через Чертково отрезан. Кто ещё считает себя революционером, сообщите о своём местонахождении и выгружайтесь немедленно для наступления на Чертково. Все необходимые технические имущества будут поданы из Лисок. С получением этой телеграммы вами, выезжаю со штабом в Чертково. Есть возможность восстановить революционное имя. Пусть самовольный уход 3-й армии с фронта передастся в область предания. Докажите, что вы револю-

⁴³⁹ «Стремление к «лояльности» в отношении германцев, – с горечью пишет Антонов-Овсеенко, – побуждавшее наших товарищей из Донправительства настаивать на разоружении наших отрядов, сыграло в этом деле не последнюю роль...»

⁴⁴⁰ С 5(18) апреля Е.И. Чикваная вступил в командование 3-й Украинской армией вместо отозванного в Главштаб П.С. Лазарева.

ционеры. Ответ: Лиски. Командарм особой армии Чикваная».

Энергичный командир, он пытался организовать комбинированный удар. Сам, собрав наскоро немного пехоты, располагая также двумя броневиками и подошедшим из Воронежа бронепоездом № 4, должен был наступать на Чертково с севера. При этом мыслилось, что «тираспольцы» ударят с востока, а отрезанные немцами советские отряды – с юга.

18 апреля (1 мая) отряд Чикваная стал выдвигаться к Черткову. Но проследовав до Журавки, он вынужден был остановиться. Пути за станцией оказались разобранными. Разведка доложила о том, что силы немцев значительны, и они успели укрепиться. Какого-либо нажима советских войск с других направлений не ощущалось...

17(30) апреля Чертково действительно было занято незначительным германскими силами. И это стало едва ли не ключевым фактором для последующих событий. Лишь небольшая часть советских отрядов, отходивших из Украины, успела проскочить на Лиски и Богучар. «Тираспольцы» также продвигались к границам Воронежской губернии, но следовали походным порядком. От железной дороги они приняли вправо и вскоре подходили к станице Мигулинской.

Основная же масса войск вынуждена была отказаться от северного направления. Одна её группа устремилась от Миллерово на Лихую и далее к Царицыну. Другая – без задержек проследовала к Новочеркаску и Ростову, откуда при необходимости нетрудно было переправиться на левый берег Дона.

Для Донского Совнаркома потеря Чертково означала, что в случае вторжения Центр не сможет оказать Донской Советской республике существенной помощи. И теперь судьба Ростова зависела лишь от того, предусматривают ли германские оперативные планы занятие города.

19 апреля (2 мая) Антонов-Овсеенко выехал в Воронеж, чтобы обсудить с командующими собранных там отрядов перспективу наступления на Харьков. Он считал, что продолжение борьбы ещё возможно. Но в тот же день в телефонном разговоре Х.Г. Раковский заявил ему следующее: «Нам нужно ликви-

дировать дело с Украиной, по крайней мере, временно, дожидая более благоприятной исторической обстановки. Мы дошли до последних пределов возможности. Боюсь, что послезавтра, если наши отряды, разбитые при Коренево, будут продолжать отступление, Курск будет занят немцами. То же грозит Севастополю, Воронежу и Ростову. Мы приехали заключать мир⁴⁴¹. Необходимо предупредить, чтобы немецкая армия, втянутая нашими отрядами, не продвигалась дальше... Вы отлично понимаете, насколько важно зафиксировать немецкое наступление раньше, чем Курск, Севастополь и Воронеж попадут в руки неприятеля...»

21 апреля (4 мая) Антонов-Овсеенко выехал в Москву. В Кремле он пытался доказать, что наступление на Харьков ещё может иметь успех и улучшить общее положение. Но Ленин и Троцкий солидаризировались с мнением Раковского. «Мне было предложено, – пишет Антонов-Овсеенко, – сложить командование и объявить вооружённую борьбу на Украине прекращённой».

Здесь же в Кремле им был издан последний приказ:

«Советским правительствам Украины и Донецкой рабочей республики.

Выполняя волю советской власти на Украине и в Донецкой республике, я, в течение двух месяцев, в меру своих сил, руководил борьбой советских украинских и донецких войск против немецко-гайдамацкого вторжения. Ныне советские войска отступили за рубежи Украины, как они определены третьим универсалом, и, согласно требования Брест-Литовского договора, подверглись разоружению со стороны советской власти Российской республики. Ввиду этого, в полном согласии с вами, заявляю о прекращении мною военных действий против немецко-гайдамацких войск и о сложении мною звания Верхов-

⁴⁴¹ Ранее, 16(29) апреля Антоновым-Овсеенко была получена следующая телеграмма: «Из Москвы, Кремля. Ростов н/Дону. Чрезвычайному комиссару Орджоникидзе для Антонова. Настоятельно прошу не вмешиваться в дело посылки парламентариев и помочь всячески скорейшей приостановке военных действий. Мирная делегация наша из Сталина, Раковского и Мануильского уже в Курске. Председатель Совнаркома Ленин».

ного главнокомандующего Южных республик. Выражаю уверенность в конечном торжестве рабочего класса и социальной революции.

4 мая 1918 года. Бывший Верховный главнокомандующий Овсеенко-Антонов».

Приказ немедленно отправили по телеграфу в войска. 27 апреля (10 мая) Главштаб Южных республик был расформирован. Территорию Украины на продолжительное время заняли австро-германские войска...

8.9. РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА

На Дону Советская власть помимо чисто военных столкнулась и с нарастающими экономическими трудностями, которые, впрочем, поначалу не выглядели угрожающими. Все проводимые в Области «социалистические преобразования» свелись в основном к национализации банков и крупных промышленных предприятий, но почти не затронули аграрной составляющей.

Землю ни у казаков, ни у крестьян никто не отбирал. Частная торговля и даже мелкие закупочные конторы – посредники между городом и селом запрещены, как правило, не были⁴⁴². Во всяком случае, о недостатке продовольствия говорить поначалу не приходилось. Рабочие же и красногвардейцы получали гарантированное жалование, в том чис-

⁴⁴² «Для данной стадии русской революции, – говорил С.И. Сырцов 22 февраля (7 марта) на одном из первых заседаний Ростовского совета, – знаменательно единение мелкой буржуазии с пролетариатом... Мелкая буржуазия не вернётся крупной».

Впоследствии, помимо обвинений во «фракционной деятельности», ему припомнили и это высказывание. Видимо, при всём при том, этот человек ощущал, если не ответственность, то обеспокоенность за возможные последствия. И, по крайней мере, представлял, к чему может привести обрыв налаженных хозяйственных связей в аграрном крае, произведённый без слома старой экономической системы и построения новой.

Впрочем, совершать тактические ошибки, граничащие с преступлением и проводить политику ничем не оправданных массовых репрессий, которые, в конце концов, и спровоцировали восстание, это ему не мешало.

ле и за счёт контрибуций. И всё же недовольство, связанное с непрекращающимся падением уровня жизни, постепенно накапливалось.

И с первых же дней резкую критику действий Донревкома и Советской власти в целом развернули меньшевики. Любой партии, чтобы сохраниться как независимой политической организации, необходимо бороться за власть и завоевание симпатий народных масс. И, надо признать, в этот раз партия меньшевиков, даже и осознавая, чем грозит несогласие с новыми властями, не уклонялась от острых высказываний. Причём, для них использовались как печатные органы, так и трибуны сохранившихся выборных учреждений, в том числе и Совета. Критиковать большевиков и левых эсеров не составляло особого труда. Массовые репрессии, развал производства, разрушение экономических связей и невозможность в создавшихся условиях поддерживать правопорядок, неизбежно порождали глухой ропот.

Всё это в свою очередь вызывало раздражение у советских работников. Получив монополию на власть, они не стали прислушиваться к критике, а постарались поскорее уничтожить оппонентов. В большинстве случаев, политически, но случилось и физически.

13(26) марта произошло событие, послужившее отправной точкой для свёртывания сложившихся демократических норм в политической жизни Дона. В этот день состоялось заседание Ростово-Нахичеванского Совета. В кратком отчёте⁴⁴³ оно описано так:

«Перед открытием собрания Совета рабочих депутатов произошёл инцидент, характеризующий всю глубину пропасти, отделяющей две представленные в Совете группы.

Этот инцидент являлся логическим завершением всей предшествующей борьбы, в процессе которой определён и резко выделены две непримиримые политические линии.

Заклучался этот инцидент в том, что перед открытием со-

⁴⁴³ Приведён в сборнике «Борьба за власть Советов на Дону». Документ № 250.

брания на председательской трибуне одновременно появились два лица – гр. Смирнов, бывший председатель старого Совета, и т. Жук, председатель той революционной власти, которая создавалась в процессе революционной борьбы.

При каждой попытке т. Жука открыть собрание на меньшевистских скамьях поднимался невероятный шум и крики: «Долой Жука». Когда же г. Смирнов пытался занять председательское место, поднимался крик: «Долой изменников-соглашателей».

Долго продолжалась эта борьба, пока, наконец, г. Смирнов не был принуждён уступить большинству. Он сходит с трибуны и вместе со всей фракцией меньшевиков и правых социалистов-революционеров⁴⁴⁴ покидает зал заседания при громких криках: «саботажники», «предатели рабочего дела» и т.д. Собрание открывает т. Жук, который оглашает «Декларацию прав трудящихся» принятую на III Всероссийском съезде Советов, и предлагает выбрать президиум данного собрания⁴⁴⁵.

Этим дело не ограничилось. Через два дня на очередном собрании Совета⁴⁴⁶ С.С. Турло, выступая в качестве докладчика по вопросу об уходе меньшевиков и эсеров с предыдущего заседания, в частности, сказал следующее: «Сожалеть нам об их уходе на заседании не приходится. Скатертью им дорога. Нам нужно сожалеть лишь о том, что многие наши товарищи-рабочие идут за Гурвичами, Васильевыми, Петренковыми и им подобными лицами. Долг наш разъяснить нашим товарищам-рабочим пагубность их поведения и занятой ими позиции. Я уверен, что они перейдут в наш лагерь, но сделают они это не после наших красивых слов, а после того, как увидят нашу плодотворную работу... Время слов прошло, нужно немедленно, решительно и энергично приступить к делу. В Совете нет места саботажникам и соглашателям...»

Он же от имени большевиков и левых эсеров огласил декла-

⁴⁴⁴ Следует отметить, что меньшевиков и эсеров в Совет традиционно было избрано немало.

⁴⁴⁵ В президиум вошли только лишь большевики и левые эсеры.

⁴⁴⁶ Меньшевики и эсеры на заседание Совета прибыть не смогли, так как были остановлены охраной у входа.

рацию, непосредственно направленную на устранение меньшевиков и эсеров из политической жизни Дона⁴⁴⁷. Она была принята 132 голосами при 5 воздержавшихся.

Тут же 126 голосами при 9 воздержавшихся было принято предложенное Турло постановление, содержащее в себе указание о конкретных действиях:

«1. Собрание поручает исполнительному комитету выяснить в ближайшее время те учреждения мелкобуржуазного и буржуазного характера, которые имели представительство в Совете, и, основываясь на принятой декларации, лишить их представительства в Совете.

2. Выяснить те заводы и фабрики, где были выбраны меньшевики и правые эсеры, и произвести на них переборы».

Собравшиеся у входа представители бывших «революционных» партий передали в зал заседания заявление, в котором требовали их пропустить. Но собрание, практически, единогласно, при 12 воздержавшихся, высказалось против этого. Путь в Совет для меньшевиков и эсеров был заказан.

В последующие дни к травле подключился и аппарат вновь созданной Донской Советской республики. Был отдан ряд при-

⁴⁴⁷ В декларации было прописано следующее:

«1. Отныне управляет всеми делами в гг. Ростове и Нахичевани н-Д. Совет рабочих депутатов, который является органом местной власти.

2. В интересах устранения буржуазного влияния на советскую власть устраняется из Совета всякое непролетарское представительство. Все учреждения мелкобуржуазного и полубуржуазного характера лишаются права представительства в Совете рабочих депутатов.

3. Ради обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами, для более успешного проведения диктатуры пролетариата в Совете рабочих депутатов не должно быть места соглашателям и саботажникам. В Совете рабочих депутатов должны быть только те партии, которые не на словах, а на деле борются за советскую власть.

4. Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов выражает свою уверенность в том, что лишь при соблюдении этих условий будет возможно осуществить твёрдую советскую местную власть, что только при таких условиях непоколебимо советской повсеместной власти пролетариат будет в состоянии разрешить те великие задачи, перед которыми его поставила история.

5. Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов твёрдо уверен, что только при полной поддержке революционного пролетариата удастся окончательно сломить упорство эксплуататоров и оправдать все чаяния и надежды трудящихся».

казов и директив, фактически запрещающий деятельность «контрреволюционеров» на территории Области.

Меньшевики сохранились, как партия, и пытались продолжать агитационную работу. Им даже удалось провести нескольких своих делегатов на съезд Советов Дона. Но говорить о каких-либо властных амбициях уже не приходилось. Оппонируя Войсковому правительству, выискивая в его действиях «отступление от демократии», предложить что-либо конкретное они не могли. С февраля 1917 г. они имели большинство в Советах, но, избегая резких движений, никак своё положение не использовали. Просто проживали дни. Пришло время уступить место на политической сцене другим, куда более деятельным и прагматичным и куда менее брезгливым.

При Каледине меньшевики и эсеры пребывали в тепличных условиях. Их права, в том числе, и на свободу слова, охраняло само Войсковое правительство. Теперь же речь шла о самом их существовании. И, рано или поздно, оно должно было прекратиться. Все понимали, это лишь вопрос времени.

Политическая оппозиция была раздавлена. Но экономическое положение от этого не улучшилось никоим образом. Напротив, ситуация медленно, но верно ухудшалась. Хозяйство было подорвано в главном: стимулы к производству во многом сводились к минимуму.

Всё это до поры не влекло за собой катастрофических последствий. Но с подходом немцев и началом выступлений казачества ситуация изменилась. В условиях, когда отряды повстанцев располагались, едва ли не на окраинах Ростова и Новочеркасска, подвоз продуктов стал небезопасен и резко сократился. Сыграли, в конце концов, свою роль и расстрелы, и сама возможность конфискации чего угодно и по любому предлогу, отпугнувшие, в конце концов, производителя⁴⁴⁸.

⁴⁴⁸ «В конце апреля, – пишет К.А. Хмелевский, – Донская республика оказалась в сложных и трудных условиях. Из-за саботажа и отсутствия достаточного количества сырья и топлива приостановилась работа ряда национализированных и взятых под рабочий контроль предприятий. В городах, особенно в Ростове, резко ухудшилось продовольственное положение».

Объяснение автором причин «трудных условий» диктуется временем

Перед властями замаячила вполне реальная угроза голода в городах. И в этих условиях советское руководство прибегло к последнему, остающемуся в её распоряжении средству.

5(18) апреля на общем собрании большевиков Ростова было принято решение поручить большевистской фракции Городского Совета поднять на заседании вопрос об организации в городе трудовой коммуны и добиться его решения.

10(23) апреля состоялось расширенное заседание Ростово-Нахичеванского Совета, совместно с фабрично-заводскими Комитетами и представителями партийных организаций большевиков и левых эсеров. Докладчиком по указанному вопросу выступал чрезвычайный комендант С.Ф. Васильченко, который, разъясняя цели и задачи создания коммуны, в частности, сказал: «Всё то, что имеется в данное время в складах, магазинах, всё то, что принадлежит каким-то Ивановым и пр., чего трудящийся не может иметь благодаря неимению средств и пользуется им буржуй, должно принадлежать всем жителям гг. Ростова и Нахичевани. Мы должны устроить общественные полезные работы и привлекать буржуазию к работе... Справедливость распределения продуктов даст возможность продержаться до осени, а осень даст нам свежие силы. Я, товарищи, призываю вас к коммуне».

Развернулись прения. Общее преобладающее настроение выразил выступивший в них Турло. «Мы приступили к оплате того векселя, – говорил он, – который мы давали массам в тече-

написания и идеологической направленностью. Если проявления саботажа и имели место, то они не могли играть, хоть сколько-нибудь значимой роли. Решающим фактором явилась сама национализация. Выстраиваемые десятилетиями хозяйственные связи оказались разрушенными. Зарплата рабочим поступала от контрибуций и так, зачастую, вне зависимости от количества изготовленной и реализованной продукции. Какой-либо заинтересованности в возобновлении остановившегося производства не наблюдалось. Наблюдалась естественная некомпетентность людей, перешедших от станков в директора и не имевших элементарных навыков управления предприятием. Масштабные реквизиции могли быть только разовыми. В самом скором времени накладывать контрибуции было уже не на кого, да и реквизировать нечего.

Но тот факт, что положение было действительно критическим, сомнений не вызывает.

ние года. Мы обещали им свободу, равенство и братство, и для того, чтобы они видели, что Соввласть даёт ему то, что он ждал от неё, мы должны объявить коммуну. Мы не говорим, что у нас будет рай, но каждый будет знать, что все одинаковы, что нет сытых или голодных, а что все или сыты, или голодны...»

Как видно, провозглашение коммуны не являлось простой сменой вывески. Оно предусматривало немедленное принятие таких мер, как обобществление и последующее равномерное распределение продуктов, введение трудовой повинности и общественных работ. Всё это существенно нарушало права и свободы граждан. Тем не менее идея организации коммуны была принята с энтузиазмом и возражений не встретила. В обстановке захлестнувшей город разрухи чудом уцелевших «каких-то Ивановых» были единицы, а подавляющее большинство ничего «в складах и магазинах» не имело.

В итоге, большинством голосов, при незначительном числе воздержавшихся, была принята резолюция, провозгласившая Ростов и Нахичевань трудовой коммуной⁴⁴⁹ и объясняющая не-

⁴⁴⁹ «Народное хозяйство России, – говорилось в ней, – было унаследовано трудовыми и эксплуатируемыми массами после октябрьских дней в состоянии такого разорения, что на восстановление его потребуется более или менее продолжительный промежуток времени, – прежде чем трудовые и эксплуатируемые массы населения почувствуют благо социального равенства.

Наоборот, контрреволюционная попытка вооружённого разгрома Советской власти, предательство украинской буржуазной Рады, отдавшей богатства южных Республик на расхищение германцам, полугодовой саботаж деятельности Советской власти контрреволюционными элементами, всё это, при условии не закончившейся ещё ликвидации старых капиталистических отношений, должно было внести некоторое ухудшение в положение отдельных рабочих групп и демобилизованных солдат.

Это мы наблюдаем в увеличении количества безработных, в возрастающем недостатке продуктов первой необходимости, в ухудшающемся состоянии транспорта.

Во избежание того, чтобы это ухудшение не отразилось самым тяжёлым образом на наиболее нуждающихся слоях населения, в интересах наиболее справедливого распределения всех продуктов первой необходимости, а также в целях рационального использования живых и механических производительных сил, Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов объявляет гг. Ростов и Нахичевань Трудовой Коммуной.

Совет вручает Исп. Ком. Совета полное право распоряжения всеми пред-

обходимость такого шага. Проведение практических мероприятий, связанных с её реализацией, поручено были исполкому Совета и лично чрезвычайному коменданту.

Васильченко в оставшиеся дни успел отдать ряд приказов, нацеленных на реализацию идеи коммуны. Смысл их был в том, чтобы заставить буржуазию работать на оборону города, одеть и вооружить за её счёт советские войска. Декретировалось введение трудовой повинности, в том числе и для буржуазии. Позже на организацию общественных работ было выделено 3 млн рублей. Организовывались пункты общественного питания.

Всё это по большей части так и не было реализовано. «...План был намечен, декретирован, – пишет И.П. Борисенко, – но действительность оказалась неподготовленной к нему. Слишком трудны были условия для выполнения такой чрезвычайно сложной централизованной системы организации всего процесса производства и распределения, требовалась большая слаженность и чёткость работы всего аппарата Советов и партийных организаций, большие материальные средства, чтобы охватить «всё». А как раз этого всего и не было, и план оказался неосуществимым».

Главное же заключалось в ином. То, что Советы в городе доживают последние дни, для многих было уже очевидно. Тратить в этих условиях энергию и немалые материальные ресурсы на заранее обречённые на провал громоздкие начинания казалось верхом безрассудства. К тому же, сама направленность метаами потребления, кому бы они ни принадлежали, за исключением Советских учреждений.

Совет поручает комитету организацию общественных работ, привлечение к производительному и обще-полезному труду, декретирует самое широкое право организации жизни на общественных началах, ставит в обязанность создание дешёвых питательных пунктов.

Все рабочие организации призываются к содействию Исп. Комитету Коммуны и выполнению его требований».

Любопытно, что к резолюции представителями кооперативных потребительских лавок сразу же была внесена поправка о том, чтобы кооперативные учреждения не включались в состав коммуны, и на их имущество декларируемое обобществление не распространялось. Большинство голосов поправка была отклонена.

весьма сомнительных мероприятий, вызывала отторжение не только у имущих слоёв населения, но и у части рабочих и даже советских работников.

На одном из последних собраний большевиков Васильченко делал доклад о привлечении буржуазии к общественным работам. В своём выступлении он сообщил, что редактор «Известий Ростово-Нахичеванского Совета М.И. Равикович самовольно задержал публикацию приказа № 4 о всеобщей трудовой повинности. В заключение Васильченко «предложил партийному собранию призвать тов. Равиковича к порядку и поручить ему этот приказ напечатать».

Однако большинство присутствующих признало действия Равиковича правильными, а приказ Васильченко «несвоевременным и не отвечающим постановлениям Исполнительного Комитета». В итоге прошло предложение, поручить Комитету разработать новый план введения всеобщей трудовой повинности. Впрочем, в условиях уже начинавшейся эвакуации какого-либо значения это уже не имело.

И волей-неволей приходится сделать следующий вывод. Даже будучи частично реализованным, введение коммуны могло улучшить ситуацию лишь на тот короткий срок, пока остающиеся ещё хозяева торгово-закупочных кооперативов и кустарных предприятий не сообразили, что все их товары и продукция в самом скором времени неизбежно будут конфискованы. Едва были изданы соответствующие приказы, они поспешили свернуть коммерцию и избавиться от всего движимого имущества. Вскоре реквизировать было уже нечего. И то, что отряды анархистов вынуждены были переключиться с мелких хозяйчиков на организации, подобные «Румчероду», вовсе не случайно. Любопытно, что их командиры поняли, к чему идёт дело, куда раньше провозглашения коммуны. Надвигающуюся катастрофу предотвратило лишь скорое падение Советов. И пали они не в результате плачевного состояния экономики.

10(23) апреля на том же заседании Совета, которое декларировало организацию коммуны, С.И. Сырцов делая доклад о

военном положении Донской республики, в частности, сказал: «Только что мы одержали победу над контрреволюцией в Новочеркасске. Это возможно было сделать только оттого, что обстоятельства нам благоприятствовали... У противника не было реальной силы, не было руководителей, так как офицерство бежало за 8 часов до сдачи Новочеркаска.

Но при всём при этом мы не могли действовать с лёгкостью только потому, что наши войска не на высоте своего положения. Надёжные были части, составленные из рабочих Александро-Грушевска...»

Эти слова наглядно свидетельствуют: понимание того, что в прямом столкновении с немцами шансы советских войск оптимизма не вызывают, постепенно у советского руководства оформилось⁴⁵⁰. «Как видим, – комментирует доклад Сырцова И.П. Борисенко, – состояние Красных войск признавалось неважным. Если они, конечно, могли бы справиться с одной внутренней казачьей контрреволюцией, несмотря на элементы разложения, потому что соотношение и классовых и военных сил в Республике к концу апреля было на стороне Советов, то выдержать удары регулярной Германской армии они, конечно, были не в силах...»

Поэтому директивное требование Совнаркома, немедленно начать с немцами переговоры, было встречено, по крайней мере, частью советского руководства с полным пониманием. И наряду с непрекращающимися призывами к «революционной войне», Чрезвычайный штаб предпринял конкретные действия, направленные на её предотвращение.

По поручению ЦИК Донской республики для переговоров с немцами к фронту выезжала делегация во главе с председателем Донского СНХ В.М. Бажановым⁴⁵¹. Позже, 14(27) апреля из

⁴⁵⁰ В отправленной в Москву телеграмме Г.К. Орджоникидзе сообщал: «...германцы, несмотря на все принятые меры, границы перешли. Приняты самые энергичные меры для оказания противодействия, но возлагать на это большие надежды не приходится».

⁴⁵¹ «Тут произошёл, – вспоминает Антонов-Овсеенко, – характерный инцидент с делегацией Донправительства, проследовавшей (24 апреля) через ст. Харцызская для переговоров с немцами.

Прикрываясь от наседавших немцев, наши у ст. Харцызская взрывали

Таганрога была направлена группа членов Таганрогского совета во главе с А.К. Глушковым.

Если продвижение немцев и приостановилось, то ненадолго. Видимо командиры первой линии не считали возможным брать на себя решение политических вопросов, связанных с занятием Таганрога и Ростова, не согласовав его с высшим командованием. Всё это заняло определённое время.

Через несколько дней их передовые отряды приблизились к Таганрогу и здесь неожиданно для себя натолкнулись на ожесточённое сопротивление⁴⁵². К этому времени в городе и окрестностях скопилась значительная группировка советских войск. Сюда отступили от Иловайской часть сил 1-й и 2-й Украинской армий и отряды, сохранявшие верность ЦИК Ук. Кроме того, многочисленная Красная гвардия была полна решимости, отстоять город.

Советские войска заняли позиции на линии Николаевка – Кошкино – Самбецкая, западнее Таганрога, и выдержали бой с подтянутой немцами 20-й Баварской дивизией. «С нашей стороны, – пишет Антонов-Овсеенко, – действовали до 5000 пехоты, немного кавалерии, до 20 лёгких орудий, 4 шестидюймовых и 4 бронеавтомобиля. Бой тянулся весь день 1 мая. К 16 часам к немцам подошли большие подкрепления. Наши вынуждены были отступить к ст. Морской и сел. Мурза. В этом бою особо

путь. Председатель мирной делегации Бажанов дал непосредственно командиру сводного полка телеграмму с категорическим требованием не портить путей на территории Донреспублики. В противном случае будет вызваны казаки для разоружения полка... Телеграмма эта не изменила поведения частей 1-й армии...

1 мая в Ростове вспыхнуло восстание, – белые напали на нашу демонстрацию. Порядок был водворён кавалерией т. Беленковича. Но белогвардейцы, видимо, готовились к новому выступлению...

В тот же день на заседании ЦИК Донской республики делала доклад о переговорах с германским командованием мирная делегация т. Бажанова: начальник германской дивизии, ссылаясь на отсутствие указаний от высшего командования, отказался вести переговоры, заявив, что имеет приказ занять ст. Иловайскую и займёт её. Всё же своё наступление к Таганрогу несколько придержал...»

⁴⁵² Начальником обороны Таганрога был назначен А.М. Беленкович, человек энергичный и решительный.

отличился сформированный в Таганроге полк т. Каски⁴⁵³. Командир полка погиб, и почти весь полк (2200 штыков) был истреблен...

К вечеру 1 мая немцы заняли гор. Таганрог...»

К этому времени эвакуация Ростова шла полным ходом. И всё же власти ещё надеялись, что смогут убедить немцев остановиться. По предложению В.С. Ковалёва утром 18 апреля (2 мая) Донской ЦИК отправил в занятый немцами Таганрог новую делегацию, в состав которой входили сам Ковалёв, Г.К. Орджоникидзе и ещё один представитель ЦИК. У станции Армянской делегация была задержана немецким патрулем, обезоружена и отправлена в Таганрог. Там делегаты заявили протест против своего, по сути, ареста. Позже, отправляя делегацию обратно, немцы личное оружие вернули.

Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, тем же вечером Орджоникидзе вернулся и сообщил⁴⁵⁴, что Ковалёв вскоре прибудет на заседание ЦИК, а с ним, – германский генерал, уполномоченный вести переговоры. Причём этот генерал в предварительной беседе предлагал, якобы, впустить его войска в город без сопротивления, гарантируя «неприкосновенность» Советской власти и Красной гвардии. Помимо этого немец заявил делегатам, что, в ожидании директив своего главного командования готов на два дня приостановить наступление на Ростов.

Вскоре Ковалёв прибыл, но германского генерала с ним не было. Так или иначе, но немцы не предпринимали попыток занять Ростов в течение ещё нескольких дней. Впрочем, не ис-

⁴⁵³ Лишь по отрывочным сведениям, приводимым Антоновым-Овсеенко, мы можем судить об этом, безусловно, неординарном человеке, обладающим твёрдым и сильным характером и на деле доказавшим способность идти до конца.

⁴⁵⁴ В экстренном утреннем выпуске «Донских известий» (№ 29 от 04.05.18.) о переговорах сообщалось следующее: «...на вопрос, чем объяснить появление германских войск на территории Донской Республики, входящей в состав РСФСР, которая заключила Брест-Литовский мир с Германией, германский генерал ответил, что Украинское правительство пригласило их на помощь, восстановить границы Украинской Республики. Как же определяют эти границы – ему неизвестно. Он имеет приказ занять Ростов, как пункт важный в стратегическом отношении. Занимать Ростов они не торопятся».

ключено, не желая терять людей, немецкое командование ожидало, когда советские войска покинут город сами.

На объединённом заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростово-нахичеванского Совета уже глубокой ночью принято было решение о создании эвакуационной комиссии, которая лишь упорядочила успевший набрать обороты процесс эвакуации.

8.10. ВЫСТУПЛЕНИЕ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

То, что отдельные советские учреждения покидают город, не укрылось от глаз населения. Но заметили его и те, кто уже продолжительное время готовил в Ростове вооружённое восстание. Заметили и восприняли, как сигнал к немедленному выступлению⁴⁵⁵.

После ухода добровольцев в городе осталось немало людей, сочувствующих Корнилову. Сотни, если не тысячи, в той или иной степени, принимали участие в противостоянии. За два месяца их пристрастия вряд ли изменились. Осели в Ростове и тысячи боевых офицеров. Конечно же, втянувшись в мирную жизнь, обзаведясь хозяйством, а зачастую и кустарным производством, они и не думали, что вновь возьмут в руки оружие. Но пренебрежительные действия новых властей, массовые репрессии и расстрелы, в ряде случаев, без какого-либо разбирательства, разгул анархии заставили их пересмотреть свои взгляды. Многие посчитали, что нейтральными оставаться себе дороже.

С первых дней имели место случаи оказания помощи оставшимся в городе добровольцам и «чернецовцам». Раненых, несмотря на реальную угрозу для собственной жизни, укрывали. Иногородних – устраивали. Поначалу это были спонтанные действия случайных людей. Но со временем они находили друг друга. Устанавливались естественным образом связи, и, по

⁴⁵⁵ Обстоятельства последующего выступления приведены в статье «Конрреволюция в Ростове», подписанной Экке («Донская волна» № 11 от 19.08.18).

мере того, как движение набирало обороты, возникла необходимость ввести его в определённые организационные рамки.

Корниловым для подпольной работы в Ростове были оставлены доверенные лица во главе с И.А. Добрыньским, которому удалось сплотить вокруг себя значительную группу офицеров. Их деятельность заключалась поначалу в поддержании связи с Добровольческой армией. С марта поездки на Кубань и обратно сделались едва ли не регулярными и, как правило, обходились без происшествий⁴⁵⁶. Связных в них сопровождали желающие присоединиться к добровольцам.

Параллельно с Добрыньским в Ростове действовали оставленные Походным атаманом П.Х. Поповым студенты-казаки Свистунов и Коротков, которые до февраля входили в состав ростовской казачьей студенческой организации. Перебравшись из Новочеркасска, они смогли организовать учащуюся молодёжь и заручиться поддержкой «Союза увечных воинов», городской милиции и казаков Гниловской и Александровских станиц, расположенных в непосредственной близости от города.

К маю в организации Добрыньского числилось до 1500 человек. Под видом заводских рабочих дружин остановивших производство, а зачастую, и фиктивных фабрик были сформированы отряды⁴⁵⁷. Часть вооружения поступала при этом вполне

⁴⁵⁶ «Лишь однажды, – пишет Экке, – начальник команды связи Корниловского полка, поручик Натус был арестован в Тихорецкой, но во время препровождения в распоряжение следственной комиссии в Ростов в Батайске папирска его выручила – прикуривая, ему удалось придушить часового и с его документами бежать через окно вагона».

⁴⁵⁷ Удивительно, но столь масштабная подготовка к выступлению, по сути, до последнего оставалась вне зоны внимания сотрудников Чрезвычайной комиссии, что заставляет усомниться, если не в их чистоплотности, то в квалификации. Да и сам С.С. Турло был куда в большей степени публичным политиком, нежели организатором оперативной работы.

«Подтёлковская контрразведка, – пишет Экке, – руководимая артистом одной из местных трупп, нащупала предателя, но большей роли полученным, надо отдать справедливость, ценным, сведениям не дала. Основываясь же на письменном докладе начальника советской контрразведки чрезвычайному совещанию в «Палас-Отеле», доставленном на одну ночь разведке добровольческой, удалось наиболее опасным делу партизан лиц изъять».

официально со складов Красной гвардии. Речь, разумеется, шла о личном оружии, в основном, револьверах. Винтовок не хватало катастрофически. Тем не менее, предполагалось, что выступить люди могут в любой момент, едва получат приказ.

Однако Добрыньский предпочитал выжидать. По данным разведки в районе вокзала находились 17 отступивших с Украины эшелонов. Помимо этого, Советы располагали конным отрядом в 500 сабель, многочисленной Красной гвардией, четырьмя батареями, бронемашинами и стоявшим в порту траллером, вооружённым тяжёлым орудием.

Подавляющее превосходство советских войск и удерживало Добрыньского от преждевременного выступления. К тому же он понимал, что все полторы тысячи невооружённых людей на улицы не выйдут, выйдет, в лучшем, случае треть наиболее решительных. Поэтому приказ о выступлении не был им отдан ни во время «голубовского мятежа», ни позже, когда Новочеркасск на несколько дней был занят Фетисовым. Добровольцы и Степной отряд Попова были далеко, слухи о движении «банды Щербачёва» и казачьих волнениях весьма туманны. Выступать в одиночку, не рассчитывая на поддержку извне, было равносильно самоубийству.

16(29) апреля из подвалов банка стали вывозить ящики с медной разменной монетой. На запрос Союза фронтовиков и прибывшего по вызову экипажа «Колхиды» находившийся в банке комиссар финансов⁴⁵⁸ С.А. Дунаевский прямо заявил, что его действия властями санкционированы, и эвакуация Ростова вопрос решённый, «так как с запада наступают немцы».

Очевидно было, что Советы в самом скором времени оставят Ростов, и это заставило Добрыньского собрать членов штаба и командиров групп и поставить вопрос о выступлении. При этом мнения собравшихся разделились. Одни считали, что следует подождать, пока переправятся за Дон войска, и лишь тогда занять город. Другие, большинство, требовали действовать, чтобы «выбить большевиков, задержав их материаль-

⁴⁵⁸ От исполнительного комитета Ростово-Нахичеванского Совета.

ную часть». В итоге было решено выступить в ночь с 19 апреля (2 мая) на 20 апреля (3 мая).

Был разработан компромиссный план, который учитывал как нехватку, скорее даже, отсутствие оружия у значительной части повстанцев, так и определённые сомнения в решимости и подготовленности личного состава. Он предусматривал захват, в первую очередь, тех зданий и объектов, где вооружение и боеприпасы можно было быстро и в достаточном количестве захватить. Причём оговаривалось, что, если бы этого осуществить не удалось, выступление немедленно свёртывалось.

На первом этапе к 9 вечера группы собирались в заранее оговоренных местах, и ожидали сигнала. К этому времени вооружённый отряд должен был, предъявив подложный мандат службы связи советских войск⁴⁵⁹, занять порт со станцией Ростов-Пристань Юго-Восточной железной дороги, телеграф и захватить портовый ледокол «Фанагорию», на который незамедлительно переходил штаб во главе с Добрынским. Впоследствии из порта планировалось направить отряды для занятия центрo-гаража и расположенных в здании управления торгового мореплавания и в гостинице «Европа» складов с оружием. Предполагалось, используя захваченные автомобили, незамедлительно переправить его на территорию порта. Наконец, самый многочисленный отряд должен был захватить стоявший ниже железнодорожного моста траллер «Д. Диамантиди» и, отойдя от пристани на середину реки, открыть огонь из его 157-мм орудия по вокзалу, железнодорожным путям и находящимся на нём эшелонам. Эта стрельба и должна была послужить сигналом к началу второго этапа выступления, в ходе которого собравшимся в разных частях города отрядам надлежало атаковать заранее намеченные объекты, «Палас-отель», штабы и т.д.

В то время как на заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростово-нахичеванского Совета ещё обсуждались условия германского ультиматума, в городе началось восста-

ние. К 23 часам порт был занят, причём, тревогу никто не поднял. Без выстрела был захвачен и центрo-гараж, а с ним, броневик, вооружённый двумя пулемётами и несколько автомобилей. Все они были доставлены в порт. Впрочем, броневик «вследствие порчи» использовать не удалось.

Нападение же на здание управления торгового мореплавания было отбито. Охрана приняла добровольцев за грабителей и, не раздумывая, открыла огонь. По тому же сценарию развивались события у гостиницы «Европа». После недолгой перестрелки нападавшие, оставив на улице грузовой автомобиль с пулемётом «и кровавый след от унесённого с собой... раненого», рассеялись. Неудачей закончилась и попытка захвата вооружённого траллера. Когда отряд восставших вышел к мосту, выяснилось, что «Д. Диамантиди» накануне вечером, всего лишь пару часов назад, ушёл вниз по Дону.

Таким образом, склады с оружием и тяжёлое орудие захватить с налёта не удалось. Добрынский решил операцию отменить. Но в порту оставалось до 200 вооружённых добровольцев. Незаметно разойтись было для них затруднительно. К тому же, в городе власти уже начали проявлять некоторую обеспокоенность. Если нападения на здания ещё могли быть отнесены на действия бандитов, то молчание станции Ростов-Пристань в ответ на многочисленные запросы о состоянии подаваемых под загрузку эшелонов, не могло остаться незамеченным. От вокзала направили к станции вначале пеший, затем, конный отряды красногвардейцев. Оба они на подходе были разоружены. Но все понимали, этим дело не ограничится. Близился рассвет, а с ним, и неизбежная атака портовой территории значительными силами, которые, вне всякого сомнения, раздавили бы восставших.

И в этот момент на «Фанагорию» прибыла группа матросов с «Д. Диамантиди». Они сообщили о том, что траллер вблизи Гниловской станицы, за 5 километров от города, сел на мель, и потребовали направить пароход для его снятия. С этой целью к Гниловскому перекату были направлены катер управления порта «Татарин» и захваченный под утро пароход «Киев». Но

⁴⁵⁹ Начальником советской службы связи был внедрённый под видом «бывшего юнкера» штабс-капитан Ковалёв.

на «Киев» впопыхах не высадили вооружённую группу добровольцев, и, воспользовавшись этим, матросы от каких-либо действий в пользу восставших уклонились.

Отряд же, высланный на «Татарине», без сопротивления захватил застрявший на перекате траллер. Руководивший захватом офицер флота имел приказ, сразу же открыть артиллерийский огонь по вокзалу. Однако выполнить его он оказался не в силах. Изгиб реки скрывал и город и вокзал. Бить вслепую, не имея корректировщиков, офицер флота не решился. С донесением об этом обстоятельстве «Татарин» был послан обратно.

Но в городе уже успели поднять тревогу. У станции Ростов-Екатерининский катер обстреляли из пулемётов. Уйти было невозможно, и командовавший «Татарин» мичман Песковский был принуждён причалить к берегу, где и был арестован комендантом станции. Около 7 часов утра «Татарин» подошёл к «Д. Диамантиди» вновь. На борту его находился небольшой отряд красногвардейцев, которые передали от Песковского записку. В ней мичман сообщал, что захвачен, и если на траллере сложат оружие, всем, и ему в том числе, сохранят жизнь.

Восставшие не приняли капитуляции. Жертвуя Песковским, они разоружили красногвардейцев, сняли замок и прицельную панораму с орудия, и, погрузившись на «Татарин», ушли вниз по Дону. В течение дня катер дошёл до Таганрога. Здесь добровольцы узнали о том, что значительный отряд, сохранивший строй и форму Русской армии проследовал к Ростову, и пошли на соединение с ним. Любопытно, что оставленные на «Д. Диамантиди» красногвардейцы и экипаж, пребывали в полной уверенности, что Ростов восставшими захвачен. Посоветовавшись, они бросили траллер и переправились на левый берег Дона. Две недели, всеми забытый, простоял «Д. Диамантиди» на мели, после чего был зачислен в состав Донского войска.

В порту, между тем, ещё оставалось до сотни восставших. Погрузившись вместе со штабом на «Фанагорию», они пошли вверх по Дону. Однако вскоре, в русле реки, называемом Старым Доном, произошёл взрыв паропроводной трубы, и ледокол был вынужден, выбросится на отмель. Под угрозой примене-

ния оружия у оказавшихся поблизости рыбаков были «одолжены» лодки, на которых добровольцы и высадились на берег. При этом они выдавали себя за красногвардейцев, бежавших, якобы, из оставленного Советами города. Часть из них ушла в Батайск, часть – в Ольгинскую и Раздорскую. Некоторые вернулись в Ростов...

Неудача выступления объясняется разношерстным составом и отсутствием должной боевой и моральной подготовки значительной части его участников, большая часть которых состояла из учащейся молодёжи. Не имело оно и серьёзных последствий. «Ликвидировав это восстание, – пишет А. Падалкин⁴⁶⁰, – большевики разоружили «Союз увечных воинов», милицию⁴⁶¹, произвели многочисленные аресты и расстрелы среди «казачьего центра», подпольной казачьей студенческой организации. В результате 2-х месячная работа пропала даром и организованных антибольшевистских сил в городе не осталось».

Думается, на масштабные репрессии против участников выступления у советских органов уже не оставалось времени. В то же время, рассчитывать на его успех вряд ли приходилось изначально. Даже установив контроль над центром города, восставшие не сумели бы его удержать. Куда более многочисленная, организованная и боеспособная бригада Дроздовского в итоге вынуждена была уступить.

Ростов находился ещё под впечатлением ночных перестрелок, когда во второй половине дня 21 апреля (4 мая) «дроздовцы» вышли на подступы к городу. Всё последующее определялось двумя, казалось бы, противоречащими друг другу факторами. С одной стороны, сыграла свою роль осторожность М.Г. Дроздовского и установившаяся традиция вводить свои подразделения в бой по частям, после проведения разведывательных действий. С другой – допущенная им недооценка противника. После большого боя под Мелитополем, на протяжении

⁴⁶⁰ «Родимый край», № 80–81, 1969 г.

⁴⁶¹ На «Колхиду» приезжал Ф.М. Зявкин и лично просил экипаж «соблюдать нейтралитет».

длительного времени Бригада не встречала серьёзного сопротивления. Советские отряды откатывались перед ней. О том, чтобы отбить город, занятый «дроздовцами» не было и речи. И это неизбежно расхолаживало как командный состав, так и рядовых бойцов. К тому же совершенно не учитывалось стратегическое положение Ростова и то, в каком положении оказывались с потерей его советские войска.

На разведку в город был направлен разъезд под командой заместителя Дроздовского полковника М.К. Войналовича. Не встретив на пути ни одного красногвардейского отряда, разъезд со стороны Гниловской беспрепятственно вошёл в город и достиг здания вокзала. Уверенные, что Ростов уже оставлен Советами, «дроздовцы» вошли в здание вокзала. Но едва, пройдя зал ожидания, вышли на перрон, прямо перед собой, в нескольких шагах увидели множество солдатских эшелонов. Здесь у вокзала находились сотни, если не тысячи, красногвардейцев.

После секундного замешательства стороны одновременно открыли огонь. Шедший впереди Войналович был убит на месте. Остальные отступили и около часа, непрерывно отстреливаясь, удерживали здание вокзала. Всё же, уступая подавляющему численному перевесу противника, вынуждены были отступить и с боем прорываться из города.

Красногвардейцы восприняли эту перестрелку как продолжение ночного выступления. Сразу увидев, что на нападавших не германская форма, они несколько не ступевались и приняли бой. Совершенно по-иному отнеслись к стрельбе у вокзала советские руководители. Точной информацией они не располагали.

О чём договорились на словах с немцами Орджоникидзе с Ковалёвым, неизвестно. Но то, что германские части в скором времени займут город, сомнений не вызывало. Перспектива быть отрезанными кем бы то ни было от моста через Дон, и попасть в руки немцев, того хуже, восставших казаков, руководящих работников не прельщала.

И едва «дроздовцы» были выбиты с привокзальной площа-

ди, они поспешили выбраться из города⁴⁶². На вокзале, среди прочих, находился и эшелон «Революционного агитационного отряда», эвакуировавшего из Новочеркасска деньги и банковские ценности. Он представлялся, да и был таковым, наиболее надёжным. «Бой на привокзальной площади постепенно ослабевал, – вспоминает Д.И. Рябышев. – Белогвардейцы отступали. Минут через 30–40 к нашему эшелону прибыли Серго Орджоникидзе, члены Донского правительства В.С. Ковалёв и И.А. Дорошев.

– В связи со сложившейся обстановкой, – сказал Орджоникидзе, – оставлять здесь ценности ни в коем случае нельзя.

Через несколько минут прибывшие товарищи и наш отряд погрузились в эшелон. Г.К. Орджоникидзе, Члены Донского правительства, Пономарёв и я ехали в мягком вагоне...»⁴⁶³

⁴⁶² Отдельные источники утверждают, что ещё и ранее, 21 апреля (4 мая), члены Донского ЦИК пытались покинуть Ростов. Так в заметке «Из прошлого» («Донская волна» № 22 от 01.11.18.) автор, известный под псевдонимом «Мин», пишет: «...был составлен специальный поезд, куда в среду на страстной и переселились с семьями и багажом комиссары города и Донской республики. В среду вечером было решено отправить этот поезд в Тихорецкую, ближайшую от Ростова резиденцию комиссаров. Уже подали паровоз и прицепили к классному составу поезда, как вдруг толпа красногвардейцев устремилась к этому поезду, отцепила паровоз с криками: «Уезжать? Нет, шалишь! Уедете последними! Сначала мы, а вы уж после всех». Когда С.Ф. Васильченко, чрезвычайный комендант г. Ростова, выхватил револьвер, желая разогнать взбешённую толпу, то и револьвера лишился, и с большим числом синяков вернулся к себе в вагон.

Зорко сторожили красноармейцы этот поезд, близко не допуская паровозов. Ночью выделили специальную охрану...

Бессемейные комиссары пытались проскользнуть с другими поездами, оставив багаж на произвол судьбы. Часть из них благополучно уехала, но некоторых, узнавая, с позором выбрасывали из вагонов. Лишь в пятницу... во время какой-то паники с большим трудом и риском комиссарам удалось прицепить паровоз и выбраться с ростовского вокзала».

Следует, конечно, учитывать, как симпатии автора, так и то, что степень достоверности изложенного определить затруднительно.

⁴⁶³ Эшелон, не задержавшись в Батайске, проследовал на Тихорецкую и далее, на Великокняжескую и Царицын. В Кущёвской анархисты, не без основания полагавшие, что помимо членов ЦИК, в поезде находятся и денежные суммы, пытались задержать его движение. Высланные «парламентёры», угрожая применением силы, предлагали «разделить золото пополам». Но, наблюдая установленное на открытой платформе орудие, поумерили пыл. До

Вид проходящего по мосту правительственного поезда послужил сигналом для стоявших у вокзала отрядов. Их командиры посчитали, что пора и им перебираться через Дон. Маневрируя на ограниченном пространстве, составы постепенно вытягивались в затылок друг другу и по очереди переправлялись на левый берег.

К этому времени основные силы «дроздовцев» подошли, наконец, к городу. Расставленные на холмах батареи открыли огонь по вокзалу, и это сразу же вызвало панику. Преобладала уверенность, что тяжёлыми орудиями могут располагать только лишь немцы. Сопротивления никто уже не оказывал. Все старались скорее проскочить на левый берег. Часть эшелонов была брошена.

«...в 16 часов 4 мая, – пишет Антонов-Овсеенко, – со стороны ст. Чалтырь неожиданно появились какие-то воинские части, прорвали нашу сторожевку и открыли орудийный огонь по Ростову. По свидетельству т. Ковалёва, в городе поднялась невообразимая суматоха. Слух о том, что это немцы обстреливают Ростов, вызвал отчаянную панику в наших частях. Беспорядок ещё увеличился, когда в самом городе белогвардейцы открыли стрельбу из домов.

Лишь ничтожная горсть смельчаков прикрывала отъезд наших эшелонов за Дон. ЦИК Донреспублики укатил прямо в Цабоестолкновения дело не дошло. Эшелон благополучно Кущёвскую миновал.

По свидетельству И. Разгона на станции Тихорецкой поезд был задержан. Сорокин, посчитавший эвакуацию властей из Ростова преждевременной и деморализующей войска, потребовал от Орджоникидзе объяснений. После продолжительного, малоприятного для обоих разговора, эшелон всё же пропустили на Царицын. В отличие от анархистов, ценностями Иван Лукич не интересовался.

Но этот эпизод без сомнения Сорокину запомнился. И впоследствии, за поведением властей в своём тылу он следил с особым пристрастием.

Следует также отметить, что по утверждению всё того же Мина («Донская волна» № 22 от 01.11.18.) в 2 часа дня 24 апреля (7 мая) в Тихорецкой состоялось совместное совещание, на котором, помимо прочего, было принято решение остановить и реорганизовать отступающую армию, для чего откомандировать обратно в Ростов М.И. Равиковича и П.П. Жука. Причём, оба выразили, якобы, своё согласие, 26 апреля (9 мая) вернулись в уже занятый немцами город, но, убедившись, что сделать уже ничего невозможно, тем же вечером покинули его вновь.

рицын... На месте, на станции Ростов, осталось большое количество невывезенных грузов. Отряд Дроздовского смог почти без потерь овладеть Ростовом. Тотчас же белые стали окапываться за городом и укрепляться в самом городе.

Но наши уже «очухались», выяснили, что перед ними не регулярная германская дивизия, а сборный белогвардейский отряд...

Вечером, в тот же день, наш бронепоезд бомбардировал Ростов из Батайска. На следующий день (это был первый день Пасхи) к 5 часам к Ростову подоспели наши части, отходившие от Новочеркаска, и, совместно с отрядами, сгруппировавшись в Батайске, повели наступление на город, подготовив его огнём 12 трёхдюймовых и 4 шестидюймовых орудий.

К 12 часам белогвардейцы были разбиты и, понеся большие потери, оставив на месте 6 орудий, до 70 пулемётов и до 100 повозок с военным имуществом, бежали из Ростова.

Проявившие беспечность, захваченные врасплох «дроздовцы» мгновенно были оттеснены к вокзалу, и вскоре оставили город. С таким противником, к тому же, превосходившим их численно в разы, за время похода сталкиваться им ещё не приходилось. Отходили в сгущающихся сумерках вразброд, прямо по путям. Подавленный, едва ли не теряющий самообладание, Дроздовский уводил свою бригаду на Чалтырь. Ускоренный марш к Новочеркасску, а с ним, и вернувшиеся, будто в сказке, перспективы и надежды, были впереди...

Упомянутые же Антоновым-Овсеенко «наши части» составляли ядро 1-й Украинской армии, и предыстория их появления в Ростове такова. Согласно разработанному М.Д. Бонч-Бруевичем плану, отходившие из Украины войска предполагалось не отводить куда-либо, а разместить вдоль границы. Составив южный участок «Завесы», они должны были прикрыть железнодорожную магистраль Ростов–Лиски и препятствовать дальнейшему распространению немцев, как в пределы Донской области, так и к Воронежу, создавая фланговую угрозу. Разумная, на первый взгляд, диспозиция уже не соответствовала сложившейся обстановке и наглядно свидетельствовала, насколько далеки

были в Совнарком от понимания разворачивающихся на Дону событий.

Не представлял себе характера и масштабов разгорающегося казачьего восстания и Антонов-Овсеенко. Но он видел другое. Войска, расположившись вдоль железной дороги, сразу попадали в крайне невыгодное для обороняющихся положение. Стоило противнику перерезать магистраль, части сразу же оказывались изолированными друг от друга. К тому же в тыл уходила одна лишь ветка, Лихая – Царицын. Если свобода манёвра в этих условиях и не отсутствовала вовсе, то о мобильности говорить не приходилось. Отрывочные сообщения о происходивших тут и там выступлениях вызвали особую тревогу. Выстраивать фронт, имея за спиной враждебно настроенное население, было невозможно.

Именно поэтому Антонов-Овсеенко до последнего нацеливал командиров отступать на Лиски и Воронеж. Командующий 1-й армией Харченко⁴⁶⁴ поначалу заверял, что директиву Главкома выполнит. Но, прибыв на Юго-Восточную магистраль, командарм-1 имел возможность, убедится, что сделать это будет не так-то просто. Даже и без воздействия противника, в спокойной, в общем-то, обстановке многочисленные эшелоны армии тут же стали в безнадёжной пробке⁴⁶⁵.

14(27) апреля комендант станции Зверево сообщил в Глав-

⁴⁶⁴ Вопрос о том, идёт ли речь о Н.В. Харченко, впоследствии отступавшем с Ворошиловым к Царицыну, либо же о ком-то другом, остаётся для меня открытым.

⁴⁶⁵ «На линии Чернухино – Зверево, – докладывал он, – на станциях и перегонах гуськом, один от другого на 20–30 сажен, на протяжении десятков вёрст растянулись эшелоны первой, второй и частью третьей армии. Паровозы под эшелонами по несколько недель не чистились, стоя всё время под парами. На промежуточных станциях водокачки не рассчитаны на снабжение водой такого количества паровозов, а на многих станциях водокачки совсем испорчены или их вовсе нет. Угля на промежуточных станциях также нет, а станция Зверево, несмотря на все принятые меры, принимает в сутки от 5 до 8 составов ввиду того, что станция сильно загромождена, а прибывающие паровозы ставятся на чистку топок и наборку воды и угля. Создалось такое положение: поезда стоят в пути, в степи и на станциях, гуськом один за другим, продвигаясь в сутки по 5–10 вёрст. Угля нет, воды нет, и приходится тушить в степи паровозы. Хлеб в некоторых отрядах на исходе, а в некоторых совсем нет его...»

штаб о том, что эшелоны 1-й армии повернули на юг и направляются к Ростову⁴⁶⁶. В течение суток Антонов-Овсеенко отправлял одну за другой телеграммы, напоминая, что армии надлежит следовать в противоположном направлении. Наконец, 15(28) апреля Харченко доложил следующее: «...Вчера в телеграммах и в разговоре представил Баранову и обрисовал положение 1-й и 2-й армий. У меня в 1-й армии более 30000 войск, а во второй более 3000... Сообщите, каково положение в сторону Миллерово и Чертково, потому что я сегодня несколько раз разговаривал с Чертковым, и сообщают, что нет никаких эшелонов и нет коменданта. ...И я с этими войсками... двинусь через Ростов – Батайск – Царицын...»

Движение на Царицын через Ростов, а не напрямую от Лихой было выбрано Харченко, по-видимому, по той причине, что немалая часть его войск уже находилась у Ростова и Таганрога. Как и любой воинский начальник, он стремился сохранить в своих руках все вверенные ему части. Едва лишь выяснилось, что Ростов занят, вся масса сосредоточенных в районе Новочеркасска советских войск устремилась на юг. Ростов нужно было отбить во что бы то ни стало. Иного пути, позволявшего вырваться из готовой захлопнуться ловушки, уже не оставалось.

В первой линии их было 15–20 тысяч, и части 1-й Украинской армии, пошедшие в бой, едва выгрузились из эшелонов, смяли «дроздовцев» и вытеснили из города. Дали бы бой и немцам, заступи они дорогу. Не случайно германские войска не спешили занимать Ростов, ожидая, когда последний воинский эшелон переберётся на левый берег. Не желая в любой момент вновь оказаться отрезанными, командиры советских отрядов

⁴⁶⁶ В этот день Главштабу удалось связаться с командованием 1-й армии, и работники армейского штаба пояснили: «Командарм 1-й находится в Зверево. Положение самое серьёзное как 1-й, так и 2-й армий. В сторону Чертково все станции забиты поездами. Почти на каждой станции бывают крушения. От Лихой в сторону Царицына путь взорван и мост также... На расстоянии 4 станций стоит 60 эшелонов, паровозы горят, станция Зверево забита, люди и лошади голодают... Немец двигается со стороны Дебальцево, и должно быть сегодня Миллерово будет отрезано. Это приведёт к тому, что люди бросят все эшелоны и будут удирать все куда попало...»

торопились именно это, и сделать и в Ростове, в большинстве своём, не задерживались. Эшелоны следовали один за другим сплошным потоком. Потом движение прекратилось. Все, кто успел, переправились за Дон.

Поддерживать правопорядок в оставленном уже властями городе пыталась лишь ростовская милиция. Источники упоминают в этой связи члена городской управы В.Д. Яхлакова и председателя «Союза увечных воинов» штабс-капитана Андреева. По всей видимости, оба они не интересовались политикой и в выступлении участия не принимали. Но, вместе с тем, считали своим долгом сделать всё возможное для обеспечения безопасности горожан.

«Ещё с первых дней страстной недели, – пишет в статье «Страстные дни в Ростове» неизвестный автор, подписавшийся С-ый, – ввиду несомненных признаков бегства ростовских большевистских комиссаров... Яхлаков издал приказ по милиции, где всем милиционерам предлагалось не покидать город, а, сохраняя винтовки у себя на дому, ожидать дальнейших распоряжений, цель коих – спасти город от надвигающихся грабежей и погромов.

Через два дня В.Д. Яхлаков поместил всех милиционеров по участкам, причём в приказе по этому поводу было сказано: «...без моего приказа на улицу вооружёнными не выходить, иметь постоянную связь между участками, и ночью всем милиционерам и начальникам из участков не уходить».

Милиционеры, как известно, дочиста ограбленные большевиками, пылали мщением, и В.Д. Яхлакову с большим трудом удавалось сдерживать проявления этого гнева, ибо преждевременное и неорганизованное выступление могло погубить бесцельно организацию охраны»⁴⁶⁷.

Все эти действия производились по личной инициативе Яхлакова и с властями не согласовывались. Тем не менее, ему удалось организовать два отряда: милиционеров, находящихся под его командой и вооружённых офицеров и солдат «Союза увечных воинов» под началом Андреева. Причём, часть группы

Андреева, 15–20 человек заняли здание городской управы и обеспечивали его охрану.

Милиция «полуофициально» стала пресекать попытки грабежей, и ей никто не препятствовал. С-ый утверждает, что по инициативе Турло было принято решение, разоружить милиционеров. Но после выступления было уже не до них. Яхлаков пытался как-то договориться с оставшимися в городе комиссарами. Однако те, опасаясь нового восстания, наотрез ему отказали.

21 апреля (4 мая) в Ростов вошли «дроздовцы». На следующий день они были выбиты из города. Часть занявших Ростов советских отрядов приняли участие в реквизициях на Большой Садовой. Прибывшие милиционеры даже не пытались им помешать, так как им противостояли воинские подразделения. К 2 часам дня Яхлакову стало известно, что после отъезда членов ЦИК Донской республики властные полномочия перешли к бывшему милиционеру 6-го участка Андрею Малову⁴⁶⁸.

Яхлаков говорил с ним, но Малов отказался пойти навстречу и сразу заявил:

– Если хоть один из моих людей будет убит, я буду обстреливать город артиллерией. Никакой милиции я не потерплю. Знаем мы вашего брата, офицеров!

Между ними сразу же установились неприязненные отношения, и от новых переговоров Яхлаков отказался. Вместо него в 10 вечера 22 апреля (5 мая) в «Палас-отель» направились помощник начальника 6-го участка милиции Преображенский и председатель «Союза увечных воинов» Андреев. Их визит оказался куда более успешным. Малов согласился признать милицию и увечных воинов «организацией правопорядка». После совещания он подписал следующий приказ:

«Обязанности по охране гг. Ростова и Нахичевани на Дону от погромов и грабежей возлагаются на народную⁴⁶⁹ милицию и «Союз увечных воинов». Всем солдатам социалистической

⁴⁶⁸ Помимо прочего Малов был известен тем, что в своё время безуспешно пытался проводить мобилизацию.

⁴⁶⁹ Преображенский настаивал на прилагательном «городская», но Малов отказал.

⁴⁶⁷ «Донская волна» № 22 от 01.11.18.

армии, судну «Колхида»⁴⁷⁰», рабочим дружинам и всем гражданам вменяется в обязанность всемерное содействие городской милиции при восстановлении порядка и спокойствия. Попытки грабежа, погромов и самочинные обыски будут караться самыми строгими мерами до расстрелов включительно. За помощью обращаться в соответствующие милиционные участки. Штаб милиции находится в 1-м участке.

Командующий ростовским гарнизоном революционной армии
А. Малов.

Командир 2-го таганрогского революционного полка
Родионов.

Комендант города
Крылов.

Заместитель коменданта
Бабкин.

Член управы
В.Д. Яхлаков»⁴⁷¹.

Получив официальный разрешительный документ, Яхлаков и Андреев стали действовать куда активнее. Удалось «раздобыть» два грузовика, Красная гвардия выделила милиционерам до двухсот винтовок и несколько ящиков с патронами. Но 23 апреля (6 мая) Яхлакова известили о том, что Малов уже сожалеет о принятом решении, и ему, хотя бы на время, следует скрыться.

В то же время также выяснилось, что Малов перебрался в эшелон, стоявший на вокзале, Крылов от обязанностей коменданта отказался, и вместо него назначен А. Шамбров. Андреев вновь прибыл в «Палас-отель», где Шамбров выдал ему мандат: «Обязанности начальника охраны города возлагаются на председателя союза увеч. и ран. воинов тов. Андреева».

В полдень 24 апреля (7 мая) в помещении 4-го участка состоялось совещание, в котором приняли участие Яхлаков, Андреев и городской голова Петренко. Решение было единодушным: «Защищать город от погромов до последней возможности!»

⁴⁷⁰ Подумав, Малов упоминание о «Колхиде» из приказа вычеркнул. Успели распространиться слухи о том, что в самом начале выступления штаб Добрынского располагался как раз на борту яхты.

⁴⁷¹ Это строчка также была Маловым вычеркнута.

В этот момент стороны Большого проспекта⁴⁷², где располагался «Союз увечных воинов» раздалась интенсивная стрельба. Слышались и разрывы гранат. Вступить в весьма вероятное боестолкновение со строевой частью милиция не могла. Андреев, Яхлаков и С-ый вновь направились в «Палас-отель». Охрана, два десятка солдат, сообщили им о том, что Шамбров также сложил с себя обязанности коменданта и уже на вокзале. Пришлось ехать туда.

Отряд красногвардейцев митинговал прямо на путях. С большим трудом удалось найти Малова. Яхлакову советовали от встречи с «главнокомандующим» воздержаться, но только отмахнулся. По свидетельству автора статьи состоялся следующий разговор.

Яхлаков. – Товарищ Малов! На совещании... вы решили передать охрану города милиции и «Союзу увечных воинов». Мы вам поверили. А сейчас ваши люди напали на «Союз увечных воинов», потом очередь за милицией. Дайте нам какую-нибудь помощь! Ведь страдают от пули одинаково и буржуй, и рабочий!

Малов. – Я ничего не знаю. Я не посылал на грабёж. Защищайтесь, как знаете.

Яхлаков. – Но как же мы будем защищаться, когда у нас нет ни артиллерии, ни пулемётов? Дайте нам хотя бы комиссаров по участкам. Мы не находим общего языка с вашими войсками. Ваши комиссары, быть может, смогут сговориться...

Малов. – Как бы не так! Чтобы вы их там задушили?

Андреев. – Зачем же мы их будем душить? Просим ещё: дайте хоть небольшой отряд, чтобы разогнать банды грабителей.

Малов (указывая пальцем на Яхлакова). – А вот не верю я этому офицеру...

Андреев. – Так будьте любезны, товарищ Малов, дайте нам помощь!

Малов. – Ну, хорошо. Я вас, товарищ Андреев, назначаю комендантом города. Наберите из моих людей отряд и охраняйте город.

⁴⁷² Ныне проспект Ворошиловский.

Андреев. – Нет-нет... Я ведь не состою в Красной армии и не могу быть комендантом. Я не ваш человек, и меня слушаться никто не будет. Моё назначение будет бесполезным.

Малов. – Ну, так чёрт с вами. Я и без вас устал. Вот уже четыре ночи не сплю...

Яхлаков. – Неужели вы хотите, товарищ Малов, чтобы женщины и дети пролетариата посылали вам проклятия за то, что вы оставили их беззащитными. Помните, что дома буржуев крепки, их пуль не пробьёшь. А ветхую лачугу рабочего пробивает любая пуля. Страдает рабочий, страдает бедняк...

Малов. – Ну, хорошо. Я назначу начальником охраны Радкевича⁴⁷³.

Тут же Малов на листке бумаги написал: «Приказ. Тов. Радкевича назначаю ис. об. начальника охраны по борьбе с преступностью в гор. Ростове и Нахичевани на Дону. Главнокомандующий арм. А. Малов. 7/V-1918 г». Перевернув листок, добавил на другой стороне: «Союзу увечных воинов предписываю быть в контакте с милицией и работать всецело по борьбе с преступностью. Главнокомандующий А. Малов».

«Вышли мы с вокзала, – вспоминает С-ый. – Член управы Яхлаков поехал разыскивать Радкевича, чтобы с его помощью получить от Малова людей и вооружение, а мы со штабс-капитаном Андреевым пошли спасать союз увечных воинов. Это было в 1 час дня. А в 7 часов и Малов, и его войска уже бежали в Батайск...»

Можно, конечно, сомневаться в словах автора статьи и в подлинности приводимых им документов. Да и представленный диалог в его изложении выглядит слишком уж патетическим. Но одно очевидно. Ростов, который, все понимали, Советы должны были оставить в ближайшие часы, погружался в хаос. Впрочем, всё это не имело уже решающего значения.

Ранее, 23 апреля (6 мая), Малов издал один из последних своих «боевых» приказов: «Всем начальникам эшелонов, – прописывалось в нём, – приготовить людей к бою и выставить на

⁴⁷³ Начальник 6-го милиционного участка, под командой которого в своё время служил А. Малов.

1½ версты от эшелонов застав[ы], а кавалерии отправиться в разведку в сторону Кизитеровки⁴⁷⁴.

Главнокомандующий армией А. Малов»

Но войсками, способными и желающими выполнить столь амбициозное распоряжение, Советы в Ростове уже не располагали. Большинство эшелонов находились далеко за Доном. Отставшие случайные составы торопились проскочить вслед за ними и на подобные приказы не реагировали. Решившие не покидать город рабочие-красногвардейцы, попрятав винтовки, разошлись по домам. Да и самой Советской власти фактически уже не существовало.

25 апреля (8 мая) немцы с запада, а казаки разъезды с севера приблизились к окраинам и беспрепятственно вошли в Ростов.

8.11. ГИБЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ ПОДТЁЛКОВА

Идея отправки мобилизационной экспедиции не родилась и не была реализована спонтанно. Она вызревала в течение определённого времени, и явилась естественным завершением целой череды попыток проведения военно-мобилизационных мероприятий.

К моменту падения Донская республика практически не располагала собственной военной силой. И это не случайно. Те из рабочих, кто готов был сражаться за Советы, уже записались в Красную гвардию. Рассчитывать на обывателей, и без того разочарованных и обозлённых, тем более, на офицеров, явно не приходилось⁴⁷⁵. Оставались казаки. И. Горелов утверждает,

⁴⁷⁴ Так в тексте. Имеется в виду станция Кизитеринка, расположенная непосредственно у окраины Нахичевани.

⁴⁷⁵ Заслуживающие внимания соображения приводит Д.И. Рябышев. «Подтёлков, – пишет он, – мог произвести формирование войсковых частей из рабочих отрядов Александровск-Грушевского, Сулина (до 5 тыс. человек), из таганрогских рабочих (до 3 тысяч человек), из миллеровских, глубокинских, каменских, лиховских железнодорожников, ремесленников и крестьян-бедняков из прилегающих к станциям сёл (до 5 тысяч человек); в самом Ростове можно было призвать до 5 тысяч рабочих промышленных предприятий...»

что мысль об их мобилизации и воссоздании казачьего формирования, подобного «голубовской дивизии», подсказал Г.К. Орджоникидзе. Подобное предположение представляется весьма сомнительным. Но это и не столь важно. Кому бы ни принадлежала идея, Подтёлков за неё ухватился. Он прекрасно понимал, что в создавшейся обстановке влиять на ситуацию можно, лишь опираясь на штыки, а в их отсутствие его «президентство» в ближайшее же время станет фикцией. И осознавал также, что с каждым днём шансы на успех подобного предприятия уменьшаются.

Ростов и Новочеркасск к этому времени были отрезаны разгорающимся восстанием и подошедшими с Кубани добровольцами. О мобилизации казаков близлежащих станиц не могло быть и речи. Но север Области, Хопёрский и Усть-Медведицкий округа, как представлялось, ещё не были затронуты восстанием. Именно там Подтёлков надеялся развернуть мобилизацию фронтовых казаков и на вербовать их в количестве, достаточ-

Однако Подтёлков учитывал сильные сословные традиции на Дону и недоверчивость казачества к рабочим и иногородним. Поэтому он пока не мог опереться на эти силы».

Думается, впрочем, дело было не только в сословных традициях. Многочисленная, сохранившая боеспособность Красная гвардия Шахтного района и Каменской давно имела свою организацию и своих командиров. Красногвардейцы Ростова и Нахичевани постепенно разочаровывались в перспективах дальнейшей борьбы и явно тяготели к своим городам. К тому же, их ряды таяли с каждым днём. В той или иной степени, разложившиеся и анархистские отряды, засевшие на ростовском вокзале, могли ещё быть использованы для подавления выступлений в городе и ближайших окрестностях. Но направить их против немцев под Таганрог было невозможно. Вооружение в массовом порядке крестьян и иногородних в противовес казакам неизбежно разжигало гражданскую войну и увеличивало её масштабы в разы.

Но и не только это. Подтёлков прекрасно понимал, что как «президент» Донской республики он востребован ровно до того момента, пока способен олицетворять в своём лице лояльность донского казачества по отношению к новой власти и способность мобилизовать пусть даже и часть его на защиту Советов.

Лучшего способа, чем вновь организовать фронтовиков, не было.

Не стоит забывать, что Подтёлков, сам казак, в психологии пролетарских масс разбирался слабо. Напротив, с казаками, как ему представлялось, он всегда сумеет договориться. К тому же, в боевом отношении неподготовленные, необученные рабочие-красногвардейцы не могли, конечно, сравниться с прошедшими войну казачьими полками.

ном, если не для возвращения в Ростов, то для создания нового боевого участка.

Предполагалось, что если в январе удалось поднять часть казаков против Каледина, то удастся и в апреле против немцев. Высказывались ли при этом какие-либо сомнения и предостережения, неизвестно. Сам Подтёлков, человек способный на поступок, при всей своей осторожности и осмотрительности, предпочитал действовать напролом. Да и другого выхода не оставалось.

Была оформлена так называемая «комиссия пяти»⁴⁷⁶, уполномоченная проводить мобилизацию и расходовать в этих целях немалые денежные средства⁴⁷⁷. Для вербовки казаков привлекалась группа партийных работников⁴⁷⁸ и 20 казаков-агита-

⁴⁷⁶ В состав Чрезвычайной мобилизационной коллегии входили Ф.Г. Подтёлков, П.В. Алаев, В.И. Федорцев, И.А. Лагутин, К.Ф. Мрыхин.

⁴⁷⁷ По свидетельству А.А. Френкеля в находившемся при отряде денежном ящике насчитывалось до 10 миллионов рублей.

⁴⁷⁸ Среди них А.А. Френкель, А.Т. Фролов, А.И. Орлов, К.А. Кирста. О последних двух следует сказать особо. На их примере можно представить, сколь разные и с различной степенью ответственности за происшедшее, люди участвовали в экспедиции.

Александр Иванович Орлов был самым пожилым участником экспедиции и одним из старейших деятелей социал-демократического движения на Дону. В 16 лет он выехал в Украину и в глубинке пропагандировал свои взгляды, будучи народным учителем. Затем, став статистиком, Орлов, по словам Френкеля, «36 лет беспрестанно кочевал по России и мытарствовал, имея постоянно неприятности «от начальства» и не будучи в состоянии унять свой вечно беспокойный дух, не мирившийся с царившими в затхлой царской России мерзостями». В декабре 1917 г., очутившись в Ростове, участвовал в оборонительных боях за город с Калединым. К моменту формирования экспедиции занимал пост управляющего делами Донского СНК.

Полностью поседевший, носивший очки Орлов выглядел старше своих пятидесяти с лишним лет, и участники экспедиции называли его «дедушкой». «Умевший не в пример другим, – вспоминает Френкель, – по-детски сердечно и заразительно смеяться, дедушка Орлов был вместе с тем твёрдый и упорный человек. Он не знал никакого страха перед опасностями...

Во всё время движения нашей экспедиции Орлов упорно и упрямо отказывался участвовать в обсуждении предпринимаемых шагов, твердя, что он только солдат и всецело подчиняется комиссии пяти.

С таким же твёрдым упорством шёл, вероятно, этот скромный, но геройский седой старик, с душой юного революционера, и на смерть, открыто и презрительно бросая взоры ненависти и проклятий прямо в лицо своим палачам».

К.А. Кирста

торов во главе с И.А. Лагутиным⁴⁷⁹. Их охрану на первых порах должны были обеспечивать казаки бывшей, ещё времён съезда, Каменской местной команды. Всего в экспедиции⁴⁸⁰ насчитывалось до 130 человек. На момент разоружения оставалось около 100.

Судя по тому, что отряд следовал в эшелоне по железной дороге, предполагалось, во всяком случае изначально, продвигаться на Миллерово и Чертково. Затем, покинув пределы Области, повернуть у Лисок на восток. Оттуда, не подвергая себя риску быть захваченными на пути восстанием, можно было без труда достичь Урюпинской или Усть-Медведицкой, где и приступить к мобилизационным мероприятиям.

18 апреля (1 мая) эшелон экспедиции отошёл от ростов-

О Кирсте Френкель пишет следующее: «Константин Андрианович Кирста отправился с нашей экспедицией случайно при эвакуации.

По окончании в Новочеркасске кадетского корпуса, где отец его был воспитателем, он отправился в Петербург продолжать учение в политехникуме. Здесь он сразу попал в большевистские кружки и стал заниматься партийной работой.

Во время империалистической войны, поступив радиотелеграфистом на пароход, он отправился путешествовать в Англию и Америку.

Он рассказывал мне, как долго и много расхаживал по большим городам, разглядывая и изучая их высокие технические совершенства – лучший предвестник коммунистического народного хозяйства. Во время революции он сначала нёс партийную работу на Урале, где поступил рабочим на металлургический завод.

С конца 1917 года он появляется в Ростове, где нёс революционную работу до последних дней своих...»

Константин Кирста был очень молод. Ему едва ли успело исполниться полных 24 года.

⁴⁷⁹ Френкель, а с его слов и М.А. Шолохов, ошибочно полагали, что член экспедиции Подтёлкова Иван Антонович Лагутин участвовал также в переговорах с Калединым в составе делегации Донревкома. Это не так. Делегатом в Новочеркасске был его однофамилец Яков Назарович Лагутин.

⁴⁸⁰ Такое название постепенно закрепилось за мобилизационным отрядом. Первым об «экспедиции» упомянул Френкель.

ского вокзала и вскоре покинул город. Несмотря на тревожные ожидания, Ростов всё же праздновал Первомай, и на вокзальной площади слышались звуки оркестра. До Новочеркаска⁴⁸¹ добрались сравнительно быстро. Но дальше продвигаться становилось всё труднее, а за Лихой и Зверевом⁴⁸²

⁴⁸¹ В Новочеркасске эшелон простоял некоторое время на запасном пути. Френкель объясняет задержку угрозами, поступавшими в адрес участников экспедиции и желанием Подтёлкова разобраться, насколько они серьёзны. Впоследствии, уже перед Лихой эшелон был обстрелян неизвестными.

Но вот что пишет Д.И. Рябышев: «...через Новочеркасск проследовал экспедиционный отряд Подтёлкова и Кривошлыкова, направлявшийся в северные районы Дона. Подтёлков и Кривошлыков предложили нашему отряду присоединиться к ним. Мы согласились и попросили предоставить нам возможность в течение двух часов подготовиться к выезду.

– Выезжаем незамедлительно. Из северных районов Дона пришли тревожные вести, – сказал Подтёлков.

И экспедиционный отряд без нас отправился в северные районы Дона, выполняя поставленные перед ним задачи».

Другие источники об этом эпизоде не упоминают, но следует признать следующее. Как у Подтёлкова, так и у командира отряда агитаторов Пономарева имелись свои резоны не объединяться.

Подтёлков не мог не понимать, что формирование эшелона для отряда, практически той же численности, что и его собственный, может занять куда больше двух часов. Последствия же серьёзной задержки были непредсказуемы. К тому же, увеличиваясь вдвое, экспедиция в ещё большей степени теряла мобильность.

Пономаренко же выполнял свои задачи, с экспедицией Подтёлкова никак не связанные.

Что касается упоминания Кривошлыкова, то в этом отношении Рябышев ошибался. Бывший комиссар по делам управления Донского СНК присоединился к экспедиции позднее.

⁴⁸² У Лихой к экспедиции присоединился Кривошлыков. Ранее он был послан на узловую станцию, вероятно, для уточнения обстановки, как представитель Донревкома. Из Лихой он докладывал в Ростов: «В 8 часов утра броневым поездом прибыл в Лихую. Каменский отряд в Замчалово, броневой поезд двинулся в Репную... В районе Белокалитвенской действуют отряды Романовского с батареей и Пугачёвского. По Северо-Донецкой, у Плешаковского разъезда, разобраны пути. Необходимо туда послать отряд для восстановления путей. Командующий фронтом Кривошлыков».

Судя по тому, что источники практически не уделили этому эпизоду его биографии достаточного внимания, по тому, что Кривошлыков, бросив всё, сразу же присоединился к экспедиции и нигде не говорится о приёме-передаче дел, можно судить о масштабах боевых действий упомянутого им «фронта».

Кривошлыков был серьёзно болен. Его трепали непрекращающиеся приступы лихорадки.

пути уже были прочно забиты войсками. Занятие немцами 17(30) апреля Чертково самым непосредственным образом отразилось и на судьбе экспедиции. Отряды Щаденко покидали Каменскую. Опасаясь быть отрезанными, они спешили проскочить Лихую. За ними сплошным потоком двигались от Миллерова головные эшелоны 5-й армии Ворошилова. Пропускная способность железной дороги, и так недостаточная, оказалась превышенной во много раз.

С большим трудом, отстаиваясь часами на полустанках, преодолели ещё несколько перегонов⁴⁸³. Дальше продвинуться было уже невозможно. Движение осуществлялось только в одну сторону. Десятки составов с войсками и беженцами заняли оба пути, растянувшись в степи на десятки километров. Эшелоны то и дело останавливались. Красноармейцы выскакивали из теплушек и, не жалея патронов, стреляли вразнобой в появляющиеся временами германские аэропланы-разведчики.

К этому времени известие о занятии Чертково подтвердилось. Прорываться на Миллерово теперь не имело смысла. Экспедиция вернулась в общем потоке к Лихой и от неё повернула по железнодорожной ветке на Царицын⁴⁸⁴. Но и здесь положение было немногим лучше. «Переполнение путей эшелонами беспорядочно и панически отступающих партизан вызывали длительные стоянки и ожидания, – пишет Френкель. – Злоумышленные крушения поездов, порча пути, взрывы мостов, что с адской изворотливостью проделывали на каждой версте возмущившиеся казаки, – всё это вынуждало часто останавливаться, чинить пути и сваливать под откос ломаные вагоны и паровозы».

И даже, если задержки были вызваны не только и не столько «злоумышлением казаков», а элементарным развалом в условиях надвинувшегося хаоса и крайним износом подвижного состава, легче от этого не становилось.

⁴⁸³ Судя по отрывочным высказываниям современников, Подтёлков некоторое время ещё пытался двигаться в сторону Миллерова. Большинство же источников утверждает, что экспедиция, не добравшись до Каменской, повернула от Лихой к востоку сразу.

⁴⁸⁴ Ныне г. Волгоград.

Сразу за Лихой Подтёлков приказал покинуть вагоны и далее следовать походным порядком. На первый взгляд несколько авантюрное решение, если вдуматься, было вполне оправданным и едва ли не единственно возможным. Достоверной информации о том, в чьих руках находится участок железной дороги от Чира до Царицына, не было, и быть не могло. Восстание разгоралось. Даже командиры повстанцев не знали, какими силами будут располагать в ближайшем будущем, и на что этих сил хватит. Во всяком случае, перспектива быть отрезанными от Царицына, представлялась Подтёлкову более чем вероятной. Но и в Ростов возвращаться было уже нельзя. Со дня на день его должны были занять немцы.

Невозможно было провести мобилизацию и в близлежащих станицах. «Отчаянная кровопролитнейшая борьба кругом кипела, – пишет Френкель. – Красные партизанские отряды с большим трудом пробивали себе путь... отбивая железную дорогу у стремительно занимавших и портивших её казачьих банд. Окрестные станицы и хутора огненными языками пламени, загораясь от орудийных снарядов. Неспособное к оружию станичное население укрывалось в балках, долинах и степях.

Подтёлков видел безуспешность и безнадёжность всех попыток борьбы в обстановке массового контрреволюционного восстания и полнейшего разложения революционных партизанских отрядов».

Гражданский конфликт успел приобрести здесь такие масштабы и ожесточение, когда любой подрыв путей, любое враждебное действие вызывали в ответ немедленный расстрел станиц огнём артиллерии, недостатка которой в многочисленных эшелонах не ощущалось. Разумеется, виновных никто не искал, и станицы уничтожались без разбора. Неудивительно, что отношение казачьего населения к отходившим отрядам Красной гвардии, а, следовательно, и к экспедиции, вблизи железной дороги было сплошь враждебным.

План был прост: повернуть от путей круто на север и, двигаясь по просёлочным дорогам крестьянских волостей, выскользнуть из намечавшегося кольца окружения и выйти к гра-

ницам Усть-Медведицкого округа. Предполагалось при этом, что крестьяне лежавших на пути сёл будут настроены если не лояльно, то, по крайней мере, нейтрально. Что восстание ещё не проникло в северные округа, не затронутые междоусобицей, и удастся сразу же мобилизовать несколько сот фронтовиков. Всё это было, конечно, весьма зыбко и проверить, насколько задуманное соотносится с действительностью, можно было только на месте.

Однако, несмотря на возражения, высказанные отдельными членами экспедиции, Подтёлков настоял на своём. «Понимаешь, – говорил он, убеждая себя и других, – ведь эта контрреволюция казачья всё больше по темноте; перестрелять всех их нельзя, а побороть ведь необходимо. Ежели я опережу эту двигающуюся красную армию, прорвусь в северные округа (а там контрреволюции ещё нет; это я хорошо знаю), в три дня соберу 4 полка фронтовиков⁴⁸⁵, двину их против немцев и казацких белых банд, – тогда будет всё спасено. А если не успею прорваться, вместе с этими эшелонами туда докатятся и волны контрреволюции, и потом будет уже поздно...»

В Белой Калитве наняли подводчиков, и до разъезда Грачи экспедиция продвигалась вдоль дороги уже на телегах. Здесь Подтёлков имел разговор с Щаденко. Тот тоже отнёсся к его желанию уйти от железной дороги с большим сомнением, предложив оставаться в расположении его отрядов и с ними пробиваться на Царицын. Понятно, что среди многих тысяч красногвардейцев участники экспедиции могли чувствовать себя в относительной безопасности. Но о мобилизации казаков речи бы уже не шло.

Подтёлков предложения не принял. Следовать в чьём-то обозе и отказаться от активной борьбы и права принимать ре-

⁴⁸⁵ Непонятно, как Подтёлков собирался осуществлять командование такой массой войск. Ни он сам, ни кто-либо другой из участников экспедиции военными талантами того же Голубова не обладали. Вероятно, предполагалось договориться с офицерами среднего звена, сочувствовавшими Советам.

Впрочем, возможно, об управлении мобилизованными частями Подтёлков предпочитал до поры не задумываться, считая эту проблему уступающей в значимости остальным.

шения, в конечном счёте, от власти, он не пожелал. 22 апреля (5 мая) от разъезда Грачи экспедиция уходила от железной дороги в степь. «...Вереница пароконных подвод, – пишет И.П. Толмачёв, – вытягивалась медленно по шляху, в сторону от полотна железной дороги. Сбоку, придерживая шашки, шагали казаки-ездовые, а позади, на малой скорости, двигался легко-вой автомобиль с установленным на сиденье пулемётом⁴⁸⁶.

Подтёлков и Кривошлыков молча подошли к нам... Я невольно вспомнил нашу первую встречу с Фёдором Григорьевичем. Как изменился он с тех пор! Мало осталось от прежнего улыбочивого, огромного, чубатого казака. Весь он как-то сжался, ссутулился, широкоскулое лицо осунулось, казалось, стал ниже ростом...» Подтёлков осознавал степень риска, пожалуй, отчётливее многих других.

Поначалу, впрочем, всё складывалось благополучно. Непрерывная полоса крестьянских поселений протянулась вплоть до Усть-Медведицкого округа. Отношение неказачьего населения к участникам экспедиции, как и ожидалось, было приветливым и доброжелательным. Не возникало никаких проблем с жильём для днёвок и ночлега. Столь же легко удавалось закупать в необходимом объёме продукты питания и всё необходимое⁴⁸⁷.

Но внезапный переход от разгоравшегося у железной дороги гражданского конфликта к размеренной спокойной жизни мирных сёл таил в себе немалую опасность. Отряд Подтёлкова был собран из разных людей, по-разному относящихся

⁴⁸⁶ Судя по тому, что другие источники об автомобиле не упоминают, остаётся предположить, что, если таковой и принадлежал экспедиции, то был оставлен в одном из сёл из-за поломки или отсутствия горючего. Взамен его у тавричан приобрели тачанку.

⁴⁸⁷ Перед первым же селом Подтёлков, предупреждая возможные инциденты, остановил колонну и, подозревая команду, пояснил:

– Слушай сюда. Теперь мы будем ходить через деревни и станицы. Так смотри у меня, чтобы никого не обижать. За всё, что берёшь, надо платить. Насильно брать ничего нельзя. Женщин ни-ни, не смей обижать. Надо со всеми вежливо обращаться и всё по-братски разъяснять. Плохо будет, если кто провинится... Мы революционеры, и должны держать себя по-революционному, во всём подавая пример...

И происшествий не было. Во всяком случае, о каких-либо жалобах со стороны населения, ничего не известно.

к боевой подготовке, субординации и дисциплине. Сам Подтёлков, будучи председателем Донского СНК, осуществлял в большинстве случаев и командование. Но зачастую отдавали распоряжения и другие члены комиссии. А командир, начальник, обладающий всей полнотой власти, определён не был. Не была очерчена и структура. О боевых возможностях отряда, не разбитого на взвода и отделения, оставалось только догадываться. Как предполагалось управлять им в реальном бою, не совсем понятно. Вероятно, Подтёлков надеялся на решимость агитаторов и опыт казаков-фронтовиков. А ещё больше, на то, что экспедиции до мобилизации казаков, вступить в бой не придётся.

В любом случае отряд не являлся строевой частью. Переключки и поверки, судя по всему, если и проводились, то нерегулярно и не всегда. Для объявления распоряжений Подтёлков не выстраивал личный состав, а просто объявлял своё решение перед немногими собравшимися. Темп движения постепенно снижался. На расстояние, которое при желании можно было преодолеть за три дня, экспедиции потребовалось почти пять суток. Эти, как казалось, «мелочи» и привели вскоре к трагической развязке.

Впрочем, последствия проявились сразу же. Едва экспедиция углубилась в степь, её стали покидать казаки, уроженцы ближайших станиц. И отток их по мере продвижения к северу не прекращался. Уходили по одному, по двое. Используя предлог⁴⁸⁸, и безо всякого предлога. Были и отставшие, решившие переждать события в радушных крестьянских сёлах Донецкого округа. Всего отряд покинули свыше 30 человек. Какие-либо дисциплинарные меры не применялись.

Экспедиция достигла вначале Скосырской, а затем, продвигалась вдоль берега реки Берёзовой. В слободе Процыко-Берёзовской провели митинг. Заметно повеселевший Подтёлков, вновь уверовавший, что всё ещё может получиться, выступал с речью. Говорили и некоторые агитаторы. Население слуша-

⁴⁸⁸ Казаки просились «на побывку» и, вероятно обещали присоединиться к экспедиции позже.

ло молча, не выявляя ни явной симпатии, ни неодобрения.

На следующий день остановились в многолюдном селении Николаево-Берёзовском. Обстановка, казалось, благоприятствовала, и Подтёлков решил начать мобилизацию крестьян-фронтовиков. Однако из этой затеи ничего не вышло. Село было богатым и на казачьи земли не претендовало. Крестьян собирали на митинг у околицы, но подошли лишь старики, женщины и дети. Недавно пришедшие с фронта солдаты воевать не хотели. Ни один из них к экспедиции не присоединился. Фронтовики попрятались по домам. Никто их, разумеется, не искал.

У слободы Маньково-Берёзовской подводчики начали было проситься домой. С большим трудом, доплатив, удалось уговорить их сопроводить экспедицию до посёлка Рубашкино, населённого богатыми выходцами из Северной Таврии. Там предполагалось нанять новые подводы. Утром 26 апреля (9 мая) в одном из хуторов Поляково-Наголинской волости остановились на днёвку. В тот же день продолжили движение и вскоре пересекли границу Усть-Медведицкого округа.

Подтёлков выслал в Рубашкино квартирьера. Там он собирался заночевать и оглядеться. У хутора Свечникова на дороге попалась встречная телега. Молодой казак-фронтовик вёз домой жену и старика-отца. Он был при погонах и с кокардой на фуражке. В другое время и в другом месте Подтёлков, без сомнения, заставил погоны снять, либо сам сорвал бы их с плеч. Сейчас же об этом не приходилось и думать.

«Подтёлков, – пишет Френкель, – не преминул, конечно, остановить фронтовика и стал любовно его расспрашивать. На вопрос, почему он в кокарде и погонах, фронтовик стал в ответ жаловаться, что опять пошёл старый режим». Несмотря на приветливое обращение, казак прекрасно осознавал, в какой оказался ситуации, и старался лишнего не наговорить. Отец его, не проронив ни слова, сразу же отошёл от дороги. Не скрывая своей неприязни, он, исподлобья, зло смотрел на Подтёлкова. Неожиданно разговорилась казачка. Уверившись, что ей ничто не угрожает, она пояснила: «Вчера только позакрывали Советы, и опять пришло атаманьё».

Казачью семью отпустили с миром. Едва они отъехали, Подтёлков пробормотал: «Всё пропало. Мы опоздали на два дня. Теперь ничего не сделаешь...»

Вернувшаяся, было, весёлость, исчезла вмиг. А с нею, и надежда на благополучный исход. Едва ли не апатия постепенно начинала овладевать Подтёлковым. Возможно, он начинал понимать, что задержка экспедиции, по сути, мало что меняла. Настроение казаков на Верхнем Дону определялось уже не тем, кто и когда стал бы их агитировать. Для открытого выступления нужен был лишь только повод. Разгром Тираспольского отряда под Мигулинской привёл к немедленному свёртыванию Советов в близлежащих станицах. И словно круги, расходящиеся по воде от брошенного камня, день за днём распространялось всё на большей территории восстановление атаманской власти. Что касается спешной организации боевых отрядов, то её катализатором послужило появление самой экспедиции.

Ни о какой мобилизации в Краснокутской речи идти уже не могло. В лучшем случае, экспедиции позволили бы вернуться обратно. Но Подтёлков не мог знать этого наверняка и, несмотря ни на что, решил всё же двигаться дальше.

Заморосил и всё не прекращался дождь. Без каких-либо происшествий проехали Алексеевский хутор и приблизились к Рубашкино. Едва подводы стали съезжать с пригорка к посёлку, участники экспедиции заметили разбегающихся жителей. Мужчины, женщины, дети, вперемежку, пешком, на телегах и лошадях уходили в степь. Двигались они хаотично, в разных направлениях, стараясь, как можно скорее покинуть посёлок. Подтёлков и другие криками пытались их остановить, но без особого успеха.

Из крайней хаты вышел навстречу смертельно напуганный старик. Волосы его были взъерошены, шапку он держал в заметно трясущихся руках.

– Что, дед, али не узнаёшь, что свои? – обратился к нему Подтёлков.

– Мы ничего не знаем. Перед вами прискакал человек и ска-

зал, что едет большевик, расставит батарею и начнёт бить. Мы не знаем, правда, али нет, только страшно...

Слухи о расстрелах артиллерийским огнём враждебных большевикам селений и станиц, успели докатиться и сюда. И насколько часто подобные обстрелы производились, видно, хотя бы уже потому, что, едва услышав о приближении экспедиции, практически всё население Рубашкино, бросив хозяйство и дома, поспешило убраться прочь.

На вооружении отряда Подтёлкова, помимо трёхлинеек, находился один лишь пулемёт «Максим». Применение артиллерии исключалось в принципе. Другое дело, что посёлок вполне мог очутиться в эпицентре боевых действий, и жители прекрасно понимали, что перспектива поймать случайную пулю, становится вполне реальной.

Старика, насколько возможно, успокоили. Экспедиция въехала в посёлок. Здесь встретились несколько празднично одетых тавричан. Настроенные недоброжелательно, они молчали и не могли скрыть ехидных улыбок. На предложение послать гонцов и вернуть жителей в посёлок, последовал решительный отказ. Удалось лишь выяснить, что высланного вперёд квартирера увёз с собой казачий разъезд.

На буграх вокруг посёлка начали мелькать разведчики. Подтёлков окончательно убедился, что продвигаться дальше не только бессмысленно, но и опасно. Заночевать в Рубашкино он также не рискнул. Отряд повернул обратно.

Уже вечерело. Усталые и промокшие участники экспедиции находились в постоянном нервном напряжении. На протяжении всего пути их сопровождали, держась на почтительном расстоянии, не приближаясь и не отдаляясь, конные казаки.

У казаков и крестьян этих мест с давних пор установились добрососедские отношения. Им нечего было делить. Напротив, со временем наладилась взаимовыгодные экономические связи, а некоторые даже породнились. Неудивительно, что за пять дней движения экспедиции, слухи о ней успели распространиться. Наладить сбор разведданных в этих условиях не составило особо труда. Каких-либо предупреждающих мер Под-

тёлков не предпринимал. Экспедиция не таилась и не пыталась скрыть ни маршрута следования, ни своего состава и вооружения. Крестьяне же в свою очередь охотно делились информацией с казаками.

На хуторах «для поимки Подтёлкова» лихорадочно сбивались сотни и стягивались по мере готовности к Рубашкино. Здесь у холмов первоначально планировалась засада. Однако казачьи командиры, посчитав, что сил ещё недостаточно, в этот вечер напасть не рискнули.

Экспедиция между тем вновь проехала через Алексеевский хутор. Но если час назад население его не проявляло признаков беспокойства, то сейчас поселение напоминало растревоженный муравейник. Как и в Рубашкино, многие жители разбежались прочь. Уже на выезде наткнулись на старика, выводившего с подворья телегу с наскоро собранным скарбом. Следом, причитая и заламывая руки, попевала старуха. Своё бегство она объяснила тем, что проезжавшие двое верховых сообщили всем: «Уходите, а то большевики идут бить...» Старушка едва волокла ноги, поминутно останавливалась, держась за плетень. Агитаторы всё же как-то сумели её успокоить, старик-казак стал заводить телегу обратно.

Наконец, миновали холмы и выехали в степь. Здесь устроить засаду было бы куда сложнее, но казачьи разъезды продолжали отслеживать движение экспедиции. Подтёлков говорил Френкелю: «Видал, как они воюют... Но в бой они никуда не годятся. Красногвардейцы куда храбрее казаков, я это хорошо знаю: я их не раз водил в бой. В открытом бою любой красногвардеец победит казака. Только казак не идёт в бой, а со стороны окружит и нападёт, когда никто не ожидает этого, и панику наведёт. Ежели бы красногвардеец был так обучен, как казак, тогда мы скоро победили бы... Казаки, наверное, ночью нападут на нас...»

Думал ли так Подтёлков на самом деле или же старался подбодрить тех, кто представлялся ему более надёжными, но вольно или невольно он уже отделял себя от казачества. И это косвенно свидетельствует: на казаков председатель Донского

СНК больше не рассчитывал, полагая, что восстал не хутор, не станица, а практически всё казачье население Дона.

В хутор Калашников Поляково-Наголинской волости прибыли уже глубокой ночью. Подтёлков, горячася, убеждал спутников: «Только не спать. Двигаться. Здесь, вперёд, куда угодно... Но не спать, а то нападут врасплох...» Но уговоры его были напрасны. Измотанные люди разошлись по дворам. Продолжать движение было невозможно. С трудом удалось лишь выставить дозоры, положиться на бдительность которых было невозможно.

Неудачные попытки собрать казаков удручающе подействовали на Подтёлкова. В отчаянии он повторял окружающим: «Команда дорогой разложилась. К бою она не годится. А без команды сделать ничего не могу. Пропало всё...» Сам он почти не спал в ту ночь. Обходил и проверял расставленные пикеты. А потом, долго ещё сидел за столом в избе, отрешённо глядя в стену. Кривошлыков предложил собрать всех и уходить немедленно, но оба понимали, что сделать это не удастся.

Подъём произвели рано утром, и к 6–7 часам были уже готовы выдвигаться. Но тут выяснилось, что хутор со всех сторон окружён казаками. В бинокль хорошо было видно, как подходили и занимали оборону, перекрывая дороги, всё новые и новые отряды⁴⁸⁹.

⁴⁸⁹ В № 8 «Донской волны» неизвестный автор, не подписавший свою статью, так описывает эти события: «В шесть часов вечера 26 апреля в управление Краснокутской станицы был доставлен квартирьер отряда Подтёлкова казак Константин Мельников, который на допросе заявил, что Подтёлков идёт объявлять мобилизацию, красную гвардию считает сестрой Дона. Отряд Подтёлкова состоит из 119 человек, вооружённых двумястами винтовок, имеет несколько тысяч патронов и один пулемёт.

– Думает ли Подтёлков сражаться, если ему будет оказано сопротивление? – спросили квартирьера.

– До последней капли крови. Но Подтёлков не допускает и мысли, чтобы против него, как главы донской советской республики, кто-либо осмелился поднять оружие.

Квартирьер был арестован, а против Подтёлкова, который подошёл к посёлку Рубашкину, были двинуты два конных разъезда приблизительно по пятьдесят человек в каждом...

Через полчаса на площади было собрано всё мужское население станицы, вооружённое от ружей до вил включительно. Были посланы гонцы в соседние станицы, которые сейчас же присоединились к краснокутцам.

В избе, где остановился Подтёлков, члены комиссии и подошедшие агитаторы решали, что делать. Подтёлков, Кривошлыков и Фролов высказывались за дальнейшее движение. Большинство членов комиссии, Мрыхин, Алаев и Федорцев заявили, что это приведёт к бою «со своими же казаками», что недопустимо.

На переговоры приехал бывший атаман Алексеевского хутора. Фролову запомнилось, что был он в белом шарфе и выбрит наголо. Спросил: «Люди вы, чи ни?... Время теперь страшное, и нужно разузнать, что за люди, прежде чем пустить их». Подтёлков усадил его за стол, угостил чаем. Рассказал о целях экспедиции. Горячась, пояснял, что они и есть власть, казаками же на съезде избранная. И тот, кто восстаёт против власти, «поступает нехорошо» и заслуживает сурового наказания. Доказывал, что только при Советах наступит для всех «лучшая жизнь».

Старик-казак слушал его рассеянно. Видно было, всё, что говорил Подтёлков, мало его убеждает. Всё же, расстались вполне мирно. «Хорошо, – сказал атаман, прощаясь. – Видно, что ты казак. Видно, и с тобою казаки. Мы чуть не устроили кровопролития. Я пойду и скажу своим андреевским казакам...»

Всё это заняло немало времени. Алаев, меж тем, успел побывать у казаков. Не поставив в известность Подтёлкова, никем

Разъезды восставших добрались до посёлка Рубашкина и здесь узнали, что Подтёлков встревожен вспыхнувшим мгновенно мятежом против советской его власти и решил ночевать не в Рубашкине, а в двадцати пяти верстах от него, в слободе Поляковой. Стали редеть и ряды его защитников-конвойцев, и только сам Подтёлков обещал виселицы восставшим.

Проходя через имение войскового старшины Ушакова и видя качели, Подтёлков приказал их беречь:

– Завтра на них повешу бунтовщиков.

Войсковой старшина Ушаков оповестил об обещании Подтёлкова станицу Каргинскую, готовую к восстанию уже по извещению краснокутцев.

Отряд каргинцев под командой подъяесаула Цыганкова и Каргина пошёл в наступление на слободу Полякову.

И здесь, около слободы – последней резиденции Подтёлкова – встретились восставшие станицы. Прапорщик Спиридонов привёл хуторян – пономарёвцев, краснокутцев, подошли боковцы. Дымилась пылью дорога – то шли ещё чернышовцы.

Подтёлков был окружён восставшими казаками, сильными только гневом, но не оружием...»

не останавливаемый, он перешёл поле и оказался в расположении перекрывшей дорогу казачьей цепи. Там подробно рассказал об отряде. От казаков в хутор прибыл новый парламентёр, временно осуществлявший командование на этом участке урядник. Проехав по улице из конца в конец, раз и другой, он остановился, наконец, у квартиры Подтёлкова.

Завязался вполне доброжелательный разговор. Урядник рассказал, что накануне вечером у бугров казаки двух хуторов организовали засаду. Но нападать всё же не решились. В том числе и потому, что в экспедиции было немало крестьян-возчиков. В темноте при перестрелке любой из них имел шанс получить случайную пулю. Ссориться с соседями, жившими с казаками бок о бок многие годы, никому не хотелось.

Урядника пытались агитировать, объясняли ему, «как злостно их обманули контрреволюционные офицеры», и что они должны помогать комиссии, а не препятствовать её движению. Ничего на это не ответив, казак сел на лошадь и ускакал к своим.

Вскоре приехал другой. Он, наконец, огласил главное требование окруживших хутор казаков: отряду Подтёлкова оружие сдать. После чего, по его словам, экспедицию обещали беспрепятственно пропустить в Краснокутскую.

Тем временем, выяснилось, вдруг, что в хуторе имеется Совет. Обеспокоенные крестьяне выслали делегацию к казакам. Делегатов арестовали и избили, но, в конце концов,пустили. Через них вновь передали, что настаивают на разоружении.

Когда кто-то стал убеждать Подтёлкова направить на переговоры к казакам свою делегацию, он вскипел:

– Как?! Ведь это контрреволюция! Какие могут быть с ними разговоры, с ними мы боремся. За мною! В цепь!..

Вспышка энергии на миг вернулась к этому человеку. Увлечённые его порывом, ещё 30–40 участников экспедиции с винтовками в руках последовали за ним к околице. На окраине, у бугра их нагнал член комиссии Мрыхин.

– Подтёлков, какой позор! – укорял он. – Против своих же братьев... Не надо кровопролития, столкуемся и так... Я был у

них вот с Федорцевым. Они поставили условием, чтобы мы сложили оружие, и они никого не тронут... Мы согласились и уже отдали свои револьверы.

– Кто вам позволил давать такое соглашение? – резко спросил Фролов. – Вас никто не уполномочивал.

– Вы уж молчите, товарищ Фролов. Вы не знаете фронтовиков, и вам, поэтому, всё равно, с кем мы будем проливать кровь, – ответил Мрыхин и обратился непосредственно к Подтёлкову. – Но дело сделано. Алаев остался в цепи с казаками и подробно договаривается об условиях⁴⁹⁰.

Цепь мгновенно распалась. Казаки-мигулинцы, которых в экспедиции было немало, обступили Мрыхина и уже расспрашивали его о настроении фронтовиков. Видно было, что вступать в бой с земляками они не собираются. Подтёлков, один, стоял, глубоко задумавшись. Позже, взвесив всё, и решившись, он выехал к окружившим экспедицию казакам. С этого момента в хутор мог беспрепятственно проникнуть, кто угодно.

«Начались длительные и томительные переговоры, – вспоминал Френкель, – обмены делегациями. Наш отряд разбрёлся по нескольким дворам. Посёлок стал заполняться пришлыми казаками. Суровые старики, держа в руках вилы, ломы, дубинки, стояли молча и дико смотрели по сторонам; вовлечь их в разговор никак не удавалось. С фронтовиками же мы много и оживлённо беседовали. Они нас понимали и как будто бы даже сочувствовали нашему предприятию.

– Мы-то понимаем, – говорили некоторые из них, – что такое большевик, меньшевик, социалист-революционер, что такое красная гвардия. Но всё это можно думать только про себя или вот вам сказать; у нас про это говорить нельзя, а то убьют. Опять по-старому пошло, – жаловались они. – Кокарды, пого-

⁴⁹⁰ Действия Мрыхина, Алаева и Федорцева, которые, не уведомив никого, по сути, повели «свои» переговоры о сдаче, можно объяснить лишь одним. Они были уверены, что, уж во всяком случае, казаков экспедиции фронтовики не тронут, и любыми способами старались не допустить боестолкновения. О том, искренне ли они считали, что дело можно кончить миром, или же пытались обезопасить, прежде всего, себя, остаётся только догадываться. Вероятно, именно близость родной Мигулинской станицы столь дурманящим образом подействовала на члена «комиссии пяти» казака Мрыхина.

ны... Вооружены плохо, у каждого десятого винтовка, и то в ней только пять патронов, а тут тащат в драку...

Прошло часа 3–4 беспорядочной сутолоки. Мы, казаки, и часть казаков были самым решительным образом против сдачи оружия. Но никто ни с кем не совещался. Наконец, часам к 11 вернулся Подтёлков, отправлявшийся на переговоры, и вместе с ним большая казачья делегация человек в 200. Впереди шествовал офицер Спиридонов, служивший когда-то вместе с Подтёлковым в одной батарее⁴⁹¹, а за ним двигался верховой казак с большим белым флагом.

Начались беседы, приветствия... Казаки нашей команды узнали станичников, родственников, товарищей по службе; стали здороваться, христосоваться (дело было как раз на Пасхе); начались разговоры, расспросы... *Создалась такая атмосфера, при которой совершенно немыслимо было и думать о драке.*

– Чуть, было, не устроили бойни со своими же братьями, – стали поговаривать некоторые казаки из нашей экспедиции. – Мы упираться не станем. Ежели будут настаивать, мы сдадим оружие. Мы не боимся и без оружия пойти к своим же...»

Никто их не разубеждал. Вскоре Спиридонов, взявший на себя общее командование, стал собирать членов экспедиции.

– Все, кто в отряде Фёдора Подтёлкова, – усмехаясь чему-то, скомандовал он, – отойди налево, все прочие – направо. Ваши братья фронтовики вместе с вашей делегацией порешили, что вы должны сдать нам оружие, так как население боится вас с оружием. Сложите оружие на телеги, и мы его будем вместе с вами охранять. Мы даём вам наше братское слово фронтовиков, что доставим вас невредимыми в Краснокутский Совет, где вам вернут ваше оружие.

После минутного замешательства участники экспедиции подчинились. И хотя выделяться из общей толпы никому не хотелось, деваться было уже некуда. Казаки по одному, по двое начали переходить на левую сторону улицы.

Френкель отозвал Подтёлкова в сторону и шепнул: «Что

⁴⁹¹ Когда Фролов поинтересовался у Подтёлкова, что за человек Спиридонов и можно ли ему доверять, тот ответил: «Да он беспартийный, прапорщик, был честным человеком, и слово держал своё крепко».

мы делаем? Если сдадим оружие, они нас уничтожат...» В ответ тот пробормотал что-то невнятное. Страшное напряжение этого дня, наконец, оставило его. Взамен пришли безразличие и апатия. Всё было уже решено, и от него больше ничего не зависело.

Кривошлыков же молча стоял в у хаты, придерживаясь за стену. Лихорадка терзала его, скривив лицо в страдальческую гримасу. Он весь был в болезненном угаре и вряд ли отдавал ясный отчёт в происходящем.

Всё же часть отряда отказывалась некоторое время сдавать оружие. Но тут Подтёлков сам начал отговаривать людей от этого. Он был, словно в тумане, и действовал по принципу, скорее бы всё закончилось. Чем – почти уже и безразлично.

– Чего, товарищи, волнуетесь? – говорил он, отводя взгляд. – Мы договорились со Спиридоновым – все они фронтовики и обиды нам не сделают. Но ружья всё же придётся сдать. Кладите их так, чтобы можно было потом каждому найти своё...

«Началось самое ужасное, что было за этот роковой день... – пишет Френкель. – Началось разоружение нашей экспедиции, что длилось около часа. Наши товарищи очень вяло и неохотно сдавали оружие. Некоторые повынимали затворы из винтовок. Пулемётчик снял замок у пулемёта и ускакал из посёлка. Некоторые из нас, имея револьверы и патроны и не желая сдавать их, незаметно разошлись по дворам скрыть это оружие...»

Фролов и Френкель, одни из немногих уцелевших участников экспедиции, первый зло и с нескрываемой досадой, второй – в куда более мягкой форме, упрекают в разоружении Подтёлкова. Но, доказывая, что сдачи оружия нельзя было допускать, ни в коем случае, они не предлагают иного выхода.

Д. Делэрт высказывается ещё более категорично.

«Подтёлков слабо отдавал себе отчёт в том, что затевается... – пишет он. – Смелый революционер, честный красный солдат, он ещё не получил той революционной выучки и пролетарского чутья, которое могло бы удержать его от ошибки. Искренний, доверчивый, открытый, он никак не мог понять, что свои часто бывают чужими, и решил сам отправиться делега-

том к белым, чтобы разрешить столкновение мирным путём».

И с этим уже трудно согласиться. Подтёлков не отличался открытостью. Ещё труднее было заподозрить его в наивности и излишней доверчивости. Возможно он, казак, и не обладал обострённым «пролетарским чутьём», но зато успел обзавестись жизненным опытом и элементарным здравым смыслом. Лучше, чем кто-либо ещё Подтёлков понимал, что может произойти с экспедицией и с ним лично, сдай отряд оружие. Сам он с захваченными врагами расправился бы, как расправлялся не раз, без особой щепетильности.

Но что можно было сделать в создавшейся обстановке всеобщего, как представлялось, восстания? Один за другим рассматривались и тут же отвергались им планы спасения. Утром 27 апреля (10 мая) в окружённом казаками хуторе Калашникове таковых оставалось только два. Либо прорываться с неизбежным боем, либо сдать.

Год спустя, из окружённой повстанцами Вёшенской в похожей ситуации сумела уйти, избежав уничтожения, караульная красноармейская рота. Но это было строевое подразделение, спаянное дисциплиной, ведомое решительным, смелым командиром. В экспедиции же к этому времени произошёл разлад. Большая и наиболее подготовленная её часть уверилась, что воевать не придётся. К тому же, по крайней мере, три из пяти членов комиссии, предприняли действия, смахивающие на саботаж, если не на предательство.

В сложившейся ситуации Подтёлков в бою мог рассчитывать на 30–40 человек – агитаторов, чьим жизням, это понимали все, угрожала, куда большая опасность, и наиболее стойких казаков из команды, которые просто не считали возможным сдавать оружие.

На противоположной стороне, в перекрывших выходы их хутора цепях, находилось несколько сотен казаков. Пусть слабо вооружённых, зато вышколенных и выученных Великой войной. К ним постоянно подходили всё новые и новые отряды. Не приходилось сомневаться, разговоры разговорами, а начнись стрельба, они действовали бы решительно.

Результат боестолкновения, случись оно, предугадать было нетрудно. Экспедицию, вероятно, уничтожили в полчаса. Возможно, это заняло бы больше времени, но конечный результат сомнений не вызывал. И в этом смысле Подтёлков не был обманут. Просто он посчитал, что сдача оружия, при всей непредсказуемости дальнейшего, даёт куда больше шансов, чем открытое противостояние.

О том, что Подтёлков прекрасно понимал, чем это в итоге может обернуться, по крайней мере, для части его отряда, свидетельствует следующий эпизод. Френкель с Кирстой, спрятав в одном из дворов свои револьверы, уже направлялись к месту расположения экспедиции. Тут им повстречался Подтёлков, шедший зачем-то к своей тачанке. Поравнявшись с агитаторами, он незаметно, не поворачивая головы, произнёс на ходу: «Не ходите туда. Кто может, удирай...»

Эти слова, вероятнее всего, спасли Френкеля от смерти. Агитаторы ещё колебались. Христосование, дружеские беседы, по сути, братание фронтовиков с казаками экспедиции порождали определённые надежды. Предупреждение Подтёлкова отрезвило их мгновенно⁴⁹². Медленно, чтобы никто не заметил и не обратил внимания, они разошлись по дворам. Но если Френкель сразу покинул улицу и зашёл наудачу в крайнюю хату⁴⁹³,

⁴⁹² «Позже мы узнали, – пишет Френкель, – что товарищи предлагали и Подтёлкову скрыться, но он не согласился, зная, что это напрасно...»

⁴⁹³ Френкеля не выдали. Он отсиделся в крестьянской хате до темноты, потом, удостоверившись, что казаки покинули хутор, ползком, по полю добрался до слободы Фёдоровки, где неожиданно встретил Фролова. Тот, вовремя сориентировавшись, сразу ушёл из хутора к берегу реки, откуда и скрылся. Вдвоём они сумели наладить разведку, используя в этих целях крестьян-добровольцев, бывших солдат и знали, куда казаки увели разоружённых членов экспедиции. Но помочь товарищам ничем не могли. При всей благожелательности крестьяне не собирались братья за оружие и идти отбивать экспедицию.

Выяснилось, что таким же образом, затаившись, спаслись ещё 10–12 человек «подтёлковцев». Из членов «комиссии пяти» смерти удалось избежать лишь Федорцеву...

Спустя некоторое время Фролов и Френкель на крестьянской телеге прибыли в Скосырскую, занятую отрядами Щаденко. На многолюдном митинге, в котором приняли участие как местные жители, так и красногвардейцы, они рассказали о целях и задачах экспедиции, пути её следования и обстоятельствах гибели.

то Кирста решил укрыться на квартире, в которой ночевал. По пути он натолкнулся на конных казаков. Выдать себя за крестьянина, уроженца здешних мест, Кирста не сумел, и был отведён к остальным. К этому времени, беспрепятственно покинуть место сбора экспедиции было уже невозможно.

Казаки отделили её участников и, выстроив в колонну, повели по большаку. Поначалу конвоиры относились к этапирваемым доброжелательно, даже давали желающим закурить. Но прибывали новые отряды, казаки которых не принимали участие в переговорах и братании. Их отношение оставалось враждебным. Наиболее озлобленные следовали рядом и ругали «подтёлковцев». Видя, что их никто не одёргивает, пустили в ход нагайки. При этом высказываемое возмущение приводило лишь к новым избиениям. Конвой не вмешивался и делал вид, что ничего не замечает. Как свидетельствует И. Горелов, по пути следования членов экспедиции стали обыскивать, а некоторых раздели до белья и заставили снять сапоги. Подтёлков и Кривошлыков оставались в обмундировании⁴⁹⁴.

Тем временем, вновь прибывшие командиры посчитали,

Во второй половине мая (начале июня) Френкель прибыл в Царицын, где присоединился к уцелевшим партийным и советским работникам Донской Советской республики.

⁴⁹⁴ В № 8 «Донской волны» неизвестный автор так объясняет резкое изменение в отношении казаков к конвоируемым: «Подтёлков сдал оружие и стал пленником. Арестовавшие его были настроены миролюбиво, но, как рассказывал «Донской край», когда Подтёлкова и его свиту доставили на ночлег, на хутор Пономарёв, выяснилось, что «подтёлковцы» сдали далеко не всё оружие. У них осталось тридцать семь револьверов и две ручные гранаты.

Один из арестованных, очевидно, не сдержавшись, вздумал бежать и выхватил револьвер.

Трудно описать, что произошло. Казаками, ещё недавно настроенными миролюбиво, овладело бешенство. Слишком ясен был план пленников: в степи воспользоваться малочисленностью конвоя, разбежаться, отстреливаясь.

Казака, у которого нашли револьвер, растерзали на месте...»

Думается, если кто-то и утаил от казаков личное оружие, это послужило лишь поводом. Ситуация изменилась. Из вооружённого отряда, способного оказать сопротивление, «подтёлковцы» превратились в толпу бессильных и беззащитных пленных. Безграничная власть над человеком и отсутствие какой-либо ответственности провоцируют к совершению самых неблагоприятных поступков. И далеко не каждый способен перед таким искушением устоять.

что всё имущество экспедиции является военной добычей, а обещания, охранять его, они не давали. Сложенные на телегах винтовки и шашки стали постепенно разбирать. Слух об этом распространился по округе довольно быстро, и из окрестных хуторов приехали поживиться, в том числе, и казаки, не имевшие к повстанцам какого-либо отношения. Брали сёдла, подпруги, табак, продовольствие, а под конец, не гнушались уже и личными вещами членов экспедиции, сложенными в узлах на отдельной подводке. До темноты рыскали по хутору казаки в поисках припрятанного оружия⁴⁹⁵.

Уже поздним вечером колонну «подтёлковцев» пригнали в хутор Пономарёв станицы Краснокутской Усть-Медведицкого округа. Усталых, избитых людей заперли на ночь в пустующей деревянной лавке. Был налажен простой, но эффективный учёт. Спиридонов, став в дверях с двумя казаками, пропускал участников экспедиции по одному и записывал их имена.

Лавка, не очень-то и просторная, не рассчитанная на такое количество одновременно находившихся в ней людей, оказалась забитой до отказа. Оставалась ещё слабая надежда, но все понимали, что жизнь их висит на волоске. Многие, погружённые в свои думы, так и не заснули в ту ночь. Иные пытались завести разговор, но он сам собой затухал.

Подтёлков, которого так и не обыскали, извлёк из нагрудных карманов гимнастёрки пачку банкнот и старательно разорвал их в клочки. Те из членов экспедиции, кто имел при себе некоторую сумму наличных денег для различных повседневных трат, последовали его примеру.

А в это время в одном из соседних домов заседал организованный на скорую руку военно-полевой суд, составленный из представителей хуторов, казаки которых участвовали в поимке и разоружении экспедиции. Вопрос стоял на повестке один, что делать с пленными? Заседали немалое время и постановили: участников экспедиции расстрелять, а Подтёлкова и Кривошлыкова, как главарей, – повесить.

⁴⁹⁵ Следует отметить, что денежный ящик экспедиции Спиридонов сразу же, как только отряд был разоружён, лично опечатал и под охраной отправил в Каргинскую.

Принятие этого решения поначалу встретило определённые возражения. Выборные от хуторов, казаки которых братались с «подтёлковцами», напомнили, что последним при разоружении были предоставлены вполне определённые гарантии безопасности. Большинство же делегатов заявили, что никакого обещания они Подтёлкову не давали, и, следовательно, трибунал какими-либо обязательствами не связан⁴⁹⁶. Довод был, по меньшей мере, весьма сомнительным, и многие это понимали. Тем не менее, решение о казни выборные приняли единогласно.

Столь жестокий и нелепый⁴⁹⁷ вердикт, принимаемый в явной спешке, не может быть объяснён только лишь обесцениванием человеческой жизни, озлобленностью казаков и возобладавшими среди выборных настроений «стариков». Думает-

⁴⁹⁶ В «Известиях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской обл.» от 23 мая (5 июня) 1918 г. в заметке «Как умирают наши товарищи!» в частности говорилось:

«Киев, 3 июня. В полученном здесь номере «Рабочего дела», издающегося в Ростове-на-Дону, описана казнь наших товарищей. Сообщаем со слов офицера-очевидца казни большевика Подтёлкова некоторые подробности.

...26 апреля окружённый со всех сторон, недалеко от хут. Полякова Милютинской станицы (севернее стан. Морозовской), Подтёлков решил сдаться, причём, желая избежать лишнего кровопролития, казаки обещали ему дать свободу. Но в это время подошли новые дружины, которые, не решаясь отправлять Подтёлкова на суд в Новочеркасск, опасаясь его побега в пути, постановили его судить на месте.

Всю ночь заседал военный суд, который постановил: конвой, состоящий из 75 человек, расстрелять, а Подтёлкова и Кривошлыкова – областного комиссара по внутренним делам – повесить. Ночью арестованным удалось уничтожить бывшие при них деньги на очень крупную сумму. Наутро сперва были расстреляны казаки, а затем уже были повешены Подтёлков и Кривошлыков. Кривошлыков – совсем ещё юноша, всего лишь 2 года тому назад окончивший Персияновское сельскохозяйственное училище. Он сильно волновался, всё время несвязно говорил, что дело большевизма не погибло, что они умирают, как умирали мученики христиане, с верой, что их дело не погибло. Подтёлков был поразительно спокоен...»

⁴⁹⁷ Достаточно вспомнить, что трибунал даже не пытался создать органы дознания и выявить степень «вины» отдельных участников экспедиции. Формально всех казнили за то, что они «пошли вместе с Подтёлковым». Вероятно, среди «подтёлковцев» были и те, кто участвовал в реквизициях и расстрелах. Но также не вызывает сомнения, что определённая часть никакого отношения к репрессиям не имела. Однако казнили всех без разбора, скопом.

Не допросили даже Подтёлкова, и в результате, многое из того, о чём мы можем только лишь догадываться, он унёс с собой в могилу.

ся, всё решили чисто прагматические соображения. Никто не хотел брать на себя содержание арестованных, которое могло продлиться сколь угодно долго.

Известно, что было внесено предложение, отправить «подтёлковцев» под конвоем в Новочеркасск. Но осуществить это было затруднительно. И дело было даже не в возможном продвижении немцев. Продолжавшееся несколько дней упорное сопротивление рудничной Красной гвардии в районе Александровск-Грушевского не позволяло использовать в этих целях железную дорогу. Конвоировать же такое количество арестованных походным порядком, через степь, не рискнули.

Неясность обстановки, помимо всего прочего, предопределило участие «подтёлковцев». О том, кто, какими силами и с каким настроением контролирует тот или иной участок, оставалось только догадываться. Более того, судя по всему, выборные вполне допускали, что попытки освобождения арестованных, предпринятые либо крестьянами, либо своими же казаками-фронтовиками, сочувствующими Советам, *не исключены*⁴⁹⁸. Именно поэтому, они торопились закончить всё, как можно скорее.

В итоге той же ночью было оформлено соответствующее постановление⁴⁹⁹, которое подписали все выборные. Чьё-либо особое мнение, выражающее несогласие с общим вердиктом,

⁴⁹⁸ И такие предположения не были лишены оснований. В эти же дни в Скосырской были получены известия о том, что Маньково-Берёзовская Красная гвардия нуждается в помощи. На выручку был отправлен отряд под командованием И.П. Толмачёва.

«В пути, – пишет Толмачёв, – мы узнали о гибели отряда Подтёлкова и Кривошлыкова в районе хутора Пономарёва. Печальную весть сообщил штабу чудом вырвавшийся из лап врага редактор газеты Донревкома Френкель. После выполнения боевой задачи нам предстояло свернуть в хутор Пономарёв и покарать злодеев.

Маньково-Берёзовский отряд удалось быстро освободить из осады. В это время красногвардейцы под командованием Щаденко и Харченко взяли станцию Милютинскую. Телефонная связь сохранилась... Щаденко распорядился: движение на хутор Пономарёв приостановить до полного выяснения обстановки, закрепиться и ждать указаний».

⁴⁹⁹ После исполнения приговора его вместе со списком казнённых просто выбросили. В стоге сена скомканные листки подобрал случайный прохожий. Впоследствии они попали к председателю Краснокутского ревкома А. Горохову и им уже были переданы в Донское бюро РКП(б).

зафиксировано не было. Судьба участников экспедиции решилась в пару часов.

Ранним утром на бугре за церковью охотники из «стариков» вырыли глубокую яму. Наспех сколотили виселицу. Срубали под корень два молоденьких невысоких деревца. Очистили от веток, оставив рогатки на макушке. Закопали за бугром неокрепшие стволы. Укрепили перекладину, перебросили верёвки...

Посмотреть на казнь собралось почти всё население хутора. Многие привели с собой детей. Некоторые, преимущественно, из иногородних, интереса поначалу не проявили. Но после того как по приказу станичного правления казаки проехали вдоль улицы, спрашивая оставшихся, отчего они не выходят из дома, «уж не за них ли», большинство решило не навредить себе неприятностей.

Вначале вышли Подтёлков с Кривошлыковым. Кривошлыков едва держался на ногах. Затем партиями по 20 человек стали выводить остальных участников экспедиции. Всё происходило просто и буднично. Восемь «подтёлковцев» становились у края ямы. Остальные ждали своей очереди. Тех, на ком оставалось обмундирование, заставили раздеться до белья. Одежду складывали тут же у края ямы.

Ф.Г. Подтёлков и М.В. Кривошлыков перед казнью

Расстрельная команда была сформирована Спиридоновым заранее, но нашлись и охотники, преимущественно, гимназисты и реалисты, пожелавшие к ней присоединиться.

Первую партию причащал подошедший батюшка. Остальные от причастия отказались. Некоторые не выдерживали и скатывались в яму, не получив смертельного ранения. В какой-то момент из неё выполз окровавленный казак и, пошатываясь, побежал прочь. В него стреляли, но попасть не могли. Казак был достигнут толпой, повален и забит насмерть лопатами.

После этого раненых добивали уже сразу. Особое усердие проявил сын атамана Каргинской станицы гимназист Каргин. Он стоял у края ямы и стрелял во всякого, кто подавал ещё признаки жизни⁵⁰⁰. Расстрелянных наскоро засыпали тонким слоем земли и выводили следующую партию.

В толпе едва различимый поднялся ропот. А когда раздались первые выстрелы, многие казачки поспешили увести детей от места казни. Вся неблагоприятность расстрела безоружных обманутых людей была очевидна. О том, что экспедицию разоружили, обещав её участникам жизнь, знали все. Среди казаков наверняка было немало сочувствующих «подтёлковцам», но решение о выступлении против Советов принималось хуторскими сходами, и они предпочитали молчать.

Не удержался лишь хуторской сапожник, иногородний. Когда его под угрозой расправы принуждали идти к месту казни, он не вытерпел и с досады вдруг крикнул сопровождавшим его казакам: «Никогда вам не победить Красной гвардии!» Чтобы решиться на такое, надо было обладать особым мужеством либо потерять чувство реальности и на время утратить инстинкт самосохранения. Казаки опешили, сапожник побежал домой за хранившимся револьвером. Вскоре он был схвачен, отведён к яме и расстрелян вместе с очередной партией «подтёлковцев». Звали сапожника⁵⁰¹ Михаил Лукин.

⁵⁰⁰ Спустя год Каргин был выявлен и военно-революционным трибуналом 15-й Инзенской дивизии, занявшей Краснокутскую, и приговорён к расстрелу.

⁵⁰¹ И. Горелов утверждает, что М. Лукин был хуторским почтарём.

Подтёлкова с Кривошлыковым казнили уже после гибели большей части отряда. Никем не охраняемые и не задерживаемые, они могли расхаживать тут и там. Раз за разом подходил Подтёлков к товарищам, стараясь их ободрить. Но слова оставались лишь словами, потеряв перед лицом скорой неизбежной смерти какое-либо значение.

– Благослови, товарищ Подтёлков, – обратился к нему один из казаков.

– Иди, брат, спокойно в могилу. Скоро и они пойдут туда же, – ответил Подтёлков, указывая на расстрельную команду.

Вдруг, в толпе хуторян он увидел знакомое лицо. Подойдя к сослуживцу-батарейцу, сказал негромко:

– Помнишь, на Миллеровой станции я тебя от большевиков выручил? Вызволяй теперь меня!

Тот беспомощно развёл руками. Видимо, Подтёлков действительно оказал в своё время немалую услугу казаку, но что он мог...

– Дак, ты же тогда большим начальством был. А я что? Я простой казак, ничего не поделаю...

– И я теперь простой казак... – выдохнул Подтёлков обречённо.

И всё же даже в этой безнадёжной ситуации он сумел стряхнуть с себя оцепенение и, как мог, продолжал бороться за жизнь. Раз за разом подходил Подтёлков к толпе казаков и пытался их переубедить. Он полагал, что является хорошим агитатором. Во всяком случае, умел найти общий язык с казаками и завести разговор.

Его обычный запанибратский, с наигранной доверительностью и ухмылкой тон был явно не к месту. Подтёлков выискивал иной, суровый и отчаянный, импровизируя на ходу. Но лозунги и призывы он при всём желании изменить не мог. А они давно уже перестали завораживать казаков. Призрачный мираж, столкнувшись с неприглядной реальностью, рассеялся. И взамен, ни придумать, ни предложить ему было нечего.

Но Подтёлков всё продолжал говорить. Замолкал. Отходил.

Возвращался вновь. Казаки молчали. Лишь кто-то из «стариков», выкрикнул из толпы:

– Где Богаевский?

– Не знаю, – ответил Подтёлков понуро. И добавил с вызовом. – Должно быть расстрелян...

– Про Богаевского не знаешь, так про тебя-то знаем. Нагулялась твоя головка на белом свете...

Всё же агитация Подтёлкова не осталась совсем уж незамеченной. Число охотников в расстрельной команде заметно убавилось.

Кривошлыков также говорил. Но как-то прерывисто, вяло и бессвязно. Ругал офицеров и повторял одни и те же захватившие его воображение слова. Сравнивал себя и всех тех, кто пошёл за Советами с первыми, мученически погибшими христианами. Предрекал, что за их смертью вскоре последует и гибель палачей.

Вспомнив, что он не один на белом свете, Кривошлыков достал из кармана шинели карандаш и листок бумаги. Опершись на колено, написал родным вначале письмо, а затем, рифмованное четверостишье⁵⁰². После чего снял часы и невнятно спро-

⁵⁰² Вот текст письма: «Папаша, мама, дедушка, бабуня, Наташа, Ваня и все родные!

Я пошёл бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и убивают обезоруженных.

Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют и наши страдания искупятся кровью...

Прощайте навсегда! Любящий вас Миша.

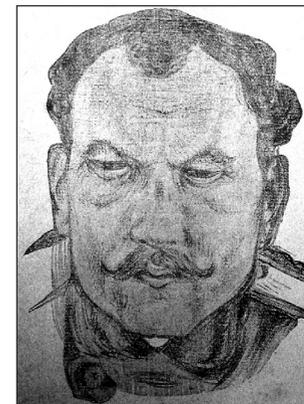
P.S. Папаша! Когда всё утихнет, то напишите письмо моей невесте: село Волки Полтавской губернии, Степаниде Степановне Самойленко. Напишите, что я не мог выполнить обещание встретиться с ней».

Его вызвался передать казак хутора Конькова Боковской станицы Михаил Аленкин, и слово своё сдержал. Через некоторое время он привёз отцу Кривошлыкова письмо и на словах сообщил, что листок с рифмованным посланием взял подесаул Попов, а часы – казак Щегольков. Мать Кривошлыкова позже ездила в Астаховский хутор и просила Щеголькова вернуть дорогу для неё вещь, оставшуюся, как память о сыне. Щегольков заявил, что часы были сломаны, и он сдал их в починку. Обещал, сразу же по получению, отдать. Спустя две недели он погиб в бою с красногвардейцами.

Что касается листка с рифмованной строкой, то вот что пишет о нём Френкель: «Это письмо раздобыл и доставил мне отправлявшийся на Дон во-

сил: «Есть кто из хутора Ушакова?» Ему никто не ответил, многие и не расслышали.

– Кто может сестрёнке Наташе часы на память передать? – раз за разом повторял он надломленным рыдающим голосом. Казаки не отвечали, спешили отвести взгляд. Искажённое лицо Кривошлыкова как-то вытянулось и превратилось в застывшую маску. Было в нём то, что заставляло казаков раступить перед Кривошлыковым, что отличает человека, тронутого дыханием смерти. Наконец, нашёлся охотник, выборный Василий Щегольков из соседнего с Ушаковским хутора Астахова.

Ф.Г. Подтёлков

Торопясь, подхватил часы и тут же скрылся в толпе.

Хуторской учитель, бывший народник, имевший фотографический аппарат, сделал несколько снимков⁵⁰³. Поначалу фотографировал издали, с ближайшего бугорка, и Подтёлков какое-то время его не замечал. Но учитель, выискивая лучший ракурс, подошёл поближе, и Подтёлков, возможно, сам того не желая⁵⁰⁴, повернулся и взглянул в объектив в упор. Учитель от-

времена красновщины для подпольной работы тов. Д. Ерохин; но, к сожалению, оно вместе со многими другими документами осталось в поезде, атакованном и захваченном казаками во время отступления из Миллерова».

Однако смысл четверостишья в памяти Френкеля отложился. В послании Кривошлыков успокаивал семью, просил родных «не горевать и не беспокоиться, так как он со спокойной совестью умирает за счастье трудового народа».

⁵⁰³ Сохранились, по крайней мере, две фотографии.

⁵⁰⁴ По непонятной причине фотографиями Подтёлкова в бытность председателем Донского СНК мы не располагаем. Широкую известность приобрёл рисунок с натуры, выполненный Леонидом Кудиным, выезжавшим делегатом Войскового правительства в Каменскую.

История появления рисунка такова. Кудин, временно проживающий в общезжитии Войскового правительства, 12 января 1918 г. встретил в коридоре Подтёлкова, прибывшего в Новочеркасск во главе делегации Донревкома и обратился с просьбой «зарисовать его». Подтёлков отнёсся к этому настороженно, но Кудин пояснил:

– Видите ли, я зарисовываю для журналов вождей казачества, а как вы, я полагаю, уже крупная политическая фигура, а в будущем... Понимаете?

шатнулся. Беспредельная жила в глазах Подтёлкова тоска. Но, вместе, с ней, и удивление, и досада. Будто незадачливый народник отвлек его от чего-то важного и сокровенного, уже, казалось, найденного и вмиг ускользнувшего.

Позже, когда всё уже закончилось, учитель попытался сфотографировать тела всех казнённых, сброшенных в яму. За это он едва не поплатился головой. Разъярённые «старика» готовы были учинить самосуд, и лишь заступничество знакомого офицера и понимание, что другого учителя не найти, спасли его от скорой расправы.

А Подтёлков вновь приблизился к казакам. Собрав волю в кулак, он в очередной раз попытался переменить судьбу. Скулы его обострились на почерневшем лице. Маленькими быстрыми глазками Подтёлков, казалось, всё примечал, но ни за что не мог ухватиться. Ничто не сулило ему спасения.

– Братья, отцы! – кричал он, указывая на своих товарищей. – Что вы делаете? Кого убиваете? Осмотритесь! Не в них надо стрелять!..

Но толпа угрюмо молчала...

Расстреливали уже последнюю партию участников экспедиции. Подтёлкова с Кривошлыковым повели к виселице, возле которой сутились два казака, лица которых были сокрыты башлыками⁵⁰⁵ Подтёлков шёл сам. И сам надел петлю себе на шею.

– Одно только, – успел крикнуть Подтёлков, перед тем, как подьесаул Попов ногой выбил из-под него табурет, – к старому не возвращайтесь...

Огромное его тело, провиснув, всюю тяжестью устремилось вниз. Тонкие гибкие деревца, не выдержав, прогнулась. Подтёлков, вытянувшись в струнку, дотянулся пальцами ног до земли.

– А? Как ты думаешь? – повернулся Подтёлков к Кривошлыкову. – Стоит? Тот не возражал, оставляя решение за Подтёлковым. Сказал лишь, что это утомительно и займёт немало времени.

Но Кудин обещал управиться за 15 минут, и Подтёлков уступил. Вскоре работа была завершена. Подтёлков рисунком остался доволен. Он вежливо поблагодарил Кудина и даже расписался в углу.

⁵⁰⁵ И. Горелов называет их имена: Веденей Голубев и Соловьёв.

– Эх, Василь... Степаныч... – прохрипел он, обращаясь к Попову. – Не научился...

Лопатами стали подрывать под ним землю. Верёвка всё туже сдавливала шею, кровь густо прилиwała к лицу. Подтёлков как-то сразу обмяк и затих.

Кривошлыков бился в руках урядников-атаманцев до последнего. Потеряв под ногами опору, худощавый и жилистый, он раз за разом подтягивал к подбородку колени и, будто маятник, раскачивался на перекладине. Молодое тело его сопротивлялось подступившей вплотную смерти до конца. Веденей Голубев приобнял Кривошлыкова за плечи и вместе с ним повис. Хрустнули шейные позвонки. Тело Кривошлыкова уже не раскачивалось. Он бы мёртв⁵⁰⁶.

«Вскоре, – пишет И. Горелов, – палачи обрезали верёвки, бросили в яму тело Кривошлыкова, а потом Подтёлкова. Подтёлков упал на бок. Могила была тесна для его огромного роста, и ему лопатой согнули ноги. Головы друзей лежали рядом. На шее у каждого остался обрывок верёвки.

Есаул Сенин, проходя мимо, пробасил:

– Верёвки снять... Грешно...

В яму прыгнул старик. Сняв верёвки и оглядевшись вокруг, он выпростал из-под тела Кривошлыкова полу измятой шинели и прикрыл ею синие от недвижимой крови лица казаков...»

Экспедиция Подтёлкова своё существование на грешной, уже тронутой кровью земле, прекратила.

⁵⁰⁶ «И здесь, – пишет В. Севский, – у смерти Подтёлков, малограмотный социальный чернозём, дал урок мужества образованному Кривошлыкову. Тот нервничал, Подтёлков был спокоен».

Справедливости ради, следует заметить, что Севский вряд ли учитывает состояние Кривошлыкова, терзаемого лихорадкой. И то, что он был так ещё молод.

ЭПИЛОГ

Так уж получилось, что казаки, выделившие из состава экспедиции Фёдора Подтёлкова и Михаила Кривошлыкова, свели воедино и память потомков об этих людях. Людях разных. И по возрасту, и по багажу жизненного опыта, и по уровню образования и культуры, и по силе характера, наконец.

Чтобы понять мотивировку поступков человека, необходимо изучить детали его биографии и те ключевые моменты в ней, которые и сформировали его, как личность. Мы же, по прошествии стольких лет, не можем однозначно подойти и к характеристике самой личности этих людей. Да и стоит ли этим заниматься, неизбежно ошибаясь в столь значимых мелочах, если очевидно главное?

Взлёт Подтёлкова и Кривошлыкова был невозможен без недовольства, вызванного усталостью казачества долгими годами беспросветной войны. Резкими изменениями в настроении казаков, тем недовольством и возмущением, которое копилось едва ли не с первых дней победы Советов на Дону, и выплеснулось спустя два месяца во всеобщее восстание, была predetermined их гибель.

Подтёлков шаг за шагом двигался по выбранному пути, хотя и делал свой выбор после долгих, трудных размышлений. Кривошлыков же, в момент, когда определялась его судьба, оказался в нужном месте и в нужное время. На съезде в Каменской он, по сути, был единственным достаточно образованным делегатом из казаков, который способен был взять на себя обязанности секретаря. И не раздумывал о возможных последствиях ни секунду.

Оба они прошли свой путь до конца.

Подтёлков не был, конечно, стяжателем, рвачом или мародёром. Вероятнее всего, ему и в голову не приходило, что, пропагандируя всеобщее равенство и осуществляя избиение имущих классов, можно в то же время заниматься личным обогащением. Да оно его и не манило. Те эксцессы, которые допускал Подтёлков в период пребывания в «Палас-отеле», являются

скорее следствием определённого культурного уровня и головокругительного карьерного роста. Внешние атрибуты власти прорывались в нём, произвольно и походя. Как свидетельство и демонстрация того, каких высот он, простой казак, сумел достичь.

Но вот сама власть пришлась Подтёлкову по душе. Захватила, завела и уже не отпускала до самого конца. Ради неё допускал он действия, одиозность и жестокость которых не затмил и собственный трагический финал. Ради неё затеял казак игру со смертью, исход которой в конце апреля был почти что predetermined.

Кривошлыков же не стремился к большой власти. Романтика совершающегося на его глазах переворота влекла и манила этого совсем ещё юного человека.

Вероятно, их связывали не только служебные отношения, но и тесная приязнь. Вероятно, Подтёлков покровительствовал Кривошлыкову и как мог, оберегал его. Но стоит ли додумывать и искусственно выстраивать то, о чём мы так мало знаем?

Пусть лучше читатель формирует и основывает своё суждение, опираясь на свидетельства тех людей, которые либо знали Подтёлкова и Кривошлыкова лично, либо черпали информацию из первых уст.

Вот что писали о них современники, находившиеся в то время в обоих лагерях гражданского противостояния и не скрывающие своих симпатий. И неприятия. Воспоминания в чём-то совпадают, а иногда, полярно противоположны, но удивительным образом гармонично дополняют друг друга. Они свежи, яркие, откровенны. И, думается, искренни.

А.В. Мандельштам («Одиссей»): «Я вспоминаю тов. Подтёлкова: здоровенный мужчина, лет 35, который убеждал меня, что он никогда без согласия стариков ничего не делал. Мне казалось это чрезвычайно непонятным тогда. Я его убеждал, что мы не испугались Каледина, не испугались объявить себя правительством, неужели мы с «отцами и матерями» не сможем сговориться. Но я плохо знал быт донского казачества...

Начался для меня совершенно непонятный митинг. Среди моря мужских, женских и детских голов на телеге встал Подтёлков и давай креститься на все четыре стороны. Он начал свою речь с того, что «отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спрося вашего благословения, совершили революцию». Я долго слушал его очень спутанную речь, довольно трусливую, и чувствовал, что настроение толпы куда переросло речь Подтёлкова...

После митинга продолжался съезд. У Подтёлкова явилось второе сомнение: «Революцию-то мы совершили, а где у нас средства...»

Съезд не мог решиться объявить себя съездом советов и, вообще, будущая форма правления была покрыта большим туманом. Мне казалось, что в голове Подтёлкова было большое сомнение насчёт установления Советской власти...»

А.А. Френкель: «Подтёлков часто сам говорил: «Грамоте-то я плохо и мало обучен, ведь всё больше военному делу учили...»

Вот как он рассказывает о своей жизни в автобиографии: «...как до государственного переворота, так и после такового я не вступал ни в одну партийную организацию. Я всегда лишь ставил своей целью справедливость и беспощадную борьбу с угнетателями трудящихся масс и, по мере сил, призывал всех трудящихся к сплочению и единению, указывал им, что все они одинаково живут своим трудом и одинаково же были угнетены различными властями и капиталистами...

Гражданскую же войну я понимаю только, как войну одной части трудового народа против другой под влиянием злостной агитации. То же, что происходит сейчас, это, по-моему, не гражданская война, а борьба трудящегося народа с оружием в руках с теми, кто не желает добровольно расстаться с властью и капиталом, похищенными у трудового народа.

Вас же, наши противники, я, по совести, не могу назвать гражданами, а вам только есть одно имя: «Вы – заклятые враги трудового народа».

Работая в различных организациях, я всегда старался убедить таких «граждан», чтобы они добровольно уступили тру-

довому народу то, что он у них требует, но ничего, кроме насмешек, в ответ не получал...»

...Как Подтёлков ни изъяснялся порою нескладно, он, как никто другой, умел подходить к казакам и разговаривать с ними как с фронтовыми, так и стариками. Они внимательно и охотно слушали корявистые, но горячие слова его и великолепно его понимали... Своеобразен был усвоенный им способ рассеивать ведущую злостную агитацию против большевиков-коммунистов.

– Отцы и братья, – спокойно начинал он свою речь, – я ни в какую партию не записан и не большевик. Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью и братскому союзу всех трудящихся так, чтобы не было никакого гнёта, чтоб не было кулаков, буржуев и богачей, чтоб всем свободно и привольно жилось... Чем же я виноват, что и большевики этого добиваются и за это борются. Большевики – это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы казаки. Только рабочие большевики сознательнее и сплочённее нашего; нас в темноте держали, а они в городах лучше нашего научились жизнь понимать. Выходит, значит, что и я большевик. Но я в партию большевиков не записан...

Высокий, со скулистым и корявым лицом, с узкими, вечно бегающими глазками, плечистый и здоровенный детина, Подтёлков был в товарищеской среде по-детски добродушен.

– Ну что, как, – обычно спрашивал он нас после каждой речи своей, – я хорошо сказал, правильно?..

...Когда ещё в Каменской к нему приставали дряблые казаки, упрекая его, что начинается кровавая война с казаками, «со своими же», он твёрдо, ни на минуту не колеблясь, уже тогда говорил им:

– Ну и что же? Лес рубят, щепки летят. Они контрреволюционеры и наши враги. С контрреволюционерами мы не разговариваем, а боремся. Крови бояться нечего, ежели ты революционер.

...Кривошлыков, который имел громадное благотворное влияние на Подтёлкова, которому последний безгранично до-

верял и слушался постоянно во всём, был натурой иного типа, чем Подтёлков.

Нежный, мечтательный, с душой и думами поэта, он, однако, находил в себе твёрдость и беспощадность к своим врагам.

Разозлённый изумительным хладнокровием арестованного генерала Назарова, он на допросе, горячась, говорил ему:

– Неправильны ваши речи... Вы говорите, что казаки – буржуи и не могут идти с большевиками за Советскую власть, что ваше дело, действительно, народное, казачье.

Но как же тогда понять то, что происходит? У вас все генералы, но нет солдат. У нас же нет ни одного офицера, а солдат, крестьян и казаков к нам приходит так много, что вооружать их нечем. Где же народ, на нашей или на вашей стороне? Нет, обманщики вы и убийцы трудового народа...

...Это была сочная и целостная, совершенно непочатая ещё натура».

Д. Делерт: «Несомненно, одной из самых ярких фигур... был Фёдор Подтёлков. Сам рядовой казак Усть-Медведицкого округа, станицы Усть-Хопёрской, хутора Усть-Кленовского, он был сыном казака, занимавшегося хлебопашеством.

Высокий и плечистый, скуластый лицом, он, когда смотрел, точно пронизывал своими маленькими быстрыми глазками...

...Достигнув призывного возраста, как и все казаки, поступил на военную службу и был послан в гвардейскую батарею, где и занимал должность урядника. Брошенный со своею частью в начале царской войны на немецкий фронт, он в 1915 году был эвакуирован в Новочеркасск.

Здесь атаманом Покотило Подтёлков был отдан под гласный надзор за резкое нарушение военной дисциплины: узнав, что одним из старших офицеров незаслуженно арестован другой офицер, Лоскин, Подтёлков резко выступил на защиту Лоскина и за это поплатился...

Выросший среди казачества, с молоком матери впитавший в себя трепетное подчинениям обычаям и привычкам старины, Подтёлков в тяжёлые минуты раздумья и колебаний не находил в себе силы сломить это влияние прошлого.

Кривошлыков был на лет 10–12 моложе Подтёлкова, но больше его развит. В то время, как Подтёлков брал силой огня своих простых слов, доказывая свои слова личным примером, Кривошлыков был более мягок и вдумчив и не всегда решителен.

...Революционные мысли бродили у него ещё до революции.

...Как-то встретился с Подтёлковым и с ним больше не расставался».

В. Севский: «Был Подтёлков человеком без сказки, таким и в донскую историю войдёт. Уехав из Ростова и, пробираясь к себе на север Дона, он был окружён казаками, восставшими против советской власти.

На Подтёлкова и свиту в несколько десятков казаков, прекрасно вооружённых, пошли с вилами, с лопатами. И Подтёлков сдался. Сдался и Кривошлыков, прапорщик, которому и при советах не удалось побывать в генералах. За широкой спиной Подтёлкова пребывал...»

Н.К.⁵⁰⁷: «...Кривошлыков пошёл добровольцем на австрийский фронт. Поступил он во 2-й Донской казачий полк. Казаки его очень любили, потому что он со всеми обходился товарищески. По воскресеньям у него собирались казаки, он читал им газеты и всё объяснял. Один раз было так: Кривошлыков гулял где-то по улице, а навстречу ему шёл командир полка. Кривошлыков, сделав вид, что не заметил командира, прошёл мимо, не отдав ему честь. Тогда на собрании всех офицеров и командиров этого полка постановили услатить Кривошлыкова куда-нибудь на фронт за неподчинение. Кривошлыков пошёл и всё объяснил казакам. Казаки, как один, заявили, что Кривошлыкова никогда не отпустят, пусть едет сам командир, куда хочет. Это всё происходило, когда полк стоял в Донской области.

...Пал на посту, повешенный контрреволюционерами, – 22 лет от роду».

Н.В. Кривошлыкова⁵⁰⁸: «...В 1916 году студентов первых

⁵⁰⁷ Так подписана заметка о Кривошлыкове, опубликованная в сборнике «Пролетарская революция на Дону». Имени и фамилии автора установить не удалось.

⁵⁰⁸ Сестра Михаила.

курсов мобилизовали в армию и послали в военные училища. Так Михаил попал в Новочеркасскую краткосрочную школу прапорщиков. Там и застала его Февральская революция.

В день, когда в школе узнали о свержении самодержавия, Михаил сорвал со стены царский портрет и публично разорвал его. Об этом напомнил ему в час казни один из бывших однокашников по школе прапорщиков, оказавшийся среди палачей.

...По воспоминаниям старых революционеров И.А. Дорошева, И.А. Ермилова, С.И. Кудинова, брат был самым грамотным человеком в Донревкоме. Часто Ермилов и Кудинов называли его «наш поэт», «наш песенник». «Сколько бы он сочинил стихов, рассказов!» – говорили они о Кривошлыкове. Но революция требовала от моего брата иных произведений. Из-под его пера вышли все без исключения приказы, распоряжения и обращения Донвоенревкома.

– На всю жизнь осталась у меня память об это отважном и удивительно простом человеке, – говорил мне Бердов⁵⁰⁹. – ...Кривошлыков поразил меня, именно поразил, скромностью, душевностью и чистотой... В моём понятии это был классический образ студента-революционера, который беззаветно верил в правое дело... Революция была для него стихией, но он прежде всего оставался ещё и человеком...»

М.Н.⁵¹⁰: «Среднего роста, невзрачный на вид, с шапкой взбитых волос и мало энергичским, но озлобленным лицом, с ленивой нескладной речью и угловатыми движениями, – таковым представляется мне Кривошлыков по воспоминаниям первых дней революционного времени... Будучи совершенно незаметным до переворота, он стал обращать на себя внимание в первые же дни революции не только резкостью и крайностью своих суждений, но и грубой бесшабашностью, разрушительным характером своих поступков. «Революционные» требования по отношению к училищной дисциплине, выпады против офицерского состава и обвинения его в «контрреволюционности»,

⁵⁰⁹ В то время В.Н. Бердов работал шофёром в Новочеркасском центральном революционном гараже.

⁵¹⁰ Так подписана заметка о Кривошлыкове, опубликованная в «Донской волне», № 7. Имя и фамилия автора неизвестны.

снятие со стен и битьё царских портретов, таковы были выступления Кривошлыкова.

...Он не был достаточно образован и, я бы сказал, умён, чтобы приобрести авторитет и своими убеждениями увлечь за собой юнкеров, а его резкие выходы, направленные к уничтожению всего, что напоминало «старый режим», встречали сильный отпор и осуждение...

И если впоследствии по выходу из училища ему суждено было сделаться одним из большевистских комиссаров, то загадку этого на первый взгляд странного явления следует видеть именно в тех чертах характера Кривошлыкова, которые определяются анархичностью его взглядов и действий...»

И.П. Борисенко: «...Подтёлков и Кривошлыков... являлись наиболее яркими представителями той части красного казачества, которая до конца пошла с революцией. Правда, они были не б-ками, а лев. эсерами, здесь сказались социальные корни их революционности, но факт героического поведения Подтёлкова и Кривошлыкова перед смертью в обстановке «казачьего окружения» даёт нам основание думать, что они имели данные к тому, чтобы перерасти в большевиков».

Думается, сказанного вполне достаточно, чтобы составить, по крайней мере, начальное мнение об этих людях.

Что касается Донской Советской республики, то её существование, во всяком случае, формально не прекратилось с падением Ростова и гибелью экспедиции во главе с председателем СНК. Оставшиеся члены Донского ЦИК перебрались вначале в Царицын, где одно время издавался даже совместный печатный орган «Известия ЦИК Донской Советской Республики и Царицынского штаба красной армии».

Однако «царицынские товарищи» вскоре сообразили, что приедем понадобится не только немалый сектор жилищного фонда, но и часть властных полномочий. Отношение к работникам Донского ЦИК день ото дня становилось откровенно негативным. Дело дошло до того, что не только в своей среде, но и в открытой прессе, партийные и советские работники горо-

да презрительно называли их «иногородними». Имели место и действия, которые трудно назвать иначе, как выживанием.

В итоге Донское правительство переехало в, казалось бы, прочно занятую Великокняжескую. Военной силой оно практически не располагало. Остающиеся рычаги административной власти также постепенно переходили в руки командования сформировавшегося Южного фронта. Тем не менее, Донской ЦИК продолжал вести агитационную работу, производить назначения, издавать многочисленные директивы и обращения.

И лишь когда вся почти территория Области была оставлена большевиками, 17 (30) сентября 1918 г в Кремле посчитали нужным издать следующее постановление:

«Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял отчёт Донского Советского правительства и, ознакомившись с докладами его членов, постановляет деятельность указанного правительства считать ликвидированной. Органам советской власти тех местностей Донской области, где советская власть существует и устанавливается, предлагается сноситься с центром, впредь до образования нового авторитетного областного органа Советов, через окружные исполнительные комитеты.

Всё делопроизводство Донского Советского правительства и следственный материал по делу финансового комиссариата ЦИК Донской Советской республики передать финанс[овому] отделу ВЦИК и секретариату ВЦИК.

Председатель ВЦИК Свердлов»

*Ростов-на-Дону,
2012–2014 гг.*

Приложение

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1918 года 27 апреля (10 мая) выборные от хуторов Каргинской, Боковской и Краснокутской станицы

от Васильевского	Максаев Степан.
„ Боковского	Кружилин Николай.
„ Фомина	Кумов Федор.
„ Верхне-Яблонского	Кухтин Александр.
„ Нижне-Дуленского	Синев Лев.
„ Ильинского	Волоцков Семен.
„ Коньковского	Попов Михаил.
„ Верхне-Дуленского	Родин Яков.
„ Савостьянова	Фролов Алекс.
„ станицы Милютинск.	Февралев Максим.
„ Николаева	Грошев Михаил.
„ станицы Краснокут.	Еланкин Илья.
„ хут. Пономарева	Дьяченко Иван.
„ Евлантьева	Кривов Николай.
„ Малахова	Емельянов Лука.
„ Ново-Земцева	Коновалов Матвей.
„ Попова	Попов Михаил.
„ Астахова	Щегольков Василий.
„ Орлова	Чекунов Гавриил.
„ Климо-Федоровского	Чукарин Федор.

под председательством **В.С. Попова**

ПОСТАНОВИЛИ:

1. всех грабителей и обманщиков трудового народа, поименованных в списке ниже сего в числе 80 человек⁵¹¹, подвергнуть смертной казни через расстреляние, причем для двух из них Подтелкова и Кривошлыкова, как главарей этой партии, смерть применить через повешение;
2. казака хутора Михайловского Антона Калитвенцева за недостаточностью улик оправдать;
3. бежавших из отряда Подтелкова и арестованных в Краснокутской станице: Константина Мельникова⁵¹², Гавриила Мельникова, Ва-

⁵¹¹ Не был учтён Михаил Лукин.

⁵¹² Константин Мельников не являлся дезертиром. Его Подтёлков выслал вперёд в качестве квартирьера. В Рубашкино К. Мельников был захвачен и препровождён в Краснокутскую.

сия Мельникова, Аксенова и Вершинина подвергнуть наказанию по пункту первому сего постановления (смертная казнь);

4. наказание привести в исполнение завтра 28 апреля (11 мая) в 6 час. утра;

5. в караул для наблюдения за арестованными назначить подъесаула Сенина, в распоряжение которого к 11 часам вечера сегодня выслать по два вооруженных винтовками казака; ответственность за неисполнение сего пункта возлагается на членов суда; наказание привести в исполнение караулу от каждого хутора; выслать на место расстрела по пять казаков.

Подлинное подписали:

Коновалов, Родин, Попов, Сенин, Сенин, Дьяченко, Кумов, Грушев, Кружилин, Чукарин, Максаев, Еланкин, Кухтин, Попов, Февралев, Фролов и Кривов.

СПИСОК

чинов отряда Подтелкова, приговоренных 27 апреля ст. ст. 1918 г. военно-полевым судом к смертной казни

№ № Станицы	Имя и фамилия	Приговор
1. Усть-Хоперской	Федор Подтелков	Повешен
2. Еланской	Михаил Кривошлыков	„
3. Казанской	Авраам Какурин	Расстрелян
4. Букановской	Иван Лагутин	„
5. Нижегородск. г.	Алексей Ив. Орлов	„
6. Нижегородской	Ефим Мих. Вахтель	„
7. Усть-Быстрианск.	Григорий Фетисов	„
8. Мигулинской	Гавриил Ткачев	„
9. Мигулинской	Павел Агафонов	„
10. Михайловской	Александр Бубнов	„
11. Луганской	Калинин	„

Все пятеро в тот раз расстреляны не были. «Спасти их от казни, – пишет Н.В. Кривошлыкова, – удалось офицеру, знакомому дяде Ивану: он упрятал в подвал, где долго их держали под арестом и страшно били. Константин Игнатьевич вышел оттуда с сильным кровохарканьем и в конце 1918 года умер, оставив сиротами пятерых детей. Гавриил – молодой, ещё не женатый, красивый казак – тоже после побоев стал инвалидом и умер в марте 1919 года. А Ивана, почему-то не сумевшего скрыться из станицы Краснокутской, где он, незадолго до того овдовев, жил с тремя малолетними ребяташками, белогвардейцы расстреляли уже весной 1919 года. Вершинину удалось спастись. Он жил потом в Ростове. О судьбе же Аксенова мне ничего не известно».

12. Мигулинской	Константин Мрыхин	Расстрелян
13. Мигулинской	Андрей Коновалов	„
14. Полтавской г.	Константин Кирста	„
15. Котовской	Павел Позняков	„
16. Мигулинской	Яков Болдырев	„
17. Мигулинской	Тимофей Колычев	„
18. Филим-Челб.	Дмитрий Володаров	„
19. Чернышевской	Георгий Карпушин	„
20. Филим-Челб.	Илья Калмыков	„
21. Мигулинской	Савелий Рыбников	„
22. Мигулинской	Поликарп Гуров	„
23. Мигулинской	Игнат Земляков	„
24. Мигулинской	Иван Кравцов	„
25. Ростов	Никифор Фроловский	„
26. Ростов	Александр Коновалов	„
27. Мигулинской	Петр Вихлянцев	„
28. Клецкой	Иван Зотов	„
29. Мигулинской	Евдоким Бабкин	„
30. Михайловской	Петр Свинцов	„
31. Добринской	Илларион Челобитчиков	„
32. Казанск.	Клементий Дронов	„
33. Иловлинской	Иван Авилов	„
34. Казанской	Матвей Сакматов	„
35. Нижне-Курмоярск.	Георгий Пупков	„
36. Терновской	Михаил Февралев	„
37. Херсонской г.	чин. Василий Пантелеймонов	„
38. Казанской	Порфирий Любухин	„
39. Клецкой	Дмитрий Шамов	„
40. Филоновской	Сафон Шаронов	„
41. Мигулинской	Иван Губарев	„
42. Мигулинской	Федор Абакумов	„
43. Луганской	Кузьма Горшков	„
44. Гундоровской	Иван Изварин	„
45. Гундоровской	Мирон Калиновцев	„
46. Михайловской	Иван Фарафонов	„
47. Котовской	Сергей Горбунов	„
48. Нижне-Чирской	Петр Алаев	„
49. Мигулинской	Прокопий Орлов	„
50. Луганской	Никита Шеин	„

51. Ст. механик Р.П.Т.К.	Александр Ясенский	Расстрелян
52. Ростов	Михаил Поляков	„
53. Раздорской	Дмитрий Рогачев	„
54. Ростов	Роберт Фрашенбрудер	„
55. Ростов	Иван Силендер	„
56. Самарской г.	Константин Ефимов	„
57. Чернышевской	Михаил Овчинников	„
58. Самарской г.	Иван Пикалов	„
59. Иловлинской	Михаил Корецков	„
60. Кумшатской	Иван Коротков	„
61. Ростов	Петр Бирюков	„
62. Раздорской н/М	Иван Кабаков	„
63. Луковской	Тихон Молитвинов	„
64. Мигулинской	Андрей Швецов	„
65. Мигулинской	Степан Аникин	„
66. Кременской	Кузьма Дычкин	„
67. Пономарёв хут.	Михаил Лукин	„
68. Баклановской	Петр Кабанов	„
69. Михайловской	Сергей Селиванов	„
70. Ростов	Артем Иванченко	„
71. Мигулинской	Николай Коновалов	„
72. Михайловской	Дмитрий Коновалов	„
73. Краснокутской	Петр Лысаков	„
74. Мигулинской	Василий Мирошников	„
75. Мигулинской	Иван Волохов	„
76. Мигулинской	Яков Гордеев	„

Трое из них не заявили о личности⁵¹³.

Председатель Воен. Отдела В. С. Попов.

Секретарь Ф. Ф. Попов.

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Организация преследования Добровольческой армии 11 – 17.02.18.

Карта 2. Территориальные образования на Дону и в Украине в 1918 г.

Карта 3. Боевые действия в Украине 28.12.17 – 26.01.18.

Карта 4. Рейд Голубова в Сальский округ. Маршрут движения экспедиции Подтёлкова.

⁵¹³ Их имена так и остались неизвестны.

Список использованной литературы

1. Анишев Ан. Очерки истории гражданской войны. – Государственное издательство. Ленинград, 1925.
2. Антонов-Овсенко В.А. Записки о гражданской войне. т.1. Октябрь в походе. – Высший Военный редакционный совет. М., 1924.
3. Антонов-Овсенко В.А. Записки о гражданской войне. т.2. – Государственное издательство. Отдел военной литературы. М., 1928.
4. Антонов А.Е. Боевой восемнадцатый год (военные действия Красной Армии в 1918 – начале 1919 г.). – Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР. М., 1961.
5. Берз Л.И, Хмелевский К.А. Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. – Ростов /Д., 1964.
6. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. – Военное издательство Министерства Обороны СССР. М., 1957.
7. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе. Краткая история республик. т.т.1, 2 – Книгоиздательство «Северный Кавказ», Ростов/Д., 1930.
8. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. – Издательство Ростовского университета. Ростов/Д., 1991.
9. Бош Е. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с 1917 г. до немецкой оккупации. – Государственное издательство. М.-Л., 1925.
10. Бриттов В.В. Рождение Красной Армии. – Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. М., 1961.
11. Будённый С.М. Пройденный путь. – Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР. М., 1958.
12. Горелов Иван. Подтёлков и Кривошлыков. – Ростоблиздат. Ростов н/Д, 1937.
13. Гофман. Война упущенных возможностей. – 1-я образцовая типография Государственного издательства. М., 1925.
14. Делерт Дан. Дон в огне. – «Севкавказ». Ростов н/Д, 1927.
15. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. т.2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. – апрель 1918 г.). – Париж, 1922.
16. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. т.3. Белое движение и борьба добровольческой армии (май – октябрь 1918 года). – Книгоиздательство «Слово». Берлин, 1924.
17. Денисов С.В. Гражданская война на юге России 1918 – 1920 гг. кн.1 – Константинополь 1921.
18. Добрынин. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. – Прага, 1921.
19. Корчин М.Н. Донское казачество. – Ростиздат. Ростов н/Д, 1949.
20. Корчин М., Раенко Я., Семернин П. Серго Орджоникидзе в Азово-Черноморье. – Ростиздат. Ростов н/Д, 1937.
21. Кривошлыкова Н.В. Бессмертный комиссар. Воспоминания о брате. 2-е доп. изд. – Ростовское книжное издательство, 1982.
22. Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине (1914 – 1919). – «Державне видавництво». Киев, 1922.

23. Мартыненко Г.А. Комкор Дмитрий Жлоба: Документально-биографическая повесть. – Воениздат. М., 1985.
24. Михутина И. Украинский Брестский мир. – Европа, 2007.
25. Лихолат А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917 – 1922 г.г.). – Государственное издательство политической литературы, 1954.
26. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Том второй. – Высший Военный редакционный совет. Государственное издательство. М., 1924.
27. Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине. 1914 – 1919. – Киев, 1922.
28. Петров В.И. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. – Издательство «Наука». М., 1980.
29. Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918 – 1921 гг.). Хрестоматия. – Издание Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. М., 1925.
30. Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. – Мюнхен, 1962.
31. Раенко Я. Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье с 1 (14) марта 1917 г. по 1 (14) марта 1918 г., вып.1. – Истпарт Ростовского обкома ВКП(б). Ростиздат. Ростов н/Д, 1939.
32. Равич-Черкасский М. История Коммунистической партии (б-ов) Украины. – Государственное издательство Украины, 1923.
33. Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917 – 1920 гг. – ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1941.
34. Ракитин Н. Записки конармейца. – Издательство «Федерация». М., 1931.
35. Рябышев Д.И. Выросли мы в пламени. Воспоминания. Издание второе, переработанное и дополненное. – Ростовское книжное издательство, 1979.
36. Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. – «ФОЛИО». Харьков, 2006.
37. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). – «Книга». М., 1990.
38. Самойло А.А. Две жизни. – Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР. М., 1958.
39. Сталин И. Статьи и речи об Украине. Сборник. – Партиздат ЦК КП(б) У, 1936.
40. Стрекалов И.И. Создание войск завесы (февраль-май 1918 г.). Исторический очерк. – Издательство Московского государственного университета леса. М., 2001.
41. Супруненко Н.И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918 – 1920). – Издательство «Наука». М., 1966.
42. Френкель А.А. Орлы революции. – Издание Ростовского Областного Агентства Центропечати В.Ц.И.К. Советов, 1920.
43. Черепанов А.И. Под Псковом и Нарвой, февраль 1918 г. – М., 1957.
44. Чериковер И. История погромного движения на Украине 1917–1921 гг.

- Том 1. Период Центральной Рады и Гетмана: Антисемитизм и погромы 1917 – 1918 гг. – Берлин, 1923.
45. Эрдэ Д. Революция на Украине. От керенщины до немецкой оккупации. – Издательство «Пролетарий», 1927.
46. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. т. 1, 2. – Севкавказ. Ростов н/Д, 1927.
47. Архив Русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. т. II. – Издательство «Слово». Берлин, 1921.
48. Большая Советская Энциклопедия. Том 7. – Акционерное общество «Советская энциклопедия». М., 1927.
49. Борьба за власть Советов на Дону 1917 – 1920 гг. Сборник документов. – Ростовское книжное издательство. Ростов н/Д, 1957.
50. Гражданская война и военная интервенция в СССР. – Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1987.
51. Гражданская война на Украине. 1918 – 1920. Сборник документов и материалов в трёх томах, четырёх книгах. Том первый, книга первая. Освободительная война украинского народа против немецко-австрийских оккупантов. Разгром буржуазно-националистической директории. – Издательство «Наукова думка». Киев, 1967.
52. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Сборник документов в 4-х томах. Том I. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. – М.: Воениздат, 1971.
53. Документы героических лет. 1917 – 1920. – Ростов н/Д., 1987.
54. Донская летопись. Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. т.т. 1, 2. – Издание Донской Исторической Комиссии, 1923 – 24.
55. Известия Ростовского областного музея краеведения. Выпуск первый. – Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1939.
56. История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1967.
57. История Киева. Том второй. – Издательство Академии Наук Украинской ССР. Киев, 1964.
58. Казачий отдел ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов (Краткий исторический очерк и отчёт Казачьего отдела ВЦИК по октябрь 1919 г.). – Государственное издательство. М., 1919.
59. Краснознамённый Северо-Кавказский. Очерк истории Северо-Кавказского военного округа. – Ростовское книжное издательство, Ростов н/Д, 1971.
60. Малая Советская Энциклопедия. Том 1. – Акционерное общество «Советская энциклопедия». М., 1930.
61. Очерки истории большевистских организаций Дона. 1898 – 1920. – Ростовское книжное издательство. Ростов н/Д, 1965.
62. Очерки истории партийных организаций Дона. Часть I (1898 – 1920). – Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1973.
63. Памяти павших (сборник). – Париж, 1929.
64. Пролетарская революция на Дону. Сборник четвёртый. Калединщина и борьба с нею (2 декабря 1917 г. – 10 февраля 1918 г.) – М.-Л., 1924.
65. Разгром немецких захватчиков в 1918 году (сборник материалов и

документов). – ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1943.

66. Разложение армии в 1917 году (сборник документов). – Государственное издательство. М.-Л., 1923.

67. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стенографический отчёт. – М., 1962.

68. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – г. Москва, 1942.

69. Червоное казачество. – Издательство «Путь Просвещения» при НКП УССР. Харьков, 1923.

70. Червоное казачество. Воспоминания ветеранов. – Военное издательство МО СССР. М., 1969.

71. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. – Военное издательство Министерства Обороны СССР. М., 1963.

72. Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на Юге России. Сборник документов. – Ростовское книжное издательство. Ростов н/Д, 1962.

А. Бугаев

Очерки истории гражданской войны на Дону

(февраль – апрель 1918 г.)

Издаётся в авторской редакции

Компьютерная верстка *Погодиной А.Г.*

Подписано в печать 26.06.2014 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 22,32. Тираж 250 экз. Заказ № 373.

Отпечатано в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

